Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Сидорчук Евгений Александрович

БИТВА ЗА СЕВАСТОПОЛЬ 1941-1942гг.: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Специальность 5.6.1- Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научные руководители:
доктор исторических наук,
доцент Комаров Д.Е.,
доктор исторических наук,
профессор Ильюхов А.А.

Смоленск – 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….3

ГЛАВА I. Военно-политический аспект Севастопольской оборонительной операции 1941-1942 гг.…….……82

1.1. Готовность Севастополя к обороне в период Великой Отечественной войны……..82

1.2. Особенности военной обстановки в Севастопольском оборонительном районе.……101

1.3. Государственно-партийное управление и деятельность горожан в период обороны Севастополя…….131

1.4. Военно-политическое значение обороны Севастополя в начальный период войны……...156

Выводы по первой главе…….186

ГЛАВА II. Боевые действия Севастопольского оборонительного района и партизанского движения Крыма……188

2.1. Вклад в оборону Севастополя специальных частей и соединений…….189

2.2. Взаимодействие партизанского движения Крыма и Севастопольского оборонительного района…….233

Выводы по второй главе…….274

ЗАКЛЮЧЕНИЕ …….276

Список литературы и источников ..……..279

Приложения ……...307

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Обращение к теме героической обороны Севастополя в годы Великой Отечественной войны в современных условиях имеет принципиальное значение. Начало XXI века наглядно показывает, каким образом разворачивается противостояние Запада и России. Наряду с военно-техническим, технологическим, экономическим, политическим противостоянием наиболее отчетливо проявляется идеологическое противостояние, в котором особое место, на наш взгляд, занимает сохранение исторической памяти о прошедших событиях, в том числе и о событиях Великой Отечественной войны. В последние годы четко прослеживается устойчивая линия на пересмотр или искажение истории, стремление принизить роль России, СССР в тех или иных исторических событиях.

Город федерального значения Севастополь был и остается военно-политическим форпостом России в Черноморском регионе, главной базой Черноморского флота. В истории его развития и становления важным историческим событием является героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг., которая после осады города в период Крымской войны 1853-1856 гг. получила в отечественной историографии название «второй обороны».

Битва за Севастополь являлась ключевым сражением в Причерноморском регионе, в указанный период, в ходе которого Красная Армия оттягивала на себя, мощную немецко-румынскую группировку, столь необходимую противнику на других участках советско-германского фронта.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена рядом положений:

Во-первых, приращение наших знаний о героических и одновременно трагических эпизодах Великой Отечественной войны является важным направлением отечественной науки, способствующим развитию патриотизма и национального самосознания.

Во-вторых, Крым и Севастополь играют особую роль в современной Военной доктрине Российской Федерации, новая редакция которой была утверждена Президентом России после событий «крымской весны» 30 декабря 2014 г.[1]. Исторический опыт обороны этих рубежей от агрессора имеет принципиальное значение.

В-третьих, изучение подвига Севастополя в 1941-1942 гг. играет важную роль в противодействии попыткам фальсификаций, искажений истории Великой Отечественной войны и пересмотра ее итогов.

В-четвертых, ценный опыт представляет сама подготовка и организация обороны Севастополя. Анализ принятых решений и допущенных при этом ошибок имеет важное значение для современной России. После 2014 г. Крым и Севастополь находятся в полуокружении со стороны стран НАТО и их союзников.

В-пятых, на фоне продолжающихся попыток (после 2014 г.) стран запада дестабилизировать социально-политическую ситуацию в регионе принципиальное значение имеет изучение природы коллаборационизма и дезертирства, имевших место на фоне проявления массового героизма защитников Севастополя в указанный период.

В-шестых, весьма ценен опыт развития комплекса внешнеполитических вопросов на фоне битвы за Севастополь. Это касается как отношений Советского Союза с союзниками по антигитлеровской коалиции, так и со странами, занявшими выжидательную позицию в отношении событий на советско-германском фронте, в первую очередь, Турции.

Объектом исследования является битва за Севастополь в 1941-1942 гг.

Предметом исследования выступает военно-политический аспект битвы за Севастополь.

---

[1] Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // Российская газета. 2014. 30 декабря. № 298.

Хронологические рамки исследования охватывают события от начала обороны Севастополя 30 октября 1941 года до ее завершения 4 июля 1942 года.

Для формирования целостного представления о битве за Севастополь был допущен некоторый выход за хронологические рамки. Это касается, в первую очередь, вопросов, связанных с предвоенными мероприятиями советского командования по укреплению обороны страны и подготовкой к агрессии германской армии и ее союзников.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Крыма в период Севастопольской оборонительной операции.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование общих и специфических вопросов битвы за Севастополь 1941-1942 гг. нашли отражение в многочисленных работах российских и зарубежных историков. В трудах российских и зарубежных ученых с разной степенью детализации рассматривались отдельные стороны обороны Севастополя в 1941-1942 гг. Комплексное изучение битвы за Севастополь (1941-1942 гг.) в научной литературе, на данный момент отсутствует. Однако, несмотря на серьезную научную разработку темы, отдельные вопросы изучены явно недостаточно. К их числу относится военно-политический аспект битвы за Севастополь. Имеющиеся научные работы затрагивают отдельные военно-политические факторы борьбы за Севастополь, при этом упуская собственно исследование их содержания, кроме того, многие работы носят идеологизированный, политический характер.

Именно идеологический фактор лежит в основе разделения историографии по обозначенной проблематике на два периода: 1) с 1943 года до середины 1980-х гг.; 2) со второй половины 1980-х гг. до наших дней. В свою очередь, каждый из них подразделяется на подпериоды.

Каждый из периодов обладает своими особенностями, но при этом изученность общих событий битвы за Севастополь приходится на временной отрезок с начала 1950-х до середины 1980-х, когда был сформирован

фактологический каркас общих событий битвы за Севастополь. В этот период были освещены именно общие военные вопросы, - армия и флот на защите базы, тактика и стратегия оборонительных действий и т.д., но при этом, практически не затронут военно-политический аспект битвы за Севастополь[2].

В период Великой Отечественной войны была опубликована первая научная работа по теме исследования. В 1943 году в «Историческом журнале» была опубликована статья «Героическая оборона Севастополя (1941-1942)»[3]. Несмотря на политизированность, характерную для периода 1940-ых годов, в публикации был отражен ряд моментов, представляющих интерес для данного исследования[4]. Опубликованная в статье информация была первой, показавшей фактическую неподготовленность Севастополя к сухопутной обороне. Тем не менее, исследование не отражало в полной мере происходившие события.

Отдельного освещения заслуживает тема дипломатических отношений в период Великой Отечественной войны, которая начала рассматриваться в 1946 г., когда были опубликованы «Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1939-1943 гг.)»[5]. В них были отражен аспект международной политики, в том числе отношение нейтральных стран, таких как Турция и Иран, к начавшейся 22 июня 1941 г. войне и к тем крупнейшим сражениям, которые происходили на ее фронтах, в том числе,- к битве за Севастополь. Например, нейтральная в 1941 г. Турция считала, что имеет право голоса на определение судьбы крымских татар в будущем[6].

---

[2] Басов О.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945. - М.: Наука,1987. - 336с.
[3] Седов М. Героическая оборона Севастополя (1941-1942) // Исторический журнал. №5-6 (117-118) 1943. С. 7-18.
[4] Там же. С.8
[5] Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1939-1943 гг.). - М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1946.
[6] Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1939-1943 гг.). С.87.

В научных исследованиях 1950-х гг. подход к подаче изучаемого материала по обороне Севастополя, как и в целом о событиях Великой Отечественной войны оставался без изменений вплоть до XX съезда КПСС и последовавшего на нем «развенчания культа личности Сталина». Эта ангажированность сталинской эпохи перестала упоминаться именно после деятельности Н.С. Хрущева по реформированию общественно-политической модели государства. Но в то же время политический подтекст о влиянии личности И.В. Сталина на события Великой Отечественной войны был заменен на исключительно роль влияния ВКП(б) в войне и значимость марксистско-ленинского учения. Не стала исключением и историческая проблематика битвы за Севастополь. Так, по-прежнему, не был объективно исследован и освещен ряд военно-политических и криминологических аспектов сражения, как например проблематика дезертирства советских военнослужащих или отсутствие эвакуации личного состава. Но необходимо отметить, что в то же самое время, историография этого периода уже затрагивала эти аспекты, но, не концентрировала внимания на них, скорее просто фрагментарно упоминая.

Кроме того, в указанный период начинают изучаться отдельные факторы, оказавшие значительное влияние на военную обстановку, например фактор местности и его вклад в организацию обороны. Примером этого служат издания, опубликованные в период с начала 1960-х годов и до середины 1980-х годов. В это время издаются научные труды по истории Великой Отечественной войны, в которых отражается и оборона Севастополя 1941-1942 гг.[7] Это относится и к обобщающим трудам по истории Великой Отечественной войны и к исследованиям по деятельности отдельных родов и видов войск, принимавших участие в войне, и которые были задействованы в обороне Севастополя.

[7] Сахаров В.П., Жидилов Е.И., Харитонов А.Д. У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. - М.: Военное издательство министерства обороны, 1967.- 414с.; Великая Отечественная война Советского союза 1941-1945 гг. - М.: Второе Военное издательство МО СССР, 1970. - 600 с.; Кондранов И.П., Степанова А.А. Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов. Симферополь: Таврия, 1973. - 487с.

В 1960-1965 гг. вышло шеститомное издание «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.»[8]. Данный труд был создан коллективом научных сотрудников Отдела истории Великой Отечественной войны при ЦК КПСС[9]. История обороны Севастополя в 1941-1942 гг. описана во втором томе данного исследования. Следует отметить, что создание данного многотомного издания было уже менее политизировано и написано достаточно объективно для своего времени,- говорится не только о «ведущей роли Коммунистической партии» и «правильности пути социалистических идей», но и об ошибках и просчётах, допущенных в ходе войны[10]. В издании более объективно отражена эвакуация защитников Севастополя, уже не говорится о полной эвакуации, но точные данные об оставленных «рядовых» защитниках города по-прежнему не приводятся.

В этот период создаются и фундаментальные исследования о вкладе отдельных родов и видов вооружённых сил в Великую Отечественную войну, что позволяет проанализировать их деятельность в период битвы за Севастополь. Например, исследования о пограничных войсках, артиллерии, авиации и тыловом обеспечении[11].

Интерес советских историков был направлен, в том числе, и на изучение различных факторов, оказавших влияние на боевые действия. Например, первым изданием об использовании навыков топографии в вооруженных силах по теме исследования стало исследование «Военная топография», изданное в 1947 году[12].

---

[8] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Том 2.- М.: Воениздат, 1961. С.410.
[9] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.- Том 1. - М.: Воениздат, 1960. С.4.
[10] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Том 2. С.45.
[11] Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов.- М.: Наука, 1968. - 708с.; Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 (По материалам IX военно-научной конференции ВВС).- Москва, Министерство обороны СССР, Военно-воздушные силы, 1986. // Электронный ресурс http://militera.lib.ru/h/vvs_1/index.html (дата обращения 20.03.2019 г.); Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. - М.: Воениздат, 1977. - 559 с.; Перечнев Ю. Г. Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения 1921-1945гг.- М.: Наука, 1976. - 336 с.; Собелов П.Н. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Книга 1. Общие проблемы. - М.: Мысль, 1974. - 300 с.
[12] Военная топография. - М.: Воениздат, 1947. - 190 с.

Однако, именно период 1960-первой половины 1980-х годов стал периодом наиболее пристального изучения данной темы[13]. Оборона Севастополя во многом строилась на грамотном использовании природных факторов местности и военно-топографической подготовки советских военнослужащих и командиров, данные издания позволяют более полно изучить оборону города через призму использования знаний военной топографии.

В рамках изучаемой проблемы необходимо рассмотреть историографию партизанского движения Крыма, которая позволяет ознакомиться с историей его формирования, боевого пути и взаимодействия с Севастопольским оборонительным районом. Наиболее крупным исследованием в этой области является исследование В.Е. Быстрова «Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны»[14]. Данное исследование рассматривало партизанское движение в целом в годы войны, но уделяло значительное внимание и деятельности крымских партизан, которая была тесно связана с битвой за Севастополь. В нем показано насколько серьезное влияние друг на друга по многим вопросам оказывали эти две советские силы в борьбе с противником на территории полуострова.

Деятельности партизанских отрядов, в частности организации связи партизан с советскими войсками и Центральным штабом партизанского движения, посвящены отдельные исследования советского периода: «В эфире - партизаны» и «В эфире «Северок»[15]. Эти исследования позволяют понять, что одним из самых проблемных вопросов в партизанских отрядах был вопрос организации связи. Касательно взаимодействия партизан Крыма и Севастопольского оборонительного района, необходимо сказать, что

---

[13] Военная топография.- М.: Воениздат, 1977. - 280 с.; Говорухин А.М. Справочник по военной топографии. - М., Воениздат, 1980. - 352 с.

[14] Быстров В.Е. Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. - М: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 832 с.

[15] Артемьев И. Н. В эфире,- партизаны.- М.: Воениздат, 1971. - 136с. // [электронное издание] (Проверено 20.12.21) // http://militera.lib.ru/memo/russian/artemiev_in/index.html; Великанов В. Д. Тихое оружие. Выскубов С. П. В эфире «Северок». - М.: Молодая гвардия, 1986.- 223с. // [электронное издание] (Проверено 20.12.21) // http://militera.lib.ru/memo/russian/vyskubov_sp/index.html.

Севастополь снабжал из имеющихся ограниченных ресурсов крымское партизанское движение. Причем эта помощь включала не только радиостанции, но и самих радистов, так как подготовленных специалистов у партизан не было.

Таким образом, историография Севастопольской обороны подпериода 1960 - первой половины 1980-х годов, характеризовалась процессом дальнейшего накопления и систематизации исторических фактов по обороне города и расширением количества источников, вошедших в научный оборот. Вместе с тем, были предприняты меры по корректировке исторических фактов, касавшихся Севастопольской обороны в духе ревизионных оценок XX и XXII съездов КПСС.

Следующим этапом отечественной историографии по изучаемой проблеме, стали исследования с середины 1980-х гг. Связано это с тем, что после начала «перестройки» и снятия каких-либо идеологических запретов в деятельности исследователей со второй половины 1980-х годов по настоящее время предопределило огромный разброс мнений и оценок по проблемам изучаемого периода. Распад СССР и ликвидация руководящей роли КПСС, как главного цензора привели к тому, что проблематикой истории второй обороны Севастополя стали заниматься историки, не ограниченные политическими установками и получившие доступ к материалам, ранее закрытым для исследователей.

В последующем получили дальнейшую разработку следующие вопросы: военные действия, связанные с обороной Севастополя, партизанское движение, коллаборационизм на территории Крыма, дезертирство в советской армии, деятельность органов государственной безопасности, дипломатические отношения в период Великой Отечественной войны. Отметим, что ряд проблем ранее российскими учеными, в силу обозначенных ранее причин, просто не рассматривался.

Первым фундаментальным исследованием, объективно и без идеологического контроля, рассматривавшего битву за Севастополь, стал

труд О.В. Басова, изданный в 1987 г.[16] В своем исследовании «Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945» автор рассмотрел как боевые действия на территории полуострова, так и комплекс военно-политических аспектов, оказывавших влияние на ход противостояния. Так, говоря о причинах поражения Крымского фронта в мае 1942 г., О.В. Басов отмечал, что «основные причины неудач в действиях Крымского фронта касаются, прежде всего, в неумении командования организовать надежную оборону, а затем и отвод армий с Керченского полуострова. Оно не наладило взаимодействия между армиями и совершенно не обеспечило взаимодействия наземных войск с авиацией. Военно-воздушные силы организованно были распылены и действовали вне общего плана. В неудачах на Керченском полуострове в значительной степени повинен армейский комиссар Л.З. Мехлис, который как представитель Ставки со своими обязанностями не справился. Командующий фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов ни теоретически, ни практически не был готов к управлению таким количеством войск в очень сложных условиях»[17].

Характерной особенностью эпохи начала объективной и открытой исследовательской работы, отраженной в труде О.В. Басова, является то, что происходившие события рассматриваются через личностную призму командного состава. Кроме того, исторический интерес представляет то, что исследование О.В. Басова затронуло ранее замалчиваемый в отечественной историографии аспект - применение противником трофейной советской военной техники. Говоря об этом аспекте, исследователь отмечает, что захват противником Керчи и разгром Крымского фронта имел для сражающегося Севастополя еще одно последствие: «В течение мая фронт потерял несколько десятков тысяч человек личного состава, почти 3,4 тыс. орудий и минометов, около 350 танков и 400 самолетов. Захваченную боевую технику и тяжелое вооружение советских войск противник затем использовал против

[16] Басов О.В. Указ. соч. С.148.
[17] Там же. С.148.

защитников Севастополя»[18]. Этот фрагмент стал первым упоминанием о массовом применении немецко-румынской группировкой трофейной советской техники в штурме Севастополя, что позволяло другим исследователям более детально изучить этот аспект. Безусловно, сильной стороной данного исследования является то, что О.В. Басов опирался на большое количество архивных материалов из фондов Центрального архива Министерства Обороны, Центрального военно-морского архива; мемуарную литературу и сборники документов[19].

В 1988 году вышел коллективный труд о битве за Севастополь - «Боевой путь Советского Военно-Морского флота»[20]. Авторами данного издания выступили В.И. Ачкасов, А.В. Басов, А.И. Сумин. Оборона Севастополя 1941-1942гг. в исследовании отражена достаточно объективно. При анализе данного исследования, необходимо отметить, качественную подачу информации, содержащую, в том числе и причины трагического окончания битвы за Севастополь.

В 1989 году вышел в свет коллективный фундаментальный научный труд под руководством Я.Ф. Зоткина «Краснознаменный Черноморский флот»[21]. В работе значительное внимание уделено битве за Севастополь, как одному из ключевых событий в истории Черноморского флота.

В этом исследовании было впервые открыто указано (с точной датой - Е.С.) о том, что борьба защитников Севастополя продолжалась еще некоторое время после официального оставления города.

В 1989 году издается военно-исторический очерк К.И. Воронина «На черноморских фарватерах»[22]. Автор при его написании использовал большое количество архивных материалов, ставших доступными для исследователей в этот период. Он исследовал деятельность подразделений, ранее недостаточно

---

[18] Басов О.В. Указ. соч. С.148
[19] Там же. С.148
[20] Ачкасов В.И., Басов А.В., Сумин А.И. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота.- М.: Воениздат, 1988. - 607 с. // [электронное издание] (Проверено 20.12.21) http://militera.lib.ru/h/vmf/index.html
[21] Краснознаменный Черноморский флот.- М.: Воениздат, 1987.- 334 с. // [электронное издание] (Проверено 20.12.21) http://militera.lib.ru/h/chernomorskiy_flot/index.html
[22] На черноморских фарватерах.- М.: Воениздат, 1989. - 175 с.

изученных другими историками, как например - «Соединение кораблей и подразделений Охраны водного района (ОВР) главной военно-морской базы Черноморского флота Севастополя».

Эта информация позволяет понять, каким образом проводилась эвакуация защитников Севастополя, когда малотоннажные корабли принимали на борт военнослужащих с перегрузом и прорывались на Большую землю.

Во второй половине 80-х годов XX века нашла продолжение проблема дипломатических отношений в годы Великой Отечественной войны, применительно к рассматриваемой нами проблеме. Так в 1988 году было опубликовано издание «Советско-американские отношения во время Второй Мировой войны, 1941-1945: Документы и материалы». В этом сборнике рассматривались различные аспекты международной деятельности, как например реакция США на ввод советско-британских войск в Иран, снятых с Крымского направления[23].

Следующими фундаментальными исследованиями были издания, опубликованные уже после распада СССР. В 1995 году вышло двухтомное издание «Севастополь, 1941-1942 гг. Хроника героической обороны»[24]. В данном научном труде автор, Г.И. Ванеев подробно, буквально посуточно рассматривает оборону Севастополя 1941-1942 гг. Данная работа позволила отнести окончание битвы за Севастополь к 10-м числам июля 1942 г. и более точно обозначить число советских военнослужащих, не эвакуированных с рубежей обороны[25].

Из современных исследований по теме изучаемой проблемы особенно выделяются труды И.С. Маношина: «Июль 1942 года. Падение Севастополя» и «Героическая трагедия: о последних днях обороны Севастополя 29 июня-12

[23]Советско-американские отношения во время Второй мировой войны, 1941-1945: Документы и материалы. Т.1. 1941-1943. - М.: Политиздат, 1984. С.118.
[24] Ванеев Г.И. Севастополь, 1941- 1942гг.: Хроника героической обороны.- Киев: Украина, 1995.
[25] Ванеев Г.И. Указ. соч. Том.1. С.250.

июля 1942 гг.»[26]. Указанные военно-исторические труды отражают трагизм окончания обороны города. Во введении к монографии «Героической трагедии: о последних днях обороны Севастополя» И.С. Маношин отмечает новый аспект севастопольской эпопеи. Со ссылкой на воспоминания участника последних дней обороны полковника Д.И. Пискунова, автор исследует спорный аспект временного самоорганизованного командования, после убытия на Кавказ генерал-майора П.Г. Новикова. Этот вопрос до сих пор не подтвержден и не опровергнут исторической наукой, так как первоисточников в виде документации воинских соединений не сохранилось, а участники события погибли или не оставили после себя воспоминаний.

Дальнейшие исследования историк Игорь Маношин продолжил в монографии «Падение Севастополя», изданной в 2009 году[27]. Исследователь акцентирует внимание еще и на таком аспекте, как качество отдельных частей: он делает вывод о том, что слабо подготовленные и необстрелянные бойцы маршевого пополнения, присланные с Кавказа и поступившие в полки дивизии, понеся большие потери от огневого удара противника, не выдержали и бежали в панике. Нельзя не согласиться с автором, так как это во многом действительно решило дальнейшую судьбу Севастополя.

Кроме того, вызывают интерес цифры учета личного состава в конце обороны, которые приводит И.С. Маношин[28]. Таким образом, анализируя эти цифры, можно говорить о том, что битва за Севастополь уже в конце июня 1942 г. находилась в пике своего завершения, когда силы и средства оборонительного района переламывались и уничтожались в ходе сражения, а резервов в наличии не было.

Современные научные исследования позволяют в связи с доступом к ранее закрытым архивным материалам и неопубликованным воспоминаниям

---

[26] Маношин И.С. Героическая трагедия: о последних днях обороны Севастополя 29 июня - 12 июля 1942 гг. - Симферополь: Таврида, 2001.- 208 с.
[27] Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. - М.: Издательство ООО «Издательский дом «Вече», 2009. С.41.
[28] Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. Указ. соч. С.51.

значительно дополнить проблематику Севастопольской оборонительной операции.

Так в 2010 году было опубликовано исследование А.В. Платонова «Борьба за господство на Черном море».[29] Данное исследование интересно тем, что рассматривается вклад Черноморского флота в оборону Севастополя и взаимодействие флота и Севастопольского оборонительного района. При этом исследователем объективно оцениваются «спорные вопросы» борьбы за город, как например эвакуация личного состава гарнизона: «Севастополь был обречен, но это не означает, что его гарнизон не мог быть эвакуирован. Если бы такое решение приняли уже 20 июня, то эта задача при всей сложности была решаем. Даже если бы такую операцию провели 22-25 июня, она наверняка не стала бы столь успешной, как в случае с Одессой, но вполне могла завершиться с меньшими потерями, чем прорыв из Таллина. Если говорить о проведении операции 2-3 июля, то потери были бы очень значительными, однако большую часть гарнизона могли бы доставить на Кавказ».[30]

В 2014 году авторским коллективом в составе И.С. Скуратова, В.А. Потапова, А.Ф. Домненко, Ю.П. Шилюка была издана книга «Береговые войска ВМФ. Береговая оборона - фундамент 250 дневной неприступности Севастополя», которая дополняет тему изучения береговой обороны базы флота[31]. Ее авторы - ветераны Береговых войск из старшего командного состава. Новизной исследования является аспект применения советскими и немецкими войсками артиллерии, в особенности тяжелой, а также других видов и родов войск, боровшихся с береговой артиллерией, и статистические показатели их применения.

В 2017 году вышла книга А.В. Неменко «Первый штурм Севастополя. Ноябрь 1941-го»[32]. В нем рассматривается такой важный аспект - как, каким

---

[29] Платонов А.В. Борьба за господство на Черном Море.- М.: Вече, 2010.- 446с.
[30] Там же С.119 ,120
[31] Береговые войска ВМФ. Береговая оборона - фундамент 250 дневной неприступности Севастополя. - М.: Кучково поле, 2014. - 304 с.
[32] Неменко А.В. Первый штурм Севастополя. Ноябрь 1941-го. М.: Яуза, 2017. - 720 с.

образом советские войска допустили ситуацию превращения естественной (природной) крепости Крым в «крепость Севастополь». Анализируются мероприятия, проводимые командованием 51-ой армии, ответственной за оборону Крыма, переброска войск Приморской армии из Одессы в Крым и ее направление по частям на Перекопские позиции.

Новым военно-политическим аспектом, исследуемым современными историками, является деятельность немецких, и в меньшей степени советских, спецслужб на территории полуострова и отчасти в Севастополе, который начал получать освещение в монографиях крымского историка О.В. Романько. Опубликовав свое первое исследование «Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС», автор продолжил изучение этой темы в исследовании «Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальны вопрос (1941-1944)»[33]. В них исследователь впервые затронул тему коллаборационизма, как массового социально-политического явления на территории Крыма, в том числе Севастополя. Наиболее известен его фундаментальный труд «Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941 - 1944)», в котором он отразил различные аспекты проблематики коллаборационизма советских граждан[34]. В центре внимания данного исследования находится национальная политика гитлеровской Германии, которую ее оккупационные структуры осуществляли на территории Крыма и Севастополя. Автор отмечает, что «при всем многообразии литературы, посвященной проблеме оккупации, из поля зрения советских исследователей совершенно выпадали такие ее аспекты, как церковное возрождение в оккупированных областях, военный и политический коллаборационизм советских граждан, методы и средства психологической обработки нацистами населения».[35] На базе

[33] Романько О. В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. - М.: Издатель Быстров, 2006. - 640 с.; Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальны вопрос (1941-1944). - Симферополь: Антиква, 2009. - 272 с.
[34] Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944), М.: Вече, 2011. - 432 с.
[35] Там же. С.3.

обширного исторического материала из архивов Крыма, Украины, России, Польши, Германии прослеживается использование национальных противоречий как инструмента немецкой оккупационной политики. Впервые в отечественной историографии проанализирована проблема военно-политического коллаборационизма, который являлся наиболее активной формой проявления национальных противоречий. Однако в трудах О.В. Романько тема деятельности германских и советских спецслужб на территории Крыма носит вспомогательный характер, основное внимание он уделяет военизированным формированиям коллаборационистов, созданным в Крыму германскими спецслужбами и вооруженными силами.

В своих новых исследованиях, совместных с другими авторами, исследователь затрагивает аспекты взаимодействия и борьбы коллаборационистов и партизан Крыма[36]. Например, он рассматривает вопросы о том, насколько сильно оказывало влияние движение коллаборационизма на попытки защитников Севастополя оказаться в партизанских отрядах полуострова после окончания организованной борьбы[37].

Непосредственно тему деятельности органов государственной безопасности в период битвы за Севастополь активно исследовал В.С. Христофоров. Его исследования позволяют значительно дополнить историческую картину битвы за Севастополь, на базе использования архивных фондов ФСБ. Одними из основных работ В.С. Христофорова являются «Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945» и «Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ»[38]. В них рассматриваются малоизученные вопросы обороны Севастополя - работа контрразведывательных подразделений Черноморского флота, которые занимались выявлением завербованных

[36] Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. - М.:АСТ, Астрель, 2011. - 830 с.
[37] Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. - 440 с.
[38] Христофоров В.С. Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945. - М.: ВЕЧЕ, 2015. - 432 с.; Христофоров В.С., Черепков А.В. Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ. - М.: ВЕЧЕ, 2014.- 462с.

немцами советских военнослужащих. Задачами указанных подразделений являлись противодействие разведывательным и диверсионным заданиям этих предателей в боевых порядках и в тылу советских войск в Севастополе.[39] Особенно эта работа усилилась в период отражения третьего штурма Севастополя[40].

Наиболее полным исследованием деятельности специальных служб на территории Крыма и Севастополя является сборник «Битва за Крым в документах органов государственной безопасности», изданный в 2020 году[41]. В нем В.С. Христофоров, А.И. Пожаров, О.В. Романько, С.Н. Ткаченко и ряд других авторов на основе ранее не публиковавшихся документов изучили различные аспекты деятельности органов безопасности в период Великой Отечественной войны на территории Крыма и Севастополя и предприняли попытку воссоздания основных вех боевого пути контрразведчиков. Данный сборник, в котором изданы как материалы исследователей, так и ранее не публиковавшиеся архивные материалы, объективно показывает работу отечественных спецслужб с целью аргументировано, на основании первоисточников противостоять попыткам фальсификации и искажения истории, предпринимаемым в настоящее время представителями иностранных государств. Так в сборнике отмечены негативное влияние политических решений европейских стран на западную историографию, утверждающих, «что Вторая Мировая война, самая разрушительная война в истории Европы, была начата как непосредственный результат печально известного нацистско-советского договора о ненападении от 23 августа 1939 года, известного также как Пакт Молотова-Риббентропа, и его секретных протоколов, в соответствии с которыми два тоталитарных режима, разделявших цель завоевания мира, разделили Европу на две зоны влияния», и необходимость аргументированного и объективного

[39] Христофоров В.С. Указ. соч. С.111.
[40] Христофоров В.С., Черепков А.В. Указ. соч. С.321.
[41] Битва за Крым в документах органов государственной безопасности.- Симферополь: Нижняя Оріанда, 2020.- 452с.

противостояния извращению истории, в том числе истории спецслужб в годы войны[42].

Пристальное внимание современные исследователи уделяют десантным операциям в Крыму. Например, значительный исторический интерес представляют исследования А.С. Юновидова и А.Я. Кузнецова[43]. Связано это с тем, что десантные операции периода войны в целом и крымские десанты в частности, являются одними из самых драматических событий войны. В этих исследованиях анализируется проведение и результаты крымских десантных операций, их взаимодействие и взаимовлияние с Севастопольской оборонительной операцией, особенно это касается Керченско-Феодосийского и Евпаторийского десантов. Общие же итоги крымских десантов и их взаимосвязь с битвой за Севастополь наиболее полно отражены в исследовании «Десанты Великой Отечественной войны»[44]. Еще одним серьезным исследованием, опубликованным в 2020 году является труд В.С. Кропотова, посвященный Евпаторийскому десанту, подготовке, проведению военной операции, причинам неудачи и ее последствиям, в котором достаточно объективно оценивается слабое взаимодействие десантных судов и ответственность отдельных командиров, повлиявших на трагический исход десанта.[45]

Кроме того, современная историография исследуемого периода старается выявить отдельные малоизвестные темы битвы за Севастополь. Например, тема участия подразделения Экспедиции подводных работ особого назначения в битве за Севастополь наиболее комплексно и объективно отражена в ряде современных исследований[46].

---

[42] Резолюция Европейского парламента № 2019/2819 (RSP) от 19.09.2019 «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы».

[43] Юновидов А.С. Десанты 1941 года.- М.: Яуза: Эксмо, 2009.- 416 с.; Кузнецов А.Я. Большой десант. Керченско-эльтингенская операция. - М.: Вече, 2011. - 464с.

[44] Десанты Великой Отечественной войны. - М.: Яуза, 2008. - 509с.

[45] Кропотов В.С. Тактический десант. Евпаторийская десантная операция 4-5 января 1942 года. Симерополь: Нижняя Оріанда, 2020. - 216с.

[46] ЭПРОН, рожденный в Балаклаве. - Харьков: СПДФЛ А.Я. Терещенко, 2013. - 100 с.; ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923-1931): архивные документы и материалы. М.: Граница, 2015. - 664с.

Исследования Д.Б. Хазанова, И.Филатова, П. Драговоза и М.А. Маслова о деятельности Гражданского Воздушного флота (ГВФ), его опытных летчиков и применении транспортных самолетов позволяют более детально изучить и проанализировать вклад военно-транспортной авиации в битву за Севастополь[47].

Тематика международных отношений в годы Великой Отечественной войны не ослабевает и на современном этапе. В 2012 году было опубликовано (авторский коллектив - А.С. Протопов, В.М. Козьменко, В.М. Шпаковская) масштабное исследование «История международных отношений и внешней политики России (1648-2010)», затрагивающее различные аспекты международной политики, в том числе в годы второй мировой войны (Великой Отечественной войны)[48].

Современная историография значительно дополнила проблематику изучение партизанского движения, его взаимосвязь с крупными войсковыми операциями, такими как оборона Севастополя 1941-1942 гг.[49] Появились исследования, которые не просто значительно дополняют партизанскую тематику, но и позволяют взглянуть на нее с другой стороны - изучить проблемы дезертирства, предательства, отсутствие должного количества вооружения и снаряжения в частях[50].

Стоит отметить исследование В.Е Полякова «Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно», который затронул такую ранее не исследованную проблему партизан, как продовольственное обеспечение, недостатки в котором приводили к голоду в партизанских

---

[47] Хазанов Д.Б. Битва за небо 1941. От Днепра до Финского залива. - М.: Яуза, Эксмо, 2007. - 416с.; Филатов И., Драговоз П. Мирные крылья в годы войны. М.: Воздушный транспорт, 1995. - 442 с.; Маслов М.А. «Вечный» Ли-2 - дальний бомбардировщик, военно-транспортный и десантный самолет. - М.: Яуза, 2015. - 144с.

[48] Протопов А.С., Козьменко В.М., Шпаковская В.М. История международных отношений и внешней политики России (1648-2010). - М.: Аспект Пресс, 2012. - 384с.

[49]См. Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. Т.20. - М.: Терра, 1999. - 671с.; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной Войны 1941-1945гг.). Жуковский-М.: Кучково поле, 2001.- 464с.

[50] Пинчук М. Советские партизаны: Мифы и реальность. - Вильня: Наша Будучыня,2014.- 392с.; Боярский В.И. Партизанская война: История утерянных возможностей. Мн.: Харвест: М.: АСТ, 2001. - 302 с.

отрядах[51]. Например, говоря об одном из партизанских районов Крыма, В.Е. Поляков приводит такие цифры: в отряде Северского голодной смертью умерло 362 человека, в отдельных случаях были факты людоедства[52].

Также стоит отметить совместную работу отечественных исследователей А.В. Исаева, О.В. Романько, Н.Н. Глухарева, Д.Б Хазанова «Битва за Крым 1941–1944 гг.», которая на данный момент является кульминационным этапом развития отечественной историографии по обозначенной в диссертации проблеме[53]. В этой работе на фоне синтеза и критического осмысления советского и современного этапов историографии, ранее не опубликованных отечественных и иностранных архивных документов, воссоздана картина противостояния на Крымском полуострове в 1941-1944 гг. Вопросы обороны Севастополя являются основными в рамках этого исследования.

Отдельно стоит отметить новейшее масштабное исследование «История Севастополя в трех томах», опубликованное в 2021году.[54] Данный научный труд представляет интерес по причине того, что авторы постарались обобщить оборону Севастополя 1941-1942 гг. и включить в нее помимо боевых действий противоборствующих сторон и ряд других факторов, которые ранее комплексно не рассматривались исследователями. Такими новаторскими аспектами стали планы противника на Крым и Севастополь и изменения этих планов с ходом войны; жизнь и труд горожан в период первого, второго и третьего штурма, как трансформировалась жизнедеятельность и работа при каждом отражении вражеского натиска; влияние обороны города на становление и деятельность подпольщиков и партизан после окончания обороны Севастополя.

---

[51] Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно».- М.: Яуза, Эксмо, 2009. С.96.
[52] Там же. С.110.
[53] Битва за Крым 1941–1944 гг.- М.: «Яуза», 2016.- 896с.
[54] «История Севастополя в трех томах». Том I «Юго-западный Крым с древнейших времен до 1774 года».- М.: Издательство «ИстЛит», 2021.- 688с.; Том II «Севастополь в эпоху российской империи. Конец XVIII века – 1917г.».- М. Издательство «ИстЛит», 2021.- 800с.; Том III «Севастополь в советский и постсоветский период. 1917-2014гг.».- М. Издательство «ИстЛит», 2021.- 864с.

Следует отметить, что за последние десять лет вышло более двадцати работ (в том числе девять монографий), посвященных различным проблемам обороны Севастополя в 1941-1942 гг. (оборона и десантные операции), деятельности отдельных частей специального назначения, эвакуации гражданского населения из Севастополя в 1941-1942 гг., деятельность коллаборационистских формирований[55].

При этом семь работ за 2009 и 2019 гг. изданы на Украине[56]. Две статьи написаны для «Енциклопедії історії України : у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій

---

[55] Борисова Н.А. Организация связи в период обороны Севастополя в 1941-1942 гг. (по материалам документального фонда Центрального музея связи имени А.С. Попова) // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942 гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.-26.03.2016.- Севастополь: Телескоп, 2017. - С.51-65; Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. - М.:АСТ, Астрель, 2011. - 607 с.; Запольский А., Тюрин В. Легендарному ЭПРОНУ 85 лет // Морской сборник.- 2009.- №2. С.16-22; Зраев Р.А. Как начинался ЭПРОН // Материалы международной научной конференции «XX юбилейные Царкосельские чтения». - Том 1. - СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016.- С.58-63; Илюхин В.Н., Захаров П.В. От ЭПРОНА до федеральной системы поиска и спасения на море Российской Федерации. К 90-летию создания ЭПРОНА. // Морской вестник.- 2013.- №4(48).- С.78-83; Коллаборационизм крымских татар в годы ВОВ // https://atrizno.livejournal.com/8083142.html [дата обращения 21.03.2019 г.]; Коновалова М.А. Крым. Балаклава: Русские водолазы на службе отечеству // Память о Великой Победе. Межвузовский сборник статей.- М.: Ассоциация технических университетов, 2016. - с.218-222; Кузнецов А.Я. Большой десант. Керченско-эльтингенская операция. - М.: Вече, 2011. - 464 с.; Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. - М.: Вече, 2009. - 302 с.; Маслов М.А. «Вечный» Ли-2 - дальний бомбардировщик, военно-транспортный и десантный самолет. - М.: Яуза, 2015. - 144 с.; Неменко А.В. Первый штурм Севастополя. Ноябрь 1941-го. М.: Яуза, 2017. - 720 с.; Падалка Ю.В. Румынские войска под Севастополем в 1941-1942гг. // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.- 26.03.2016. - Севастополь: Телескоп, 2017. - С.43-51; Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. - 440 с.; Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944). - М.:ВЕЧЕ, 2011. - 432 с.; Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальны вопрос (1941-1944). - Симферополь: Антиква, 2009. - 272 с.; Рузаев С.В. Производство минометного вооружения на предприятиях Севастополя в 1941-1942 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII- XXI вв. Всероссийская научная конференция. В 2-х тт. Т.2. Екатеринбург: УНЦ-УПИ, 2014. - С. 269; Рузаев С.В. Эвакуация гражданского населения из Севастополя в 1941-1942 гг. // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942 гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.-26.03.2016.- Севатополь: Телескоп, 2017. С.20-34; Слободянюк А.А., Федюнин В.В. 456-й стрелковый (сводный пограничный полк НКВД) 109-й стрелковой дивизии Приморской армии // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. № 3. 2015. История и политология. С.32-41; Чуев С. Татарский коллаборационизм во Второй мировой войне // http://www.pseudology.org/Crimea/KrimTatarWW2.html [дата обращения 18.11.2021 г.]; Широкорад А.Б. Время больших пушек: Битвы за Ленинград и Севастополь. - М.: АСТ, 2010. - 637 с.; Юновидов А.С. Десанты 1941 года. - М.: Яуза: Эксмо, 2009. - 416с.

[56] ЭПРОН, рожденный в Балаклаве. Указ. соч. 100 с.; Яблоновська Н.В. ОКУПАЦІЙНА ГАЗЕТА «АЗАТ КЪРиМ» (1942-1944): НАЦІОНАЛЬНА ПРЕСА В КОНТЕКСТІ ІНФОРМАЦІЙНИХ ВійН // https://web.archive.org/web/20070324184804/http://turkolog.narod.ru/info/I456.htm [дата обращения 20.03.2019 г.]; Грицук В.М., Лисенко О.Є. Севастопольська оборона 1941—1942 // Енциклопедія історії України : у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України . - К. : Наук. думка, 2012. - Т. 9. С. 500-501; Дерейкю І. Місцеві формування німецької армії та поліції у Райхскомісаріаті «Україна» (1941–1944 роки). - К.: Інститут історії України, 2012. - 174 с.; Зякун А. І. «Український» колабораціонізм: історіографія проблеми // Історико-краєзнавчі дослідження: матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Частина 1. - Суми: СумДПУ, ім. А.С. Макаренка, 2013. С. 183-186;

(голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України». Остальные работы посвящены формированию местных структур полиции и немецкой армии, украинского коллаборационизма и т.д.

Таким образом, подводя итог анализу периодов отечественной историографии рассматриваемой научной проблемы, следует сделать ряд выводов. *Во-первых*, в рамках обоих периодов рассматривались общие вопросы (непосредственно оборона Севастополя, партизанское движение, дипломатические отношения). *Во-вторых*, в рамках указанных период были и особенности. Так, в первый период внимание было сконцентрировано на проблемах влияния использования навыков военной топографии в обороне Севастополя, на вкладе отдельных родов вооруженных сил РККА в ход обороны. Во второй период появились исследования, рассматривающие деятельность органов государственной безопасности в период обороны, деятельность специальных частей (например, ЭПРОН), десантные операции оборонявшихся, статистические данные об учете личного состава оборонявшихся. Однако, качество подачи информации в исследованиях было различным - в первый период осуществлялся жесткий идеологический контроль, что вело к выведению за рамки исследований информации, бросавшей тень на деятельность советской власти, показывавшая недостатки, во второй период подобный идеологический контроль был снят.

Важное место в исследовании битвы за Севастополь в 1941-1942 гг. занимают ***диссертационные*** исследования. В диссертационном исследовании Н.Т. Напсо рассматривается история создания коллаборационистских вооруженных формирований, в том числе и на территории Крыма[57].

Мусієнко І. В. Депортації населення з території Північної Буковини та Хотинщини в 1941-1951 рр. / І. В. Мусієнко // Український альманах 2010. – Варшава : Об'єднання українців в Польщі, 2010. – С. 187-200; Першина Т.С. Кримська оборонна операция 1941 // Енциклопедія історії України : у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України . - К. : Наук. думка, 2009. - Т. 1. С. 361.

[57] Напсо Н.Т. Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. - Майкоп, 2000.

Д.М. Любин, размышляя о том, что часть советских войск была задействована в операции в Иране летом-осенью 1941 года, тем самым показывает, что советское командование не могло задействовать вооруженные силы на советско-германском фронте на начальном этапе войны, необходимые для сдерживания сил противника, например под Севастополем[58].

В работе А.В. Толмачевой, изданной в 2006 году, анализируется боевой и численный состав и потери вооруженных сил на советско-германском фронте в годы войны 1941-1945 гг., а так же проблема коллаборационизма[59].

В 2007 году Е.П. Абрамовым была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.»[60]. В диссертации Е.П. Абрамова рассматривается роль морской пехоты в сражениях Великой Отечественной воны 1941-1945 гг., в том числе автор затрагивает и вопросы, связанные с обороной Севастополя[61].

В первом параграфе четвертой главы «Вклад морской пехоты в победу в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» упоминается о роли морской пехоты в битве за Севастополь в контексте сражений на Кавказе, в Крыму[62].

В 2009 году И.В. Киселевым была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Взаимодействие Красной Армии и Черноморского флота в ходе боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»[63]. Четвертый параграф диссертации «Поражение Крымского фронта и завершение обороны

---

[58]Любин Д.М. Ввод Красной Армии в Иран летом-осенью 1941 г.: причины, осуществление и последствия: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2005. С. 3.

[59] Толмачев А.В. Боевой и численный состав и потери вооруженных сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы великой отечественной войны: 1941-1945гг.: автореферат Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Красноярск, 2006. с. 20-21.

[60] Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. : автореферат дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук : 07.00.02 / Евгений Петрович Абрамов; [Место защиты: Сев.-Зап. акад. гос. службы]. - Санкт-Петербург, 2007. - 47 с.

[61] Там же, с.36

[62] Абрамов Е.П. Указ.соч. С. 37.

[63] Киселев И.В. Взаимодействие Красной Армии и Черноморского флота в ходе боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг.: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Майкоп, 2009.

Севастополя (февраль – июль 1942 г.)» посвящен анализу взаимодействия Красной Армии и Черноморского флота на завершающем этапе сражения за Крым[64].

В 2019 году была защищена А.А. Коханом диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941-1944 гг.»[65].

Целая глава исследования А.А. Кохана посвящена разработке системы нацистской пропаганды, ориентированной на гражданское население Крыма («вспомогательные» органы немецкой пропаганды, газета «Голос Крыма»)[66]. Данная проблема нам интересна в контексте морально-политического духа населения Крыма в период обороны Севастополя в 1941-1942 гг. Наконец, глава III посвящена созданию национальных татарских комитетов в Крыму и их роли и функции в проведении пропагандистских мероприятий[67].

В 2021 году в Санкт-Петербурге защищена диссертация «Деятельность органов власти города Севастополя в 1941-1942гг.». [68] В ней автор изучил различные аспекты истории тыла Севастопольской оборонительной операции. Рузаевым С.В. проведен анализ решений руководящих партийных и советских властей Севастополя по обеспечению выживания жителей города в условиях осады и организации повседневной жизни городского населения в условиях осады.

В исследованиях российских ученых за период с 2000 по 2021 гг. рассматриваются вопросы, связанные с причинами отвлечения значительных сил противника от участия в сражениях 1941-1942 гг.; история коллаборационистских формирований в Крыму; боевого и численного состава и потерь советских сил на полуострове; роли морской пехоты в ходе

---

[64] Киселев И.В. Укз. Соч. С. 23-26.
[65] Кохан А.А. Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941-1944 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - СПб., 2019.
[66] Там же. С. 59-128.
[67] Там же. С. 129-160.
[68] Рузаев С.В. «Деятельность органов власти города Севастополя в 1941-1942гг.»: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 5.6.1. - СПб, 2021. - 484 с.

обороны Севастополя; взаимодействия частей армии и флота; проблемы организации и функционирования органа военной пропаганды противника.

Таким образом, среди диссертационных работ российских исследователей отсутствуют работы в представленном в данном исследовании формате.

Немаловажным является обзор диссертационных исследований, проведенных украинскими учеными по рассматриваемой теме. На основе анализа диссертационных исследований украинских исследователей, следует отметить, что за период, как до того момента, когда Крым вновь стал российским в 2014 году, так и после этого события, у исследователей Украины отсутствовал интерес как к тематике, посвященной обороне Севастополя в 1941-1942 гг., так и вообще к истории Крыма в годы Великой Отечественной войны. *Большая* часть исследований посвящена изучению деятельности ОУН и УПА на территории Украины в годы Великой Отечественной войны, экономической, идеологической деятельности немецкой оккупационной администрации, «украинского фактора» в политике противостояния противоборствующих сторон в ходе Второй мировой войны, проблеме использования украинского населения как трудовых ресурсов Германии и Румынии, проблемам духовно-культурной жизни населения в период оккупации и после освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков. Незначительная часть исследований посвящена изучению деятельности партизанского движения, освобождения территории Украины от немецко-фашистских захватчиков, образа советской боевой техники, морально-психологического состояния населения Украины на оккупированных территориях, проблемам социальной адаптации инвалидов войны в последний период войны[69].

[69] Білоус О. П. Діальність радянських партизанів на території Північно-Східної України в 1941-1943 рр..- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. - Київ, 2014.- 200 с.; Гула Р. В. Витоки та роль радянського патріотизму у роки Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр. (на матеріалах України).- Дисертація д-ра іст. наук: 07.00.01, Дніпропетр. нац. ун-т ім. Олеся Гончара. - Д., 2013.- 310 с.; Заблоцький А. В. Образ радянської бойової техніки періоду Великої Вітчизняної війни в суспільній свідомості її учасників (на матеріалах України).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. - Київ, 2013.- 200 с.; Михайлюк В. В. Адаптація інвалідів Великої Вітчизняної війни у

Из более чем ***сорока*** проанализированных диссертационных исследований за десять лет (2009-2019 гг.), событиям в Крыму в годы войны напрямую посвящено одно диссертационное исследование, имеющее отношение к периоду после того, как Крым был освобожден советскими войсками[70].

Для более полного и объективного изучения историографии по теме исследования необходимо рассмотреть также исследования зарубежных авторов. Немецкая историческая литература по теме исследования представлена в крайне скупом объеме. В значительном объеме она представлена мемуарной литературой. Так, одним из первых изданий подобного рода является сборник «Борьба за Крым. 1941-1944: немецкие сообщения о завоевании Крыма 11-ой армией (Манштейна) и защите его 17-ой армией (Енеке) до горького конца», а также сборник «Крым по сведениям Манштейна: завоевание и потеря полуострова Крым и крепости Севастополь», изданные в 1975-1977 гг.[71] Оба сборника издавались незначительным тиражом на немецком языке, их содержание можно охарактеризовать, как описание тяжести боев за Севастополь в 1942 году и описание обороны города от войск Красной Армии в 1944 году.

В 1984 и 1992 годах были опубликованы, переведенные на русский язык, отдельные исследования о немецких частях и соединениях, принимавших участие в битве за Севастополь, или, наоборот, о советских подразделениях, как например о 30-ой и 35-ой береговых батареях[72].

контексті повсякденного життя у Донбасі (1943-1945 рр.).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Донец. нац. ун-т. - Донецьк, 2013.- 210 с.; Семенів О. Є. Визволення Тернопільщини від німецької окупації у 1944 році (військово-історичний аспект).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Чернів. нац. ун-т ім. Юрія Федьковича. - Чернівці, 2013.- 200 с.; Яшан О. О. Морально-психологічний стан населення України в умовах окупації (1941-1944 рр.) (на матеріалах центральних областей України) : Дис... канд. наук: 07.00.01 - 2010.

[70] Сеітова Ельвіна Ізетівна. Трудова міграція до Криму (1944-1976).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Дніпропетр. нац. ун-т ім. Олеся Гончара. - Д., 2013.- 200 с.

[71] Krim auf den Souren Manstein: eroberung und verluder halbinsel Krim und der fertung Sevastopol 1941-1944: documentation/referenten.- H.R. Herdener, H.R. Neumann.- 1977.- 46с.

[72] Garels Martin. Kampf und ende der FRANKISCH-SUDETEND evtschen 98 infantive division. Nurnberg, Podzun-Pallas, 1984- 22 с.

Из современных исследований следует назвать исследования В. Швабедиссена и Ф.Руге[73]. Данные работы позволяют проанализировать подход немецких исследователей к действиям немецких войск в битве за Севастополь.

Наиболее масштабной работой по изучению истории Германии во второй мировой войне, проведенной германскими историками, в том числе и сражении за Севастополь, является «Германский рейх и Вторая мировая война»[74]. Еще в 1970-е годы видные представители немецкой научной школы приступили к подготовке десятитомного коллективного труда. Работа продолжалась тридцать лет, и две части десятого, заключительного тома вышли в свет только в 2008 году. Бои за Севастополь в 1941-1942 гг. в хронологической последовательности представлены в 3, 4 и 6 томах этого издания. Ценность этого энциклопедического труда заключается в том, что авторы настойчиво и аргументированно отстаивают свои позиции по отношению к Восточному фронту, его месте и значении в той войне. Вопреки стремлению современного «коллективного запада» и многих представителей европейских научных сообществ пересмотреть результаты и итоги войны немецкие историки аргументированно доказывают, что по размаху сражений, масштабам задействованных сил, драматизму событий судьба войны решалась именно на Восточном фронте.

Давая оценку германской историографии, посвященной рассматриваемой теме, необходимо отметить, что она содержит в себе значительный фактический материал, имеющий особое значение как «взгляд их окопа противника». Однако научно осмысление происходивших событий, их беспристрастный анализ и выводы, особенно в военно-политическом аспекте, оставляют желать лучшего. Не ослабевает интерес к рассматриваемой проблеме со стороны иностранных исследователей.

---

[73] Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941-1945 гг. Мн.: Харвест, 2001.- 528с.; Руге Ф. Военно-морской флот Третьего рейха. 1939-1945. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.- 443с.

[74] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, München. 1979-2008.

Из исследователей других Западных стран необходимо выделить труды Дэвида Гланца, признанного американского военного историка, и Мэлвина Мунго, английского военного историка, и ряд других[75]. Они изучают в том числе и битву за Севастополь в контексте общего хода Второй Мировой войны, проводя глубокий анализ военно-политической ситуации.[76]

В 2008 году вышла книга турецкого исследователя Дж.П. Гасанлы «СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939-1953)», который интересен изучением и анализом отношений двух стран в военный период, особенно в начальный период Великой Отечественной войны[77].

Подводя итог обзору и анализу историографии по исследуемой теме, можно сказать, что она прошла сложный путь исторического развития,- от первых изданий военных лет, зачастую весьма политизированных, до современных научных трудов, в которых исследуются отдельные эпизоды второй обороны города. Также при подготовке диссертации были использованы работы американского, английского, турецкого и немецких исследователей[78]. Исследованиям зарубежных авторов свойственен общий недостаток, а именно, минимальное задействование источников советской

---

[75] Гланц Д.М. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году.- М.: Яуза, Эксмо, 2008. - 544с.; Melvin Mungo. Sevastopol's wars. Crimea from Potemkin to Putin. - New York: Osprey Publising, 2017. - 752p.
; Бишоп К., Макнаб К. Вторая мировая война. День за днем. 1939-1945. - М.: Эксмо, 2005. - 248с.

[76] См. Приложение № 1. Мелвин Мунго Севастопольские войны. Крым от Потемкина до Путина. Нью-Йорк: Osprey Publishing, 2017, 752с.

[77] Гасанлы Дж.П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939-1953). - М.: Центр Пропаганды, 2008.- 663 с.

[78] Тике В. Борьба за Крым. 1941- 1944: немецкие сообщения о завоевании Крыма 11- й армией (Манштейна) и защите его 17-й армией (Енеке) до горького конца. - Гуммербах: Собств. Из-во Тике В., 1975. - 311 с.; Крепость Севастополь: Документы о строительстве, деятельности в войне 1942. Бёрн-Кельн: Эггер, 1995. - 450 с; Нойман. Севастополь. Крым: Документы. Источники. - Материалы: Рабочая книга в 3 частях: Регенсбург, 1998. - 1684 с.; Борьба и конец франко-судетской 98й пехотной дивизии. - Нюрнберг: Изд-во Подзун-Паллас, 1984. - 480 с.; Севастополь: противотанковая батарея "Максим Горький I+ II" сегодня // Фортификация, 1992. - 22 с.; Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941-1945 гг. Мн.: Харвест, 2001.- 528с.; Руге Ф. Военно-морской флот Третьего рейха. 1939-1945. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.- 443с.; Гланц Д.М. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году. - М.: Яуза, Эксмо, 2008. - 544с.; Мелвин Мунго Севастопольские войны. Крым от Потемкина до Путина. Нью-Йорк: Osprey Publishing, 2017. - 752с.; К.Бишоп, К. Макнаб Вторая мировая война. День за днем. 1939-1945. - М.: Эксмо, 2005. - 248 с.; Гасанлы Дж.П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939-1953). - М.: Центр Пропаганды, 2008. - 663 с.; Winkler Walter. Der Kampf um Sewastopol. Berg am See, 1984. 398 S. Sweeting C. G. Blood and iron: the German conquest of Sevastopol. Washington, 2004. 201 S.; Forczyk R. Where the Iron Crosses Grow. The Crimea 1941-44. Oxford: Osprey Publishing, 2014. 372 S; Franz Kurowski: Sevastopol. Angrepet på den sterkeste festningen i verden i 1942. Podzun-Pallas, Wölfersheim-Berstadt 2002.

стороны. Зарубежные исследователи опускают вопросы организации советскими войсками и флотом непосредственно комплекса оборонительных мероприятий. Эти «скрытые для противника» вопросы создания, руководства и обеспечения Севастопольского оборонительного района имеют в рамках нашего исследования принципиальное значение.

Многие стороны сформулированной темы диссертационного исследования получили освещение в отечественной и зарубежной научной литературе. Однако, следует признать, что в исторической литературе отсутствует комплексное изучение битвы за Севастополь (1941-1942 гг.) в контексте военно-политического аспекта.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования состоит в предположении, что на битву за Севастополь в 1941-1942 гг. оказывало влияние большое количество военно-политических факторов, которые требуют детального комплексного анализа и изучения.

Историографический анализ, актуальность поднятой темы определили **цель и задачи исследования.** Цель диссертации – определить роль и значение военно-политического аспекта в Севастопольской оборонительной операции.

Для достижения цели в работе сформулированы **следующие задачи**:

- изучить комплекс военно-политических факторов, получивших развитие в ходе Севастопольской оборонительной операции и оказавших влияние на обороноспособность города и всего Крымского полуострова;
- проанализировать историографию проблемы с учетом ранее не используемых источников;
- изучить процессы и явления, развивавшиеся в осажденном городе, деятельность государтсвенных органов власти, определивших, так же как и упорство на линии фронта, героический характер Севастопольской обороны;
- проследить эволюцию развития международных отношений в Черноморском регионе и влияние на них Севастопольской оборонительной операции;

- рассмотреть проблематику вопросов дезертирства и проявления коллаборационизма со стороны советских граждан в период Битвы за Севастополь;
- изучить противоречивый характер целей, хода и результатов эвакуации сил Севастопольского оборонительного района;
- расскрыть вклад специализированных частей, в оборону Севастополя и боевые действия на Крымском полуострове;
- определить влияние партизанского движения на ход боевых действий в Крыму;
- изучить влияние обороны Севастополя и «крымских десантов» 1941-1942 гг. на развитие военной и политической обстановки в Причерноморском бассейне и советско-германском фронте.

Соответствие темы диссертации требованиям паспорта специальности ВАК. Профиль диссертации соответствует п.5. - «История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития»; п.8. - «Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития»; п. 23. - «История Великой Отечественной войны»; п.24. - «Россия в крупнейших международных конфликтах».

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности, системности, научности, детерминизма, что позволяет проанализировать фактологию и процессы, развивавшиеся на фоне обороны Севастополя от начала битвы до её завершения.

Таким образом:

- принцип историзма позволяет проанализировать явления и процессы битвы за Севастополь с позиции их изменчивости во времени, что помогает изучить это историческое событие в его развитии и с учетом общего хода Великой Отечественной войны;

- принцип объективности подразумевает описание исторической действительности, исходя из подлинных фактов и знаний закономерностей

общественного процесса, предполагающий всесторонний охват битвы за Севастополь, как изучаемого явления и применение специальных методов для получения исчерпывающей и многоплановой информации;

- принцип детерминизма позволяет рассматривать битву за Севастополь, как историческое явление, обусловленное определенными причинами и предпосылками, которые образуют причинно-следственные связи;

- сравнительный и системный анализ позволяют выявить тенденции развития боевых действий в ходе битвы за Севастополь, факторов военной обстановки, политических и международных аспектов, связанных с сражением, а также уровень жизни и трудовой подвиг горожан в осажденном городе, что позволяет более детально проследить пространственные и временные аспекты исследуемого явления;

- историко-биографический метод позволяет, анализируя историографию и мемуарную литературу, выявлять принципы и закономерности исторических эпох, которые оказывали существенное влияние на создание исследований по теме диссертации и мемуарно-биографической литературы.

Источниковую базу исследования составляют как опубликованные, так и неопубликованные документы из отечественных архивохранилищ следующих видов: делопроизводственная и нормативно-правовая документация; публицистика; периодическая печать периода военных и первых послевоенных лет; справочная литература и мемуары.

Автором изучен комплекс ***делопроизводственной документации*** (военного и гражданского происхождения), ранее не вводившейся в научный оборот и находящейся на хранении в Центральном Архиве Министерства Обороны (ЦАМО), Российском государственном военном архиве (РГВА), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и архиве ФСБ по Саратовской области. Всего в диссертации использованы материалы около 60 архивных дел, из них включены в исследование порядка

30, чьи хронологические рамки охватывают период с 1941г. по 1942г. Часть этих первоисточников до сих пор не доступна исследователям. Например, это касается судьбы документов частей, отражавших третий штурм города летом 1942г.

Во-первых, из документов семи советских дивизий, находившихся в Севастопольском оборонительном районе, - 25, 95, 109, 172, 345, 386, 388 стрелковых дивизий, а также 7, 8 бригады морской пехоты, 2, 3 полков морской пехоты и 79 стрелковой бригады многие документы были утеряны в боях. Связано это с тем, что битва за Севастополь закончилась достаточно трагически, масштабной эвакуации войск не проводилось, как следствие большинство частей погибли вместе со своим личным составом, знаменами и документацией.

Во-вторых, высший командный состав, убывший в эвакуацию, эвакуировал самые ценные, секретные документы, остальное уничтожалось.

В-третьих, даже из числа имеющихся документов частей и соединений, многие закрыты для исследователей и не рассекречены до сих пор, как например многие из документов 172 и 386 стрелковых дивизий. Так же отсутствуют документы по 109 и 308 стрелковых дивизиям, в фондах хранениях полностью отсутствуют материалы по этим подразделениям 1-го формирования, присутствуют только 2-го формирования. Отличия в формированиях заключаются в том, что когда подразделение прекращает свое существование, его тактический номер и название могут присвоить новому подразделению, таким образом «возродив его».

При исследовании темы диссертации серьезно облегчает работу тот факт, что документы по засекреченным или отсутствующим подразделениям могут находиться в фондах хранения других частей и соединений Севастопольского оборонительного района, что позволяет восполнить пробел. Эта специфика содержания архивных фондов произошла из-за особенностей поступления документов в архивы на хранение в военный и послевоенный период.

В ЦАМО и РГВА среди фондов хранения необходимо выделить следующие категории материалов по теме исследования. Во-первых, это основной первоисточник исследуемых событий, - журналы боевых действий частей и соединений войск Севастопольского оборонительного района. Так, представлены журналы 25, 345, 421, 345 стрелковых дивизий, а также 456 сводного полка НКВД.[79] А также документы кавалерийских частей, неоднократно менявших названия и переформировавшихся, но активно участвовавших в боевых действиях в Севастополе, 2 и 40 кавалерийских дивизиях.[80] В этой связи хотелось бы упомянуть единственный журнал боевых действий, в котором сохранились записи о последних боях в Севастополе. Этим документом является журнал боевых действий 25 стрелковой дивизии.[81]

Данные первоисточники из числа документации сражающихся воинских частей - единственное документальное свидетельство о состоянии советских войск в Севастополе с точным указанием их месторасположения. Кроме того, эти документы ярко свидетельствуют о том, что личный состав оборонительного района по-прежнему оставался в Севастополе и продолжал вооруженную, но уже не организованную борьбу.

Во-вторых, это первоисточники в виде боевых приказов и донесений. Например, Приказы войскам и боевые распоряжения отдела Инженерных войск Приморской Армии или руководящие документы вышестоящего руководства.[82] Они позволяют изучить обстановку в частях и соединениях Севастопольского оборонительного района. Например, эти документы позволяют узнать причины вывода из строя личного состава, не указанные в отечественной историографии и мемуарах.[83] Про пропавших без вести военнослужащих можно предположить, что это военнослужащие, которые

[79] ЦАМО. Ф. 1100. Оп.1. Д. 1; Ф. 1663. Оп.1. Д. 7; Ф.1740. Оп.1. Д. 1; Ф.1663. Оп.1. Оп. 7; РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 1.
[80] ЦАМО. Ф. 3532. Оп.1. Д. 5; Ф. 3570. Оп.1. Д. 11.
[81] ЦАМО. Ф. 1100. Оп.1. Д.1.
[82] ЦАМО. Ф. 32632. Оп.2817сс. Д. 2; Ф.3570. Оп.1. Д. 6.
[83] ЦАМО. Ф. 1663. Оп.1. Д. 14.

потерялись или замерзли в снежные и темные зимние ночи, но возможно это были и военнослужащие, попавшие в плен.

В-третьих, это оперативные и разведывательные сводки частей и подразделений,- например боевые сводки и донесения стрелковых дивизий и других подразделений: артиллерийских, авиационных.[84]

Отдельно стоит сказать о различных вспомогательных документах, хранящихся в фондах воинских частей Севастопольского оборонительного района. Среди исследователей, работающих в архивах, за такими документами давно и прочно закрепился термин «портяночные ведомости»,- это, как правило, разного рода бытовые и хозяйственные документы и финансовые документы о выдаче денежного содержания. Причем не стоит недооценивать их содержание, они позволяют восполнять исторические факты и события.[85]

Отдельно необходимо рассмотреть отражение действий войск НКВД в период обороны Севастополя 1941-1942 гг. в документах сражающихся соединений. Основными архивохранилищами по деятельности войск НКВД в период обороны Севастополя является Российский Государственный Военный Архив. В нем, представлены документы 456-го сводного полка НКВД,- уже упоминавшийся журнал боевых действий, а также схемы участков обороны и книга учета потерь личного состава.[86]

Среди документов РГАСПИ важное место по теме исследования занимают документы об учете партизанских отрядов, распоряжения, докладные записки и переписки ЦШПД, Крымского ШПД и ГРУ ГШ о диверсионно-разведывательной работе крымских партизан, о деятельности Крымского обкома партии, Севастопольского городского комитета ВКП (б), учетные дела диверсионных групп[87].

---

[84] ЦАМО. Ф. 1265. Оп.1. Д. 9; Ф. 1711. Оп.1. Д. 11.
[85]Боевой состав Советской Армии. Часть II. (Январь – декабрь 1942). М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966. С.13.
[86] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 2; Оп. 1. Д. 3.
[87] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 22. Д. 1506.; Ф.17. Оп. 22. Д. 1522.; Ф.17. Оп. 22. Д. .1523; Ф.17. Оп. 22. Д. 1525; Ф. 69. Оп. 1. Д. 437; Ф. 69. Оп. 1. Д. 971; Ф. 69. Оп. 1. Д. 660.; Ф. 69. Оп. 1. Д. 661; Ф. 69. Оп. 1. Д. 662; Ф. 69. Оп. 1. Д. 663; Ф. 69. Оп. 1. Д. 664; Ф. 69. Оп. 1. Д. 665; Ф. 69. Оп. 1. Д. 666.

Из фондов РГАЭ были использованы документы, посвященные формированию и деятельности авиационных групп, приказы, положения, инструкции, списки личного состава, оперативные донесения, докладные и объяснительные записки летно-подъемного состава МАГОН (всего 14 дел)[88].

Основным *нормативно-правовым* документом Красной армии, представляющим значительный интерес для исследования, был Полевой устав РККА (ПУ- 39), принятый в 1939г.[89] В нем, как и в любых других иностранных аналогах того времени расписывалась вся деятельность Красной Армии, в том числе и оборонительные мероприятия.[90] Например, в нем указывался порядок действий в обороне, как это было в период битвы за Севастополь в 1941-1942гг. в Севастополе.[91]

В целом, проанализировав как архивную, так и опубликованную делопроизводственную и нормативную документацию из архивохранилищ, нужно сказать, что она представляет собой исключительно важный источник по обороне Севастополя. Но необходимо отметить и существенные минусы в этом вопросе. Хотелось бы согласиться с мнением современного отечественного исследователя И.Маношина, который говорил, что «документов, проливающих свет на боевые действия войск СОРа за период с 13 июля 1942г. и последующие дни, в архивах практически нет (боевые приказы, донесения, распоряжения, сводки и т.п.). Эти обстоятельства создают особые трудности в проведении исследования».[92]

Публицистика (военно-политическая литература) военных и первых послевоенных лет является еще одним немаловажным информационным ресурсом по теме диссертации. При изучении изданий периода Великой Отечественной войны первым из них является сборник документов и материалов по обороне Севастополя 1941-1942 гг. «Боевые подвиги

---

[88] Ф. 9527. Оп.5. Д. 52; Оп.5. Д.90; Оп.5. Д.92; Оп.5. Д.111; Оп.5. Д. 122; Ф. 9527. Оп.5. Д.183; Оп.5. Д. 191; Оп.5. Д. 212; Оп.5. Д.215; Оп.5. Д. 251; Оп.5. Д. 252; Оп.5. Д. 266; Оп.5. Д. 268; Оп.5. Д.1264.
[89] См. Полевой устав РККА (ПУ-39). - М.: Военное издательство НКО СССР, 1939.
[90] Там же. С.52.
[91] Там же. С.37.
[92] Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. - С.28-29

черноморцев. Выпуск №5. Моряки в боях за Севастополь», изданный в 1941г.[93] В нем рассказывается о героической деятельности защитников Севастополя: «Но где бы ни пытался прорваться враг, всюду его встречают удар, огонь, штык, тяжелые снаряды, авиационные бомбы, инициатива, храбрость и смекалка моряков и красноармейцев, которым выпала честь, под руководством славных наших генералов и адмиралов, защищать исторический город».[94] В издании впервые в литературе, а не в газетных передовицах отражается боевая деятельность командиров батарей: М. Драпушко, Матюшенко, о бронепоезде Железняков.[95]Стоит отметить то, что это издание не сильно политизировано, даже не смотря на то, что было издано политуправлением Черноморского флота.

В 1942г. серию военно-политической литературы продолжил военно-исторический очерк Б.А. Лавренева «Людмила Павличенко».[96] В нем рассказывается о снайпере Л.М. Павличенко, на счету которой к июлю 1942г. было 309 уничтоженных немецких солдат и офицеров, она сражалась в рядах знаменитой 25-ой Чапаевской дивизии.[97] Очерк написан очень патриотично, легко читается и не политизирован.

Следующим по хронологии изданием стал сборник, на страницах которого были опубликованы документы и материалы военнослужащих, политработников и ряда других лиц из публикаций периодической печати,- «Севастополь. 250 дней героической обороны».[98] Представляет собой исторический интерес и то, что руководство СССР, осознавая значительный вклад битвы за Севастополь в ход войны, уже на следующий месяц после окончания вооруженной борьбы, в июле дало разрешение на издание сборника, а в августе 1942 г., то есть на второй месяц окончания битвы, книга

---

[93] См. Боевые подвиги черноморцев. Выпуск №5. Моряки в боях за Севастополь.- Б.м.: Издательство Политуправления ЧФ, 1941.- 48с.
[94] Там же. С.2
[95] Там же. С.34-38
[96]Лавренев Б.А. Людмила Павличенко.- М.: Военно-морское издательство, 1942г.- 39с.
[97] Павличенко Людмила Михайловна. 12.07.1916-27.10.1974. Герой Советского Союза// Герои страны. - [Электронное издание]. Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=261 (проверено 10.01.2022)
[98] См. Севастополь. 250 дней героической обороны.- М.Л.: Военмориздат, 1942.- 420с.

была издана. В сборник вошли статьи, очерки, корреспонденции, напечатанные в газетах, многие из материалов были опубликованы впервые, при этом материалы сборника сгруппированы по трем разделам, соответственно этапам героической обороны Севастополя.[99]

В материалах сборника приводятся «политически грамотные» параллели с историческими событиями: «Было время, в восемнадцатом году его (Крым - Е.С.) захватили немцы, но он просто был вероломно сдан меньшевиками,- «пятой колонной» того времени и разграблен. Очень легко, благодаря низкой и подлой измене достались тогда его богатства немцам; очень легко и быстро тогда немцы овладели всей Украиной, Крымом и Северным Кавказом, и не это ли дало им повод объявить «молниеносную войну», которую они начали против могучего Советского Союза?».[100]

На страницах сборника опубликована и статья вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, который командовал Севастопольским оборонительным районом, в котором говорится: «Враг вошел в город через горы своих трупов, вошел, захлебнувшись своей собственной черной, подлой кровью. Слишком дорого далась немцам так называемая «победа». Это Пиррова победа. Факт этот немцам не удастся скрыть от мирового общественного мнения, как бы они этого не хотели. Потеряли они много, а приобрели, - руины».[101] О советских же потерях, как материальных, так и людских, Ф.С. Октябрьский, не упоминает вообще.

Наиболее массово военно-политическая литература издавалась в 1943г. В 1943г. публикуются сборники: «Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов»; «Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов»; «Слава флота. Материалы о героических защитниках».[102] Все эти издания представляют собой сборник статей из периодической печати, в

---

[99] Севастополь. 250 дней героической обороны. Указ.соч. С.1.
[100] Там же. С.18.
[101] Там же. С.3.
[102] См. Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов.- Б.м.: Политуправление ЧФ, 1943.- 24с.; Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов.- Б.М.: Политуправление ЧФ, 1943.- 24с.; Слава флота. Материалы о героических защитниках Севастополя / М.: ГПУ ВМФ, 1943.- 53с.

них идет речь о значении Крыма в составе СССР, ужасах немецкой оккупации, в том числе затрагивается вопрос обороны Севастополя 1941 - 1942 гг. В этой военно-политической литературе впервые отражается участие гражданского населения городской агломерации в обороне города, в его вкладе в общую с армией и флотом борьбу: «Не было в городе такой семьи, которая так или иначе не была бы связана с флотом. Так повелось исстари, и это создало неразрывные связи флота с городом, которые так ярко проявились в дни героической обороны города в 1941 - 1942 гг., когда Севастополь наравне с флотом и Приморской армией защищало и его население. В последние дни июльских боев в 1942г. жители города вместе с краснофлотцами и красноармейцами дрались на руинах пылавшего Севастополя, отбивая натиск немецко-румынских орд. Так дрались железнодорожники в районе вокзала, дрались безвестные герои на улицах Ленина, Фрунзе и в переулках «морской столицы». Пользуясь превосходством сил, немцам удалось захватить Крым и Севастополь. Глубоко оскорблена наша национальная честь, наша национальная гордость».[103] В военный период авторами активно использовались прямые аналогии с историческими событиями, для отражения современности и всестороннего поднятии воинской дисциплины и духа военнослужащих. Все эти три издания преследовали цель,- показать значимость Крыма в составе СССР, отразить героическую оборону Крыма и Севастополя, рассказать о немецком оккупационном режиме и деятельности партизан. Исторический интерес так же может представлять то, что в этих политизированных изданиях впервые в отечественной историографии и мемуарах по теме исследования было отражено участие коллаборационистов из числа советских граждан.[104] Это может быть объяснено тем, что это издание было выпущено в годы войны, когда подобные прецеденты, были известны советским военнослужащим, их не возможно было скрыть, но отражалась

[103] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.4.
[104] Там же. С.8-10.

исключительно в единичных случаях и с правильной идеологической позиции. Но все же, главной целью этих редких военно-политических изданий было усиление пропагандисткой работы в рядах сражающейся Советской армии.

Следующим военно-политическим изданием, представляющим интерес, является изданный в 1946г. сборник документов и материалов «Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг.».[105] Задачи данного издания охарактеризованы следующим образом: «Издавая настоящий сборник, Крымская комиссия по истории Великой Отечественной Войны не ставила перед собой цели опубликовать все материалы, относящиеся к истории обороны Севастополя. Сборник составлен в основном из документов, статей и различных материалов, в своё время печатавшихся в центральной и крымской печати. В его разделах последовательно изложены события, развернувшиеся на протяжении трех штурмов, которые немецко-фашистские захватчики предприняли против города-героя, и будни осажденного Севастополя в период относительного затишья. В отдельных разделах помещены материалы помощи партизан защитникам крепости, о военно-политических итогах Севастопольской обороны и материалы иностранной печати с оценкой обороны».[106]

Сборник документов и материалов «Героическая оборона Севастополя в 1941-1942 гг.» можно охарактеризовать как политизированный и публикующий необъективные цифры потерь, - «по приказу Верховного Командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. Советские войска потеряли с 7 июня по 3 июля 11385 человек убитыми, 21099 ранеными, 8300 пропавшими без вести, 30 танков, 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые из Севастополя эвакуированы».[107] Но в то же самое время, интересной особенностью

---

[105]См. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг. Сборник документов и материалов.- Симферополь: Крымиздат, 1946. - 292с.
[106] Там же. С.4.
[107] Там же. С.263.

является то, что в этом издании 1946г. упоминаются и военнослужащие, попавшие в плен в июле 1942г., когда город уже официально оставлен, а гарнизон «полностью» эвакуирован: «Генерал-майор П.Г. Новиков был назначен временно исполняющим обязанности Севастопольского оборонительного района в ходе эвакуации командующего Черноморским флотом адмирала Ф.С. Октябрьского и генерала И.Е. Петрова. А уже 3 июля, при попытке эвакуации в Новороссийск на сторожевом катере № 0112 вблизи Ялты в ходе боестолкновения с немецкими торпедными катерами Новиков раненым попал в плен вместе с рядом других старших офицеров».[108] Судьба последнего командира Севастопольского оборонительного района была трагична,- в августе 1944г. генерал-майор П.Г. Новиков в концентрационном лагере Флоссенбюрг был убит охранниками.[109] О немецко-румынских потерях за первые десять дней третьего штурма Севастополя сказано так: «От девяти вражеских дивизий остались только номера. Громадное число убитых и раненых вынудило немецкое командование бросить в бой саперов, химиков и обозников».[110] Таким образом, сборник документов и материалов «Героическая оборона Севастополя в 1941-1942 гг.» был призван отразить героизм обороны, усилить политико-патриотическую победу СССР в Великой Отечественной войне. Он представляет собой характерный образец документальной литературы эпохи 1940-ых годов, когда в общем объеме политизированной информации, упоминались редкие объективные факторы, которые были убраны в дальнейшей отечественной историографии и мемуарах почти полностью.

Определенную ценность для труда представляют материалы ***периодической печати***. В первую очередь это относится к изданиям сражающегося Севастополя, это газета «Красный Черноморец». В выпусках этой газеты содержится разносторонняя информация о многих сторонах происходившего сражения, проводимой работе со стороны партийных,

---

[108] Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг. С.241.
[109] Свердлов Ф.Д. Советские генералы в плену.- М.: Издательство фонда «Холокост», 1999. С.42.
[110] Героическая оборона Севастополя 1941-1942гг. С.197.

военных, общественных организаций. Например, отражается такая малоисследованная тема, как контроль за санитарно-эпидемиологическим состоянием города и войск: «Фронт находится близко от города, а там, у завшивевших гитлеровских бандитов свирепствуют заболевания, в том числе сыпной тип. Гитлеровская армия- это разносчик заразы. Необходимо принять все меры к тому, чтобы оградить нашу армию, наш тыл от проникновения эпидемии. Санитарное дело - это оборонное дело. Поэтому необходимо ежедневно уделять ему серьезное внимание».[111] Это неизвестный аспект деятельности гражданских и военных медиков, который помогает понять, что деятельность медицины в обороне Севастополя носила разносторонний характер. Интересны и другие малоисследованные аспекты севастопольской эпопеи, отраженные на страницах газеты «Красный Крым». В предвоенный период СССР планировал и начал реализовывать строительство крупных линкоров по «проекту 23», чье водоизмещение составляло 65 тысяч тонн, но из-за начала войны этот проект не был осуществлен, хотя подготовительные мероприятия были проведены. Такими подготовительными мероприятиями были закладка корабля в Николаеве и проведение учений с отдельным отсеком линкора в Севастополе. Этот отсек по инициативе офицеров Черноморского флота, с разрешения командующего флота стал опытной площадкой для задела плавучей зенитной батареи. Эта зенитная батарея была введена в строй в августе 1941г., получила название плавбатареи №3 и неофициальное название - «Не тронь меня!». Эта плавбатарея сражалась почти год, до середины июня 1942г., когда в ходе третьего штурма не была уничтожена авиацией противника. На страницах газеты о ней писалось таким образом: «У стенки в Севастопольском порту стояла металлическая коробка. То ли о ней забыли, то ли нашли, что она уже свое отслужила, но коробка продолжительное время покачивалась на воде. Дно ее поросло ракушками, на бортах выступала ржавчина. Какой- то озорник с Корабельной стороны окрестил коробку «бандурой», и обидное прозвище пошло гулять по городу.

[111] Тиф не спит! // Красный Крым. 24 марта 1942г.- № 83 (5412).- С.1

Но усилиями флота она стала сильным подспорьем защитникам. Случалось, что фашисты предпринимали в день по двенадцать - четырнадцать налетов. На палубе не было свободного уголка - все было завалено гильзами. С утра до позднего вечера артиллеристы стояли у орудий в боевой готовности №1. Перерывы в стрельбе не достигали и десяти минут. Но трудности и опасности только крепче закалили дружный коллектив батареи».[112] Эта плавучая батарея - характерный пример военного экспромта защитников Севастополя, который позволил значительно усилить противодействие вражеской авиации.

Также при подготовке диссертации был использован один из номеров оккупационной газеты «Новый путь» (издавалась в Смоленске), на первых страницах которой освещались события Великой Отечественной войны, и был представлен взгляд на события в Крыму с позиции оккупационных властей[113].

Большую помощь в подготовке диссертации оказала ***научно-справочная литература***.[114] Содержащиеся в ней статьи и материалы по разнообразным вопросам исторической науки и практики, непосредственно или косвенным образом затрагивающие исследуемую тему, помогают разобраться с некоторыми затруднениями, требующими разрешения. Благодаря этому, удается шире и разностороннее осветить тему обороны Севастополя 1941-1942 гг.

Важное значение в раскрытии темы диссертационного исследования имеет ***мемуарная литература***, которая позволяет существенно дополнить представления о происходивших в Севастополе в период обороны

---

[112] Не тронь меня! // Красный Крым 14 февраля 1942г. № 45 (5374). С.2.

[113] Новый путь. - 11 января 1942 г. - № 3 (24).

[114] Анохин В.А. Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия.- М.: Яуза-пресс, 2014.- 944с.; Шунков В.Н. Оружие и военная техника, изменившие ход истории. История вооружений от глубокой древности до наших дней.- М.:АСТ, 2013.- 320с.; Шунков В.Н Оружие вермахта.- Минск: Харвест, 1999.- 480с.; Шунков В.Н. Энциклопедия артиллерии особой мощности. Минск: Харвест, 2004.- 448с.; Борисова Н.А., Марченков В.К., Орлов В.В. История радиосвязи в экспозиции Центрального музея связи имени А.С.Попова: Каталог (фотоальбом).- СПб.: Центральный музей связи имени А.С.Попова, 2008- 188с.; Котельников В. Самолеты-гиганты СССР.- М.: Яуза, Эксмо, 2009.- 288с.; Боевой состав Советской Армии. Часть II. (Январь – декабрь 1942). - М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966.

1941-1942 гг. событиях. Официальные данные не всегда передают особенности происходящих событий, в стороне остаются переживания, поступки людей, оценка событий в специфических условиях ведения боевых действий.

Мемуарную литературу о битве за Севастополь нужно разделить на ряд категорий. Во-первых, надо понимать, что мемуары командного состава значительно отличаются от воспоминаний рядового и сержантского состава армии и флота. Связано это с тем, что участники событий выполняли общую задачу борьбы с врагом, но при этом офицерский состав был гораздо более информирован, обладал большими коммуникационными возможностями и, как следствие, имел более широкий кругозор о происходивших событиях. Один из рядовых военнослужащих группы особого назначения 017, которая обеспечивала охрану и эвакуацию высшего командного состава оборонительного района и партийного руководства Севастополя, Петр Монастырский вспоминал о том, что у них не было никакой информации о возможной эвакуации личного состава, но именно его группа обеспечивала эвакуацию старшего командного состава: «В штольнях штаба Приморской Армии мне пришлось быть одним из последних, штаба там уже не было, но все документы были брошены, видно, что командование спешило бежать. Поэтому до сих пор сомневаюсь в искренности, не верю басням начальников севастопольской обороны».[115] Во-вторых, на написание и публикацию воспоминаний о битве за Севастополь накладывала серьезный отпечаток цензура в виде советской общественно-политической системы, где отражались только героические события в войне, имело место замалчивание поражений и аккуратное сглаживание проблемных моментов. Севастопольская эпопея, в силу трагического ее окончания, была тем событием, которое отечественная историография и мемуары старались подавать в правильном идеологическом виде. Причем закрытость информации сохраняется до наших дней и в мемуарной литературе, если

[115] Шестаков А.С. Указ.соч. С.67.

после написания они были не изданы автором, а сразу направлены в архивохранилища на хранение. Так, записки капитана 1-го ранга Александра Куприяновича Евсеева, отвечавшего за эвакуацию имущества из Севастополя в 1941-1942 гг., были «сделаны в декабре 1942г., рассекречены по просьбе руководства «Музея 35 береговая батарея» только в 2015г. Судьба записок Евсеева,- наглядный пример идеологической фильтрации исторически значимых материалов».[116] Цензурирование и политизированность мемуаров началось с первых публикаций и продолжалось вплоть до конца 1980-ых годов, а в дальнейшем в связи с общественно-политическими изменениями в России у защитников Севастополя появилась возможность публиковаться без идеологического контроля.

В отечественных мемуарах о битве за Севастополь необходимо выделить ряд периодов: мемуары военной поры и до конца 1940-ых годов, которые представляют собой значительную историческую ценность и которые слабо изучены исторической наукой. Следующим периодом является эпоха 1950-1980-ых годов, когда были изданы воспоминания руководителей обороны Севастополя из числа армейских и флотских военачальников, которые позволяют изучить оборону Севастополя с позиций командного состава. Начиная с 1990-ых годов, публикуются мемуары защитников Севастополя, не изданных ранее в силу идеологического контроля, которые значительно дополняют и освещают события севастопольской эпопеи. Кроме того, уже в начале XXI века, начинают издаваться мемуары «детей войны», открывающие совершенно новый пласт исторического знания и показывающие жизнь и деятельность простого гражданского населения в условиях блокады города.

Первые воспоминания участников обороны Севастополя начали выходить ещё в годы войны. Причём в тот период, когда борьба за город еще продолжалась. События, описываемые очевидцами, были свежи в памяти, однако в виду того, что они описывались без цельного видения ситуации

[116] Вершков С.Д. Указ.соч. С.134.

(многие документы, касающиеся обороны, носили закрытый характер), мемуары страдали односторонностью и эмоциональностью.

Одними из первых были опубликованы мемуары советских военнослужащих А. Хамадана, непосредственно принимавшего участие в обороне Севастополя - «Севастопольцы. Записки военного корреспондента».[117] Судьба автора была достаточно трагична, он был специальным корреспондентом в США, специальным корреспондентом ТАСС на фронтах Отечественной войны. Весной 1942 г. А. Хамадан привез в московскую редакцию свои записи и убыл обратно в Севастополь, где уже летом 1942 г. попал в плен после окончания борьбы за город, а в 1943 г. был расстрелян гестаповцами в оккупированном Севастополе[118]. Мемуары Александра Моисеевича охватывают период обороны Севастополя до весны 1942 г., его воспоминания написаны интересным и живым литературным языком, кроме того он описывает малоизвестные подробности обороны города: «Мы узнаем, что на рассвете группа наших бойцов подобралась к немецкому окопу на той стороне. В окопе трое немцев. Один бросил винтовку и поднял руки. Двое других, автоматчики, сопротивлялись. Пришлось их прикончить. Пленного увели с собой. По его словам, он перебежчик. Его привели на НП, вернее он прополз меж камней и кустарников вместе с нашим бойцом часа два спустя. Он назвался Гербертом Алекси. Молодой тощий парень с острыми скулами рассказал нам любопытную историю. Алекси Герберт считает себя перебежчиком уже три недели. На фронт под Севастополь он прибыл в начале февраля 1942 года. Ему и раньше не нравилась война, он не фашист, простой рабочий, хочет жить. Но погнали на войну. В дороге сошелся с несколькими солдатами. Порешили сдаться в плен. Но дело это, оказывается, весьма сложное. Следят офицеры,- пристреливают подозрительных, как собак».[119] Как видно из этих

[117] Хамадан А. Севастопольцы. Записки военного корреспондента.- М.: Молодая Гвардия, 1942. - 126с.
[118] Хамадан А. Записки корреспондента.- М.: Советский писатель, 1968. С.2.
[119] Хамадан А. Записки корреспондента. С.106.

воспоминаний, попытки сдачи в плен были, в том числе и среди немецких военнослужащих.

В том же 1942 году появилась работа Е.П. Петрова, соавтора Ильи Ильфа, «Фронтовой дневник».[120] Касаясь третьего штурма города, автор так описывает события: «Города почти нет. Нет больше Севастополя с его акациями и каштанами, чистенькими тенистыми улицами, парками, небольшими светлыми домами и железными балкончиками, которые каждую весну красили голубой или зеленой краской. Он разрушен. Но есть другой, главный Севастополь, город адмирала Нахимова и матроса Кошки, хирурга Пирогова и матросской дочери Даши. Сейчас это город моряков и красноармейцев, из которых просто невозможно кого-нибудь выделить, поскольку все они герои. И если мне хочется привести несколько случаев героизма людей, то потому лишь, что эти случаи типичны».[121] С началом войны Е.П. Петров становится военным корреспондентом, приезжает в Севастополь в мае и описывает пребывание в городе до своей эвакуации 26 июня 1942г. Уже возвращаясь в Москву из Севастополя, он погибнет 2 июля в сбитом самолете.

Оба мемуариста в своих воспоминаниях отражают героизм сражающихся советских войск через призму политической обстановки. Схожие по своему информационному содержанию мемуары военной эпохи были изданы Г.К. Главацким «В боях за Севастополь», Е.С. Юнгом «За тебя, Севастополь!», П.И. Мусьяковым «На защите Севастополя».[122] Они представляют скорее историографический интерес для исследования как мемуары, изданные в данный период, чем исторический интерес, так как крайне политизированы.

Следующими по хронологии мемуарами, отражающими проблематику исследования, были работы, изданные в 1945г. Это воспоминания

---

[120] Петров Е.П. Фронтовой дневник. - М.: Советский Писатель, 1942. - 130с.
[121] Хамадан А. Записки корреспондента. С.40.
[122] Главацкий Г.К. В боях за Севастополь. Тбилиси. - Заря Востока, 1943.- 120с; Юнг Е.С. За тебя Севастополь! М.: ГПУ СА и ВМФ, 1943. - 47с.; Мусьяков П.И. На защите Севастополя,- М.: Госполитиздат, 1943.- 40с.

П.А. Сажина «Щит Севастополя. Записки военного корреспондента», Д.М. Холендро «В Крыму», И.Е. Корзунова «На боевом курсе. Записки офицера авиации», Н.А.Воробьева «Батарея №365».[123] Все эти мемуары отражали в основном героизм защитников Севастополя, были в меру политизированы и фактически не содержали новой информации. Однако некоторые сведения могут представлять исторический интерес. Так П.А. Сажин, говоря о судьбах защитников города, после эвакуации личного состава писал: «В последние часы обороны из бухт уходили корабли, с аэродрома поднимались последние самолеты. Потом ушли и части, осталась лишь одна зенитная батарея».[124] О судьбе этой «последней батареи» П.А. Сажин рассказывает так: «Зенитчики уходили на плоту, немцы вели интенсивный артиллерийский огонь, но они были забраны подводной лодкой»[125]. Данные мемуары явились самыми неправдоподобными из всех встреченных автором при написании научной работы. Интересны мемуары И.Е. Корзунова тем, что в них достаточно открыто говорится о не очень профессиональной подготовке ВВС РККА в предвоенный период: «Почему же совесть была неспокойна после первого полета? Не было уверенности, что точно выполнено задание. Бомбили приблизительно, без точного прицела и потому навряд ли очень эффективно. Сразу стали ясны дефекты подготовки, которая всего несколько часов назад казалась очень хорошей, да и в самом деле была неплоха».[126] Таким образом, это были первые мемуары, в которых была отражена критика ведения боевых действий СССР самими ветеранами войны, причем автор в 1943 г. стал Героем Советского Союза. Но в то же самое время мемуарист ничего не пишет об эвакуации личного состава, а ведь авиация, так же как и армия, не может сосуществовать без технических и обслуживающих служб. Только в наши дни, в неопубликованных мемуарах

---

[123] Сажин П.А. Щит Севастополя.- Симферополь: Красный Крым, 1945. - 89 с.; Холендро Д. В Крыму: из записок военного корреспондента / Д. Холендро.- Симферополь: Красный Крым, 1945. - 99с.; Корзунов И.Е. На боевом курсе. Записки офицера авиации. М.-Л.: 3-ья типография Военмориздата в Москве, 1945. - 96с.; Воробьев Н. Батарея №365.- М.-Л.: Военмориздат, 1945. - 84с.
[124] Сажин П.А. Указ.соч. С.20.
[125] Там же. С.23.
[126] Там же. С.8.

защитников Севастополя, прослеживается судьба технического персонала авиационных подразделений Севастополя. Так рядовой боец 12-ой авиабазы Севастополя Василий Андреевич Макруша вспоминал, что после вылета последних самолетов на Кавказ техники и обслуживающий персонал базы были предоставлены сами себе и вступили в бои на суше с войсками противника. А окончание Севастопольской эпопеи для него произошло следующим образом: «6-го июля я попал в плен в районе Голубой бухты, небольшие группы наших бойцов оказывали сопротивление немцам до 17-го июля 1942г.».[127]

Определенный интерес вызывают воспоминания известного советского поэта и прозаика, военного корреспондента газеты «Красная Звезда» Константина Симонова, который несколько раз побывал в рассматриваемый период в Керчи, Феодосии и Севастополе[128]. За кадром официальных сводок, отчетов оборонявшихся советских войск оставалось повседневное поведение личного состава войск и гражданского населения, оставшегося в Севастополе. Погрузившись в сложившуюся обстановку, автор сумел передать трагизм положения советских войск.

В целом мемуары периода освобождения города мало отличались от опубликованных воспоминаний сразу после оставления Севастополя неприятелю. Мемуары военного периода освещали в основном героизм защитников города. Отличительной чертой этого периода мемуаров можно считать эмоциональность ее авторов и политическую ангажированность. После победы в Великой Отечественной войне мемуарную литературу в период с конца 1940-х годов до середины 1950-х годов можно охарактеризовать как послевоенное переосмысление происходящих в годы войны событий. Кроме того, продолжается цензурирование публикуемых материалов, когда по максимуму замалчиваются нелицеприятные моменты. В изучении проблематики истории второй обороны города одним из таких

[127] Шестаков А.С. Указ.соч. С.65.
[128] Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. - М.: Художественная литература, 1982. Т. I. - 479 с.

ключевых моментов является вопрос окончания обороны Севастополя и эвакуации гарнизона.

Например, в 1947 году публикуются мемуары Г.Э.Сорокина «На Черном море. Записки военного корреспондента».[129] Данное издание политизировано также, как и издания военного периода, где значительное количество информации уделено роли Сталина в войне: «Скажем Сталину: летчики 5-го гвардейского полка выполнят до конца свой воинский долг!».[130] О судьбе технических специалистов, без которых невозможно полноценное функционирование авиационного подразделения, Г.Э. Сорокин так же не упоминает, как и о судьбе оставшихся в Севастополе защитников города. В свою очередь, о судьбе технического персонала рассказывал в своих неопубликованных воспоминаниях П.Т. Вязовенко, авиационный техник соседнего гвардейского 9 истребительного авиационного полка. Петр Тихонович вспоминал, что «об эвакуации разговоров пока не было, но вот 2-го июля раньше шести часов мы заправили самолеты ЯК-1 горючим по полному баку и наши самолеты улетели на большую землю, 3 июля организованной обороны уже не было, разрозненные части вели ожесточенный бой на поле аэродрома. С 5-го июля двинулись в путь как пленные в Джанкой и Симферополь».[131] Как видно из двух воспоминаний советских военнослужащих хорошо прослеживается вся специфика советских мемуаров, когда публиковались воспоминания только тех защитников, которые придерживались официальной точки зрения. Интересно и то, что Григорий Эммануилович в 1949г. был осужден в ходе «борьбы с космополитизмом» на 10 лет заключения и скончался в местах лишения свободы в 1953г., что послужило запретом на дальнейшую публикацию его мемуаров, которые стали библиографической редкостью.

Значительный исторический интерес представляют собой мемуары российских коллаборационистов об обороне Севастополя, так как позволяет

---

[129] Сорокин Г.Э. На черном море. Записки военного корреспондента. Л.: Лениздат, 1947. - 183 с.
[130] Там же. С.81.
[131] Шестаков А.С. Указ.соч. С.63.

взглянуть на борьбу за город со стороны бывших граждан СССР, но в тоже время, ставших противниками своей родины. Эти воспоминания выходили в период военных и первых послевоенных лет.

В 1943г. в оккупационной газете «Голос Крыма» была опубликована статья «Херсонесский маяк и батарея 35». Эта статья была реопубликована уже в наши дни исследователем С.Б. Филимоновым в газете «Крымское время».[132] Ее автором являлся севастополец, бывший старший лейтенант Красной Армии Г.Корнев, в своей статье он писал об окончании обороны города на территории Херсонесского маяка и 35 береговой батареи: «под мощными ударами германских войск севастопольские остатки Красной Армии стекались в бухты и в конце концов к Херсонесу и к 35 батарее, ведя бессмысленное кровопролитие».[133] Статья, к сожалению, не могла не содержать антибольшевистской, антисемитской, сеющей среди советских людей пораженческие настроения пропаганды. Но при этом данная статья одна из первых содержала воспоминания участника о трагедии окончания Севастопольской эпопеи. Несмотря на серьезный, необоснованный антисемитский уклон, указанная статья представляет для исторической науки особый интерес, так как она была опубликована представителем советских коллаборационистов, на службе нацисткой Германии.

Огромный интерес представляют собой мемуары Б.Н. Ширяева, изданные эмигрантской периодической печатью в журнале «Часовой» в 1948 году.[134] Печатался он под псевдонимом Алексея Алымова, под тем же псевдонимом он в 1952г. в Буэнос-Айресе издал книгу «Ди-Пи в Италии» на русском языке. Русский писатель эмигрант Б.Н. Ширяев был человеком трудной судьбы, штабс-капитан Российской Императорской Армии, воевавший на фронтах Первой Мировой Войны, не принявший советскую власть, он неоднократно подвергался арестам и ссылкам в СССР. Позже

---

[132] Филимонов С.Б. Последние дни обороны Севастополя. Малоизвестное свидетельство из 1943 г. // Крымское время. №19. - 2013. С.20.
[133] Корнев Г. Херсонесский маяк и 35 батарея. //Голос Крыма. Симферополь.- 1943, 2 июля.
[134] См. Приложение № 2. Статья А. Алымова Земля, кровью омытая в журнале «Часовой».

Б.Н. Ширяев стал коллаборационистом и капитаном РОА во Второй Мировой Войне, но по прежнему пытался интересоваться своей родиной, посвящая свободное время написанию произведений, и четко стоявший на антибольшевистских позициях. Так он публиковался на территории Крыма в газете «Голос Крыма», основном русскоязычном коллаборантном издании оккупированного Крыма. Журнал «Часовой», ежемесячный журнал, орган связи русского воинства за рубежом, освещал жизнь русской эмиграции, в основном из военных, публиковал новости из «горящих точек», статьи по истории русской армии и многое другое. Статья Б.Н. Ширяева «Земля, кровью омытая. К 6-ой годовщине битвы за Севастополь»[135], вышла в тираж в 1948 г. в № 276, носит характер мемуаров, ведь в ней описываются Севастополь и личные впечатления автора в 1943г.: «мне удалось попасть в Севастополь лишь спустя год после агонии этого города-героя и дважды страдальца».[136] Борис Николаевич описывает оборону Севастополя через ключевые события, например, подрыв Инкерманских штолен в конце обороны Севастополя, при этом, подчеркивая свое отторжение по отношению к СССР, использует дореволюционную топонимику: «Глинистые бугры Аккермана,- свидетели небывалого, невозможного в русской истории, но естественного в истории советской,- позора. После первых воздушных бомбардировок города сюда были свезены раненые, семьи младшего и среднего комсостава, часть жителей города. Однажды ночью холмы задрожали от ряда глухих взрывов. Тяжелые пласты глины и камня поползли вниз, наглухо замыкая все выходы из подземелий. Красное командование, отступая, не смогло или не пожелало эвакуировать укрытых в подземельях женщин, детей и инвалидов - русских людей. Вернее, как это покажут следующие акты трагедии, не пожелало. Что значит для интернационала двадцать тысяч русских?».[137] Эта информация о якобы погибших во время подрыва арсенала гражданских лицах и раненных военнослужащих

[135] Алымов А. [Б.Н. Ширяев] Земля, кровью омытая// Часовой.- Париж, 1948.- №276.
[136] Там же. С.17.
[137] Там же. С.17.

противоречит современным исследованиям, которые носят объективный, а не идеологизированный характер. Так И.С. Маношин отмечает, что подрыв был осуществлен только после того, как саперы убедились в отсутствии людей на уничтожаемом объекте.[138] Особый интерес в статье Б.Н. Ширяева представляет собой окончание второй обороны города на 30 береговой батарее и эвакуации командования, при этом автор использует немецкую, а не советскую терминологию: «Форт Максим Горький,- одно из сильнейших укреплений Севастополя. В центре его покосившаяся и покоробленная огромная стальная черепаха главного бункера. Из нее торчат два огромных дула непомерной величины. Бункер шестью этажами уходит вглубь земли. Даже и теперь, спустя год, молчаливый и искривленный, он все же непреодолимая твердыня. Более месяца выдержал Максим Горький беспрерывную бомбардировку тяжелой артиллерии и удары с воздуха. Форт устоял. Его защищали русские солдаты. Но их начальники были те, кто предал Россию, те, кому партбилет ВКП(б) заменил русское сердце. После месяца невероятного напряжения, радио форта приняло шифрованный приказ Москвы и в ту же ночь высшие чины красного командования фортом бежали тайным ходом на побережье, взорвав центральный бункер вместе с его истинными защитниками. Не немецкие бомбы искривили его покрытие, а руки тех, чью грудь украшают теперь ордена Кутузова и Суворова. Прошел год, но приблизиться к бункеру невозможно. Тяжелый трупный смрад захватывает дыхание. Сколько их там, в этом стальном гробу?!».[139] Б.Н. Ширяев отмечал, что на мысе Херсонес «тут и там белеют кости, кости русских солдат, обреченных и преданных, но, как и прежде выполнивших свой долг до конца».[140] Это воспоминание о фактическом отсутствии общепринятых воинских захоронений капитана РОА, скорее всего, имело место быть. Связано это с тем, что после окончания битвы за Севастополь

[138] Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. С.87
[139] Алымов А. [Б.Н. Ширяев] Указ.соч.- С.18. От автора: Речь идет о ББ №35, вице-адмирале Ф.С. Октябрьском и генерал- майоре И.Е. Петрове.
[140] Там же. С.19.

немецкими и румынскими войсками проводились захоронения советских военнослужащих, путём привлечения советских военнопленных, под контролем противника, причем в хаотичном порядке, без соблюдения соответствующих воинских ритуалов, буквально используя воронки и естественные природные укрытия. Несмотря на свою враждебную позицию по отношению к СССР и Российской Федерации, как правопреемнице и правообладательнице, воспоминания коллаборациониста Б.Н. Ширяева представляют собой определённую историческую значимость, позволяя взглянуть на битву за Севастополь с позиции противников советского государственного строя.

Можно сказать, что политическая ангажированность в воспоминаниях советских защитников Севастополя и их противников, из числа бывших советских граждан была обоюдной. Что говорит о том, что Великая Отечественная война стала еще и ярким примером общественно-политических столкновений различных групп общества в истории России, вылившимся в коллаборационизм определённой части советских граждан. И битва за Севастополь стала именно тем местом, где столкнулись две противоположные общественно-политические точки зрения: за многонациональную родину и защиту конституционного строя СССР или за открытое предательство и сотрудничество с врагом. В отечественных мемуарах не прослеживается случаев открытого и массового участия коллаборационистов, например, в битве за Москву, но в то же самое время подобные случаи были на Южном фронте, а именно в Крыму. Как отмечает современный исследователь О.В. Романько, «первые попытки украинских националистических организаций проникнуть в Крым относятся к лету 1941г., все они связаны с деятельностью Организации украинских националистов (ОУН), которая в данный момент была наиболее активной. Так, в это время в рядах наступавшей на Крым 11-ой немецкой армии

действовало несколько так называемых походных групп ОУН».[141] Эти националистические вооруженные подразделения принимали активнейшее участие и в последующей боевой деятельности 11-ой немецкой армии, после ее прорыва на оперативный простор Крыма и последовавших боях под Керчью и Севастополем.

Таким образом, в послевоенном периоде мемуаров по обороне Севастополя, опубликованным до начала-середины 1950-ых годов, уже встречаются противоречивые оценки одних и тех же событий, которые детерминированы в первую очередь политически. Отрицательные оценки, ставившие под сомнение профессионализм командования Красной Армии, давались представителями русской эмиграции. Они были такими же тенденциозными, как и оценки обороны города в отечественных мемуарах этого периода.

Период 1950-1980-ых гг. в отечественных мемуарах был периодом наиболее массовой публикации воспоминаний защитников Севастополя. Это стало возможным благодаря активной мемуарной работе непосредственно рядовых участников битвы за Севастополь. Тем более что данный процесс, активно поощрялся органами власти и общественностью. В этот период были изданы воспоминания старших офицеров, генералов и адмиралов, командовавших частями и соединениями Севастопольского оборонительного района, руководителей гражданской администрации города, армейских и флотских высших военачальников, которые позволяют изучить оборону Севастополя с позиции командного состава. Проанализировав указанные воспоминания, можно сделать вывод,- мемуары этого периода затронула вопросы, не получившие освещения ранее, а именно: тему эвакуации из осаждённого города, использование осаждавшими немецкими войсками различных видов вооружения, взрывы инкерманских штолен и другие моменты.

[141] Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944). С.264.

Наиболее отчётливо эти тенденции прослеживаются в мемуарах полковника, затем генерала П.И. Мусьякова - «Подвиг тридцатой батареи».[142] Автор создал мемуарное произведение о 30-ой береговой батареи из писем защитников Севастополя, которые получал как главный редактор ряда советских газет и журналов после войны. Благодаря либерализации общественной жизни в СССР, проведенной Н.С. Хрущевым, он смог отразить моменты, которые ранее замалчивались отечественными мемуаристами. А именно это было одно из первых произведений, поднявших и отразивших тему пленения советских военнослужащих в Севастополе. Так при рассмотрении окончания битвы за Севастополь на 30-ой береговой батарее упоминается, что «сколько дней еще продолжали драться защитники батареи, точно не выяснено. Местные жители рассказывают, что немцы долго еще боялись подходить близко. А охрану выходов они сняли только в середине июля. Жители Любимовки рассказывали, что почти через три недели после взятия батареи немцы обнаружили в ее подземельях двух бойцов. Один из них был в очень тяжелом состоянии, и его убили тут же у входа под массив, а другого увели в плен. Кто был этот человек, жители не знают. Видевшие пленного жители говорили, что он сильно исхудал, оброс волосами, а когда его вели через деревню на шоссе, он попросил покурить».[143] До этого, в отечественных мемуарах не допускалось такого открытого упоминания об отсутствии эвакуации и продолжающейся борьбе защитников Севастополя. Кроме того, исторический интерес представляет и то, что автор открыто, выражает несогласие с действиями более авторитетных руководителей обороны Севастополя, таких как П.А. Моргунов, заместитель командующего Севастопольским оборонительным районом по береговой обороне. Например, был рассмотрен вопрос применения немецкими войсками тяжелых артиллерийских систем «Карл» и «Дора» и отражение этого факта руководителями обороны Севастополя,- «Бывший командующий береговой

[142] См. Мусьяков П.И. Подвиг Тридцатой батареи.- М.: Воениздат, 1959.- 144 с.
[143] Мусьяков П.И. Указ.соч. С.95.

обороной флота генерал Моргунов, вначале даже сомневался в том, что у немцев было такое орудие. Но фельдмаршал Манштейн в своей книге «Утерянные победы» утверждает, что было. В книге этой много неправды. Автор подчас клевещет на советских воинов, но его рассказу об экспериментальной пушке «Дора» можно поверить, так как преувеличивать свои силы ему не было смысла. Впоследствии удалось обнаружить и снимки этой пушки».[144] Тем не менее, этот взгляд на применение немецкими войсками систем типа «Карл» и «Дора», остался в меньшинстве в мемуарной литературе советской эпохи. П.И. Мусьяковым так же были изданы сборники воспоминаний: «Они стояли насмерть» и «Севастопольские дни», в которых он пытался взглянуть на проблематику севастопольской обороны с другой, более объективной стороны.[145]

В этот период так же публикуются воспоминания военных руководителей битвы за Севастополь. В 1963г. вышли мемуары Е.И. Жидилова «Мы отстаивали Севастополь», который командовал 7-ой бригадой морской пехоты.[146] Седьмая бригада морской пехоты, которой руководил Жидилов, была одним из самых боеспособных подразделений Севастопольского оборонительного района и внесла существенный вклад в его деятельность. Эти мемуары интересны не только тем, что они были написаны одним из руководителей оборонительного района, но и отражали нелицеприятную, но объективную истину,- многие из защитников Севастополя погибли или попали в плен. Е.И. Жидилов вспоминает, что «далеко не всем морякам бригады довелось эвакуироваться, многие погибли. Некоторые вместе с остатками других подразделений прикрытия, полуживые от усталости, голода, жажды и ран, были схвачены в плен гитлеровцами. Много позже мы узнали об их судьбе».[147]

---

[144] Мусьяков П.И. Подвиг Тридцатой батареи. С.63.
[145] См. Мусьяков П.И. Севастопольские дни.- Симферополь: Крымиздат, 1963. - 192 с; Мусьяков П.И. Они стояли насмерть.- М.: ДОСААФ, 1963.- 147 с.
[146]См. Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь.- М.: Воениздат, 1963. - 256 с.
[147] Там же. С.243

В 1979г. были опубликованы воспоминания еще одного из руководителей героической обороны Севастополя в 1941-1942 гг.,- а именно П.А. Моргунова «Героический Севастополь», являвшегося в это время заместителем командующего Севастопольским оборонительным районом по береговой обороне.[148] Мемуарист ввел в научный оборот много новых фактов и данных и создал правдивую картину 8-месячной эпопеи обороны Севастополя. Говоря об эвакуации гарнизона, П.А. Моргунов вспоминал, что производилась эвакуация только командного состава, причем в условиях секретности: «В 9 час.50 мин. 30 июня 1942г. Ф.С. Октябрьским была отправлена следующая телеграмма: «Кузнецову, Буденному и Исакову. Противник ворвался с Северной стороны на Корабельную сторону. Учитывая сильное снижение огневой мощи, надо считать, в таком положении мы продержимся максимум 2-3 дня. Исходя из данной конкретной обстановки, прошу Вас разрешить мне в ночь с 30 июня на 1 июля вывезти самолетами 200-300 человек ответственных работников, командиров на Кавказ, а также, если удастся, самому покинуть Севастополь, оставив здесь своего заместителя Петрова. Об этой телеграмме другим лицам из руководящего состава СОРа ничего не было известно вплоть до заседания Военного совета флота вечером 30 июня, как не было известно и о предполагающейся эвакуации».[149] И далее: «В ночь на 1 июля транспортными самолетами «Дуглас» были вывезено 222 человека, в том числе Ф.С. Октябрьский. Около 5 часов утра самолеты благополучно приземлились в Краснодаре».[150] Сам П.А. Моргунов эвакуировался другим маршрутом, на подводной лодке Щ-209 в Новороссийск вместе с другими генералами,- Петровым, Крыловым, Рыжи. В книге подробно описывается организация обороны и руководство силами, участвовавшими в ней, динамика происходивших событий и их результаты, роль и деятельность Военных советов, командиров соединений, партийно-политических органов, а также городского комитета партии и

[148] См. Моргунов П.А. Героический Севастополь.- М.: Наука, 1979 .- 519 с.
[149] Моргунов П.А. Указ.соч. С.317-318.
[150] Там же. С.449.

Городского комитета обороны, показываются различные стороны деятельности флота и армии, помощь и участие населения при обороне Севастополя.

Необходимо отметить, что идея единения армии и флота в борьбе с врагом, которую в своих воспоминаниях активно отражали Е.И. Жидилов и П.А. Моргунов, возникла не на пустом месте и не была вызвана идеологическими указаниями высшего руководства армии и страны о совместной борьбе. Появление этой идеи было связано с наметившимися еще в годы войны противоречиями армии и флота во время проведения боевых операций, снабжения и непосредственно окончания обороны Севастополя. Но кульминационным моментом, когда подобные проблемные вопросы вылились в открытое противостояние и обвинения, стала проведенная в 1961 году «Военно-научная конференция, посвященная двадцатилетию начала героической обороны Севастополя 1941-1942 гг.».[151] На данной конференции помимо подведения итогов обороны нашли отражение противоречия между армией и флотом по проблемным военно-политическим аспектам битвы за Севастополь. Полковник Величко, являвшийся членом военно-научного общества Черноморского флота и участвовавший в конференции, вспоминал, что: «Больше всего удивила бесфамильность в изложении фактов и оперативная неграмотность армейского генерала Ковтуна, критиковавшего моряков за «неповоротливость», из доклада выпирало бесспорное превосходство оперативного мышления штабистов Приморской армии и ее командующего перед командованием ЧФ. Поэтому не случайно существовали недомолвки между двумя ведомствами: флотским и армейским, которые и привели, в конце концов, к поражению Красной Армии в противоборстве с врагом на Крымском полуострове».[152] Видимо именно после проведения этой

[151] См. Сборник материалов военно-научной конференции, посвященной XX-летию начала героической обороны Севастополя 1941-1942 гг.- Севастополь: Издательство ВНО адмиралов, генералов, офицеров запаса и в отставке при Севастопольском доме офицеров, 1961: Т.1. - 1961. - С.1-380; Т.2. - 1961. - С.381-777; Т.3.- С.778-1120.
[152] Шестаков А.С. Указ.соч. С.384-385.

конференции, командование армии и флота, цензурировала публикуемые материалы и старалась убирать упоминания о конфликтах интересов двух ведомств.

Активно публиковались и мемуаристы из числа гражданских руководителей обороны Севастополя, в основном это были представители партийно-административных структур. Интересны мемуары Б.А. Борисова «Подвиг Севастополя. Воспоминания»[153], которые были впервые изданы в 1957г. В последующем претерпели две редакции: в 1970г. из названия убрано слово воспоминания[154], а в 1977г. переизданы под названием «Подвиг Севастополя. Воспоминания секретаря горкома».[155] В дни героической обороны 1941-1942 гг. Б.А. Борисов был первым секретарем горкома партии и председателем городского комитета обороны Севастополя. В своей книге он рассказывает, «как севастопольцы участвовали в беспримерной битве, не жалея сил и самой жизни, стойко и мужественно отстаивали родной город, помогали морякам-черноморцам, воинам Приморской армии».[156] Главное внимание автор уделяет работе партийной организации в этот трудный и ответственный период жизни города. Проанализировав все 3 издания, можно сделать вывод о том, что количество страниц менялось незначительно, как и содержание мемуаров,- все они отражали значимость «идеологической работы» в битве за Севастополь. Схожим изданием является сборник воспоминаний под редакцией П.Г. Гармаша «Огненные дни Севастополя», опубликованный в 1978г.[157] Это коллективный рассказ о 250-дневной обороне города. Но его отличием является то, что в сборник вошли воспоминания непосредственных участников обороны, не только из руководящего состава армии, флота, административных структур - Ф.С. Октябрьского, Н.И. Крылова, Т. К. Коломийца, И.А. Ласкина, но и

---

[153] Борисов Б.А Подвиг Севастополя: Воспоминания.- М.: Воениздат, 1957. - 390 с.
[154] Борисов Б.А Подвиг Севастополя.- Симферополь: Крым, 1970. - 320 с.
[155] Борисов Б.А.Подвиг Севастополя: воспоминания секретаря горкома.- Симферополь: Издательство Таврия, 1977. - 400 с.
[156] Борисов Б.А Подвиг Севастополя. С.5.
[157] См. Гармаш П.Г. Огненные дни Севастополя. - Симферополь: Таврия, 1978. - 288 с. // [Электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html

воспоминания рядовых бойцов, жителей фронтового города. В 1982 году к 200-летию Севастополя вышло второе дополненное издание.[158] Содержание и первого, и переизданного сборников носит в основном политизированный и идеологизированный характер, но при этом события описаны в достаточно правдивом ключе. Так в воспоминаниях Т.К.Коломийца «Чапаевцы» речь идет о последних днях июня 1942г.: «Восемнадцатый день длится штурм. В среднем за сутки немцы продвигались на главном направлении на сто пятьдесят метров. Быть может эта цифра говорит о стойкости севастопольцев больше, чем многое другое. Мы держались из последних сил. Уже не было ни переднего края, ни тыла. Все было передовой линией обороны».[159] Кроме того, сборник воспоминаний является одним их первых мемуарных изданий, отразивших жизнь и деятельность гражданского населения Севастополя в период обороны.

В этот же период наряду с мемуарами публикуются воспоминания партизанских командиров Крыма, которые рассказывали о еще одном фронте противостояния на территории полуострова и активном взаимодействии с Севастопольским оборонительным районом. Интересен сам момент появления партизанских воспоминаний, особенно воспоминаний крымских партизан. В годы «Холодной войны» одним из фронтов противостояния было общественное сознание, и в 1954г. в Лондоне издается исследование «Коммунистические партизанские действия».[160] В этом издании о партизанах было написано, со ссылкой на немецкие документы, что «уже один их внешний вид и одежда свидетельствуют о том, что это бандиты. Как правило, они не носят формы со знаками различия, а одеты в самое различное гражданское платье; иными словами, они носят одежду бандитов. Их излюбленный метод,- маскироваться под мирных крестьян и крестьянок.

---

[158] См. Гармаш П.Г. Огненные дни Севастополя // [Электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html

[159] Там же.

[160] Диксон Ч. О. и Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия.- М.: Издательство иностранной литературы, 1957.- 291с. // [электронное издание] (Проверено 13.3.19) http://militera.lib.ru/research/dixon_heilbrunn/index.html

Некоторые носят смешанную гражданскую и военную одежду и в соответствии с обстановкой могут, как хамелеон, быстро изменить свой внешний облик. Попадались отряды, одетые в немецкую форму со всеми офицерскими или солдатскими знаками различия. Другие носили одновременно и немецкую, и советскую форму, одну поверх другой, чтобы можно было быстро преобразиться».[161] Как следствие зарубежное издание, обличающее суровую реальность партизанской деятельности, нуждалось в опровержении с правильных позиций со стороны советских мемуаристов и исследователей. Именно это еще более увеличило поток мемуарной литературы. Таким образом, в 1969г. были опубликованы воспоминания М.А. Македонского «Пламя над Крымом», который в годы войны был командиром соединения партизанских отрядов Крыма.[162] О чем мемуарист и пишет: «В этой книжонке авторы толкуют в основном о действиях крымских партизан, пытаясь представить нашу борьбу в ложном свете, клевещут на народных мстителей, будто бы партизаны пренебрегали безопасностью мирных жителей, будто бы гражданское население относилось к фашистам благосклонно».[163] Но в то же самое время, Македонский был единственным партизаном, не из числа партийного или военного руководства, прошедшим путь от командира партизанской группы до командира партизанского соединения, что говорит о его значительном профессионализме. Так, взаимодействию с Севастополем автор посвятил целую главу, которая называлась «Глаза и уши осажденного Севастополя», чье название полностью соответствует функциям, выполняемым партизанами Крыма. В ней Македонский акцентировал особое внимание на том, что после падения Севастополя немецкие войска в Крыму поставили себе главной целью - уничтожение партизанского движения Крыма.[164] Это факт,

---

[161] См. Диксон Ч. О. и Гейльбрунн О. // [электронное издание] (Проверено 13.3.19) http://militera.lib.ru/research/dixon_heilbrunn/index.html

[162] См. Македонский П.А. Пламя над Крымом (воспоминания командира Южного соединения партизанских отрядов Крыма). Симферополь: Издательство «Крым», 1969. - 304 с.

[163] Македонский П.А. Указ.соч. С.301.

[164] Там же. С.99-100.

отраженный в мемуарах партизанского командира, еще более сильно подтверждает взаимосвязь обороны Севастополя и партизанской борьбы на территории полуострова.

Этот период воспоминаний представлен большим количеством мемуаров высших военачальников армии и флота, которые позволяют более углубленно взглянуть на битву за Севастополь, проанализировать все военно-политические аспекты этого сражения и понять его значимость в советско-немецком противостоянии. Очень важные и интересные сведения об обороне Севастополя дают воспоминания бывшего наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова «Курсом к победе». В них отражена деятельность в период битвы за Севастополь высшего военно-морского командования и Ставки Верховного Главнокомандующего.[165] Николай Герасимович Кузнецов, флотоводец, Адмирал Флота Советского Союза, Герой Советского Союза. В своей книге Н.Г.Кузнецов так описывает тяжесть логистики обороны Севастополя, которая стала одной из причин ее трагического окончания: «Город не был в полном смысле слова блокирован с моря, но господство в воздухе немецкой авиации делало каждый рейс в осажденную крепость все более рискованным и опасным. Вся тяжесть перевозок легла на корабли эскадры. С февраля по июнь они сделали девяносто два рейса. Пришлось привлекать и подводные лодки. Двадцать семь из них совершили в мае-июне 1942г. восемьдесят переходов с целью доставки грузов и вывоза раненых».[166] Говоря о третьем штурме Севастополя, Н.Г. Кузнецов писал, что «Соглашаясь с эвакуацией Военного совета флота из Севастополя, я рассчитывал на то, что в городе останется генерал майор И.Е. Петров, заместитель командующего флотом, который будет руководить обороной до последнего момента. Но 1 июля в телеграмме в адрес Сталина, мой и Буденного уже из Новороссийска Военный совет флота донес: «Старшим начальником в Севастополе оставлен комдив 109 генерал майор

[165] См. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. - М.: Голос, 2000. - 276 с.
[166] Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. - М.: Голос, 2000. С.111.

П.Г. Новиков, а его помощником по морской части,- капитан 3 ранга А.Д. Ильичев». Это было для меня полной неожиданностью и поставило в трудное положение перед Ставкой: «Вы говорили, что там останется генерал майор Петров?»,- нахмурился Сталин. Мне ничего не оставалось, как сослаться на первую телеграмму командующего Черноморским флотом. В своей ответной телеграмме я давал разрешение на выезд только Военного совета и группы руководящего состава, если в Севастополе останется генерал Петров. В этом случае я рассчитывал, что борьба еще какое-то время будет продолжаться. Так обстановку, видимо, понимал и Верховный Главнокомандующий. Сейчас же все изменилось. Теперь нельзя было надеяться на организованное сопротивление в течение хотя бы недели и эвакуацию оставшихся войск. Этим и было вызвано недовольство Сталина».[167] Эти несогласованные действия генерала Петрова и адмирала Октябрьского и стали одной из причин трагического окончания битвы за Севастополь, и были объективно отражены Н.Г. Кузнецовым. Так же, более глубокую картину, позволяющую взглянуть на севастопольскую эпопею, можно увидеть в воспоминаниях маршала Жукова, Баграмяна, Гречко.[168] В них прослеживается широкий спектр военно-политической проблематики битвы за Севастополь в 1941-1942 гг.

Таким образом, мемуары периода с середины 1950-ых до середины 1980-х годов можно охарактеризовать как пересмотр оценки причин победы в войне, вместо фактора «роли И.В. Сталина» усиливается и полностью подменяет его фактор «руководящей роли КПСС» и замалчиванием темы ошибок и просчётов советского военного командования. В это время написание мемуаров было взято под контроль специальной созданной группой в Главном Политическом Управлении СА и ВМФ, которая занималась помощью в написании мемуаров военачальников и подвергала

---

[167]См. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. С.119.

[168]См. Баграмян И.Х. Так начиналась война.- М.: Воениздат, 2015.- 576с.; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления.- М.: Издательство агентства печати новости, 1969.- 735с.; Гречко А.А. Битва за Кавказ.- М.: Военное издательство, 1967.- 424с. // [Электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/memo/russian/grechko_aa_1/index.html

редакции уже написанные мемуары.[169] Но в то же самое время весь период отечественных мемуаров 1950-ых - 1980-ых годов характеризуется как более объективный, ветераны более массово, хоть и фрагментарно, описывали различные не получившие ранее освещение аспекты обороны Севастополя 1941-1942 гг., в том числе и события оставления Севастополя летом 1942 г. Кроме того, этот период отличается, во-первых, написанием и публикацией большого количества мемуаров непосредственными гражданскими и военными руководителями Севастопольской оборонительной операции, а во-вторых, в этот период было выпущено самое большое количество воспоминаний за весь период отечественных мемуаров, в том числе и рядовыми защитниками Севастополя.

Мемуары конца XX- начала XXI века представляют значительную историческую ценность для диссертационного исследования и сильно отличаются по своему содержанию от мемуаров предыдущих периодов. Во-первых, публикуются ранее не изданные воспоминания, находившиеся на хранении в архивах, библиотеках, музеях, у отдельных исследователей. При этом они часто представлены в виде разноплановых записей, произведенных в разное время, магнитофонных интервью ветеранов или рукописей, не прошедших в советскую эпоху цензуру и направленных на хранение. Кроме того, многих из мемуаристов уже нет в живых, но их воспоминания публикуются различными организациями и отдельными исследователями для сохранения памяти защитников битвы за Севастополь и всестороннего развития исторического знания. Во-вторых, совершенно новый пласт знаний представляют собой воспоминания «детей войны», они позволяют изучить жизнь и деятельность простого гражданского населения в условиях блокады города, изучить борьбу за город с позиции простого обывателя.

Мемуарная литература, изданная в начале XXI века, уже в наши дни, носила ранее закрытый характер, в основном воспоминания защитников

[169] См. Кулиш В. М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны. М., 1991.- 309с.

Севастополя не были опубликованы из-за идеологической цензуры. Как писали сами ветераны в сборнике воспоминаний «Запоздавшие письма из ада: документальная драма Севастополя», еще в советское время, называя окончание обороны Севастополя «запретной темой»,- «Они написаны через много лет после Дня Победы. Написаны теми, кто прошел через фильтр «Кровавой мясорубки» на последнем рубеже Севастопольской земли в конце июня, начале июля 1942г. Написаны защитниками Отчества, кому удалось выстоять в условиях настоящего пекла, названного адом».[170] Неудивительно, что эти воспоминания не были опубликованы в советский период. Так, в сборнике «Оборона Севастополя в рассказах ее участников (главные, решающие и трагические этапы)» советские ветераны открыто выражали свое непонимание отсутствием эвакуации личного состава, чувствовали себя брошенными со стороны высшего командования: «Мы не вправе судить замыслы и стратегические намерения Ставки, но почему-то нам, да и не только нам, а очень многим защитникам обидно и кажется, что оставшемуся на Кавказе флоту можно было помочь эвакуировать последние 80 тысяч защитников города»,- вспоминал один из защитников Севастополя».[171] В 2017 году было опубликовано издание «Клеймо: судьбы военнопленных», которое позволяет взглянуть на битву за Севастополь с совершенно новой стороны,- с позиции советских военнопленных, изучить обстоятельства попадания в плен, судьбы в заточении и после освобождения. Воспоминания защитников Севастополя из данного сборника рассказывают о том, что в последние дни обороны военнослужащие были предоставлены сами себе и сами решали свою судьбу, кто-то кончал жизнь самоубийством, кто-то пытался спастись, но многие просто погибли: «Мыс Херсонес! В ТТ оставил два патрона,- на случай осечки, но когда, стоял по пояс в воде, застрелились три моряка и женщина, я опустил пистолет»; «В частях СОРа на 1 июля 1942г. было 34 248 раненых, большую часть которых не успели

[170] Шестаков А.С. Указ.соч. С.62.

[171]См. Литвиненко А.Г., Жбанов А.В., Федоров А.Ф. Оборона Севастополя в рассказах ее участников (главные, решающие и трагические этапы). - Севастополь, ЧП Кисель, 2014.- 260 с.

эвакуировать»; «Было подобрано 402 человека из тысяч, пытавшихся добраться до катеров, большая часть утонула, вернуться на берег уже не было сил». [172] Этот сборник воспоминаний интересен еще и тем, что автор смог привлечь немецких ветеранов боевых действий, чьи мемуары, к сожалению, в большинстве своем не переведены на русский язык. Из воспоминаний австрийского хирурга Петера Бамма: «Многие тысячи их лежали на земле между кустами виноградника. Несколько дней они уже не ели, сорок восемь часов не пили. Хирургической помощи большинству оказано не было. Солнце часами жгло их. Страдания этих опрокинутых войной на землю людей не поднималось воплем к небесам, а стояли над холмом тяжелым стоном. Дальше в низине, виднелась изгородь, за которой было собрано около тридцати тысяч военнопленных. Оттуда иногда доносились выстрелы».[173]

В настоящее время неизданные воспоминания участников битвы за Севастополь республикуются исследователями для воссоздания полномасштабной картины битвы за Севастополь. В частности позволяют изучить и проанализировать вопросы эвакуации ценного имущества из Севастополя, участие горожан в сражении, как происходила очаговая оборона остатков советских войск, которые продолжали сражаться и через неделю после официального оставления города и ряд других. Так, С.Д. Вершков в публикации «Оборона Севастополя в малоизвестных воспоминаниях ее участников», изучая вопросы эвакуации культурных ценностей из Севастополя, публикует воспоминания А.К. Евсеева, рассекреченные только в 2015г., который осенью 1941г. был начальником отдела боевой подготовки штаба ЧФ.[174] В неизданных воспоминаниях Евсеева были отражены причины эвакуации панорамы «Оборона

[172] Дворниченко О. Клеймо: судьбы военнопленных. - М.: Культурная революция, 2016.- С.259-261
[173] См. Приложение № 4. Воспоминания австрийского хирурга Петера Бамма о медицинском обеспечении советских военнопленных после окончания битвы за Севастополь в 1942г.
[174] См. Вершков С.Д. Оборона Севастополя в малоизвестных воспоминаниях ее участников // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.- 26.03.2016.- Севастополь: Телескоп, 2017.- С.132-142

Севастополя» только в конце июня 1942г., когда встал вопрос о возможном оставлении города, в результате которой было спасено только 2/3 панорамы, без возможности восстановления. А.К. Евсеев вспоминал, что панораму планировалось эвакуировать еще осенью 1941г., но «нас беспокоил вопрос о переброске полотна Панорамы. Она также планировалась к вывозу из Севастополя. Но когда очередь дошла до её демонтирования, то оказалось, что картина и макеты настолько ветхи, что даже при весьма острожном обращении с ними при снятии, они рассыпались. Поэтому после долгих рассуждений было решено в то время Панораму не трогать, и не вывозить из Севастополя».[175]А в публикации Фесенко А.А. «Неопубликованные воспоминания участников обороны Севастополя 1941-1942 гг. (из архивных материалов)» отражается участие горожан в заключительных боях в Севастополе.[176] В ней, на основе неизданных мемуаров, например, рассказывается об Иосе Бахмане, 13-летнем севастопольском подростке, который работал порученцем у начальника военного отдела Центрального райкома Осадчего и погиб в последних боях в Севастополе: «Когда мы 30-го числа покидали КП и т. Борисов сказал, что нужно сворачивать работу всех организаций и думать уже о себе, он спрятался в доме на углу улицы Гоголя и Большой Морской и организовал там огневую позицию и когда немцы вошли в город и шли колонной, начал щелкать немцев и побил их очень много. Немцы его убили, здесь же, на огневой позиции».[177] Схожие воспоминания об участии молодежи в битве за Севастополь были опубликованы в сборнике «Великая Отечественная война в воспоминаниях молодежи».[178]

Автором были обнаружены неопубликованные мемуары, попавшие под

---

[175] См. Вершков С.Д. Оборона Севастополя в малоизвестных воспоминаниях ее участников . С.135.

[176]См. Фесенко А.А. Неопубликованные воспоминания участников обороны Севастополя 1941-1942гг. (из архивных материалов) // Научно-практическая конференция «Крым в Великой Отечественной войне. Неизвестные и забытые страницы. Сборник научных статей.- Симферополь, 2016.- С.114-126

[177] Фесенко А.А. Неопубликованные воспоминания участников обороны Севастополя 1941-1942гг. (из архивных материалов) С.125

[178] См. Великая Отечественная война в воспоминаниях молодежи. Сборник статей. СПб.: СПГУТД, 2008.- 98 с.

идеологический пресс, как это случилось с записками врача медсанбата Л.Г. Цвангер, написанными в 1964г.[179] В этих воспоминаниях участника обороны отражается фактическая обстановка в Севастопольском оборонительном районе в период окончания борьбы за город.

О последних боях в городе, повествуют мемуары начальника артиллерии 95 стрелковой дивизии, полковника Д.И. Пискунова «Заключительный этап обороны Севастополя. Лето 1942», изданные только в 2013г.[180] Эти воспоминания интересны тем, что Д.И. Пискунов был одним из немногих старших офицеров, оставшихся на территории Севастополя после официального окончания обороны. В своих воспоминаниях он подробно описывает очаговую оборону защитников города, продолжавшуюся до 12 июля 1942г., в то, что военнослужащие верили вплоть до своей гибели о том, что их все-таки спасут, эвакуируют на Большую Землю. Еще одни немаловажные мемуары были опубликованы в 2014г.,- «Дневник севастопольского минера: Дневники. Очерки».[181] М.Я Халеев встретил Великую Отечественную войну в Севастополе, будучи начальником Севастопольской минной партии, но уже с августа 1941 г. работал на Перекопских и Ишуньских позициях, оборудуя минные заграждения. Эти мемуары интересны тем, что их оставил советский офицер, в чью ответственность входило уничтожение важных объектов инфраструктуры, в случае оставления города. Как вспоминал сам М.Я. Халеев: «Существовала подрывная партия, в чью задачу входило уничтожение объектов в Севастополе, в случае взятия ими города. Все военнослужащие проходили специальное обучение с самым разным боезапасом, который мог быть применен. Кроме того, весь личный состав был обучен уничтожению или выводу из строя различных устройств и механизмов без применения взрывчатых веществ. Подразделение, разбившись на небольшие партии

[179] Приложение № 3. Записки врача медсанбата. - Б.М., 1964. - 25 с. // Неопубликованная рукопись, Морская библиотека имени М.П. Лазарева (г. Севастополь).
[180] См. Пискунов Д.И. Заключительный этап обороны Севастополя. Лето 1942. - Севастополь, 2013.- 224 с.
[181] Халеев М.Я. Дневник севастопольского минера: Дневники. Очерки.- СПб.: АПИ, 2014.- 118 с.

готовилось и изучало все объекты, на которых ему предстояло работать, при этом старались не вызывать к себе внимание со стороны работников предприятий. Весь личный состав был вооружен, и на его вооружении находилось, в том числе и автоматическое оружие».[182] Существование данной группы не афишировалось даже в военной среде, а ознакомление с объектами происходило в негласном порядке, под видом проверочно-профилактических работ. Всего среди намеченных для уничтожения целей было 10 крупных объектов, большинство из которых было уничтожено в момент оставления Севастополя.[183] В целом задача подразделения М.Я. Халеева, в период окончания битвы за Севастополь, была выполнена в полном объеме, несмотря на то, что не удалось подорвать почту, так как советские войска отошли от города, а немецкие уже втянулись в город. Подрыв остальных объектов так же происходил в тяжелых условиях, когда часть личного состава отбивала атаки врага, а часть подрывала объект. Но уже после освобождения города М.Я. Халеев, обследуя взорванные объекты, отмечал, что «противник не использовал, ни единого маховика из оборудования, он не смог воспользоваться даже частью наших помещений, очевидно в предположении, что они заминированы».[184] Таким образом, публикация мемуаров защитников города позволяет уже в наши дни дополнить общую картину окончания боев за Севастополь, отвечая на вопрос,- каким образом противнику не досталась инфраструктура города.

Отдельно стоит рассмотреть судьбы советских военнослужащих, попавших в плен после окончания битвы за Севастополь, и их отражение в мемуарной литературе. Судьбы попавших в плен были трагическими, многие, пройдя плен, были вынуждены доказывать свою лояльность государству, причем именно окончание обороны и отсутствие плановой и массовой эвакуации личного состава ломало людские судьбы: «Когда позже

[182] Халеев М.Я. Указ.соч. С.85.
[183] См. Приложение № 5 Список уничтоженных и выведенных из строя минно-торпедной группой оборонительного района М.Я Халеева объектов Севастополя.
[184] Халеев М.Я. Указ.соч. С.86.

некоторые из чудом выживших и сумевших вырваться из плена защитников крепости на вопрос, почему они не эвакуировались вместе со всеми, а предпочли сдаться в плен, пытались объяснить, что эвакуации не было, их обвиняли в измене, ссылаясь на информацию Правды и Совинформбюро, и отправляли в лагеря. Лживая официальная версия об эвакуации обрекала этих людей на обвинение в предательстве».[185] Как следствие, воспоминания защитников Севастополя, прошедших через плен, в советское время было издано не много, они не отражали всю проблематику севастопольского сражения, особенно проблемные моменты его окончания. Кроме того, многие из участников сражения, после плена, не были награждены медалью «За оборону Севастополя». Так, старший краснофлотец, кок М.Ф. Лекарев, вспоминал: «В плен попал 4-го июля, наград за Севастополь не имею».[186] Как следствие, отсутствие награждений за севастопольское сражение приводило к невозможности опубликовать свои воспоминания в советский период, но эти мемуары были опубликованы уже современными исследователями.

Современная история развития мемуаров по теме исследования позволяет открыть совершенно новый информационный пласт, значительно дополняющих базу материалов о битве за Севастополь,- это воспоминания «детей войны» об обороне Севастополя. Первыми стали воспоминания Е.В. Сушко «Я помню ту войну не понаслышке…», изданные в 2007 г.[187] Как пишет сам автор, «все меньше и меньше остается севастопольцев, переживших 8-месячную осаду и двухлетнюю оккупацию города в том возрасте, который позволил им отложить в острой детской памяти героическое и трагическое, семейные и бытовые события».[188] Особенно трагические воспоминания у Сушко, который провел большую часть времени в штольне, вырытой его семьей, были связаны с окончанием борьбы за город, когда защитники Севастополя, попали в плен и стали

[185] Дворниченко О. Указ.соч. С.276.
[186] Шестаков А.С. Указ.соч. С.65.
[187]См. Сушко Е.В. Я помню ту войну не понаслышке…- Севастополь: ЧП Кручинин Л.Ю., 2007. - 136 с.
[188] Там же. С.3.

военнопленными,- «они были изможденными, измученными, худыми, обросшими щетиной, в рваном обмундировании, загрубевшим от грязи и пота. Во многих местах оно побурело от кровяных разводов, с потрескавшимися от жары и жажды губами, с потухшими и усталыми от многодневного напряжения недосыпания глазами».[189] Эти тяжелые детские воспоминания, которые позволяют дополнить историю битвы за Севастополь, проследить судьбы защитников города. В 2010 г. публикуются воспоминания Г.К. Задорожникова «Мемуары старого мальчика».[190]О причинах, побудивших его поделиться сокровенным, он пишет: «О быте простых людей, живших несколько лет фактически на передовой линии фронта, а потом брошенных на произвол судьбы на оккупированной территории, написано мало. Они не совершали подвигов, а просто жили, чтобы выжить, но при этом не теряли совести и достоинства».[191] Г.К. Задорожников больше пишет о быте в осажденном городе, чем о боях, но эта информация скорее дополняет общую ситуацию об осажденном городе: «Однажды, средь бела дня ворвалась взволнованная соседка с известием: над нами, в степи, только что убило снарядом лошадь! Стремительный рывок и нам что-то достается. За многие месяцы в доме пахнет мясной пищей»[192]; «Последний раз электрический свет был на Новый 1942 год».[193] Об окончании обороны Севастополя 1941- 1942 гг. Георгий Константинович пишет живо и правдиво: «Накануне дня входа немцев в Севастополь, с вечера началась массивная артподготовка. Совершенно не понятно зачем. Фронта уже не было. Город был пуст. Войска отступили к мысу Херсонес, к бухте Казачьей, к Маяку. Там была последняя надежда солдат на спасение. Но чуда не произошло. За ними не приплыл ни один транспорт. В тех места, как мы узнали потом, произошла позорная трагедия

[189] Сушко Е.В. Указ. соч. С.49.
[190] Задорожников Г.К. Мемуары старого мальчика. - Севастополь: Издатель Кручинин Л.Ю., 2010.- 184 с.
[191] Там же. С.8.
[192] Задорожников Г.К. Указ.соч. С.55.
[193] Там же. С.62.

истребления и пленения массы людей».[194] В 2011г. издаются мемуары З.И. Долгушевой «Воспоминания севастопольской девочки».[195] Автор мемуаров так же встретил Великую Отечественную войну в Севастополе ребенком и большую часть оккупационного периода провел в городе, содержание воспоминаний позволяет более детально изучить и трудовой подвиг горожан и тяжесть социально-бытовых условий. Например,- в середине июля 1942г. умер ее брат, проживший меньше месяца: «18 июля я проснулась, а мама говорит, что братик Жорик умер. Я бросилась к корыту, оно заменяло детскую коляску, а он лежит холодный уже».[196] Эти мемуары показывают насколько тяжелой была жизнь гражданского населения в конце обороны Севастополя. В 2017 г. были изданы новые, дополненные мемуары Е.В. Сушко - «Малахов курган».[197] Они позволяют проследить нарушение правил ведения войны со стороны немецких войск. Автор вспоминает, что «они в большинстве своем сбрасывали с самолетов различные небольшие, привлекательные, ярко раскрашенные предметы, похожие на детские игрушки типа крылатых бабочек, собачек и т.д. От таких дьявольских мин-ловушек погиб не один севастопольский ребенок. В убежище привели мальчика. Он плакал: Мама, мам, у меня пальчики болят! Но у ребенка не было, ни пальчиков, ни рук. Оказалась, что эту беду сотворила детская игрушка, сброшенная с фашистского самолета».[198] Принято считать, что в конце битвы за Севастополь в его бухтах скопилось большое количество советских военнослужащих в ожидании эвакуации, но малоизвестно, что там было большое количество горожан, которые так же надеялись на эвакуацию. Только немецкие войска наносили авиационные и артиллерийские удары, не разбирая, где гражданские лица, а где военнослужащие. В итоге большое количество горожан погибло в попытках эвакуироваться на «большую

---

[194] Задорожников Г.К. Указ.соч. С.79.
[195] См. Долгушева З.И. Воспоминания севастопольской девочки.- Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2011. - 58 с.
[196] Там же. С.21.
[197] Сушко Е.В. Малахов курган.- Севастополь: Колорит, 2017. - 272 с.
[198] Там же. С.94.

землю». Как вспоминает Сушко,- «вся семья на машине поехала в бухту Казачью, но ожидаемый корабль не пришел. В воздухе стоит сплошной шум из голосов, стонов, детского плача, причитаний. Тьма народу, творится что-то ужасное. Приходим к выводу, что прорваться на корабль, если он даже придет, с раненой тетей и двумя детьми будет почти невозможно, решаем возвращаться обратно в город. Возможно, что спаслись, так как вернулись в город, а не попали под обстрелы и налеты».[199]

Немецкая мемуарная литература по исследованной теме представлена в крайне скупом объеме. Кроме того, большинство из данных мемуаров не переведены на русский язык, что является серьёзной проблемой по исследованию обороны Севастополя в 1941-1942 гг. Первыми немецкими мемуарами стали,- «Wir erobern die Krim: Soldaten der Krim: Armee berichten, 1941- 1942».[200] Это издание до сих пор не переведено на русский язык, но как удалось их изучить, они представляют собой весьма политизированные сборник воспоминаний в духе фашисткой идеологии. Тем не менее, из переведенных самостоятельно автором отдельных фрагментов, необходимо сказать, что некоторые немецкие солдаты признают ожесточенность боев и стойкость противника.

Также стоит отметить, что большинство подобных мемуаров было написано в период Холодной войны, что сказалось на подаче информации в данной литературе. Такими работами являются воспоминания В. Лакосте и Г. Бидерман[201]. Эти издания публиковались ограниченным тиражом и не были переведены на русский язык. Несмотря на это они представляют историческую ценность по исследуемому периоду. Кроме того, работа Г. Бидермана является ярким примером, как среди немецких исторических источников, так и литературы. Она посвящена отдельному воинскому подразделению: 132 пехотной дивизии вермахта. Бидерман вспоминает о

---

[199] Сушко Е.В. Указ.соч. С.94

[200] Wir erobern die Krim: Soldaten der Krim: Armee berichten, 1941- 1942.- Neustadt: Pfälzische Verl., 1943. - 303 p.

[201]Biderman Gottob Herbert …und litt an meiner Seite «Krim-kurland» mit der 132 infanterie division 1941-1945.- Reutlingen, 1995. 247c.; Lacoste Werner. Nach 50 jahren: auf den schlachtferdern Sewastopol.- s.a., s.i. c.255-399

последних боях под Севастополем следующим образом: «На мысе Херсонес обреченные дрались до 4 июля 1942г. Большими группами, с взаимно связанными руками, чтобы не дать возможности трусам оставить строй и отступить, волны атакующих накатывались на наши окопы так же, как и это бывало в Мекензиевых горах. Среди атакующих самоубийц было много женщин и девушек-комсомолок. Эти плохо обученные войска несли крайне высокие потери».[202] В дальнейшем, еще одни мемуары Бидермана были переведены на русский язык,- «В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета» и стали одними из немногих доступных отечественному исследователю воспоминаний рядовых немецких солдат.[203]

Основной работой, посвященной штурму Севастополя немецкими войсками, в первую очередь необходимо отметить мемуары командующего 11 немецкой армией Эриха фон Манштейна: «Утерянные победы».[204] Её отечественная судьба достаточно драматична,- переведенная и изданная в период хрущевской оттепели, она была отправлена в спецхран и стала доступна только в период политики гласности М.С. Горбачева. Мемуары изобилуют большим количеством материалов, но при этом достаточно субъективны.

Мемуары обороны Севастополя 1941- 1942 гг., используемые автором в данной научной работе, хронологически начинается с 1942г., когда были изданы первые воспоминания[205], до 2017 г., когда были опубликованы мемуары «детей войны».[206]

Мемуарная литература по обороне Севастополя 1941-1942 гг. была разделена автором по хронологическим периодам. Связано это с тем, что на эти хронологические циклы мемуаров влияли происходившие в нашей стране

---

[202]Бидерман Г. Указ.соч. С.155.

[203]Бидерман Г.Х. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета.- М.: Центрполиграф, 2005.- 366с. // [электронное издание] (Проверено 13.03.2019). http://militera.lib.ru/memo/german/bidermann_gh/06.html

[204] Манштейн Э. Утерянные победы.- Смоленск: Русич, 1999. - 680 с.

[205] Хамадан А. Указ.соч.; Петров Е.П. Указ.соч.

[206] Долгушева З.И. Указ.соч.; Задорожников Г.К. Указ.соч.

исторические события, во многом политического характера. Подводя итог обзору и анализу мемуарной литературы, как одному из исторических источников по теме исследования, можно сказать, что она прошла сложный путь исторического развития. Это был путь от первых изданий военных лет, зачастую весьма политизированных, до современных нецензурируемых воспоминаний, в которых отражены как отдельные эпизоды второй обороны города, так и общая военно-политическая обстановка битвы за Севастополь.

Таким образом, использованная в диссертационном исследовании источниковая база позволила с достаточной степенью достоверности выявить, изучить и проанализировать не изученный ранее военный и политический аспект битвы за Севастополь и комплексно рассмотреть поставленные исследовательские задачи.

Обоснованность и достоверность результатов исследования диссертации обеспечивается научно-аргументированным подходом к исследованию проблем военно-политических аспектов битвы за Севастополь; использованием комплекса взаимосвязанных методов исследования, соответствующих объекту, предмету, целям и задачам исследования; сочетанием количественного и качественного анализа; статистической значимостью представленных данных; использованием в качестве методологической базы результатов фундаментальных положений ведущих российских и зарубежных исследователей и обсуждением основных результатов исследования на международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Научная новизна представленной работы состоит в выделении в отдельное, самостоятельное исследование военно-политических аспектов Севастопольской оборонительной операции. Элементами научной новизны являются:

- введение в научный оборот ранее не используемых архивных материалов и других исторических источников, что способствует расширению фактологии битвы за Севастополь;

- разработка авторской концепции битвы за Севастополь в 1941-1942 гг., в рамках которой предпринята попытка уточнения и развития исторического знания по изучаемой проблеме с позиций военно-политического аспекта;

- определение собственной позиции по проблемам, носящим дискуссионный, полемический характер, в первую очередь, касающимся окончания организованной борьбы и эвакуации личного состава Севастопольского оборонительного района в июле 1942 года;

- проведение комплексного анализа военно-политических факторов, оказавших значительное влияние на проведение Севастопольской оборонительной операции;

- определение значения и роли в организации обороны города специальных частей и соединений РККА, войск НКВД, имеющих место фактов дезертирства и коллаборационизма;

- определение степени влияния борьбы за Крым и Севастополь на международную обстановку начального периода Великой Отечественной войны.

Диссертация представляет собой опыт конкретизации и развития исторического знания путём анализа не изученных ранее военных и политических аспектов, оказавших влияние на ход и результаты битвы за Севастополь в 1941-1942 гг.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Диссертация вносит определенный вклад в изучение битвы за Севастополь, как важного направления современной исторической науки. Поднятые в исследовании вопросы и сделанные выводы позволяют глубже осмыслить сущность развития изучаемой проблемы, выявить и обосновать факторы развития и совершенствования современного состояния изучения обороны Севастополя 1941-1942 гг. Материалы исследования представляют интерес для специалистов в области отечественной истории, дипломатии и политологии.

В работе обозначены перспективы дальнейшего исследования

Севастопольской оборонительной операции, которые могут быть применены в развитии музейной деятельности, вопросах патриотической и общественной работы, государственно-патриотического воспитания, а так же в дипломатических отношениях со странами Черноморского региона. Работа логично реализует положения государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации». Диссертация является инструментом в области противодействия манипуляциям с исторической памятью и историческим сознанием. Представляет собой элемент общей государственной политики по недопущению фальсификации истории Великой Отечественной войны.

Апробация работы и внедрение результатов исследования. Основные научные положения, методические рекомендации и практические результаты диссертации представлялись и обсуждались на научно-практических конференциях, в том числе на 32-ой всероссийской научной конференции молодых ученых «Реформы в России и проблемы управления 2017» (Москва, ГУУ, 2017); VI Международной научно-практической конференции «Личность в пространстве и времени» (Смоленск, 2017, СмолГУ); Международная научно-практическая конференции к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией «Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России» (Оренбург, 2020); II международная научная конференция «Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны» (Вязьма, 2021). Также апробация диссертации проходила в период прохождения педагогической практики и на практических занятиях по истории Великой Отечественной войны в Государственном Университете Управления.

Публикации. Результаты диссертационного исследования отражены в 21 научных публикациях, написанных автором лично и в 13 научных публикациях, написанным в соавторстве, в том числе была опубликована 1 научная монография. Из них 7 работ опубликовано в ведущих

рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных Высшей аттестационной комиссией.

К основным положениям, выносимым на защиту, относятся:

1. Битва за Севастополь являлась ключевой в развитии военно-политической ситуации в Причерноморском регионе в 1941-1942 гг. Героическая оборона города имела не только политическое и пропагандистское значение в мобилизации сил на борьбу с агрессором. В ее ходе происходило удержание главной базы Черноморского флота, позволявшей советским военно-морским силам обеспечить присутствие в любой точке акватории Черного моря. Одновременно Севастополь являлся плацдармом для освобождения Крымского полуострова. В ходе героической обороны сковывались значительные силы, столь необходимые противнику на других участках фронта, особенно с учетом начала вооруженными силами Германии и ее сателлитов операции «Блау».

2. Кроме героизма защитников Севастополя в ходе обороны города, имели место дезертирство советских военнослужащих и коллаборационизм гражданского населения. Такие факты были не единичными. Дезертирство затрагивало все подразделения Севастопольского оборонительного района, включая части флота и войска НКВД. Однако эти явления не только не стали определяющими в ходе боев за город, но и практически не отразились на обороне Севастополя, ни в военном, ни в морально-психологическом отношении, не снизив и не сломив общего героического настроя и духа защитников города.

3. Решение советского Верховного командования об эвакуации из Севастополя исключительно старшего командного состава армии и флота, в условиях складывающейся обстановки являлось взвешанным и обоснованным.Потери военных кадров такового высокого уровня были не восполнимы в военный период.

Риски, связанные с масштабными эвакуационными мероприятиями из Севастополя воинских частей и соединений, осуществление которых было

возможно только силами Черноморского флота, могли привести к катастрофическим последствиям на всем театре военных действий и войны, в целом. Полное господство вражеской авиации в воздухе, в районе Севастополя создавало высокую вероятность нанесения флоту невосполнимого урона.

Одновременно с этим оставление войск, оборонявших Севастополь в оборнительном районе, привело к гибели и массовому пленению военнослужащих. Трагедия защитников Севастополя является одним из самых драматических эпизодов Великой Отечественной войны

4. Оборона Севастополя, который находился во вражеском тылу, был блокирован, но продолжал сражаться, играла решающую роль в развитии международной политической обстановки в Черноморском регионе в период 1941-1942 гг. Для Турции, чьи военные наблюдатели присутствовали на советско-германском фронте, удерживание советскими войсками Севастополя являлось весомым аргументом в решении вопроса своего участия в мировой войне.

Одновременно развитие международной обстановки так же оказывало влияние на ход обороны города. Так, часть сил и средств, задействованных в обороне Крыма и Севастополя, была направлена на проведение «иранской операции», что в последующем негативно сказалось на ведении боевых действий на территории полуострова.

5. Повседневная, гражданская жизнь осажденного города является важной составляющей героической эпопеи обороны Севастополя. Подвиг тыла, деятельность партийных и советских органов в значительной степени определили продолжительность героического сопротивления захватчикам в ходе Севастопольской оборонительной операции. Гражданское население участвовало в строительстве оборонительных сооружений. В городе была налажена работа госпиталей, жизнеобеспечивающих и оборонных учреждений и производств, которые в значительной степени обеспечивали потребности тыла и фронта.

6. Важным звеном в общей стратегии обороны Севастополя являлась деятельность специализированных частей (войска НКВД, соединения ЭПРОН, авиасоединение МАГОН, особый Черноморский Авиаотряд).Если ранее, деятельность этих частей рассматривалась (или не рассматривалась вообще) в отдельности и изолированно друг от друга, то обобщенный анализ в полной мере раскрыл роль и значение спецчастей в организации обороны в целом. Такие мероприятия как уничтожение подводных кабелей спецсвязи, противоминные работы, минирование инфраструктуры военно-морской базы, охрана тыла оборонительного района и другие, предотвратили развитие Севастопольской оборонительной операции по более трагическому для советской стороны сценарию.

7. Партизанское движение в Крыму было направлено в приоритете на взаимодействие с проведением Севастопольской оборонительной операции. «Второй фронт» во вражеском тылу являлся важным звеном общей обороны города. Совместные боевые действия партизан Крым и войск оборонительного района в 1941-1942гг. способствовали срыву тылового обеспечения немецко-румынской группировки под Севастополем и нарушению логистики по снабжению войск противника. После прекращения сопротивления в районе Севастополя и разгрома оборонявших его войск интенсивность партизанской борьбы ослабла. Высвободившиеся немецко-румынские войска были задействованы для подавления партизанского движения в Крыму, что привело к сокращению числа и численности отрядов в несколько раз.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка используемой литературы и приложений.

ГЛАВА I. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ 1941-1942гг.

1.1. Готовность Севастополя к обороне в период Великой Отечественной войны

Прежде чем рассмотреть состояние обороны Севастополя в годы Великой Отечественной Войны, необходимо понять, каким образом советские вооруженные силы намеревались осуществлять и проводить эту оборону в случае войны. Какие принципы были заложены в эту оборону? Любая армия мира представляет собой четко организованную структуру, вся деятельность которой регламентируется, в первую очередь уставами армейской службы, в которых закрепляется вся деятельность армии - от ведения боя до отдыха личного состава. Красная Армия не была исключением из правил, основным документом в ней был Полевой устав РККА (ПУ-39), принятый в 1939г.[207] В нем, как и в любых других иностранных аналогах того времени расписывалась вся деятельность Красной Армии, в том числе и оборонительные мероприятия.[208]

Необходимо сразу сказать о «мифе», который начал свое существование ещё впервые дни войны и продолжает существовать до сих пор. Он заключается в том, что Красная Армия в предвоенный период якобы не готовилась к оборонительным действиям. Как следствие будущая война должна вестись на территории противника путем перехода в контрнаступление и переноса войны с территории советского государства на земли агрессора. Откуда зародилось и укрепилось это мнение, становится понятно, когда рассматриваются события начала войны, в ходе которых советские войска понесли значительные потери. Это мнение высказывают и некоторые зарубежные исследователи, основываясь на анализе происходивших событий, говоря, что «все командные звенья слабо

[207] Полевой устав РККА (ПУ-39). С.1.
[208] Там же. С.52.

представляли себе технологию ведения оборонительных боев, поскольку все они были пропитаны традиционным наступательным духом Красной Армии».[209] Эту идею разделял Г.К. Жуков. В 1969 г. он утверждал: «Военная стратегия в предвоенный период строилась равным образом на утверждении, что только наступательными действиями можно разгромить агрессора и что оборона будет играть сугубо вспомогательную роль, обеспечивая наступательным группировкам достижение поставленных целей».[210] То есть можно сказать о том, что РККА в предвоенный период к обороне готовилась, но это не было приоритетным направлением боевой подготовки, в отличие от наступления.

В начальный период войны Красная Армия не просто пыталась организовать отпор немецким войскам и армиям её стран-сателлитов, но и перейти в контрнаступление. Так, на южном направлении немецкие войска наступали совместно с румынскими частями, сначала захватив Одессу, а затем, прорвав Перекопские позиции, ворвались в Крым и осадили Севастополь. Комментируя данную ситуацию важно понимать, что эти действия советских военачальников были вызваны нежеланием перенести начавшуюся войну на территорию противника. Используя все имеющиеся на тот момент людские и технические ресурсы нужно было, как минимум, остановить наступление противника и, как максимум, его уничтожить. В сложившейся обстановке многие советские командиры принимали решения не об оборонительных мероприятиях, а о контрнаступательных. Например, подобные действия были предприняты 1-ым механизированным корпусом РККА Северо-Западного фронта (СЗФ) 5 июля 1941 года, когда немецкая группа армий «Север» в составе 16-й и 18-й армий и 4-й танковой группы нанесла поражение советским 8-й и 27-й армиям и успешно развивала наступление в направлении Пскова и Ленинграда. К 3 июля 1942 года немецкие войска вышли к старой границе между СССР и прибалтийскими

[209] Гланц Д.М. Указ.соч. С.76.
[210] Жуков Г.К. Указ.соч. С.134.

государствами, 4 июля заняли город Остров в 50 километрах южнее Пскова, и Северо-Западный фронт оказался в критическом положении. В результате танковых контратак на протяжении 5-6 июля 1941 года удалось частично отбить город Остров и остановить продвижение немецких сил, но ценой потери 31-го танка из состава 5-го танкового полка и 55-ти танков 6-го танкового полка, такие высокие потери были обусловлены фактическим отсутствием пехотной поддержки. Схожие ситуации происходили на всех участках советско-германского фронта. Связано это с тем, что в Полевом уставе РККА был раздел, посвященный обороне, но она занимала второстепенное место после наступления: «На всякое нападение врага Союз Советских Социалистических Республик ответит сокрушающим ударом всей мощи своих вооруженных сил. Наша война против напавшего врага будет самой справедливой из всех войн, какие знает история человечества. Если враг навяжет нам войну, Рабоче-крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории».[211] Приоритет в тактике действий отдавался именно наступлению. Изначально в подготовку армии закладывался принцип наступления. Однако, если Красная Армия в предвоенный период уделяла значительно больше внимания наступлению, а не обороне, то из этого нужно сделать, как минимум, два вывода. Первое: оборонительные действия были предусмотрены в подготовке армии к войне, и, второе: предпочтение наступлению еще не говорит о том, что наступление это будет вестись только на территории противника. К сожалению, некоторые из исследователей истории Великой Отечественной войны приводят только одно предложение из первой главы устава «Общие основы РККА» устава: «Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории», и это приводит к «кривизне» истории, и

[211] Полевой устав РККА (ПУ-39). С.37.

её необъективному изучению.[212] Кроме того, мы должны учитывать и тот факт, что Красная Армия, являясь вооруженными силами советского государства, была еще и крайне политизирована. Это касается не только института политических комиссаров, но и непосредственно главного документа армии. Так, в Полевом уставе сказано: «Весь личный состав РККА воспитывается в большевистском духе активности, смелой инициативы, непоколебимого порыва, несокрушимого упорства и постоянного стремления разить врага».[213] Великая Отечественная война является войной не просто «моторов», но и столкновением двух политических идеологий, что привело к особой ожесточенности сражений, по сравнению с другими фронтами Второй мировой войны: «Эта война на восточном фронте была «войной культур», настоящей схваткой на уничтожение, которая бросила всю отмобилизованную мощь советского государства против всей немецкой армии».[214]

Необходимо рассмотреть и еще один аспект оборонительной стратегии СССР в предвоенный период. В СССР в период 1929-1935 гг. была создана мощная система укрепрайонов (УРы), которые представляли собой долговременные опорные точки, вооруженные пулеметами и усиленные артиллерийскими орудиями. Это считалось частью современной военной доктрины 1920-1930-ых годов. Схожие системы создавались и в Европе, например, линия Мажино. Но необходимо отметить, что эта советская оборонительная модель имела ряд недостатков. Во-первых, в 1940 году произошло расширение границ СССР на западном направлении, в результате - в 1940 году началось строительство новой системы оборонительных укреплений. Как следствие возникал вопрос, что делать с линией старых укреплений? Маршал Г.К. Жуков вспоминал: «...строительство укрепленных районов к июню 1941 года завершено не было, а главное то, что между укрепленными районами были промежутки, доходившие до 50-60 км по

[212] Широкорад А.Б. Указ.соч. С.117.
[213] Полевой устав РККА (ПУ-39). С.10.
[214] Гланц Д.М. Указ.соч. С.10.

фронту. К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений, из коих 1000 была вооружена УРовской артиллерией, а остальные 1500 только пулеметами. Разоружить-то до начала войны часть УРов успели, а вот поставить это вооружение на новых УРах уже не хватило времени».[215] Во-вторых, в исследуемой проблематике - битва за Севастополь в 1941-1942 гг. существующие укрепрайоны, ни старые, ни новые, не могли сыграть никакой роли, так как укрепрайоны существовали в приграничных районах, а Крым считался в предвоенный период глубоким тылом. Как следствие, после прорыва приграничных оборонительных укрепрайонов и преодоления сопротивления советских войск немецкие войска сталкивались только с противодействием непосредственно войск, без прорыва оборонительных сооружений. В связи с этим в Причерноморье начинается стремительное строительство своих оборонительных сооружений. Генерал Е.И. Жидилов вспоминал: «Командующий флотом торопит со строительством оборонительных сооружений под Одессой и в Крыму. На Сивашах устанавливаются морские дальнобойные орудия. Комиссия под председательством генерала Моргунова разрабатывает систему долговременных укреплений вокруг Севастополя. Городской комитет обороны, возглавляемый секретарем горкома партии Борисом Алексеевичем Борисовым, мобилизует население на рытье окопов, противотанковых рвов, сооружение дотов».[216] Все это позволяет сделать вывод о том, что система укрепрайонов, существовавшая в предвоенный период, не сыграла никакой роли в обороне Севастополя ввиду удаленности города от приграничных районов страны и воздвижения вокруг базы флота уже своих оборонительных рубежей.

Таким образом, в Красной Армии к началу войны существовало представление об обороне, и она могла осуществлять оборонительные мероприятия. В Полевом уставе обороне посвящены не отдельные строчки, а

[215] Жуков Г.К. Указ.соч. С.139.
[216] Жидилов Е.И. Указ.соч. С.13.

целая глава и сама оборона характеризуется следующим образом: «Оборона преследует цель упорным сопротивлением разбить или связать наступление превосходных сил противника меньшими силами на данном направлении, с тем, чтобы обеспечить свободу действий своим войскам на других направлениях или на том же направлении, но в другое время».[217] То есть, к 22 июня 1941 г. Красная Армия была готова к обороне. Севастополь был главной базой Черноморского флота, и поэтому необходимо рассмотреть, каким образом сочетались в его обороне флотское и сухопутное начало.

Рассмотрев и проанализировав подготовку Красной Армии к войне, принцип действий её командиров и бойцов, необходимо изучить непосредственно исследуемую проблему: проведение обороны Севастополя. Анализируя историю обороны Севастополя, можно утверждать, что эта оборона имела уникальный характер в годы Великой Отечественной войны. В годы войны было всего две крупных военно-морских базы, которые длительное время оборонялись как с моря, так и с суши, - это Ленинград и Севастополь. При этом в обоих случаях предвоенная подготовка предусматривала оборону только морского направления, а не сухопутного, с возможным воздушным десантом противника. Даже в первые дни войны, в июне 1941г., флотское командование мало задумывалось о возможной сухопутной блокаде военно-морских баз, больше беспокоясь о десантах: «Обсуждая обстановку в Главном морском штабе, мы (автор имеет ввиду офицеров штаба - Е.С.) считались с возможностью высадки морских и воздушных десантов на флангах нашей армии или в районах военно-морских баз. Больше всего опасались активных действий крупных сил немецкого флота на Балтике, высадки десанта на Севере, где-нибудь на Кольском полуострове, а в случае успешного продвижения гитлеровцев на юге,- крупного воздушного десанта и в Крыму».[218] А в Полевом уставе РККА обороне морского побережья уделено в значительной мере меньше

[217] Полевой устав РККА (ПУ-39). С.52.
[218] Кузнецов Н. Г. Указ.соч. С.15.

внимания, чем береговой речной обороне. Связано это, скорее всего, с тем, что основной театр будущих боевых действий - это сухопутный, а значит, Красной Армии будет необходимо, как преодолевать водные преграды, так и оборонять их. Но даже касательно обороны морского побережья наиболее предпочтительные действия связаны не с обороной, а с переходом в наступление. В Полевом уставе РККА об этом сказано следующим образом: «На морском побережье и вдоль крупных речных линий совместно с наземными войсками могут действовать военно-морской флот и военные речные флотилии. Военно-морской флот состоит из: кораблей различных классов, действующих в составе маневренных соединений; морской авиации; системы береговой обороны. Наряду с самостоятельными операциями флот содействует сухопутным войскам, ведущим борьбу на морском побережье, путем поражения противника артиллерийским огнем, высадки в его тыл десантов и обеспечения упирающегося в море фланга своих войск. Сухопутные войска, взаимодействующие с военно-морским флотом, должны быть подготовлены к десантным и противодесантным операциям».[219] Оборона морского порта и военно-морской базы предполагала артиллерийской бой по морским целям силами береговой обороны, а поддерживающие оборону сухопутные войска просто обеспечивают фланговую оборону, но с главной задачей, высадкой десанта в тыл противника. Можно сказать, что это не ошибка советского командования, а изначально военная доктрина, направленная на прикрытие военно-морских баз именно с моря и проведение десантных операций силами сухопутных войск для противодействия противнику в случае начала войны. Признавал это и командующий РККФ в годы войны адмирал Кузнецов, который, анализируя происходившие события, утверждал: «Считаю своим долгом повторить, что ответственность за это нельзя возлагать на местное командование. Организация сухопутной обороны баз зависела, прежде всего, от Генерального штаба. Не могу снять вины и с себя: в свое время надо было

[219] Полевой устав РККА (ПУ-39). С.85.

проявить больше настойчивости в решении этого вопроса».[220] Но это не значит, что подготовка к сухопутной обороне в предвоенный период не проводилась, советское командование учитывало исторический и военный опыт Крымской войны 1853-1856 гг., когда Севастополь оборонялся с суши. Н.Г. Кузнецов вспоминал, что «еще тогда (до войны - Е.С.) были проведены рекогносцировочные работы, намечены сухопутные рубежи. Но практически к их созданию приступили только после того, как война уже началась. По мере продвижения противника к городу работы ускорялись, Военный совет флота с каждым днем привлекал к ним все больше воинов и местных жителей. В десяти-двенадцати километрах от города строился главный оборонительный рубеж, ближе к городу, в трех-шести километрах от него, шел тыловой рубеж. К моменту прорыва немцев в Крым было сделано многое».[221] Таким образом, можно сказать, что подготовка к сухопутной обороне не проводилась, были проведены только подготовительные, проектные работы. Сами руководители обороны, такие как П.А. Моргунов отмечали, что «...в предвоенные годы задача обороны Севастополя с суши не стояла. В связи с этим оборонительные сооружения на сухопутном фронте отсутствовали, а специальных войск для обороны Главной базы с суши не имелось. Правда, корабельная береговая и зенитная артиллерия еще в мирное время были подготовлены для действия на сухопутном направлении. По существовавшему тогда положению оборона Крыма, в том числе и Севастополя, от сухопутного противника возлагалась на силы Красной Армии, включая и противодесантную оборону побережья, кроме района от Качи до мыса Сарыч, за что отвечал флот».[222] Касательно роли береговой артиллерии, то она сыграла значительную роль в обороне Севастополя и готовилась к отражению нападения еще в довоенный период. Именно с залпа

[220] Кузнецов Н. Г. Указ.соч. С.18.
[221] Там же. С.76.
[222] Моргунов П.А. Указ.соч. С.10.

54-й береговой батареи лейтенанта Заики и началась оборона Севастополя 30 октября 1941г.[223]

Хотелось бы уделить внимание вопросу береговой артиллерии в предвоенный период, которая внесла большой вклад в оборону Севастополя. В наиболее значительном исследовании по данному вопросу сказано об этом следующим образом: «В целом береговая артиллерия всех флотов была хорошо подготовлена для ведения боя в морском направлении как самостоятельно, так и во взаимодействии с надводными кораблями. Она могла успешно бороться с морскими силами противника на подходах к военно-морским базам и участвовать совместно с другими силами в противодесантной и противокатерной обороне».[224]

Необходимо проанализировать вопрос о предвоенной подготовке береговой артиллерии. Изначально, с созданием РККА и ВМС РККФ, встал вопрос о том, кому подчиняется береговая оборона. Только в 1930г. решением Революционного Военного Совета СССР береговые батареи были во всех отношениях подчинены Военно-морским силам РККФ. До этого береговая оборона переходила в ведение то сухопутного, то морского командования, что создавало проблемы ее подготовки и развития.[225] Именно с 1930г. она получила свое наибольшее развитие. За промежуток времени с 1930 по 1941 гг. береговая оборона сложилась как мощная и боеспособная сила, которая значительно себя проявила в период Великой Отечественной войны. Развитие обороны Севастополя и развертывание сил и средств береговой обороны привело к тому, что к моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз в составе обороны Черноморского флота было 34 батареи из 124 орудий.[226] Этого количества было достаточно для прикрытия Севастопольской военно-морской базы, что и подтвердилось в период битвы за Севастополь. Но эти батареи порой находились на

[223] Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. С.5.
[224] Перечнев Ю. Г. Указ.соч. С.130.
[225] Там же. С.45.
[226] Широкорад А.И. Трагедия Севастопольской крепости. С.109.

значительном удалении от Севастополя и в случае наступления противника не с моря, а с суши, оказывались отрезанными от города и могли быть уничтоженными. Этот просчет в предвоенной подготовке сказался уже после прорыва немецко-румынской группировки в Крым и был достаточно болезненным для советской стороны.[227] Помимо береговой обороны Севастополя, на Черном море была создана и схожая оборона, включавшая береговые батареи по прикрытию Одессы и Очакова.

При рассмотрении обороны Севастополя в 1941-1942 гг. необходимо уделить особое внимание предвоенной подготовке береговой артиллерии, которая играла ключевую роль сдерживающего фактора, в случае действия корабельных и десантных сил противника на море в годы войны. На основе предвоенных директив и положений уставов береговая артиллерия проводила учения и готовилась к отражению нападения исключительно со стороны моря. Гораздо хуже обстояло дело со стрельбами по сухопутным целям. По свидетельству командующего военно-морским флотом Н.Г. Кузнецова «в планах флотов на 1940г. подобные стрельбы составили на Черноморском флоте только 10 процентов от всех стрельб».[228] Командный состав береговой артиллерии часто недооценивал сложность стрельбы по наземным целям, проведение артиллерийской разведки и корректировку огня. Береговые батареи и корабли проводили практические артиллерийские стрельбы преимущественно днем, в не сложных условиях и по целям-макетам, которые хорошо наблюдались, а положение их на местности было заранее определено наземными и воздушными корректировщиками. Отрабатывалась только техника стрельбы, и упускался такой важный её этап, как разведка целей.

К моменту начала войны береговая артиллерия не имела в своем штате разведывательных подразделений, проводивших артиллерийскую разведку на сухопутном направлении. Данный факт свидетельствует о недоработках

[227] Литвиненко А.Г., Жбанов А.В., Федоров А.Ф. Указ.соч. С.23.
[228] Кузнецов Н. Г. Указ.соч. С.5.

со стороны командного состава, так как опыт советско-финской войны показал, что основной недостаток применения морской, в том числе береговой, артиллерии при стрельбе по наземным целям заключался в плохой их разведке. В батареях отсутствовали разведывательные подразделения, которые могли и должны были быть введены в штат, а на время практических артиллерийских стрельб организовывались только нештатные наблюдательные посты из числа назначаемых военнослужащих. Отсутствовали корректировочные посты, средства артиллерийской разведки и наблюдения, а корректировочная авиация на флоте не получила должного развития. Только у некоторых секторов береговой обороны было несколько тихоходных самолетов типа МБР-2, не оборудованных приборами для точного определения координат цели и корректировки огня.[229] Все это сказывалось отрицательно на решении ими задач в интересах береговой артиллерии. Береговыми артиллеристами уже в ходе войны создавались различные органы разведки и корректировки огня, которых фактически не было до этого момента, а штатные структуры разведки и наблюдения мирного времени не справлялись с многочисленными задачами. Но в целом нужно сказать о том, что, несмотря на отсутствие практики у береговой артиллерии в довоенный период, артиллеристы справились с задачей сдержать немецко-румынские войска на подступах к Севастополю.

Проанализировав предвоенную подготовку и штатную структуру береговой артиллерии, можно сделать вывод о том, что артиллеристы смогли быстро и качественно перестроиться на военный период и те новые задачи, которые ставила перед ними война. Достигнуто это было благодаря предвоенной подготовке и учения, из-за чего выучка личного состава, даже в новых условиях, находилась на достаточно высоком уровне.

Подготовка Севастополя к обороне накануне войны и вскоре после ее начала включала в себя использование такого важного фактора, как военная топография. Она способствовала в период боевых действий грамотному

[229] Моргунов П.А. Указ.соч. С.35.

использованию ландшафта для построения обороны и использования оптимального вооружения. Так, среди всех элементов боевой обстановки, особо выделяется фактор местности, оказывающий влияние на всю деятельность войск. Местность как предоставляет укрытие от поражения огнем, так и наоборот, увеличивает, при умелом ее использовании, степень поражаемости противника.[230] При изучении битвы за Севастополь необходимо понимать, что бои происходили в условиях городской агломерации.

Городской агломерацией принято считать группу близко расположенных населенных пунктов, которые объединены тесными производственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными связями, как например, Севастополь, Балаклава и Инкерман, также в её состав входят посёлки городского типа и сельские поселения. Севастопольский оборонительный район располагался на территории Севастопольской городской агломерации, центром которой являлся Севастополь и периферийной зоны в виде сельских населенных пунктов, на территории которых находились отдельные промышленные, коммунальные и рекреационные предприятия, а также сельскохозяйственные угодья, разделенные значительными природными ландшафтами.

Местность образует тот общий фон, под который всегда приходится маскироваться войскам.[231] В битве за Севастополь такую роль сыграли севастопольские долины, называемые балками, - Сухарная балка (где располагались арсеналы - Е.С.), Лабораторная, Юхарина, Апполонова, Килен балки.

Подвижность войск зависит от местности, так как она сама по себе может вызывать затруднения различной степени. Горные хребты, обширные болотистые и лесные пространства, глубоководные и широкие реки могут создавать преграды для движения, преодоление которых требует более или

[230]Говорухин А.М. Указ.соч. С. 106,117.
[231] Военная топография. - М.: Воениздат, 1977. С.9.

менее значительного времени и специальных средств. Так, река Черная, впадающая в Севастопольскую бухту, являлась естественным препятствием для техники немецких войск, это затрудняло их продвижение в период боев в районе Инкермана.

В ходе битвы за Севастополь Доковый, Мартыновский, Каменоломный овраги создали серьезные трудности для немецко-румынской группировки, так как советские войска сковывали силы противника и позволяли наносить им существенный урон, особенно в осенне-весенний период, когда раскисала почва.

Фактор местности для обороны и наступления в значительной степени влияет на применение тех или иных родов войск и вооружений. Так, наличие гористой местности с крутыми скатами или вязкого, заболоченного грунта затрудняет применение танков и конницы. Хотя при грамотной работе возможно применение танков и в горных условиях. В контексте обороны Севастополя представляет интерес применения танковых частей в условиях гористой местности.[232]

На севастопольском участке советско-германского фронта, который имел протяженность всего 40 километров, особую роль играла авиация. Применение авиационных подразделений на таком узком участке фронта позволяло противоборствующим частям наносить бомбово-штурмовые удары предельно эффективно. Как следствие, рельеф местности играл серьезную роль и в вопросах применения авиации, расположения его аэродромов, использование особых примет на местности для более результативных вылетов, а для войск это использование естественных укрытий или строительство искусственных.[233]

Играет свою роль и наличие посадочных площадок для самолетов и их качество, которое также зависит от местности.

---

[232] Боевой состав Советской Армии. Часть II. (Январь – декабрь 1942). С.13.
[233] Крепость Севастополь. С.320.

Еще одним немаловажным фактором является аэрофотосъемка. Отличием карт от аэрофотоснимков является то, что при соблюдении определенных требований фотографирования и при особом рассмотрении снимков, они обладают серьезным преимуществом. Им является отображение свойства рельефа местности. Благодаря этому свойству изображения неровностей местности получаются выпуклыми и рельефными, то есть наглядно передают все формы местности и их превышение.[234]

Учитывая ограниченную территорию и незначительную протяженность севастопольского фронта, необходимо сказать, что ее радиус составлял не более 25 км от Севастополя, как следствие необходимо понять, какая местность располагалась вокруг города и как она использовалась советскими войсками.

Северо-восточная часть территорий, которые прилегают к долине реки Бельбек, включает две группы высот, изрезанных глубокими оврагами и имеющие удобные спуски к данной реке и морю.

Первая группа высот представлена Мекензиевыми горами, ограниченными с севера и северо-востока долиной реки Бельбек, а с юга Мартыновским оврагом. Вся эта возвышенность имеет повышение над уровнем моря от 150 до 300 метров и представляет собой волнистую местность, которая изрезанна по разным направлениям крутыми обрывами, и на всем протяжении от Графской балки до населенных пунктов Фронтового, Холмовка и Крепкого покрыта дубовым лесом и густым кустарником.[235]

Вторая группа высот представлена Инкерманскими высотами, которые возвышаются над уровнем моря более чем на 150-200 метров. Эта группа высот, покрытых лесом и густым кустарником, ограничена с севера Мартыновским оврагом, с юго-востока населенными пунктами Черноречье, Терновка, а с юго-запада рекой Черной. Юго-восточная часть этой

[234] Военная топография. - М.: Воениздат, 1947. С.183.
[235] См. Приложение № 6 Завершающий этап обороны Севастополя. Июнь-июль 1942г.

территории также можно разделить на две подгруппы высот: Балаклавские горы и Федюхины высоты.[236]

Местность, которая прилегает непосредственно к Севастополю - Херсонесский полуостров, представляет собой треугольник. Она постепенно повышается к югу и оканчивается обрывом у моря.

Между Балаклавскими горами и Инкерманом проходит группа высот, в которую включены высоты Карагач, Сапун-Гора, гора Суздальская. Они возвышаются над уровнем моря от 100 и до 200 метров. Херсонесский полуостров в свою очередь изрезан глубокими оврагами и балками, которые проходят с юго-востока и далее на северо-запад.[237]

Пространство между Килен балкой, Северной бухтой и Инкерманской долиной состоит из высот, которые окаймлены крытыми и глубокими оврагами. Наиболее значительные из них: Малахов курган - высота 90 метров над уровнем моря, курган к юго-востоку от Малахова кургана - 110 метров над уровнем моря и курган с английским редутом «Виктория» (другое название Микрюкова высота),- около 130 метров над уровнем моря.

В свою очередь, северная часть Херсонесского полуострова сильно изрезана бухтами.[238]

В Северной бухте северный и южный берега изрезаны многочисленными оврагами и балками. На северном берегу этой бухты расположена северная сторона Севастополя и селения Учкуевка, Любимовка, Фруктовое, Камышлы.

Между Балаклавскими горами, Федюхиными и Инкерманскими высотами и восточными склонами Сапун-горы тянется обширная долина реки Черной, протяженностью около 10 км и шириной до 1,5км.

Железнодорожные пути Севастопольского оборонительного района состояли из одноколейных линий Севастополь-Симферополь и Севастополь-

---

[236] Оборона Севастополя. Оперативно- тактический очерк. С.4; ЦАМО, ф.32632, оп.2814, д.7. 138 отдельный инженерный батальон. Подлинник журнала боевых действий.- Л.18.
[237] См. Приложение № 6 Завершающий этап обороны Севастополя. Июнь-июль 1942г.
[238] Оборона Севастополя. Оперативно- тактический очерк. С.5

Балаклава. Основной магистралью являлась железная дорога Севастополь-Симферополь, которая соединяла юго-западную часть Крыма с центральной частью, она проходила по горной местности. От Севастополя железная дорога шла на северо-восток до моста через реку Бельбек и далее через Бахчисарай к Симферополю. На этом участке имелось пять тоннелей, два длинных железных моста через широкую и глубокую балку Графскую и Камышловский овраг. На железной дороге Севастополь-Балаклава в период обороны Севастополя активно действовал бронепоезд «Железняков».[239]

В северо-восточном и юго-восточном районах, территориально близких к Севастополю, были хорошо развиты автомобильные дороги. Некоторые из них были заасфальтированными, но многие были гудрированными. Главные из них: Севастополь-Бахчисарай-Симферополь, Севастополь-Орловка-Бахчисарай; Севастополь-Верхнее Чернореченское-Бахчисарай и Севастополь-Ялта. Эти дороги пригодны для движения всех родов войск и являлись единственно возможными и удобными путями сообщения и снабжения. По этим дорогам в Севастополь отходили советские войска после прорыва Перекопских позиций, а в период осады города происходило снабжение немецких войск, осаждавших город.[240]

Присутствовали в Севастополе и грунтовые дороги, которые проходили по пересеченной местности и были пригодны для продвижения в летнее и зимнее время. Поддержание их в хорошем состоянии весной и осенью было весьма затруднительно.

Морской берег от устья реки Кача до Балаклавской бухты большей частью обрывистый, вблизи устья реки Черной он достигает наибольшей высоты. К северу от Севастополя берег Крыма пересечен устьями рек Кача и Бельбек.

В целом, описываемый район в силу гористого и пересеченного характера не благоприятствовал развертыванию операций на сплошном

[239] Ванеев Г.И. Севастополь, 1941-1942 гг.: Хроника героической обороны.- Киев: Украина, 1995. Т.1. С.63.
[240] Там же. С.40.

фронте. Долины рек Черной и Бельбека, широкие лощины, участки с более пологими и менее пересеченными скатами высот, как допускающие наиболее широкое применение средств современной боевой техники, естественно, использовались как направления для действий основных группировок войск. На остальных участках развертывались боевые действия лишь сковывающего характера.[241]

Местность во многом определяла и характер происходивших боев. Последние развертывались и велись в основном за отдельные высоты или группы высот, имевших тактическое значение. Например, в боевой обстановке артиллерия не просто пристреливалась к местности, а осуществляла привязку именно к гористой местности.[242] Эти оперативные документы свидетельствуют о той значимости горного рельефа, который активно использовался советскими частями в период битвы за Севастополь.

Борьба за высоты обычно развертывалась в виде сковывающих наступательных действий непосредственно на высоту с одновременным обтеканием ее по прилежащим лощинам.

Особенно ожесточенные бои происходили у входов и выходов горных дефиле. Это, например, бои в районе населённых пунктов Оборонное, Нижнее и Верхнее Чернореченское, а также на пересечении горных дорог и коммуникаций.[243]

Гористый характер местности определял специфические черты обороны, которая в основном сводилась к созданию опорных пунктов и узлов сопротивления на наиболее важных тактических высотах с организацией флангового огня вдоль всех лощин, балок и оврагов и минированием скатов высот. Уже упоминавшийся 138-й отдельный инженерный батальон, который

---

[241] Оборона Севастополя. Оперативно- тактический очерк. С.6.
[242] ЦАМО, ф.1265, оп.1, д.33. Копии документов начальников отделов и служб управления 95 стрелковой дивизии (*оригиналов документов в фондах ЦАМО не сохранилось). Л.40.
[243] ЦАМО, ф.32632, оп. 2817сс, д.5. Боевые распоряжения и инструкции инженерным войскам Приморской армии.- Л.13.

выполнял задачи в районе Балаклавы, систематически занимался подобным минированием.[244]

Особую роль играли крупные овраги и балки Севастополя, которые являлись хорошими естественными противотанковыми рубежами. Это овраги Камышловский и Мартыновский.[245]

Сильной стороной Севастопольской обороны было наличие в окрестностях Севастополя ряда штолен, каменоломен и тоннелей, что благоприятствовало организации там надежных убежищ против артиллерийского огня и авиационных бомбардировок. Эти укрытия использовались для устройства госпиталей, складов и различных предприятий, обслуживающих фронт. Во время массовых бомбардировок города в штольни пряталось население.[246] К сожалению, общее положение местности с востока на запад по мере развития наступления противника увеличивало преимущества последнего, так как в его руки попадали все новые командные высоты.[247]

В целом можно сделать вывод, что оборона Севастополя опиралась на тщательно продуманную и хорошо подготовленную оборону системы полевых сооружений и заграждений, многие из которых проходили в условиях гористой местности. Фактор местности, помноженный на массовый героизм советских солдат и офицеров, сыграл важную роль в обороне Севастопольского оборонительного района, особенно в период первого и второго штурма осенью 1941 г. Этот фактор в значительной степени влияет на применение тех или иных родов войск и вооружений. Так, при наличии гористой местности с крутыми скатами оптимальным является применение минометного вооружения. Неудивительно, что при производстве вооружений в самом Севастополе был отдан приоритет в изготовление минометов.

---

[244] ЦАМО, ф.32632, оп.2814, д.7. 138 отдельный инженерный батальон. Подлинник журнала боевых действий.- Л.18
[245] ЦАМО, Ф.1711, оп.2, д.1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии.- Л.21
[246] Оборона Севастополя. Оперативно- тактический очерк. С.5.
[247] Там же. С.7.

В целом, рассматривая подготовку Севастополя к обороне в годы Великой Отечественной войны, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, оборонительные мероприятия проводились достаточно эффективно, но приоритетным направлением были наступательные действия, а в контексте обороны военно-морских баз была готовность только к противодействию береговым и воздушным десантам.[248]

Во-вторых, несмотря на предвоенную неготовность береговой артиллерии к работе по сухопутным целям, артиллерия береговых батарей показала высокую выучку и нанесла значительный урон противнику, особенно в период первого штурма города, так как сухопутная оборона еще не была закончена до конца. Характеризуя береговую оборону в целом и береговые батареи в частности, командующий береговой обороной Севастополя генерал П.А. Моргунов отмечал, что «за время боев артиллерия Береговой обороны выпустила по противнику более 20 тыс. снарядов и нанесла ему значительный урон. Крупные потери, в первую очередь от артиллерийского огня, явились одной из причин, заставивших врага отказаться от продолжения первого штурма Севастополя».[249]

В-третьих, серьезным фактором, способствовавшим эффективной обороне Севастополя, была сама местность, на которой был расположен город. Используя знания военной топографии, советское военное руководство смогло грамотно построить оборону Севастопольской городской агломерации, используя все природные преимущества местности.

В-четвертых, важнейшим психологическим фактором эффективной обороноспособности Севастополя был высочайший патриотизм как советских военнослужащих, так и мирного населения, создавших единый рубеж моральной обороны. Константин Симонов, побывавший в Севастополе летом 1941 года, стал свидетелем того, что «город жил героизмом, защищался».

---

[248] Поляков В.Е. Указ.соч. С.96.
[249] Моргунов П.А. Указ.соч. С.132.

1.2. Особенности военной обстановки в Севастопольском оборонительном районе

Важнейшим условием для победы в большой или малой битвах является моральный, патриотический дух войск. Поднятие и сохранение морального духа армии, надлежащая подготовка и обучение войск, установление твердой воинской дисциплины в войсках является залогом будущих побед.

Кроме героизма защитников Севастополя в ходе обороны города, имели место дезертирство советских военнослужащих и коллаборационизм гражданского населения. Такие факты были не единичными. Дезертирство затрагивало все подразделения Севастопольского оборонительного района. Однако эти явления не только не стали определяющими в ходе боев за город, но и практически не отразились на обороне Севастополя, ни в военном, ни в морально-психологическом отношении, не снизив и не сломив общего героического настроя и духа защитников города.

Так порой в частях наблюдались слабая подготовка войск, трусость и безволие командиров, отсутствие твердого руководства и контроля со стороны вышестоящих командиров. Вот несколько выдержек из дневника писателя «Разные дни войны. Дневник писателя», когда он стал свидетелем событий на Арбатской стрелке, которые, кстати, подтверждались приказами по 51-й армии: «части 276-й стрелковой дивизии по-прежнему имели низкую боевую готовность»; «плохо организованный бой не дал успеха. Наша артиллерия дала несколько очередей по своей пехоте»; «Пример проявления безволия и трусости показал в этот день командир 873-го стрелкового полка полковник Киладзе в северной части Арабатской Стрелки»[250]. И далее: «Факт безнаказанного проникновения на Стрелку группы противника с мотоциклами указывает на то, что командир 2-го батальона 873-го стрелкового полка старший лейтенант Кузнецов проявил

[250] Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. - М.: Художественная литература, 1982. Т. I // http://militera.lib.ru/db/simonov_km/1_14.html (дата обращения 01.12.2019 г.).

нераспорядительность и трусость»[251]. Видим, что в период обороны Севастополя имели место не только массовый героизм, но и такие явления как трусость, дезертирство и тому подобные проступки.

Кроме того, в ряде частей и соединений Севастопольского оборонительного района несение службы, уровень дисциплины, социально-политический облик и хозяйственно-бытовый уровень находился в крайне запущенном состоянии. Причем, данные недоработки со стороны командного состава можно объяснить именно ненадлежащим исполнением своих обязанностей отдельными командирами разных рангов, а не какими-либо другими причинами. В период ожесточенных оборонительных боев в начале войны такой низкий уровень может быть объяснен нацеленностью на главную задачу - сдержать натиск противника, не дать захватить Севастополь с ходу. В таком случае, слабый уровень медицинской, бытовой или другой работы в частях и соединениях может быть оправдан. Но даже в начале весны 1942 г. спустя два месяца после окончания второго штурма Севастополя данные вопросы все еще оставались нерешенными. В частности, медицинское обеспечение сохранялось в неудовлетворительном состоянии - забота о раненых находилась порой на достаточно слабом уровне, особенно это характерно для отражения третьего штурма города. Характеризуя в этом отношении положение на весну 1942 года один из защитников Севастополя вспоминал: «...город в осаде, ни воды, ни медикаментов, ни продуктов, хронически не хватает автоматов, боеприпасов. В нашем медсанбате к третьему штурму немцев в июне 1942г. уже не было не только препаратов и лекарств, медицинских инструментов, но и воды».[252] Можно констатировать, что не всегда вопросы хозяйственно-бытового обеспечения находились на должном уровне, и по мере продолжения обороны города положение и гражданских лиц и военнослужащих становилось тяжелее.

---

[251] Симонов К. М. Указ. соч. http://militera.lib.ru/db/simonov_km/1_14.html (дата обращения 01.12.2019 г.)
[252] Дворниченко О. Указ.соч. С.268.

Особенно остро стоял вопрос с дезертирством военнослужащих. Среди неблагополучных подразделений можно назвать 388-й стрелковую дивизию, которая была сформирована в конце ноябре 1941 года на Закавказском фронте и уже в конце декабря была переброшена в Севастополь, где и приняла участие в отражении второго штурма со стороны немецко-румынских войск. В начале марта 1942 года командир дивизии комбриг Монахов, комиссар дивизии старший батальонный комиссар Штанев и начальник штаба полковник Добров издали приказ № 10, в котором указали: «Командиры и комиссары 778 и 773 стрелкового полков. зная о наличии трупов впереди переднего края обороны полков, пренебрегают тем, что несвоевременная уборка последних отрицательно отражается на политико-моральном состоянии бойцов и до сих пор не организованы похороны трупов, обнаруженных в большом количестве в районе северо-восточнее и северо-западнее склонов высоты 206,6».[253] То есть, в период затишья на фронте командование стрелковых полков знало о сложившейся ситуации, имело возможность провести похоронные мероприятия, но не предприняло никаких усилий к этому. Психологическое состояние военнослужащих, находившихся на оборонительных позициях и наблюдающих за своими погибшими товарищами на нейтральной полосе в течение длительного времени, оставляло желать лучшего. Данный приказ резюмировал: «Командирам 778 и 773 стрелковых полков перед передним краем обороны частей организовать сбор и погребение трупов, для чего выделить специальные команды во главе со средним командиром, обеспечив их медработниками. Похороны организовать немедленно и непосредственно в местах нахождения трупов».[254]

По моему мнению, данные события происходили именно из-за недоработки отдельных командиров отдельных частей, ведь описываемые события происходили в период затишья на фронте, а сам Севастопольский

[253] ЦАМО. Ф. 1711. Оп. 2. Д. 1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии. Л.26.
[254] Там же.

оборонительный район к данному времени наладил и снабжение, и обслуживание сражающихся частей всем необходимым. Не на должном уровне оказалась и работа с личным составом политруков и комиссаров. При грамотной и налаженной работе можно было провести траурный митинг перед погребением погибших военнослужащих, поднять моральный и политический уровень среди личного состава, но повторюсь, этих мероприятий проведено не было. Известно, что пропагандистская работа в рядах Красной Армии была налажена и находилась на достаточно высоком уровне и во многих случаях использовались не идеологические клише, а реальные подвиги советских военнослужащих или преступления оккупантов.[255]

Можно предположить, что отсутствие заботы командования о вверенном личном составе в условиях войны могло привести к высокому уровню дезертирства, вплоть до убийства командиров и дезертирства с оружием именно в 388-й стрелковой дивизии. При изучении документов Центрального архива Министерства Обороны выяснилось, что ситуация с уровнем воинской дисциплины и дезертирства стояла наиболее остро именно в данной дивизии. За весь период нахождения дивизии в составе Севастопольского оборонительного района в подразделении случались случаи массового дезертирства. Так «утром 15 января 1942 г. в 3 роте 782 стрелкового полка обнаружен труп младшего лейтенанта Николаенко». Убийство офицера это всегда чрезвычайное происшествие, в период войны или в мирное время, поэтому в кратчайшие сроки была собрана комиссия по расследованию данного инцидента. В начале своей работы ею было установлено, что: «В составе 3 взвода 3 роты 782 стрелкового полка, где командовал взводом младший лейтенант Николаенко, подобралась группа красноармейцев-изменников родины, которые продолжительное время готовились при удобном случае перейти на сторону врага. Эта группа вела себя не дисциплинированно, саботировала мероприятия, проводимые

[255] Ради жизни на земле. Великая Отечественная Война 1941-1945 гг. в документах и свидетельствах. С.164.

командованием по усовершенствованию оборонительного рубежа».[256] Интересно и то, что данные следственные действия происходили в засекреченном режиме. На это можно взглянуть по разному: не разглашение сведений о дезертирстве с целью не давать информацию об успешном побеге к противнику и, наоборот, при грамотной работе с личным составом можно было провести разъяснительную работу и заклеймить дезертиров как изменников Родины. А профессиональная работа с личным составом в политических и общественных вопросах могла способствовать сплочению личного состава и превращению частей и соединений Красной Армии в более решительное и морально устойчивое подразделение.[257]

Комиссия установила, что убийство офицера с целью дезертирства стало возможно по причинам: «Во-первых, командир роты лейтенант Бритов, политрук роты Чиквиладзе не изучали людей своего подразделения, преступно и халатно относились к исполнению своих обязанностей. Во-вторых, совершенно не удовлетворительной проводившейся в роте партийно-политической и воспитательной работой с командным составом и красноармейцами. В-третьих, вследствие бездеятельности уполномоченного Особого отдела полка Каваленко, не предотвратившего позорный для дивизии факт убийства командира и безнаказанный переход на сторону врага предателей».[258] Комиссией было принято решение: «...командира 3 роты 782 стрелкового полка лейтенанта Бритова за плохое изучение людей, преступно-халатное отношение к исполнению своих обязанностей по охране рубежа обороны, - предать суду чести командо-начальствующего состава».[259] А политруку 3-й роты Чиквиладзе «за бездеятельность в вопросе изучения личного состава подразделения объявить строгий выговор».[260] То есть за серьезный проступок, нанесший большой урон обороне на участке подразделения, к ответственным лицам были применены только

[256] ЦАМО. Ф. 1711. Оп.2. Д. 1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии. Л.5.
[257] Гланц Д.М. Указ.соч. С.52.
[258] ЦАМО. Ф. 1711. Оп.2. Д. 1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии. Л.5.
[259] Там же. Л.6.
[260] Там же. Л.6.

административные меры. Данное трагическое событие - это не просто переход на сторону врага, а вооруженное дезертирство с убийством офицера, а кроме того, перебежчики могли раскрыть силы и средства частей и соединений Красной Армии, её инженерную оборону на занимаемом рубеже, рассказать о политико-моральном состоянии военнослужащих, имена и личную информацию командиров. Это преступление и понесенное командным составом наказание могли привести еще к одному выводу в среде рядового состава, - возможности безнаказанного перехода на сторону врага. Судя по всему, от более серьезного наказания ответственные командиры были спасены из-за высоких потерь, понесенных как 388-й стрелковой дивизией, так и всеми частями и соединениями Севастопольского оборонительного района в период отражения второго штурма города. В результате чего, видимо просто не было возможности назначить на эти должности других вместо провинившихся офицеров. Обстановка с дезертирством в 388-ой стрелковой дивизии продолжала оставаться тяжелой. К тому же, прямое нарушение всех мыслимых правил и предписаний со стороны среднего и младшего командного звена только способствовал этому негативному явлению. Уже в следующем месяце, в феврале 1942 года, в другом стрелковом полку, в 773-ем, произошел новый случай массового дезертирства: «25.2.1942г. командир 2 роты 773 стрелкового полка, - младший лейтенант Петров, политрук Еремян поручили подобрать состав боевого охранения командиру взвода лейтенанту Мякота. Последний послал в боевое охранение совершенно не проверенных бойцов из нового пополнения, причем без младшего командира».[261] В боевое охранение было направлено молодое пополнение без командира, то есть в караул без разводящего или помощника начальника караула, даже в мирное время это тяжелый дисциплинарный проступок. В ходе последующей проверки выяснились не менее интересные подробности: «В течении ночи ни командир роты, ни политрук Еремян, а также командир взвода Мякота

[261] ЦАМО. Ф. 1711. Оп.2. Д.1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии. Л.18.

боевое охранение не проверяли, что дало возможность бойцам, оказавшимися изменниками родины в количестве пяти человек безнаказанно перейти на сторону врага».[262] Несение службы в полку находилось на крайне низком уровне, работа командного и политического состава подразделения фактически отсутствовала.

Анализируя эти происшествия, можно утверждать, что в результате недоработок и упущения командиров, нестойкий в моральном отношении личный состав снова и снова дезертировал. Многие из дезертиров были враждебно настроены к советской власти. Некоторые военнослужащие просто не хотели воевать. Среди рядового и сержантского состава были лица, поверившие немецкой пропаганде. Уровень работы пропагандистов противника был высоким и порой нестандартным для советского военнослужащего. Севастопольские фронтовики вспоминали: «...в Симферополе были устроены публичные дома для немцев, работали там девушки добровольно, так немцы привозили проституток к передовой и те зазывали проникновенным голосом по громкоговорителю: Ванечка, иди ко мне, ты мне нужен живой!».[263] Для многих советских военнослужащих было шоком не просто существование публичных домов на оккупированной территории государства, но и факт добровольного согласия граждан СССР работать в этих организациях.

Только после этих событий в феврале 1942г. были приняты решительные меры по предотвращению подобных случаев дезертирства в дальнейшем. Итогом стал приказ командира 388-ой стрелковой дивизии, в котором было предписано: «...командира 2 роты 773 стрелкового полка младшего лейтенанта Петрова, политрука Еремян от должности отстранить. Командира взвода лейтенанта Мякота за посылку в боевое охранение не проверенных красноармейцев, бесконтрольность несения последними службы боевого охранения с работы снять и предать суду Военного

[262] ЦАМО. Ф. 1711. Оп.2. Д.1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии. Л.18.
[263] Дворниченко О. Указ.соч. С.256.

Трибунала. Командиру 773 стрелкового полка подполковнику Бравчаку вторую роту отвести во второй эшелон и переформировать». Командиры, непосредственно ответственные за личный состав, которые в виду недостаточного контроля дезертировали, были строго наказаны. Однако непосредственно командиры стрелкового полка, чьи подчиненные допустили серьезные проступки в несении службы, отделались лишь тем, что «за недостаточный контроль в деле организации и несения службы охранения и не своевременное обнаружение перехода на сторону противника пяти бывших красноармейцев полка, - СТАВЛЮ НА ВИД».[264] Но даже подобные чрезвычайные происшествия с дезертирством военнослужащих и последующими наказаниями для командиров всех рангов в дивизии не закончились. В следующем месяце, в марте 1942 года в дивизии произошел новый случай массового дезертирства, на этот раз без оружия и убийств. 18 марта 1942 года командир дивизии довел до всех вверенных ему частей и соединений приказ № 013: «Не смотря на мои неоднократные указания и приказы о необходимости повседневного изучения личного состава частей и подразделений, а также принятии мер, исключающих переход на сторону врага или дезертирства отдельных неустойчивых красноармейцев, - некоторые командиры и партийно-политические работники продолжают благодушествовать, этому вопросу не уделяют должного внимания. Так, 13.3.1942 года из состава 4-й роты 778-го стрелкового полка оставив оружие и снаряжение, ушли, неизвестно куда семь красноармейцев».[265] Произошел новый случай дезертирства, и опять массового. По сути, из состава роты скрылось целое отделение личного состава. В ходе последующей проверки 778-го стрелкового полка выяснилось, что в роте «не было должной дисциплины среди командиров взводов и младших командиров, не следивших за поведением бойцов и не контролирующих их действия».[266] Каким образом днем, на сторону врага перешло целое отделение и как это

[264] ЦАМО. Ф. 1711. Оп. 2. Д. 1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии. Л.18.
[265] Там же. Л.31.
[266] Там же. Л.31.

происходило, выяснить так и не удалось. Но, помимо отсутствия работы с личным составом, выяснилось, что «в отдельных ротах 778 стрелкового полка наличествует барско-принебрежительное отношение к вопросу обеспечения бойцов питанием и водой, что не способствует ликвидации чрезвычайных происшествий». Можно сказать, что командиры не проявляли заботы о вверенных подчиненных, пускали вопросы снабжения и питания на самотек. Так, например, «в 4 роте, откуда произошел случай массового дезертирства, совершенно не организовано питание, примером этому может служить завтрак,- 13.3.1942 г., когда на группу в 10 человек выдано половина ведра вермишели, на группу 16 человек,- 2 ведра. В роте установлена норма потребления воды - 800 грамм в сутки на человека, причем эта вода часто не доставляется. Горячего чая в роте не бывает».[267] Необходимо отметить то, что данные события происходили уже в марте 1942 года, когда на фронте установилось затишье и противоборствующие стороны могли обеспечить своим солдатам налаженный быт и отдых. Но в виду отсутствия грамотной работы с личным составом это приводило не просто к конфликтным ситуациям, а способствовало, в том числе и росту дезертирства.

Ситуация с дезертирством не была характерна только для 388-й стрелковой дивизии, схожие проблемы были и в других подразделениях Севастопольского оборонительного района, но носили не такой массовый характер, а были скорее единичными. Схожая ситуация наблюдалась и в 345-й стрелковой дивизии, так же сформированной на Северном Кавказе как и 388-я стрелковая дивизия из числа местных призывников. Она была также передислоцирована из Туапсе в Севастополь в конце декабря 1941 года. Ситуация с личным составом и имуществом дивизии сразу же вызвали обеспокоенность командования Приморской Армии. Оно отмечало, что «чрезвычайные происшествия и падеж конского состава в вновь прибывших частях не только не снижается, но за последний период увеличивается, в 345-й дивизии дезертировало 6 красноармейцев и пало 13 лошадей, затем

[267] ЦАМО. Ф. 1711. Оп. 2. Д. 1. Оперативные сводки 388 стрелковой дивизии. Л.31.

дезертировало еще 5 человек, подразделение выделяется по количеству всяких происшествий».[268] Столь массовое дезертирство было связано, скорее всего, с двумя факторами. Во-первых, оба подразделения формировались на базе Северно-Кавказского округа, и призыв в них осуществлялся из числа местных жителей, в результате чего проблемы с личным составом носили не этнический характер, а морально-политический. То есть, проблемы разного характера были связаны не с национальным составом частей, а с тем, что некоторые из призванных граждан в ряды Красной Армии или не поддерживали советскую власть или имели слабый моральный облик.

Не стал исключением и 456-й сводный полк НКВД, в котором также происходили подобные инциденты. Так, согласно учету красноармейцев и командиров, пропавших без вести и дезертировавших, с 22 ноября 1941 г. по 28 июня 1942 г. во 2 стрелковом батальоне убыло 16 человек, из них: пропало без вести 10.[269] Пики данных потерь пришлись на штурм города немецкими войсками, но нельзя исключать, что часть военнослужащих была пленена, или дезертировала, воспользовавшись тяжестью боев. Так в период первого штурма города немецкими войсками с 25.11.1941г. по 1.1.1942г. пять красноармейцев - Юрченко И.Ф., Сеничкин И.М., Романенко М.П., Малышев Т.С., Саферович И.А. дезертировали, при этом в списке учета личного состава по графе национальность значатся - 4 русских и 1 татарин.[270] Еще 2 красноармейца были расстреляны как изменники родины: Асанов Д.В. и Пономарев П.И.[271] Эта статистическая информация еще раз доказывает, что проблематика дезертирства носила не этнический или национальный характер, а скорее отражала социально-политические проблемы советского общества. Были случаи, когда встречались и слабохарактерные люди. Так, покончил с собой военврач 5-ой роты Голод Г.М., а ряд военнослужащих был

[268] ЦАМО. Ф. 1663. Оп.1. Д. 114. Отделение штаба 345 стрелковой дивизии. Л.130.
[269] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 3. Книга учета и потерь личного состава 456 сводного полка погранвойск НКВД. Л.2- 4.
[270] Там же. Л.2.
[271] Там же. Л.63.

уличен в самостреле.[272] Все эти данные позволяют говорить о том, что проблема дезертирства существовала и в войсках НКВД, а качественный уровень военнослужащих, призванных в эти войска в военное время, был заметно ниже военнослужащих довоенной поры.

Необходимо вычленить три основные причины, по которым военнослужащие дезертировали, причиняли себе травмы и кончали жизнь самоубийством. Первой причиной являлось враждебное отношение к советской власти. Второй причиной служил низкий моральный уровень военнослужащего, а зачастую и криминальное прошлое. Третьей причиной стали недоработки командного состава по отношению к своим подчиненным.

Своим бездействием командиры способствовали не просто переходу на сторону врага ряда советских военнослужащих, а вполне возможно и пополнению рядов коллаборационистов на временно оккупированных советских территориях. Это не значит, что данные дезертиры сразу же влились в ряды «полиции», созданной немецкими оккупационными органами или в военизированные формирования коллаборантов. Существовала еще одна категория лиц, сотрудничающих с немецкими войсками, - добровольные помощники вермахта или «хиви». Эта категория лиц набиралась в основном из числа советских военнопленных, перешедших на немецкую сторону дезертиров и изъявивших желание сотрудничать с немцами советских граждан. Надо понимать, что эти добровольцы из числа советских людей, перешедших на немецкую сторону, не всегда стремились взять оружие в руки и воевать с частями Красной Армии. Поэтому занимали административные, вспомогательные, хозяйственные должности в немецких частях и, особенно, в немецком тылу. Это переводчики, водители, повара, извозчики, делопроизводители и что очень важно для Крыма, те из дезертиров, кто являлся крымчанином и мог служить проводников в горном Крыму, в том числе на подступах к Севастополю. Скорее всего, февральские

[272] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 3. Книга учета и потерь личного состава 456 сводного полка погранвойск НКВД. Л.63.

дезертиры пополнили собой части «хиви», став добровольными помощниками вермахта, в отличие от январских беглецов, которые дезертировали, совершив убийство и скорей всего, пошли на службу в силовые подразделения коллаборационистов - полицию или различные воинские формирования.

Отдельно стоит упомянуть об участии коллаборационистов в штурме Севастополя и в целом о переходе советских граждан и военнослужащих на немецкую сторону в указанный период. Некоторые из граждан СССР, даже не успев прибыть по повестке в военкомат и далее в часть, скрывались или возвращались домой в кратчайшие сроки. В ряде случаев мобилизационные мероприятия в Крыму были сорваны. Так, в татарской деревне Коуш из 132 призванных граждан 120 вернулось домой, в деревне Стиля количество дезертиров составило 92 человека, а в ряде случаев под видом дружбы разлагали и русских бойцов, обещая их скрывать в своих деревнях в случае побега.[273] В период осенних боев на Перекопе и последовавшем прорыве немецких войск на Крымский полуостров, остро обострилась ситуация как на фронте, так и в тылу в вопросе дезертирства и добровольном переходе на сторону врага. Особенно остро стоял этот вопрос в 320-й и 321-й дивизиях, военнослужащие из которых были крымскими татарами, которые были недавно призваны на службу. Потери пленными и пропавшими без вести в них составляли 32 тысячи человек или 62% личного состава, причем большинство из них просто разошлось по домам.[274] Именно к этому периоду относятся сведения об оказании помощи добровольцами из числа граждан СССР крымско-татарской национальности в виде проводников по горному Крыму с целью перерезать отход советских войск к Севастополю. Порой эти действия носили успешный характер. В последующем, осенью-зимой 1941-1942 гг. в сравнении с партизанским движением в целом по СССР, складывалась негативно выделяющаяся ситуация: на оккупированных

[273] Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944). С.131.
[274] Там же. С.130.

территориях УССР, БССР, РСФСР росло и ширилось партизанское движение, но в Крыму происходил резкий отток из партизанских отрядов, сокращалось количество и личного состава и самих партизанских отрядов.[275]

Проблематика Великой Отечественной войны перешла из исторической в политическую область и события войны рассматриваются порой через призму национальных и политических отношений. Но в период войны на фронтах сражались все нации и народности СССР, так например аварец Магомед-Загид Абдулманапов, призванный из Дагестана, геройски погиб в Крыму в Сакском районе.[276]

Во-вторых, обе дивизии изначально назначались для обороны черноморского побережья Кавказа, где обстановка была не такой напряженной и можно сказать более спокойной. Скорее факты дезертирства после переброски подразделений в Севастополь говорят о слабой работе командного состава с вверенным личным составом, отсутствии профилактики политической и контрразведывательной работы среди бойцов. Отсутствие такой работы приводило в дальнейшем к новым случаям дезертирства. Так, уже в 12 января 1942 года «в 772 стрелковом полку на сторону врага перешло 14 красноармейцев- лезгин, из 769 стрелкового полка 6 красноармейцев.[277] Необходимо учитывать, что 386-ая стрелковая дивизия прибыла с Кавказа только 28 декабря 1941 года, то есть фактически сразу после перебазирования в Севастополь и из числа пополнений происходит убыль по причине дезертирства. В ходе последовавшего расследования, была выявлена недостаточная работа с личным составом по линии политической работы, и комиссар дивизии Медведев решением Военного Совета Приморской Армии был отстранен от занимаемой должности.[278]

---

[275]См. Приложение № 9. Партизанские формирования и их численность за 1941-1942 гг. на территории Крымской АССР.

[276] Магомед-Заид Абдулманапов. 30.09.1924-13.04.1944 Герой Советского Союза// Герои страны.- [Электронное издание]. Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4772 (проверено 08.03.2018)

[277] ЦАМО. Ф. 10906. Оп.1. Д. 3. Журнал боевых действий 386 стрелковой дивизии. Л.5.

[278] Там же. Л.37.

Необходимо отметить и еще один факт, связанный с последовавшей после освобождения Крыма советской политики депортации, ведь ее причины были как раз в действиях отдельных советских граждан-коллаборационистов в Крыму, в том числе в период обороны Севастополя. До 1944г. никакого юридического преследования к отдельным нациям и народностям Крыма не предпринималось, то есть до момента освобождения Крыма и последовавшей депортации крымских татар. Четко разделялись отдельные представители этих народов, совершивших проступки и преступления от своих народов, то есть обвинения предъявлялись только действительно виновным лицам. Но в то же самое время, депортация крымских татар имеет свои причины и предпосылки, а именно массовая коллаборационистская деятельность в период обороны Севастополя в частности и в боях за Крым в 1941-1942 гг. в целом. Но юридические преследования по национальному признаку начались после освобождения Крыма в 1944 году. Например, еще в 1943 году, после окончания обороны Севастополя, но до освобождения Крыма, по результатам боев за полуостров было отмечено, что: «Дружной семьей жили народа Крыма, - крымские татары, русские, украинцы, евреи, греки, армяне, караимы, крымчаки».[279] То есть, никто и не думал юридически преследовать отдельные нации и народы Крыма, представители всех народов страны сражались за общее дело, несмотря на массовый коллаборационизм в ряде случаев. Наоборот, отмечалось, что предателями были «кучки недобитых контрреволюционеров»: «Все попытки фашистов расколоть народы Крымской АССР провалились. За немцами пошло лишь незначительное количество изменников и предателей из числа уголовников, раскулаченных и репрессированных в свое время Советской властью элементов».[280] Сам термин коллаборационизм в военный период не использовался, употреблялся только термин «предатели». Но даже с учетом этого, в 1943 году по

[279] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.6.
[280] Там же. С.9.

результатам боев за Севастополь и Крым отмечалось, что «однако это незначительная часть предателей, не отражает истинного настроения татарского народа. Немецким мерзавцам и их прихвостням, никогда не удастся заставить крымских татар подчиниться чужеземным оккупантам, идти против своей родной Советской власти и Красной Армии».[281] Наоборот, всячески прославлялись герои из числа крымских татар, как например Ахмет Хан Султан, на момент 1943 года награжденный еще только одной звездой Героя Советского союза.[282] В дальнейшем, в 1944 году депортации подвергли и представителей других национальностей, проживающих на территории Крыма,- болгар, армян, греков, а также были депортированы даже небольшие группы итальянцев.

Фактором, способствовавшим крымско-татарскому коллаборационизму, было отношение крымских татар к советской власти, описанное командующим немецкой 11-й армией: «Татары сразу же встали на нашу сторону. Они видели в нас освободителей от большевистского ига, тем более что мы уважали их религиозные обычаи».[283] И коллаборанты отвечали полной взаимностью по отношению к немецким войскам. Например, как свидетельствует крымский историк О.В. Романько, «за январь месяц из 205 населенных пунктов и 5 концлагерей было набрано 9255 человек, из которых 8684 были направлены в состав 11 немецкой армии под командованием Манштейна».[284] Но необходимо отметить, что в статистическом отношении, количество коллаборационистов по отношению к населению Крыма и советским военнопленным на территории полуострова, составляло небольшое количество. Кроме того, не стоит забывать и о том, что многие военнопленные просто хотели физически выжить, а условия жизни в концентрационных лагерях был крайне тяжелыми, и сама продолжительность жизни порой составляла несколько месяцев.

---

[281] Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.17.
[282] Ахмет-Хан Султан 20.10.1920-01.02.1971 Дважды Герой Советского Союза Герои страны.- [Электронное издание]. Режим доступа: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=356 (проверено 08.03.2018)
[283] Э. Манштейн Указ.соч. С.251.
[284] Романько О.В. Советский легион Гитлера. С.65.

В рамках данного исследования интересен вопрос участия западно-украинских коллаборационистских формирований в боях за Крым и Севастополь. Так известно, что в составе 11-й немецкой армии и в ходе прорыва Перекопских позиций, и при штурме Севастополя участвовало несколько так называемых «походных групп» Организации украинских националистов (ОУН), которые были наделены достаточной самостоятельностью со стороны немецких войск.[285] В их задачу входило ведение пропагандисткой и разведывательной работы. Кроме агентурной и пропагандисткой работы в Крыму действовали и военизированные подразделения, которые непосредственно участвовали в боестолкновениях с Красной Армией. Например, батальон сотника Тимченко, называемый «Украинский добровольческий корпус» активно участвовал в боях и подавлении Феодосийского десанта, высаженного, в том числе с целью деблокирования Севастополя наряду с другими десантами.[286] То есть, можно сказать, что идея «борьбы и с коммунистами и с нацистами», широко рекламируемая современной украинской историографией, не выдерживает никакой критики.

В январе-марте 1942г. из-за высоких потерь среди немецко-румынской группировки в Крыму начался набор подразделений «хиви» из числа крымских татар, добровольно сотрудничающих с вермахтом. Главная задача этих подразделений - высвободить немецких солдат из тыловых подразделений в боевые и заменить их указанными добровольцами. Начиная с февраля 1942г., эти подразделения по мере формирования прибывали в действующие немецкие части, ведущие бои на Керченском направлении, а в дальнейшем, с захватом Керчи были переброшены под Севастополь, где принимали участие в боях с Красной Армией.[287] Такой ярко выраженный коллаборационизм в дальнейшем привел к тому, что среди прочих коллаборантов крымские татары находились на более привилегированном

[285] Романько О.В. Советский легион Гитлера. С.98.
[286] Там же. С.101.
[287] Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Указ.соч. С.607.

уровне, чем представили славянских или иных народов и даже были признаны «равноправными союзниками, сражающимися плечом к плечу с германскими частями против большевизма в составе особых боевых подразделений».[288]

Гиммлер, впечатленный успехами и вкладом в общую борьбу, предложил сформировать горно-егерскую бригаду войск СС из числа крымских татар.[289] Не менее активно применялись подразделения крымско-татарских коллаборационистских подразделений в охранных и конвойных частях. К моменту окончания боев за город в июле 1942г. конвоированием и последующей охраной советских военнопленных в лагерях содержания занимались указанные подразделения. Причем, как свидетельствует выжившие бойцы,- именно крымские татары жестоко и ужасно относились к советским военнопленным.[290]

Еще одной особенностью в период окончания Севастопольской оборонительной операции явилось то, что военнопленных сортировали помимо основных категорий, - политические работники, военнослужащие и сотрудники НКВД, евреи, еще и отбор по определенным национальностям. Так в июле 1942г. из числа военнослужащих, попавших в плен в Севастополь, отбирали грузин, армян, азербайджанцев, из них набирались добровольцы в так называемый «Восточный легион».[291] Это были подразделения, которые задействовались не только для охраны тылового района Крыма, но и с дальним прицелом,- для действий на территории Кавказа, к которому активно стремились немецкие войска в 1942 г.

Для предотвращения перехода личного состава на сторону врага проводилась активная профилактическая работа. Так, командир 345-ой стрелковой дивизии подполковник Гусь издал «Приказ №11. Командирам частей и подразделений 345 стрелковой дивизии». В нем говорилось о том,

---

[288] Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Указ.соч. С.610.
[289] Там же. С.615.
[290] Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944). С.218.
[291] Романько О.В. Советский легион Гитлера. С.65.

что «среди личного состава вверенных Вам частей и подразделений, имеются военнослужащие младшего начальствующего и рядового состава, которые по своим политико-моральным и иным признакам подлежат направлению для дальнейшего прохождения службы в строительные батальоны. То есть, из частей и соединений дивизии изымались все неблагонадежные лица. Подобный процесс наблюдался и в других подразделениях. Среди военнослужащих, направляемых в строительные батальоны, выделялись лица следующих национальностей: «а) немцы, финны, болгары, турки, японцы, корейцы, китайцы; б) имеющих родителей, братьев, сестер, осужденных за контрреволюционную и шпионскую работу; за границей; в) имеющих родителей, братьев, сестер за границей; г) имеющих судимость за тягчайшее преступления; д) уроженцев западных областей Украины и Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Северной Буковины».[292]

Необходимо отметить два момента, важных при рассмотрении данной профилактической работы. Во-первых, эти военнослужащие не преследовались правоохранительными органами СССР и не выпадали из правового поля государства, что опровергает распространенные представления о преследовании по национальному признаку со стороны НКВД, имеющие хождения в исторической науке. Однако не следует отрицать факт некоторой дискриминации и недоверия к данным военнослужащим. Но и не стоит это путать с правовым осуждением. Во-вторых, в число лиц, которые были переведены в строительные батальоны, были не только представители указанных национальностей и местностей. В приказе указывалось что «на лиц, которых также нужно перевести в другие части, но не по причинам указанным в пунктах а, б, в, г, д, а каким-либо другим составить отдельные списки по той же форме».[293] Отдельно указывалось о недопущении включения в списки лиц, неподходящих под действие данных категорий. Кто еще мог быть включен в списки

[292] ЦАМО. Ф. 1663. Оп.1. Д.11. 4 отделение штаба 345 стрелковой дивизии. Л.124.
[293] Там же. Л.124.

военнослужащих, подпадающих под данный приказ,- это в первую очередь трусы, паникеры, саботажники, которыми еще не заинтересовались органы НКВД, а кроме того военнослужащие с низким морально-политическим уровнем. Так, например, командир капитан Плетнев из 138-го отдельного инженерного батальона докладывал, что «военфельдшер Гаджиев с работой военфельдшера не справляется, обязанности военфельдшера знает плохо и повышать не хочет, проявляет трусость и недисциплинированность, от работ уклоняется, мотивирует, что он больной».[294] В связи с этим «направляю военфельдшера Гаджиева Вам, как не справившегося с работой».[295] Как видно из донесений, в данном случае военнослужащего перевели из подразделения именно из-за низкого морального и профессионального уровня, а не из-за национального подтекста, то есть военфельдшер банально не выполнял свою работу и прятался за спинами сослуживцев в момент боя. Подобные приказы по Приморской армии выполнялись строго. Так, командир 95-й стрелковой дивизии приказал «35 красноармейцев-бессарабцев откомандировать на головной инженерный склад Севастополь».[296] В 345-й стрелковой дивизии в строительный батальон было направлено 86 человек, но среди них были и те, кто попадал под категорию «имеющих судимость за тягчайшие преступления». Из направленных лиц 10 человек были уголовниками, причем встречались и рецидивисты, судимые по пяти и более статьям. Например, рядовой Иванов, судимый по статьям 105, 107, 162, 169, 170 УК РСФСР, а так же две пары братьев Черныш и Качан, из кулаков, затем судимые за спекуляцию и хулиганство.[297] То есть состав военнослужащих был неоднородный, и на отделение, взвод военнослужащих приходилось один-два бойца с уголовным или маргинальным прошлом. Именно на данный контингент приходилось и большинство происшествий в

[294] ЦАМО. Ф. 32632. Оп.2814 сс. Д. 5. Донесения и разная переписка по личному составу 138 отдельного инженерного батальона. Л.38.
[295] Там же. Л.38.
[296] ЦАМО. Ф. 32632. Оп. 2817сс. Д. 2. Приказы войскам и боевые распоряжения отдела Инженерным войскам Приморской армии. Л.9.
[297] ЦАМО. Ф. 1663. Оп.1. Д. 11. 4 отделение штаба 345 стрелковой дивизии. Л.59.

частях, но данные проблемные моменты фактически не отражались в советской историографии.

В период обороны Севастополя объем работы возрос не только у частей и соединений непосредственно на линии фронта, но в том числе и у сотрудников Военных трибуналов и особых отделов НКВД, которые рассматривали проступки военнослужащих и выносили приговоры, а также проводили контрразведывательную работу. Необходимо сказать, что в советской исторической литературе работа военных трибуналов и особых отделов в период второй обороны города, как правило, не рассматривалась. А между тем, они внесли свой вклад в общее дело борьбы за город, чего не следует забывать.

В ноябре 1941 г., когда был образован Севастопольский оборонительный район, формировались органы Военного Трибунала и Особые отделы, которые сразу же начали вести работу как с личным составом, так и контрразведывательную работу, в том числе и проверять бывших военнослужащих, побывавших в окружении и в плену. Например, в ходе данных мероприятий военный прокурор 345-й стрелковой дивизии военюрист 3 ранга Павленко докладывал начальнику штаба, что «личный состав прокуратуры никто в плену у немцев не был».[298]

Особо необходимо отметить работу Особых отделов НКВД, чья деятельность в период обороны Севастополя в исторической литературе фактически не отражена. А между тем объем работы, проведенной сотрудниками особых отделов, был колоссальный и крайне необходимый. К сожалению, в специальной исторической литературе не даются статистические данные по отдельным сражениям, а только по фронтам, армиям, флотам, говорится только о работе Особого Отдела в Крыму и на Кавказском побережье. Но, например, за весь период войны на Черноморском флоте было зарегистрировано 3844 случая дезертирства. Из них за исследуемый период 1941-1942 гг. в районе Севастополя было

[298] ЦАМО. Ф. 1663. Оп.1. Д. 11. 4 отделение штаба 345 стрелковой дивизии. Л.149.

зафиксировано 2582 случая.[299] Анализируя приведенную статистику, необходимо отметить, что наибольшее количество случаев дезертирства пришлось на бои в Крыму,- это Керченский фронт и оборона Севастополя, следующий пик дезертирства происходил в период боев за Новороссийск.

Помимо дезертирства сотрудники Особых отделов боролись с пораженческой агитацией, трусостью и паникерством отдельных групп и военнослужащих. Мероприятия, направленные на противодействие подобных преступлений, включали создание и применение заградительных отрядов, которые задержали 4719 военнослужащих, из которых 4301 направлены в распоряжение командования, и только 290 арестованы и осуждены, а остальные были переданы прокуратуре.[300] Касательно вопроса применения высшей меры наказания, то можно сказать, что данный приговор был приведен в исполнение в достаточно незначительных случаях, действительно в резонансных преступлениях. Из всего этого контингента расстрел был применен лишь к 20 военнослужащим, причем все они были расстреляны показательно перед строем, еще 199 во внесудебном порядке прямо на поле боя.[301] То есть советское командование знало цену людских ресурсов и старалось приводить расстрелы в исключительных случаях, давая возможность военнослужащим искупить свою вину. Особенно это было актуально в Севастополе, так как пополнения доставлялись с территории Краснодарского края и Кавказа, и в случае тяжелых потерь оперативно заменить выбывших из строя солдат не представлялось возможным.

Еще одной малоизученной областью в обороне Севастополя является работа контрразведывательных подразделений Черноморского флота, которые занимались выявлением завербованных немцами советских военнослужащих. В задачу подобных предателей входили разведывательные и диверсионные задания в боевых порядках и в тылу советских войск в

[299] Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. С.537.
[300] Там же. С.537.
[301] Там же. С.538

Севастополе.[302] Иногда удавалось задерживать этих лиц до их перехода на сторону врага. Так произошло 1 января 1942 г., когда: «были арестованы 3 краснофлотца во главе с младшим лейтенантом Коломийцем, которые несколько суток находились в блиндаже впереди нашей линии обороны, намереваясь сдаться в плен противнику,- изменить Родине. Младший лейтенант Коломиец приказал краснофлотцам порвать документы, сложить оружие и при появлении немцев не оказывать сопротивление».[303] Особенно остро ситуация с подобным контингентом начала складываться в период третьего штурма Севастополя немецкими войсками. Так, в конце июня 1942 г. был арестован «бывший красноармеец 773 стрелкового полка Миронов, переброшенный немцами разведать огневые точки и совершить террористические акты», а также «бывший командир взвода Кравченко, переброшенный немцами с заданием вернуться в свою часть и уничтожать командный состав, снабдив для этого Кравченко автоматом ППШ».[304]

Естественно, подобных эпизодов было больше. Но нельзя не отметить роль органов государственной безопасности в обороне Севастополя. Все это говорит о том, что работа контрразведывательных органов вносила серьезный вклад в общий ход боев за Севастополь. Кроме того, сотрудники особых отделов выполняли свою задачу до последней возможности. Так, начальник особого отдела Черноморского флота Ермолаев докладывал 4 июля 1942 г., что «все следственные дела закончены, арестованные по согласованию с прокурором расстреляны, дела вывезены».[305] Сами сотрудники выполняли задания и после официального оставления Севастополя 3июля, Ермолаев докладывал, что «5 июля посылаю трех оперативных работников с задачей забрать оставшихся секретаря обкома и прокурора Черноморского флота».[306] Но контрразведывательным подразделениям Черноморского флота хватало работы и без выполнения

[302] Христофоров В.С. Указ.соч. С.111.
[303] Христофоров В.С., Черепков А.В. Указ.соч. С.270.
[304] Там же. С.321
[305] Там же. С.325
[306] Там же. С.325-326.

таких ответственных заданий. Основными противниками советских контрразведчиков были немецкий разведывательный орган МАК (морская команда), базировавшаяся сначала в Бухаресте, а затем в Николаеве и Ялте; морская разведывательная команда Абвера (НБО), сформированная в Берлине, затем передислоцированная в Симферополь и немецкая морская разведка «Кондор».[307] Все эти подразделения имели в своих рядах специалистов не просто по России, но и по российскому флоту и черноморскому региону, в том числе из числа белоэмигрантов. Так, например, МАК вела сбор разведывательных сведений о флоте, НБО вела разведывательную борьбу против диверсионных подразделений НКВД и партизанских отрядов в Крыму, в том числе с созданием специальных разведывательных школ для бывших военнослужащих РККФ и РККА на территории Крыма.[308] И в противодействие со всеми этими структурами выступал немногочисленный, но высокопрофессиональный состав особого отдела Черноморского флота в Севастополе. Потери среди сотрудников были высоки, причина этого кроется в том, что непосредственно сотрудники частей и соединений оставались со своими подразделениями до самого конца и гибли вместе с ними. Всего за период третьего штурма, с 30 июня по 3 июля 1942г. «было эвакуировано 56 человек, еще 66 сотрудников остались в Севастополе и приняли свой последний бой, защищая город».[309] Они продолжали сражаться и после официального оставления города. Так, «помощник оперуполномоченного особого отдела Черноморского флота младший лейтенант Силаев погиб 5 июля 1942г., уничтожив группу немецких солдат, подорвав себя последней гранатой».[310] Как видно из приведенных сведений, некоторые современные суждения о заблаговременной и полной эвакуации сотрудников НКВД, наравне с

[307] Христофоров В.С. Указ.соч. С.147.
[308] Там же. С.146.
[309] Там же. С.236.
[310] Там же. С.236

остальными ответственными специалистами, не выдерживает никакой критики.[311]

Изучая и анализируя вопрос о существовании и применении заградительных отрядов в период обороны Севастополя, необходимо отметить, что они находились в штатной структуре подразделений. Так, в одной из дивизий на 28.3.1942 г. командованию Приморской Армией было доложено, что личного состава насчитывается всего 209 военнослужащих, у них на вооружении имелось 205 винтовок, 5 винтовок СВТ, 4 револьвера и 8 пулеметов ДП.[312] Заградительные отряды активно применялись не только как «последний рубеж обороны» для сдерживания отступающих войск, как раз такие случаи не известны, а скорее как военная полиция. Например, ими систематически задерживались военнослужащие, которые уходили в тыл по различным причинам, но в основном это было не дезертирство, а кратковременная несогласованная отлучка, причем во многих случаях для поиска алкоголя, благо в Севастополе было его достаточно, особенно вина. Советские военнослужащие в Севастополе, как и любой солдат на войне, иногда пытались снять военный стресс путем употребления алкоголя. Имелись случаи, когда целые подразделения теряли из-за этого боеспособность, особенно после трудных боев. Например, после отступления от Перекопа и прорыва в Севастополь в конце ноября 1941г., командир саперного подразделения М.Я. Халеев свидетельствовал, что «команда здорово развалилась, появилось много пьяных, часть рабочих разбежалась и на работу не показывается. Позавчера запретил пить вино кому бы то ни было, а то дело дошло до похабщины. Политрук напился, несмотря на мой громовой приказ. Короче говоря, приказал 3 дня вина не кому не давать».[313] То есть, современное представление о поголовном вооружении многочисленных сотрудников заградительных отрядов пистолетами и

[311] Широкорад А.Б.Трагедия Севастопольской крепости. С.368.
[312] ЦАМО. Ф. 1663. Оп.1. Д. 14 345сд. Донесения дивизий и частей о боевом и численном составе, заявки на пополнение личного состава. Л.269.
[313] Халеев М.Я. Указ.соч. С.32.

автоматическим оружием не выдерживает никакой критики. Ведь основная задача военнослужащих этих отрядов заключалась в заграждении отхода других военнослужащих с линии фронта, а уже в дальнейшем в применении или неприменении к ним каких-либо мер.

В особом порядке рассматривались резонансные дела. Представление о характере нарушения, за которое следовало суровое наказание, было дело Ванчаева Петра Григорьевича, 1920 года рождения, русского, холостого, несудимого, уроженца села Грачевки Куйбышевского района, учащегося 2 курса московского Машстройинститута, бывшего члена ВЛКСМ, исключенного в связи с настоящим делом, которому были предъявлены обвинения по статьям,- 193-5(б), 193-2(г), 19-58-8.[314] Было установлено, что 21 ноября 1941г., рота, в которой находился Ванчаев, направлялась в строй, в присутствии красноармейцев он в грубой форме вступил в пререкание с лейтенантом Орленко, нанес ему оскорбление и без разрешения отошел от него и встал в строй. В дальнейшем прибывший командир роты Кривобок приказал выйти Ванчаеву из строя и сдать оружие, на что тот направил винтовку на приближающихся командиров. крикнув «не подходи!».[315] В связи с чем у военнослужащего было такое поведение сказать сложно, архивные материалы не дают ответа на этот вопрос, но можно предположить, что виной всему встал именно низкий моральный уровень солдата, а возможно он просто не выдержал тягот воинской службы в военное время. Но факт грубейшего нарушения дисциплины на лицо, в связи с этим приговор был вынесен жесткий и принципиальный. Военный Трибунал признал Ванчаева П.Г. виновным в: «1. В угрозе убийством командира Красной Армии, что предусмотрено статьей 19-58-8 УК РСФСР; 2. В неисполнении приказания, законно отданного в порядке службы в военное время, что предусмотрено статьей 193-2; 3. В нанесении оскорбления на словах командиру Красной Армии при исполнении обязанностей по военной

[314] ЦАМО. Ф. 32632. Оп.2817сс. Д.5. Донесения и разная переписка по личному составу 138 отдельного инженерного батальона. Л.42.
[315] Там же. Л.42.

службе, что предусмотрено статьей 193-5(б) УК РСФСР» и приговорил «по совокупности преступлений на основании статьи 58-2 подвергнуть высшей мере уголовного наказания расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием такового».[316] Кроме того, было отдано приказание, довести этот случай в частях и соединениях Севастопольского оборонительного района, как пример нарушения воинской дисциплины.

Рассматривая вопрос о психологическом состоянии военнослужащих, можно сказать, что на общем фоне высочайшего модального духа большинства военнослужащих были и случаи подобных психологических срывов. которые происходили не только у рядовых бойцов, но и у офицеров. Так, для договоренностей во взаимодействии частей 40 кавалерийской дивизии и 161 стрелкового полка 16.11.41 г. в дивизию был направлен капитан Катрич, по прибытии на командный пункт командир дивизии без всяких причин вынул пистолет и пытался застрелить капитана Катрича. Но «это не произошло только потому, что пистолет дал осечку, после этого командир 40 кавалерийской дивизии ударил капитана по лицу», а «командир дивизии пытался объяснить свой поступок горячностью».[317] Каких либо дисциплинарных мер по отношению к командиру 40 кавалерийской дивизии применено не было, что может говорить о выборности правосудия в данном случае. Что касается проступка Ванчаева, то можно сказать, что его действия принесли больше пользы, чем вреда, так как был проведен показательный суд и расстрел преступника, а еще у советского командования появилась возможность провести грамотную работу с личным составом, направленную на противодействие нарушений дисциплины в военное время. И еще это был опыт борьбы с подобными нарушениями дисциплины, тяжелый опыт первого года войны.[318]

---

[316] ЦАМО. Ф. 32632. Оп.2817сс. Д.5. Донесения и разная переписка по личному составу 138 отдельного инженерного батальона. Л.42.
[317] ЦАМО. Ф. 1265. Оп.1. Д. Оперативные сводки и донесения 95 стрелковой дивизии. Л.313.
[318] Ради жизни на земле. Великая Отечественная Война 1941-1945гг. в документах и свидетельствах. С.165.

К сожалению, в рядах сотрудников Военных трибуналов Приморской Армии так же были проблемы, связанные с низким уровнем дисциплины и моральным состоянием. Командир 95 стрелковой дивизии генерал-майор Воробьев лично просил Военный совет Приморской Армии заменить состав Военного Трибунала вверенной ему дивизии полностью. В своем рапорте, он указал,- «что председатель Военного Трибунала дивизии не появляется на командном пункте целыми месяцами, а в трудные моменты, когда весь командный состав дивизии, независимо от звания и занимаемой должности, считает своим долгом быть с частями дивизии и поддерживать боевой дух бойцов, председатель и члены Военного совета предпочитают оставаться с обозниками и уйти туда, где не пахнет опасностью».[319] В дальнейшем было установлено, что «весь состав Военного Трибунала предпочитает предаваться полному безделью, избегая даже появляться в Политотдел и Командный пункт дивизии».[320] То есть вместо того, чтобы развернуть среди военнослужащих широкую массово-правовую работу, оказывать серьезную помощь командованию в вопросах укрепления дисциплины, Военный трибунал 95 стрелковой дивизии жил обособленной жизнью, не выполняя свою работу.

Еще одной важной обязанностью Военных Трибуналов в период обороны Севастополя являлся процесс пересмотра судимости у военнослужащих. Это являлось своеобразным премированием отличившегося в боях личного состава. Изначально при поступлении военнослужащего в часть в его личном деле указывалось о наличии судимости с указанием статьи, за которую был судим. Поэтому списки военнослужащих, имевших судимость. имелись в каждом подразделении, с этими солдатами систематически проводилась работа сотрудниками особых отделов, военных трибуналов и комиссаров, они находились на особом оперативном учете. Так Военный Трибунал Приморской Армии требовал от

[319] ЦАМО. Ф. 1265. Оп.1. Д. Оперативные сводки и донесения 95 стрелковой дивизии. Л.316.
[320] Там же. Л.316.

командиров частей и соединений составление списков военнослужащих в кратчайшие сроки: «Дополнительно сообщаю, что согласно распоряжению Военного трибунала Крымского фронта, учет военнослужащих, осужденных к лишению свободы и отправленных на фронт, должен быть у Вас налажен в самый короткий срок».[321] В случае возникновения чрезвычайных происшествий в части деятельность данных военнослужащих рассматривалась в первую очередь. Но и наличие судимости могло работать в обратную сторону,- солдат, проявивший себя в боях, мог надеяться на пересмотр своего дела и снятии судимости, если это было не тяжкое преступление. Так, 18 марта 1942 г. Военный трибунал Приморской армии отдал приказ командиру 40 кавалерийской дивизии: «дать командирам частей и соединений, что они имеют право возбуждать ходатайства перед Военным трибуналом гарнизона об освобождении осужденных от наказания или о замене им наказания более мягкой мерой, если они проявляют себя стойкими защитниками родины».[322] То есть, если боец проявил себя с положительной стороны, ему могли если не снять судимость, то заменить ее на более мягкое наказание, переквалифицировать статью на менее тяжкую.

Кроме того, даже высшая мера наказания - расстрел могла быть заменена Военным трибуналом меньшим сроком с отправкой на передовую. Так, в декабре 1941г. Военный Трибунал Приморской Армии издал приказ о «замене расстрела 10 годами лишения свободы с отправкой на передовую линию фронта».[323] Данный приказ был издан в декабре 1941 г., когда шли ожесточенные бои нового штурма Севастополя и смягчение наказания можно трактовать таким образом, что советское командование остро нуждалась в людских ресурсах, которые поставлялись с Кавказа и Краснодара. То есть в разгар боев не откуда было взять новых военнослужащих, взамен выбывших из строя, поэтому провинившимся солдатам и совершившим преступления

[321] ЦАМО. Ф. 3570. Оп.1. Д. 6. Руководящие документы Приморской Армии. Л.122.
[322] Там же. Л.122.
[323] ЦАМО. Ф. 32632. Оп. 2817сс. Д. 5. Боевые приказы и донесения инженерным войскам Приморской Армии. Л.43.

предоставлялась возможность «искупить вину кровью». А учитывая то, что проблемы с дисциплиной, дезертирством и преступлениями различного рода имели место, и число осужденных было велико, то неудивительно, что вместо массовых расстрелов руководство Севастопольского оборонительного района направляло данный контингент на передовую.

Об обстановке же в самом Севастополе можно судить по деятельности Особого отдела 345 стрелковой дивизии. Так, лейтенант госбезопасности Андреев указанной дивизии докладывал начальнику Особого отдела дивизии и начальнику Севастопольского гарнизона: «При проверке неблагонадежных квартир с 18.01 в ночь на 19.01.42 г. в квартире гражданки В.Чередниченко были установлены совершенно пьяными с оружием и документами дежурные по гарнизону,- военный комендант Саркисов и младший лейтенант Фобрика».[324] О мерах, принятых к данным офицерам ничего неизвестно, но их моральный облик говорит о крайней степени разложения. Проблемы с дисциплиной доставляли и обычные военнослужащие. Так 25.01.42 г., часовым НКВД был задержан красноармеец Валиев Каргайши, дезертировавший в тот же день и успевший продать обмундирование местным жителям. В результате было принято решение о показательном суде перед строем. Старший политрук Сонин просил командира 345 стрелковой дивизии «срочно выслать представителя прокуратуры и военного трибунала для осуждения в показательном порядке».[325] Случаи преступлений происходили в самом оборонительном районе достаточно часто, так «участились случаи бандитизма и террористических актов враждебных элементов в отношении представителей местной власти и военнослужащих».[326] За период ноября 1941 г. два схожих случая, когда бандитами убиты лейтенант и шофер, а при обнаруженных трупах не оказалось имевшегося у них оружия и документов. Кроме того, «имеются

[324] ЦАМО. Ф. 1663. Оп.1. Д.11. 4 отделение штаба 345 стрелковой дивизии. Л.151.
[325] Там же. Л.133.
[326] ЦАМО. Ф. 32632. Оп.2817сс. Д. 5 Донесения и разная переписка по личному составу 138 отдельного инженерного батальона. Л.42.

случаи попытки со стороны местных враждебных элементов приобрести боеприпасы у военнослужащих путем покупки. Так из трех подобных случаев два были предотвращены бдительными красноармейцами, а в одном - задержан красноармеец Чухно, продавший 15 штук боевых патронов, штык от самозарядной винтовки и поясной ремень».[327] И подобные ситуации происходило до последнего дня обороны Севастополя, находились среди сражающихся бойцов лица, способные на преступления против своих же товарищей.

В целом, рассмотрев весь спектр военно-политических факторов, влияющих непосредственно на ведении боевых действий частями и соединениями Севастопольского оборонительного района, необходимо высказать несколько общих характерных черт. Во-первых, ситуация с уровнем военной дисциплины в период обороны города, в ряде частей находилась на крайне низком уровне, особенно это касалось вопросов дезертирства. Во-вторых, работа отдельного командного состава разного ранга была откровенно слабой и непрофессиональной, что еще более негативно влияло на уровень воинской дисциплины. Причем, это был командный состав, в чьи задачи входило надзирать за морально-политическим состоянием военнослужащих. В-третьих, несмотря на отдельную неудовлетворительную службу отдельных бойцов и командиров командование Севастопольским оборонительным районом всесторонне работало над тем, чтобы максимально нормализовать службу в частях и соединениях. Это происходило в том числе как за счет репрессивных мер, так и за счет мер поощрения, когда советские военнослужащие всестороннее отмечались командованием, в том числе и снятием судимостей за отвагу в боях. В-четвертых, на общий ход боев за главную базу Черноморского флота оказывало влияние деятельность советских разведывательных и

[327] ЦАМО. Ф. 32632. Оп.2817сс. Д. 5 Донесения и разная переписка по личному составу 138 отдельного инженерного батальона. Л.42.

контрразведывательных подразделений, которые внесли свой вклад в оборону базы, противодействуя агентурной работе противника.

1.3. Государственно-партийное управление и деятельность горожан в период обороны Севастополя

Прежде чем рассмотреть деятельность руководства Севастополя в период обороны города в 1941-1942 гг. необходимо понять, кто руководил гражданской администрацией города и какие источники можно использовать, чтобы получить объективное представление об этом историческом периоде. Человеком, который руководил администрацией города, был Б.А. Борисов, капитан второго ранга, с 1940г. первый секретарь Севастопольского горкома ВКП(б).[328] Как и многие другие руководители обороны Севастополя, Б.А. Борисов оставил после себя большое количество воспоминаний, которые позволяют взглянуть на оборону города в годы Великой Отечественной войны с новой стороны - с точки зрения всестороннего обеспечения жизнедеятельности города. Большинство исследований и мемуарных источников советского периода фактически не затрагивало вопросы: как жил город в период осады, какие цели и задачи ставились и выполнялись его гражданским руководством, как жили и трудились граждане Севастополя? Также малоизученным остается такой аспект, как вклад промышленности города в его оборону, в обеспечение техникой и вооружением советских войск.

В этой связи интересны и информативны мемуары Б.А. Борисова «Подвиг Севастополя. Воспоминания»[329], которые были впервые изданы в 1957 году, в последующем претерпели две редакции: в 1970 году из названия убрано слово воспоминания,[330] а в 1977 году переизданы под названием «Подвиг Севастополя. Воспоминания секретаря горкома».[331] В дни героической обороны 1941-1942 гг. Б.А. Борисов был председателем городского комитета обороны

[328] Жидилов Е.И. Указ.соч. С.13.
[329] Борисов Б.А Подвиг Севастополя: Воспоминания.- Москва: Воениздат, 1957. - 390 с.
[330] Борисов Б.А Подвиг Севастополя.- Симферополь: Крым, 1970. - 320 с.
[331] Борисов Б.А.Подвиг Севастополя: воспоминания секретаря горкома.- Симферополь: Издательство Таврия, 1977. - 400 с.

Севастополя. Во многом заслуга в подготовке города к обороне является результатом его деятельности и можно говорить о значительной роли Б.А. Борисова в организации персонификации обороны Севастополя.

26 сентября 1941 года немецким войскам удалось прорвать советскую оборону на Перекопе, а уже 26 октября 1941 года им удалось взять и следующую линию обороны - Ишуньские позиции и выйти на оперативный простор Крыма. Вслед за этим последовала активизация как армейских, так и гражданских структур на территории Крыма по дальнейшему противодействию немецким войскам. В Севастополе итогом этих событий стало создание Городского Комитета Обороны. Б.А. Борисов вспоминал об этом так: «Немцы прорвали Ишуньские позиции, - позвонил мне 26 октября секретарь обкома, - У вас в Севастополе решено создать городской комитет обороны. Вы утверждены председателем, а председатель горисполкома Ефремов, контр-адмирал Жуков и начальник городского отдела НКВД Нефедов,- членами комитета. Приступайте к работе. Решение высылаем. Я хотел выяснить кое-какие подробности, но разговор прервали».[332] Таким образом, руководство Севастополя непосредственно было включено в оборону города, на базе административно-хозяйственных органов для наибольшей централизации и эффективности работы был создан чрезвычайный орган управления, обладавший всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти на территории Севастополя. Городской комитет обороны Севастополя сразу же приступил к выполнению наиболее значимых задач: «В тот же день был созван руководящий актив города, а на следующий день, проведено совещание секретарей первичных парторганизаций, руководителей предприятий и учреждений. Мы рассказали о создавшейся обстановке под Севастополем, зачитали обращение городского комитета обороны и предложили привести в боевую готовность части народного ополчения, истребительный батальон, партизанский отряд, все службы местной противовоздушной обороны. На предприятиях и в учреждениях ввели, по сути,

[332] Гармаш П.Е. Указ.соч // [Электронный ресурс] Режим доступа http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html (Проверено 20.07.21)

военную дисциплину».[333] То есть, руководство ГКО, осознавая всю тяжесть сложившегося положения, приступило к целому комплексу мероприятий для наиболее эффективной обороны города. А ситуация складывалась действительно непростая: «После сдерживающих боев на севере Крыма, войска Приморской армии под воздействием значительно превосходящих сил противник, в конце октября 1941 года с боями отходили на юг, к Симферополю. Обстановка на фронте была сложной и чреватой неожиданными тяжелыми последствиями. И вот 31 октября 1941 года, поступил приказ об отходе армии к Севастополю, так как над ним нависла угроза захвата противником».[334] В воспоминаниях Д.И. Пискунова мы видим, что после прорыва основных линий укреплений севера Крыма немецкие войска устремились к Севастополю, к главной военно-морской базе Черноморского флота, слабо прикрытой в сухопутной обороне. Повторилась ситуация вековой давности, связанная с Крымской войной, но Севастополь уже готовился отражать первый штурм немецко-румынской группировки. Результатом деятельности, в том числе и Городского Комитета Обороны под руководством Борисова, стало то, что, так или иначе, но город был уже готов к обороне на сухопутном направлении. Признавала это и противоборствующая немецкая сторона в лице её командующего Эриха фон Манштейна: «Однако от заманчивой мысли произвести внезапный налет на Севастополь силами бригады Циглера пришлось отказаться. Сил этой бригады не хватило бы даже в том случае, если бы противник не имел сильного прикрытия на подступах к Севастополю».[335] То есть, основную проблему для немецкой стороны представляли укрепления Севастополя с малочисленным гарнизоном.

В этот период Б.Борисов занимался рядом вопросов: эвакуацией части предприятий города и сотрудников, организовывал работу Спецкомбината по производству военной продукции, организацией по ремонту повреждённых кораблей и введению их в строй на базе Севморзавода, контролем над строительством оборонительных сооружений, контролем над работой

---

[333] Гармаш П.Е. Указ.соч // [Электронный ресурс] Режим доступа http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html (Проверено 20.07.21)
[334] Пискунов Д.И. Указ.соч. С.224.
[335] Манштейн Э. Указ.соч. С.249.

госпиталей и эвакуацией раненых. Особенно остро стоял вопрос с сухопутной обороной города, так как несмотря на подготовительные мероприятия, она еще не была закончена.

Эвакуация предприятий была важна, но первоочередной задачей была защита города, так как в противном случае нечего было эвакуировать из захваченного противником города. П.А. Моргунов, отвечавший за сухопутную оборону города, вспоминал об этом следующим образом: «В решении вопроса о мобилизации населения на работу самое непосредственное участие принимали Б. А. Борисов и В. П. Ефремов. В масштабе города они сами выделяли людей, а когда дело касалось прилегающих районов, то Борисов с начальником гарнизона выезжали в Бахчисарайский район и Балаклаву, и там этот вопрос решался на бюро райкомов, после чего от деревень и сел выделялись люди на строительство».[336] Из воспоминаний одного из руководителей обороны города видно, что Борисов не был кабинетным чиновником, а являлся талантливым организатором и постоянно находился в деле, работая и с руководителями разного ранга и с простыми людьми.

Еще одним очень значимым участком работы Борисова было создание местной противовоздушной обороны. Командующий сухопутной обороной Севастопольского оборонительного района констатировал, что «в городе под руководством Городского комитета обороны была хорошо налажена работа всех видов команд МПВО. Они действовали четко и оперативно, ликвидируя последствия воздушных налетов и артиллерийских обстрелов. Быстро шла разборка завалов и разрушений, оказывалась медицинская помощь пострадавшим. В городе было создано много подземных убежищ и укрытий».[337] Сам же Борисов в своих воспоминаниях рассказывает, что подобное стало возможным за счет четкой и слаженной работы подчиненного ему Городского комитета обороны: «Централизация

[336] Моргунов П.А. Указ.соч. С.13.
[337] Там же. С.187.

руководства, когда первый секретарь горкома был одновременно председателем комитета обороны и комиссаром МПВО, а председатель горисполкома, - членом комитета обороны, членом бюро горкома и начальником МПВО, давала возможность принимать оперативные решения. Но основные, принципиальные вопросы обсуждались коллективно. Решения принимались без долгих разговоров, а часто и без протоколов, деловые, конкретные. И в жизнь они проводились немедленно».[338]

В своей деятельности Б. Борисов также уделял значительное внимание не только работе партийной организации в этот трудный и ответственный период жизни города, но и непосредственно жизнедеятельности и борьбе города Севастополь, то есть, несмотря на войну, жизнедеятельность города не прекращалась и требовала усиленного внимания, в отличие от довоенного периода.

В ноябре-декабре 1941г. жителя Севастополя не были стеснены в вопросах снабжения. Как вспоминали горожане, «при подходе фашистов к Севастополю участились налеты авиации и артобстрелы, поэтому в доме было находиться опасно. Щель во дворе не могла защитить от прямого попадания, и была не приспособлена к длительному пребыванию. Поэтому жители большую часть времени проводили в штольнях, где пытались создать хоть какой-то домашний уют. Женщины: одни вязали, другие чинили и штопали, третьи,- стирали белье и свое, и то, что приносили бойцы с огневых позиций. Новый 1942 год встретили в штольне. Была и елка и подарки, а от моих рук, после чистки мандаринов еще долго пахло новогодним, завораживающим запахом».[339] После окончания второго штурма Севастополя, с одной стороны, сохранялось затишье на линии фронта, но с другой стороны, немецкие войска усиливали натиск на город, увеличивали количество авианалетов и артиллерийских обстрелов. Как следствие, жизнь горожан начала постепенно ухудшаться. Натиск на Севастополь усилился после 16 мая, когда «наши

[338] Борисов Б.А. Школа жизни. М.: Издательство политической литературы. С.138.
[339] Сушко Е.В. Я помню ту войну не понаслышке. С.27-28.

войска оставили многострадальную Керчь, и теперь Севастополь остался один на один с огромной немецкой армией, начался самый героический и трагический период обороны Черноморской твердыни. Такого огненного кошмара я больше не видел никогда, горело все: и земля, и вода и небо. Горел весь мой Севастополь, на спуск в балку я остановился очарованный обезумевшим пламенем, пожирающим казармы Зенитного училища».[340] Если в зимний период положение жителей Севастополя можно назвать удовлетворительным, то уже с середины весны, особенно с мая 1942 года их положение резко ухудшается.

После подготовки города к сухопутной обороне, создания МПВО Севастополя, следующим по приоритетности встал вопрос с экономической составляющей города, с деятельностью заводов и других предприятий города. Необходимо было частично эвакуировать предприятия вглубь страны, а на оставшихся заводах наладить выпуск военной продукции. Вопрос с эвакуацией был достаточно сложным, так как было непонятно какие предприятия эвакуировать в первую очередь, какие оставить, что делать с ценными специалистами и их семьями. Но в достаточно короткие сроки вопрос с эвакуацией был решен следующим образом: «В августе управлению тыла было приказано взять в свои руки эвакуацию заводского оборудования и населения. Создали для этого специальную группу, и она, действуя в тесном контакте с гражданскими властями, навела во всей эвакуационной работе строгий порядок».[341]

Экономически целесообразнее было производить и продовольствие, и продукцию военного назначения непосредственно в самом Севастополе. Связано это с тем, что в это же самое время Советский Союз проводил крупные военные операции, такие как битва за Москву и Ржевская наступательная операция, а также ряд других, на нужды которых

[340] Сушко Е.В. Указ.соч. С.34.
[341] Сахаров В.П., Жидилов Е.И., Харитонов А.Д. Указ.соч. С.160.

направлялись все ресурсы государства.[342] Именно поэтому в Севастополе, как и в Ленинграде, а также на других ключевых участках советско-германского фронта, старались производить необходимую для фронта продукцию в рамках своих возможностей, чтобы не отвлекать ресурсы государства от других, более важных участков фронта. Кроме того, не стоит забывать о тех колоссальных потерях, которые понесла советская экономика на начальном этапе войны. Так «за период с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации, а так же эвакуации промышленности из прифронтовых районов выбыло из строя 303 предприятия, изготовлявших боеприпасы».[343] «Валовая внутренняя продукция за период с июня по ноябрь 1941 г. уменьшилась в 2,1 раза».[344] То есть, все, что нужно было производить на местах, как в случае Севастополя, где производилось на месте путем перепрофилирования предприятий. Особенно это касалось боеприпасов, которые массово расходовались в боях с противником.

Первоочередными задачами для городского комитета обороны была необходимость в налаживании своей деятельности так, чтобы обеспечить постоянное партийное руководство производством, оперативное решение самых неотложных дел. На передний край сдвигалась борьба за выпуск как можно большего количества продукции для фронта. Так, 11 ноября 1941 года областным комитетом ВКП (б), Советом народных комиссаров Крымской АССР, Военным Советом Черноморского флота и руководством города было принято решение о создании в Севастополе подземного Спецкомбината №1 на основе производственных мощностей Морского завода №201, промартели «Молот», а также эвакуированного из Симферополя завода «Красный металлист».[345] Управление производством возлагалось на секретаря по промышленности Крымского обкома Н.А. Спектора и второго секретаря горкома партии А.А. Сарину, как на опытных руководителей. В эти же дни для координации действий военных и

[342] Великая отечественная война Советского союза 1941-1945 гг. С.590.
[343] Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. С.42.
[344] Там же. С.42-43.
[345] Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов. С.178.

гражданских структур Военным Советом Черноморского флота была создана оборонная комиссия, в чью задачу входило определение производственных планов, а также вопросы, связанные с материалами и оборудованием.

Основной продукцией Спецкомбината было производство минометного вооружения. Связано это с тем, что бои велись на пересеченной, а порой и на холмисто-гористой местности. В связи с этим наибольшую значимость приобретали именно минометы. Основой производства являлся принцип внутригородской кооперации. Минометы собирались на основной производственной площадке в бывших штольнях минно-торпедного арсенала в Троицкой балке Севастополя, а комплектующие производили железнодорожные мастерские. Корпуса мин производились здесь же в Троицкой балке и на Мехстройзаводе Севастополя. Снаряжались взрывчаткой и собирались на территории флотских складов в штольнях Сухарной балки, позже на основной площадке был создан собственный заряжающий цех, который создали на базе эвакуированной из Евпатории промартели «Химчистка».

Вся работа Спецкомбината №1 проходила в тяжелых условиях: постоянные налеты вражеской авиации на территорию производства, в штольнях были проблемы с вентиляцией и обеспечением электроэнергией. Несмотря на происходившие в условиях боевых действий инциденты, руководство предприятия и сами рабочие справлялись с ними в краткие сроки, вновь запускали производство и выполняли производственный план. Уже к концу ноября была выдана первая продукция: минометы, мины и гранаты. До конца месяца комбинат выпустил 110 82-мм минометов и 33 тысячи мин различных калибров. А всего до конца декабря на севастопольских предприятиях было произведено 1090 50-мм минометов и до 15 тыс. мин данного калибра.[346] Кроме того, необходимо отметить и то, что сами сотрудники Спецкомбината №1 постоянно выступали с рационализаторскими предложениями по совершенствованию конструкции и производства минометов и активно старались внести полезные изменения в военную продукцию. Например, осенью 1941 года было сокращено количество операций по обработке деталей 82-

[346] Борисов Б.А Подвиг Севастополя. С.103-104.

мм миномета. По предложению начальника цеха была изменена конструкция вертикального подъема ствола, что привело к уменьшению сборочных деталей. А в феврале 1942 года было организовано производство небольшой партии 50-мм автоматических минометов, которые заряжались кассетами на шесть мин.[347]

Работа Спецкомбината №1 велась до 27 июня 1942 года, когда была полностью прекращена подача электроэнергии и через несколько суток штольни, в которых размещались цеха, были взорваны. Согласно официальным, далеко не полным данным, во время обороны на предприятиях Севастополя было изготовлено 930 82-мм минометов, 1326 50-мм минометов, 109 400 шт. 82-мм мин, 140 600 шт. 50-мм мин, 55 тыс. взрывателей.[348] Для сравнения, только минометных мин за май-июнь 1942г. в Севастополь было доставлено 81 163 шт., в том числе 35 209 шт. для 50-мм, 42 082 шт. для 82-мм, 944 шт. для 107-мм и 8 928 шт. для 120-мм минометов.[349] Эти показатели красноречиво свидетельствуют о том, что местное севастопольское производство справлялось с выпуском боепитания для нужд защитников, и оно превышало количество однотипных боеприпасов, доставляемых в Севастополь.

Можно сказать, что руководство Севастополя сделало все возможное для оказания помощи и снабжению советских войск, обороняющих город, причем данная работа была проведена оперативно и в сжатые сроки. Так, уже к окончанию зимы 1942 года были подведены производственные итоги, на которых выступали руководители предприятий: «Все предприятия города выполнили свои обязательства. К 23 февраля на крупнейших фабриках и заводах была досрочно выполнена производственная программа. Для наших предприятий характерен рост стахановцев, отличавшийся внедрением организаторских и изобретательских предложений. Расширились ряды трехсотников, четырехсотников, пятисотников. Февральский выпуск валовой

---

[347]Кондранов И.П., Степанова А.А. Указ.соч. С.179.
[348] Рузаев С.В. Производство минометного вооружения на предприятиях Севастополя в 1941-1942 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII- XXI вв. Всероссийская научная конференция. В 2-х тт. Т.2. Екатеринбург: УНЦ-УПИ, 2014. С. 269.
[349] Кондранов И.П., Степанова А.А. Указ.соч. С.269.
[349] Рузаев С.В. Указ.соч. С.269.
[349] Там же. С.269.

продукции был значительно перевыполнен. Успех наших предприятий в феврале воочию показывает, какие неисчерпаемые резервы имеются на наших заводах и фабриках. Налицо все возможности досрочно выполнить мартовскую программу и отлично сдать все заказы, удовлетворить все требования фронта».[350]

Севастополь в период обороны, продолжал, начатые еще в довоенный период производственные соревнования предприятий и перевыполнение производственного плана на 300 и 400% является показателем высокой организованности севастопольской производственной базы и целеустремленности горожан. В данной публикации отмечается высокий уровень организации руководства Севастополя, ведь увеличение числа продукции носило не только политический контекст, но и реальную, практическую составляющую,- увеличение произведенной продукции.

Необходимо отметить еще один очень значимый вклад руководства Севастополя в оборону города. На базе штолен в Инкермане был развернут огромный подземный комплекс, в котором разместились и производство военной продукции, и ряд гражданских объектов, и крупный госпиталь. Инкерманские штольни существовали еще в период Крымской войны, а в довоенный период там было развернуто производство шампанских вин. Севастопольские журналисты описывали подземный госпиталь в Инкермане следующим образом: «Под каменным массивом, глубоко под землей расположен этот замечательный военный госпиталь. Совсем недалеко - линия фронта. Отчетливо доносятся артиллерийские залпы, треск пулеметов, ружейные выстрелы. Но они слышны только, когда выходишь из госпиталя. Здесь под землей в уютных палатах раненые бойцы и командиры не чувствуют, не слышат этой близости фронта. Опытными врачами вырываются из когтей смерти прославленные защитники морской крепости Крыма, здесь они находят надежный уход и заботу. Отсюда по

[350] Стахановцы // Красный Крым 13 марта 1942 г. № 72 (5401). С.3.

выздоровлению с новыми силами вновь возвращаются в свои части».[351]

Кроме того, подземные штольни Инкермана, так называемые Шампаны, представляли собой город в подскальном массиве, в котором помимо госпиталя была развернуто не только военное производство, госпиталь, но и гражданская инфраструктура города. Например, второй секретарь Севастопольского горкома партии А.А. Сарина вспоминала, что «в Инкерманских штольнях нашлось место для школы, детского сада, клуба, столовой, почтового отделения и даже кинотеатра. Под многометровой толщей скал разместился настоящий городок. Для многих людей спецкомбинаты стали не только местом работы, но и домом».[352] Создание этого комплекса явилось, в том числе и заслугой сотрудников гражданской администрации Севастополя. В конце обороны Севастополя, летом 1942 г., часть Инкерманских штолен была подорвана по приказу вышестоящего руководства, причем взрыв был очень мощным и нанес урон немецким войскам, которые находились на данном рубеже. Немецкая сторона свидетельствовала, что «здесь произошла трагедия, показавшая, с каким фанатизмом боролись большевики. Высоко над Инкерманом поднималась длинная, уходящая далеко на юг скалистая стена. В этой стене находились огромные галереи, служившие в Крыму винными погребами для заводов шампанских вин. Наряду с большими запасами этого напитка большевики создали здесь склады боеприпасов; кроме того, эти помещения использовались ими для размещения тысяч раненых и бежавшего гражданского населения. Когда наши войска ворвались в населенный пункт Инкерман, вся скала за населенным пунктом задрожала от чудовищной силы взрыва. Стена высотой примерно 30 метров обрушилась на протяжении около 300 метров».[353] Несмотря на то, что фон Манштейн и не признает немецких потерь, но очевидно, что такой взрыв нанес урон войскам, которые

---

[351]Подземный госпиталь// Красный Крым 13 февраля 1942 г. № 44 (5373). С.2.
[352] Гармаш П.Г. Указ.соч. // [Электронное издание] http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html (Проверено 20.07.21)
[353] Манштейн Э. Указ.соч. С.300-301.

находились вблизи от места взрыва. Необходимо опровергнуть устоявшееся в исторической среде мнение о подрыве штолен вместе с военнослужащими и гражданскими лицами. Так, российский исследователь И.С. Маношин отмечал, что воентехник второго ранга П.П. Саенко, которому поручили произвести подрыв Шампан, только после того как уточнил, «что в соседних штольнях, где ранее располагался 47-ой медсанбат нашей дивизии, нет людей и наших бойцов, моряки протянули провода к заложенным ранее зарядам в двух штольнях. Контактной машинкой подорвали штольни и уехали в Севастополь».[354] Таким образом, прекратил свое существование Инкерманский комплекс, который помог Севастополю сдерживать вражеский натиск на протяжении девяти месяцев.

Большой вклад Городской Комитет Обороны Севастополя и его руководители: Б.А. Борисов, В.П. Ефремов и второй секретарь горкома А.А. Сарина внесли в создание бронепоездов «Орджоникидзе» и «Железняков», которые были вооружены и укомплектованы личным составом и вошли в состав Береговой обороны Севастопольского оборонительного района, а приписаны были к флоту. Руководство гражданской администрации относилось к идее создания бронепоездов с большим энтузиазмом и стремилось изыскать для его создания необходимые ресурсы из имеющихся немногочисленных запасов. По воспоминаниям А.А. Сариной, процесс постройки бронепоезда и доведения его до боевого состояния, в соответствии со всеми военными требованиями, был достаточно трудоемкой, но выполнимой задачей, - «под непрерывной бомбардировкой трудились рабочие Морского завода, выполняя военные заказы. В первых числах ноября на Морском заводе закончилось сооружение бронепоезда, получившего имя героя гражданской войны Анатолия Железнякова. На бронированных площадках «Железнякова», кроме пушек и пулеметов, были установлены восемь минометов, изготовленных в мастерских железнодорожного узла, строительством бронепоезда руководил

[354] Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя. С.88.

судостроитель М. Ф. Харченко».[355] Городской Комитет Обороны не просто способствовал созданию бронепоезда, но и активному включению его строителей в состав экипажа, так как они уже знали слабые и сильные стороны, принципы работы и особенности несения службы на построенном бронепоезде. Рационализаторские предложения на бронепоезде «Железняков» на этом не закончилось, в Севастополе находился отсек будущего линкора «Советская Украина», на базе которого было предложено создать плавучую батарею. Этот был боевой отсек перспективного советского линкора «проекта 23», который мог стать самым крупным и мощным в мире. Поэтому он представлял собой квадрат площадью 50 на 30 метров, с бронированием бортов в 347мм и палубы в 154мм, то есть позволял поместить мощное вооружение и личный состав батареи. Изначально эту батарею называли квадрат, но в дальнейшем она получила другое название: «Фашистские летчики называли участок действия батареи «квадратом смерти», а севастопольцы дали ей выразительное название «Не тронь меня».[356] Таким образом, флотские командиры и гражданские руководители обороны города смогли ввести в строй в кратчайшие сроки мощную плавучую батарею, которая обеспечивала серьезное зенитное прикрытие Севастополя.

Одним из ключевых вопросов была продовольственная проблема. В Севастополе было достаточное количество запасов продовольствия, так как, во-первых, перед началом войны командование решило развернуть в Севастополе склады, на которых бы разместилось большое количество продовольствия, необходимое для снабжения, как флота, так и города, потому что город был, неотделим от флота. Во-вторых, в Севастополь с Кавказа прорывались корабли, которые привозили не только боеприпасы, боевую технику и пополнение, но и продовольствие. Кроме этого Севастополь - приморский город, и существовали артели, которые ловили

[355] Гармаш П.Г. Указ.соч. // [Электронное издание] http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html (Проверено 20.07.21)
[356]Там же http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html (Проверено 20.07.21)

рыбу и снабжали его. Например, одно из подобных предприятий за «...две недели марта колхоз сдал Главрыбтресту 22 центнера мидий. Лучшие ловцы Андруцаки, Ткачев, Серафимов заключают между собой социалистические договоры, обязуются до конца марта выловить и сдать на базу по 5 центнеров мидий каждый».[357] Понятно, что продовольственные запасы постепенно истощались, но была еще и необходимость в свежих овощах и фруктах для горожан и защитников города, хотя бы по медицинским требованиям для предотвращения заболеваний. И руководство Севастополя успешно решало эти вопросы, проводя профессиональную и непрерывную работу с организациями и с отдельными гражданами: «Успех выращивания овощей будет зависеть от того, как развернется социалистическое соревнование в бригадах и звеньях колхозов и совхозов. Необходимо, чтобы каждый колхозник, специалист, работница и рабочий совхоза взяли на себя конкретные обязательства и обещали вырастить максимальное количество овощей. Можно привести интересный пример из опыта колхоза «Путь к социализму», который в 1941 году с одного гектара неполивного участка снял 15 тысяч килограммов помидоров сорта «чудо рынка».[358] Севастопольцы изыскивали любые способы для снабжения и войск, и города продовольствием. Например, был сделан акцент на кролиководство и птицеводство: «В снабжении фронта и страны продуктами большое значение имеет кролиководство и птицеводство. Этому важному делу партийные и советские организации обязаны уделить особое внимание. В условиях осажденного города местное животноводство играет большую роль. Каждый колхозник, рабочий совхоза и пригородного хозяйства должен приложить все усилия к тому, чтобы полностью сохранить приплод скота. Особенное большое внимание нужно уделять молодым телятам».[359] Несмотря на идеологическое стимулирование, в виде стахановского движения, которые были в духе эпохи, необходимо сказать, что сама идея развития

[357] Н-ский колхоз // Красный Крым 25 марта 1942г. № 84 (5413). С.3.
[358] К вопросу овощеводства // Красный Крым 14 марта 1942г. № 73 (5402). С.2.
[359] О роли животноводства // Красный Крым 22 марта 1942г. № 81 (5410). С.3.

продовольственного обеспечения через развитие кролиководства носила действительно полезный, новаторский подход.

Рассматривая деятельность Севастопольского городского комитета обороны, можно с уверенностью сказать, что он внес значимый вклад в оборону города. Несмотря на тяжелейшей положение начала войны и эвакуацию части предприятий с ценными кадрами на Кавказ, руководство Севастополя в сжатые сроки наладило выпуск военной продукции для сражающихся советских войск. Особенно продукции, в которой остро нуждались защитники города,- минометное вооружение, так как данное вооружение было наиболее предпочтительным в сложных холмисто-гористых рубежах Севастопольского оборонительного района. Кроме того, заслугой руководства Севастопольского городского комитета обороны является создание и развертывание на базе завода шампанских вин крупного подземного центра, включавшего в себя и Инкерманский подземный госпиталь. Не стоит забывать и о том, что деятельность руководства города была направлена и на обеспечение повседневных нужд жителей Севастополя. Да, возникали и трудности при работе с жителями, продовольственные проблемы, перебои с водоснабжением и электропитанием, что нашло отражение в воспоминаниях «детей войны», переживших оборону в осажденном городе. Но Севастопольский городской комитет обороны прилагал максимум усилий в условиях блокады и ограниченности внутренних ресурсов города для решения подобных проблемных моментов. Руководство считало, что выход из сложившейся ситуации возможен путем организации чёткого управления городским хозяйством, что проявилось в налаживании деятельности «стахановского движения» на предприятиях, колхозах, артелях и вдумчивой организации жизнедеятельности горожан. В целом можно сказать, что действия Севастопольского городского комитета обороны внесли значимый вклад в оборону Севастополя в 1941-1942 гг.

Необходимо отметить то, как и чем жил простой севастополец, какой вклад вносил в оборону города. В истории Великой Отечественной войны известно

только два случая, когда жители крупных городов оказывались в блокаде на длительный период и не просто жили в осажденных городах, но и вносили весомый вклад в оборону своих городов. Еще одной характерной особенностью в обоих случаях было то, что оба города являлись военно-морскими базами и являлись значимыми военными, экономическими и политическими объектами в своих регионах. Этими городами были Ленинград и Севастополь, но только в случае Ленинграда в исторической науке широко освещена и изучена деятельность гражданского населения в период осады. В случае Севастополя жизнь и деятельность граждан города освящена слабо, фрагментарно в исследованиях и мемуарах. Только в постсоветский период стали публиковаться мемуары тех, кто жил и трудился в осажденном городе и в дальнейшем пережил оккупацию.

Необходимо сказать, что изучение периода обороны Севастополя 1941-1942 гг. с позиции исследования повседневной жизнедеятельности гражданского населения является новым взглядом на оборону города. Ведь рассматривая мемуары горожан периода осады города, мы имеем возможность дополнить панораму сражения и открыть новый пласт исторического знания, - изучить не просто жизнь, но и трудовую деятельность населения города, направленную на поддержку сражающихся войск. Вот как описывает начало боев за Севастополь один из жителей: «Немцы уже были в Симферополе. Участились бомбежки, начались регулярные артиллерийские и минометные обстрелы города. Ближе к зиме, в периоды очередных немецких наступлений я в театральный бинокль мог видеть бои на Северной стороне. Черные яростные разрывы шрапнельных снарядов, почти у самой земли, все небо, усеянное белыми клубочками от зениток. Пикирующие «Юнкерсы-109», трагичные воздушные бои».[360] Да, автору этих строк на момент осени 1941г. было 8 лет, но именно такие воспоминания, возможно несколько эмоциональные, дополняют картину сражения за город, разбавляют своей информативностью сухие строчки архивных материалов и исследований.

[360] Задорожников Г.К. Указ.соч. С.49-50.

Руководство города делало всё возможное для спасения горожан, но в условиях прямых артиллерийских обстрелов и бомбёжек обезопасить граждан было невозможно. Председатель Севастопольского городского комитета обороны Б.А. Борисов вспоминал, что: «С 29 числа город был на осадном положении. Хождение граждан и движение автотранспорта разрешалось с пяти утра до десяти вечера. Движение в ночное время,- только по специальным пропускам».[361] В то же самое время, Севастополь подвергается первым атакам врага, которые жители города описывали так: «В ночь с 31 октября на 1 ноября, когда начался первый штурм города, была очень сильная бомбежка. Было очень страшно: сильный грохот, рядом пожары, крики. Папа решил идти всем в Инкерман и прятаться в штольнях. Когда мы пришли, везде были трехэтажные нары, было очень душно и нехорошо пахло. Тогда папа сказал: «Пошли домой, будем умирать дома». Позже, под руководством папы мы вырыли так называемую «щель», и в ней мы просидели до 1 июля 1942г.».[362] То есть, несмотря на начавшуюся подготовку города к обороне и на все принимаемые руководством меры, впервые дни не удалось избежать паники и первых людских потерь среди гражданского населения.

Если трудовая деятельность горожан нашла своё отражение в исторических источниках, то жизнь и быт севастопольцев отражены достаточно слабо. О том, как непосредственно порой жили севастопольцы в осажденном городе Г.К. Задорожников пишет: «Однажды, средь бела дня ворвалась взволнованная соседка с известием: над нами, в степи, только что убило снарядом лошадь! Стремительный рывок и нам что-то достается. За многие месяцы в доме пахнет мясной пищей»; «Последний раз электрический свет был на Новый 1942 год».[363] Необходимо сказать, что описываемые события происходили не в конце обороны Севастополя весной-

---

[361] Гармаш П.Г. Указ.соч. // [Электронное издание] http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.html (Проверено 20.07.21)
[362] Долгушева З.И. Указ.соч. С.7.
[363] Задорожников Г.К. Указ.соч. С.62.

летом 1942 г., а непосредственно в период первого и второго штурма города осенью 1941 г. Это говорит о том, что в деле снабжения города приоритет отдавался в первую очередь военным предприятиям и оборонным объектам. Так, например, широко была развита работа автолавок вблизи фронта: «Наши автолавки по-прежнему обслуживают передовую линию фронта, приспосабливаясь к тяжелым условиям. Программу прошлого месяца наше отделение выполнило на 143 процента. Мы, закрепив успехи, боремся за новые показатели».[364] То есть, первоочередной задачей было снабжение сражающихся войск, а затем уже непосредственно жителей города. Необходимо отметить, что продовольственная проблема в Севастополя существовала. Но она не была такой острой и трагической, как в блокадном Ленинграде.

В целом, рассмотрев деятельность Городского комитета обороны, можно сказать, что он внес значимый вклад в оборону Севастополя, направляя все свои силы и подконтрольные ресурсы как на снабжение воюющих войск, так и осажденного города. Говоря о трудовой деятельности простых севастопольцев, становится понятным, что, несмотря на тяжелейшие бытовые условия, они не сломались, а продолжали трудиться, повышали количество и качество производимой продукции, а также предлагали новые рационализаторские идеи. Но в то же самое время хотелось бы затронуть такую тему, как судьбы горожан, эвакуирующихся из Севастополя. По всесоюзной переписи 1939г. в Севастополе проживало 109104 человек, а с учетом городской агломерации - 111938 человек.[365] В связи с началом войны начинается эвакуация части гражданского населения из города, так как немецкие летчики уже бомбили город и были первые погибшие горожане. Причем исторический интерес представляет малоизвестный факт: нападение на Брестскую крепость состоялось в 04.15 утра 22 июня 1941г., а налет люфтваффе на Севастополь состоялся в 03.15 утра 22 июня, то есть начало

[364]Социалистические обязательства N-ской организации // Красный Крым 17 марта 1942г. № 76 (5405). С.3.
[365] Рузаев С.В. Эвакуация гражданского населения из Севастополя в 1941-1942 гг. С.20.

войны в Севастополе было даже раньше, чем на центральном направлении немецкого наступления. Как вспоминали сами севастопольцы о предрассветном нападении 22 июня: «Вдруг совсем рядом раздался оглушительный взрыв. Как выяснилось позже, это взорвалась мина на улице Подгорной. Из окон посыпались стекла, с потолка обвалилась штукатурка, на нас детей, со стены упала картина «На привале». Мы закричали и выбежали во двор. Во дворе люди взволнованно говорили, некоторые плакали и причитали: «О горе! Это война».[366] Но до выступления Молотова о начале войны в 12.15 22 июня никто из горожан не имел точного представления о случившимся. В свою очередь, так как никто из руководства города не имел представления о масштабах начавшейся войны, было принято решение о проведении эвакуации части горожан не на Кавказ, а вглубь Крыма, как в глубокий тыл. Так, к 26 июня эвакуировано 15422 человек, среди них 243 детдомовца и 2020 семей военнослужащих гарнизона.[367] Но уже с августа, в связи с обстановкой на фронтах войны, в Севастополе образуется эвакуационный пункт, который под руководством второго секретаря А.А. Сариной до 1 ноября, то есть до начал первого штурма проводит активную эвакуацию горожан. За период с 26 августа по 1 ноября 1941 г. из Севастополя было эвакуировано 35382 человек, осталось 52 тысячи, причем для борьбы с криминалом из города в добровольно-принудительном порядке эвакуировано 52 уголовно-преступных, паразитических элементов и проституток.[368] В процессе отражения первого и второго штурма советскими войсками гражданские лица эвакуировались в гораздо меньшем объеме - в ноябре и декабре 1941г. только 4550 человек. Связано это, скорее всего с тем, что, во-первых, приоритет в эвакуации отдавался раненым военнослужащим, а во-вторых, севастопольскому фронту срочно потребовалась разнообразная военная продукция, как следствие,- рабочие кадры, которые могут ее производить. Об этом говорит и статистика, которая показывает, что из

[366] Сушко Е.В. Я помню ту войну не понаслышке. Указ.соч. С.65.
[367] Рузаев С.В. Указ.соч. С.20.
[368] Там же. С.23.

эвакуации зимой-весной 1942г. вернулось еще некоторое количество рабочих и специалистов, доведя численность горожан к маю 1942г. до 60000 человек.[369] Следующая эвакуация из Севастополя начала проводиться с 28 мая, в связи с падением Керченского фронта, и продолжалась до 17 июня, когда прекратилась окончательно, при этом эвакуировать смогли только 10 тысяч человек.[370] Нужно отметить, что трагедия окончания Севастопольской оборонительной операции в полной мере касается и гражданского населения города, так как полномасштабной эвакуации гражданских лиц не проводилось. Только в отличие от частей и соединений оборонительного района данные факты малоизвестны. Так же, как проводилась эвакуация высшего военного командования Севастополя, также проводилась эвакуация и высшего гражданского руководства,- эвакуировались только руководители и семьи. Как отмечает отечественный исследователь С.В. Рузаев, «28 июня вечером в штольне Городского комитета обороны собрался партийный актив с членами семей, которые 29 июня были эвакуированы на подводной лодке Д-5 и прибыли на Кавказ 1 июля 1942г.».[371]

На следующий день, 30 июня 1942г. руководству военных предприятий, со стороны оставшихся представителей органов гражданской администрации, было разрешено «выдвигать гражданских лиц на Херсонесский мыс для последующей эвакуации».[372] Что ждало севастопольцев на рубежах эвакуации? Во-первых, это были советские войска, сами ожидавшие эвакуации, которые обороняли эти рубежи от постоянных атак противника, и, во-вторых, систематические авиационные и артиллерийские удары немецкой стороны, которые стремились нанести максимальный урон отступившим до побережья советским войскам. Как вспоминали сами горожане, по прибытии к местам эвакуации в Казачью бухту, «в воздухе стоит сплошной шум из голосов, стонов, детского плача,

[369] Рузаев С.В. Эвакуация гражданского населения из Севастополя в 1941-1942 гг. С.26.
[370] Там же. С.27.
[371] Там же. С.28.
[372] Там же. С.29.

причитаний. Тьма народу, творится что-то ужасное. Возможно, что мы спаслись, так как вернулись в город, а не попали под обстрелы и налеты».[373] Известно только то, что к моменту окончания организованной борьбы в Севастополе оставалось около 40 тысяч гражданских лиц, а сколько из них погибло в момент не проведенной эвакуации, таких данных в исторической науке нет. Известно только о настроении граждан и войск и только в переломные моменты третьего штурма города. Как характеризуют в шифротелеграммах обстановку в это время в Севастополе сотрудники НКВД,- «отмечаются случаи апатии».[374] Таким образом, окончание битвы за Севастополь, достаточно трагически отразилось на простых горожанах, так же как и на военнослужащих, чья судьба была трагичной.

Отдельно считаю необходимым изучить вопрос обороны Севастополя в контексте схожих военных операций на других участках советско-германского фронта в 1942 г., где в критической ситуации окружения находились войсковые соединения РККА. Например, в результате общего наступления Красной Армии в январе 1942 г. от основных сил оказались отрезанными и окруженными соединения, действовавшие на Западном стратегическом направлении. Так в районе юго-восточнее Вязьмы в окружении оказалась западная группировка 33-й армии во главе со своим командармом М.Г. Ефремовым, в составе четырех дивизий. Одновременно в окружении оказался действовавший юго-западнее Вязьмы 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта П.А. Белова и десантники 4-го воздушно-десантного корпуса. С 17 января до середины апреля 1942г. западная группировка 33-й армии в тяжелейших условиях, практически не имея поддержки с «большой земли», вели тяжелые бои, создавая угрозу важнейшей транспортной коммуникации и удерживая во вражеском тылу большие пространства. Все попытки пробить коридор к окруженным войскам успеха не имели. Только 11 апреля Ефремов получил

[373] Сушко Е.В. Малахов курган. С.99.
[374] Архив УФСБ России по Саратовской обл. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Шифротелеграмма № 153 от 10 июня 1942г. Л. 9.

приказ на вывод войск. Выполнить поставленную задачу западная группировка 33-й армии не смогла, войска были разгромлены, сам генерал Ефремов, потеряв возможность передвигаться, покончил с собой. Пробиться к своим, или влиться в ряды партизан, удалось около 800 бойцам, остальные погибли или были пленены.[375] Кавалеристы П.А. Белова действовали во вражеском тылу до июня 1942г. и, получив приказ, вышли на большую землю.

Аналогичная ситуация развивалась в этот период и на Калиниском фронте. Здесь после прорыва вражеской обороны в него были введены части 39-й армии и 11 кавалерийского корпуса. Первоначальное стремительное наступление натолкнулось на сильное сопротивление. Одновременно с этим противник нанес удар под основание места прорыва и блокировал прорвавшиеся войска. Кавалеристы и 39-я армия вели беспрерывные бои в условиях полного окружения до июля 1942г., создавая угрозу гитлеровской группировке, нависая с севера над Смоленском, а с севера и запада полуокружая Ржев. 2 июля противник приступил к операции «Зейдлиц», нацеленной на уничтожение наших частей. Выйти удалось немногим, в августе остатки 39-й армии и 11-го кавкорпуса были расформированы. По данным советской стороны 39-я армия при выходе из окружения потеряла пропавшими без вести 22749 человек, 11 кавкорпус – 14071.[376] По данным немецкого генерала Х. Гроссмана во время операции «Зейдлиц» было пленено 50131 советский военнослужащий[377].

Приведенные данные свидетельствуют, что советское командование в условиях 1941-1942 гг. не стремилось к скорейшему выводу окруженных группировок. Тем более Севастопольский оборонительный район опирался на укрепленную военно-морскую базу, имевшую значительные запасы и сохранившую связь через море с большой землей. Действие командования,

---

[375] Капусто Ю.Б. Последними дорогами генерала Ефремова.- М.: Политиздат, 1992. С.120

[376] Ладыгин И.З., Смирнов Н.И На Ржевском рубеже.- Ржев: Журналист, 1992. С. 70–71; Ржевская битва: Сражение за Полунино (30 июля 1942 г.-23 авг. 1942 г.)//Сборник статей.- Тверь: Русская провинция, 2001. С.193.

[377] Гроссман Х. Ржев - краеугольный камень Восточного фронта.- Ржев: «Ржевская правда», 1996. С.62.

видение развития ситуации в местах окружений укладывается в общую стратегию растягивания линии фронта и создания максимально возможного числа очагов сопротивления, в том числе и во вражеском тылу. Окруженные части создавали угрозу вражеским коммуникациям, оттягивали его силы и получали приказ на выход, только когда организованное сопротивление было уже практически невозможным. Эти «очаги» в стратегическом планировании, при изменении общей ситуации на фронте, рассматривались как плацдармы для решения важнейших задач. Например, в случае успешных наступательных действий на Московском направлении и деблокирования западной группировки 33-й армии Красная Армия выходила не расчищенную от немецких войск территорию, растянувшуюся с востока на запад на 120 км, причем расположенную в нескольких километрах от важнейшей транспортной магистрали Минск-Смоленск-Москва. Удерживание Севастополя, кроме политического и идеологического, имело стратегическое значение во всем Черноморском регионе.

Рассматривая же вопрос об эвакуации войск из Севастопольского оборонительного района в период критической ситуации лета 1942 г., необходимо акцентировать внимание на том, что она была возможна только морем, силами флота. На других участках советско-германского фронта окруженные войска выводились в результате прорыва из внутреннего фронта окружения или деблокирования в результате действий с «большой земли». Здесь имелись успехи, например 1-й гвардейский кавкорпус вышел в составе 17 тыс. человек.[378] Трагедией закончилась санкционированная Ставкой операция «по своевременному и быстрому» отводу частей окруженной (первоначально полуокруженной) 2-й ударной армии Волховского фронта. По имеющимся данным на момент прорыва в войсках армии на 1 июня 1942г. в строю числилось 40 157 чел. (в госпиталях 12 тыс. раненых и 5 тыс. мирного населения). Пробились из окружения, по сведениям на август

[378] Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа.- Смоленск: Свиток, 2015. С.164.

1942г., 13 018 бойцов и командиров.[379] Причем, в месте планируемого основного коридора не вышел ни один.

Трудное решение об эвакуации только командного состава Севастопольского оборонительного района принималось в критических условиях, когда угроза возможный потери или утраты части сил Черноморского флота была поставлена выше неизбежной гибели войск, оборонявших Севастополь. Серьёзным аргументом в принятии такого решения сыграло господство в воздухе вражеской авиации. К началу лета 1942 г. в Крыму базировались 537 боевых самолетов, включая примерно 400 в 8-м авиакорпусе, а остальные – в составе «Авиакомандования Юг», которое преимущественно вело борьбу над Черным морем.[380] В дополнение к этому, возможная эвакуация на фоне развивавшихся событий теряла режим секретности. Сам ход развития событий определял место и ориентировочное время ее проведения. Противник, задействовав все наличные германо-румынские морские силы, мог нанести сильнейший удар по Черноморскому флоту. Несмотря на ограниченные возможности наращивания сил германского флота в Черном море (по суше и рекам можно было транспортировать только суда малого водоизмещения, а Турция не предоставила возможность прохода немецкого флота через Босфор). Наличные военно-морские силы противника мы можем определить на основе показаний немецкого адмирала Вернера Тиллессена, являвшегося в 1942г. «начальником военно-морской миссии»в Бухаресте, которые он дал на допросе 05.08.1944г. после своего пленения советскими войсками в Румынии. Согласно его показаниям Германия и союзная ей Румыния имели в Черном море: суда Германии - «шесть подлодок (30 флотилия), 18 торпедных катеров, о других кораблях не знаю»; в составе румынского флота находилось «4 эсминца, 3 миноносца, 3 подлодки, флотилия тральщиков, 4

[379]Агапов М. М. Любанская операция (ход боевых действий и мужество воинов). Часть 2: Оборонительная операция и операция по выводу войск 2-й ударной армии из окружения (30.04.1942 г.-10.07.1942 г.).- М.: Комтехпринт, 2010. С.171.
[380]Хазанов Д.Б. Авиация в боях над Крымом. Май – июль 1942 г.// Битва за Крым 1941-1944С. М.: Яуза, 2016. 487.

торпедных катера, 3 минных заградителя,1 учебное судно, 5 мониторов, 2 сторожевых корабля».[381]

Именно Черноморский флот являлся одним из основных аргументов сдержанной позиции Турции по вопросу вступления в мировую войну. Ослабление Черноморского флота могло подтолкнуть Турцию к кардинальному решению многолетнего вопроса территориальных притязаний к СССР (России). Важность сохранения Черноморского флота подтверждается словами все того же адмирала Вернера Тиллессена, произнесенными во время его допроса в 1944г. Так, на вопрос «Почему ни разу в Черном море немцы не высадили ни одного десанта?», адмирал ответил - «Потому что чувствовали себя слишком слабыми».[382]

Безусловно, необходимо затронуть вопрос сохранения старшего командного состава армии и флота, так как он являлся основным в принятии решения эвакуировать командование Севастопольского оборонительного района. Однако это решение подкреплялось рядом обстоятельств политического, идеологического и пропагандистского характера. За период 1941-1942гг. в германский плен попало 74 советских генерала (62 в 1941 году, 12 в 1942 г.) и этот факт активно тиражировался германской пропагандой.[383] Определенная часть советских генералов пошла на сотрудничество с оккупантами, что в последствии приведет к созданию Комитета освобождения народов России и Русской освободительной армии. Среди них генералы (и по званию приравненные к ним): Трухин Ф.И., Малышкин В.Ф., Бессонов И.Г., Будыхо А.Е. и др. Эта информация к лету 1942г. не в полном объеме, но уже имелась у советского командования. Оно понимало, что в критических условиях не у каждого советского генерала

[381] ЦАМО. Ф. 500, Оп. 12480, Д. 78. Л. 16-17. Электронный ресурс: https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1876-delo-78-protokol-doprosa-admirala-vernera-tillessena-zahvachennogo-v-plen-v-avguste-1944-v-buhareste-perevedennye-pokazaniya-po-organizatsionnoy-strukture-vmf#page/17/mode/inspect/zoom/6

[382]Там же. Л. 25. https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1876-delo-78-protokol-doprosa-admirala-vernera-tillessena-zahvachennogo-v-plen-v-avguste-1944-v-buhareste-perevedennye-pokazaniya-po-organizatsionnoy-strukture-vmf#page/25/mode/inspect/zoom/6

[383] Свердлов Ф.Д. Советские генералы в плену. - М.: Холокост, 1999.

найдется достаточно мужество нажать на курок, как это сделал генерал Ефремов в апреле 1942г. или сохранить стойкость в тяжелых условиях нацистских лагерей. Опасность подобного развития событий была подтверждена уже через неделю после завершения Севастопольской обороны (11 июля 1942г.) на другом участке фронта, под Ленинградом. Когда командующий 2-й ударной армией А.А. Власов, находясь в окружении, сдался противнику в плен и впоследствии возглавил коллаборационистские формирования, состоящие из советских граждан, воюющих на стороне Германии. Кроме того, ввиду невозможности организации эвакуационных мероприятий Севастопольского оборонительного района и одновременный эвакуации всего личного состава гарнизона из Севастополя впервую очередь был вывезен старший командный состав армии и флота, чей командно-штабной руководящий опыт не был восполним в период войны.

Таким образом, подвиг тыла, деятельность партийных и советских органов и вклад гражданского население в значительной степени определили продолжительность героического сопротивления захватчикам в ходе Севастопольской оборонительной операции.

1.4. Военно-политическое значение обороны Севастополя в начальный период войны

Севастопольская оборонительная операция 1941-1942 гг. освещена в исторической науке в достаточно большом и высокопрофессиональном объеме, но, к сожалению, остаются не изученными в полной мере некоторые вопросы, которые сопровождали это историческое событие. В контексте начального периода войны и международной политики в военный период слабо изучен ряд моментов, которые значительно повлияли на ход всей войны и политической обстановки в ее период. Во-первых, Севастополь не был сдан немцам с хода, он выстоял в двух штурмах осенью 1941г, что способствовало задержке мощной немецко-румынской группировки в

Крыму, в то самое время, когда вермахту недоставало людских ресурсов на других участках советско-германского фронта.[384] Во-вторых, каково значение «крымских десантов» 1941-1942 гг. по отношению к обороне Севастополя. Они должны были деблокировать город и помочь в освобождении Крыма, но получилось так, что «вермахт расстроил два параллельных наступления Сталина на южном фронте», одним из которых стало крушение Крымского фронта в мае 1942 г.[385] В-третьих, малоизученным аспектом международной политики в военный период является положение зарубежных стран Причерноморья, которые внимательно следили за военной обстановкой в регионе и, в первую очередь, за обороной Севастополя. Этими странами были Турция, которая занимала выжидательную и нейтральную позицию, и Иран, который сразу после начала войны активизировал свои симпатии по отношению к Германии и имел захватнические планы на часть советских территорий.[386] Не стоит забывать о войсках, задействованных в оккупации Ирана, которые могли серьезно усилить советскую группировку в Крыму, особенно авиационных подразделений, чьей поддержки так не хватало и самому Севастополю, и «крымским десантам».[387]

Оборона Севастополя 1941-1942 гг. находится сейчас несколько в тени более серьезных военных операций - Сталинградского и Курского сражений. Тем не менее, это не значит, что в период войны руководство страны уделяло ей гораздо меньше внимания. Наоборот, советское руководство осознавало всю значимость обороны города и внимательно следило за обстановкой: «Ставка Верховного Главнокомандования и Генеральный штаб, не ограничиваясь изданием директив, детально занимались положением дел в Севастополе не только в связи с общим положением на фронте, но и с учетом обстановки на его южном фланге».[388] То есть, высшее военное руководство

[384] Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. Указ.соч. С.3.
[385] Гланц Д.М. Указ.соч. С.52.
[386] История международных отношений в 3 томах. Том 2: Межвоенный период и вторая мировая война Указ.соч. С.404.
[387] ЦАМО. Ф. 20134. Оп. 1. Д.1. Боевые приказы 72 истребительной авиационной дивизии. Л.7.
[388] Кузнецов Н.Г. Указ.соч. С.76.

понимало, что оборона Севастополя является «цементирующим фактором» военной обстановки не просто в Крыму, но и во всем южном регионе. Особенно это обстоятельство усилилось после решения об оставлении Одессы, эвакуации Приморской Армии и перехода ее частей и соединений в Крым, когда осенью 1941 г. главным местом сражений в Черноморском регионе стала борьба за Севастополь,- утверждает командир 421 стрелковой дивизии, эвакуированной из Одессы и направленной на усиление обороны Крыма и Севастополя. [389]

Решение произвести эвакуацию войск из Одессы в сентябре 1941 г. с ее перебазированием на Крым далось советскому руководству не легко, так как город мог обороняться еще значительное время и обстановка не была критической, особенно с поддержкой Черноморского флота.[390] Но противник угрожал Крымскому фронту со стороны Перекопа, также угрожал перерезать линии снабжения Севастополь-Одесса. Можно сказать, что оставление Одессы было заранее проработанным и четко детализированным планом, который был грамотно реализован. Части и соединения, оборонявшие Одессу, отмечали в своих директивных документах: «Согласно указу Верховного Главнокомандования СССР в целях осуществления военной стратегии и дальнейших боевых действиях, войска Одесского оборонительного района и Приморской Армии в начале 2-ой пятидневки октября 1941г. приступили к плановой эвакуации своих войск и материальной части из города Одессы».[391] То есть, было принято решение о нецелесообразности обороны Одессы и привлечении людских и материальных ресурсов, потери которых в летне-осенней компании 1941 г. были очень значительны, для обороны Крымского полуострова и главной базы Черноморского флота- Севастополя.

Таким образом, на Южном фронте был создан мощный рубеж обороны за счет сухопутных ресурсов Приморской армии и привлечении

[389] ЦАМО. Ф. 1740. Оп. 1. Д. 1. Журнал боевых действий 421 стрелковой дивизии. Л.23.
[390] Кузнецов Н.Г. Указ.соч.- С.65
[391] ЦАМО. Ф. 3532. Оп.1. Д. 5. Журнал боевых действий 2 кавалерийской дивизии. Л.31.

Черноморского флота для решения главной задачи - снабжения и всесторонней поддержки Севастополя. Оборона Севастополя в свою очередь стала тем фактором, который позволил отвлекать на себя значительные силы немецких войск и ее союзников с других участков советско-германского фронта.

Особенно фактор Севастополя начал играть свою «отвлекающую» роль с продвижением немецких войск и их союзников все дальше вглубь СССР. Например, «севастопольская карта» сыграла свою значимую роль в период ожесточенных боев под Ростовом. Развертывание нашей наступательной операции по овладению Ростовом совпало по времени со вторым наступлением немцев на Севастополь, для проведения которого они перебросили под Севастополь около семи дивизий, снятых с других участков Южного фронта. Это обстоятельство, несомненно, помогло нашим войскам осуществить разгром немцев под городом Ростов-на-Дону. Немецкое командование не могло отказаться от штурма Севастополя, так как оно не без основания опасалось, что Красная Армия, перешедшая в наступление под Ростовом и на других участках Южного фронта, начнет активные действия и в Крыму.[392] То есть, можно сказать, что в таком случае немецкая сторона опасалась уже не длительности упорных боев за овладение базой Черноморского флота, а рассматривала возможность контрудара советских войск с севастопольского плацдарма. Отмечала этот факт и немецкая сторона, которая признавала, что: «пока город оставался в руках русских, немцы не могли осуществлять морем снабжение своего южного фланга, который после продвижения в Ростов откатился к реке Миус».[393] То есть, помимо отвлечения сухопутных войск Севастополь препятствовал и снабжению войск противника морским путем.

В дальнейшем, в ходе продвижения немецких войск на южном направлении значение обороны Севастополя возрастало. В конце 1941 г.-

[392] Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. С.3.
[393] Руге Ф. Указ.соч. С.230.

начале 1942г. помимо отвлечения значительных немецких сил на штурм города и препятствованию снабжения, «фактор севастопольской обороны» позволял сорвать десантирование крупных сил противника на кавказское побережье. Советские военные историки констатировали, что «удержание Севастополя имело для нас колоссальное значение, так как срывало все планы немецкого командования в отношении высадки морского десанта на Кавказском побережье, в тылу наших войск, оборонявших подступы к Северному Кавказу».[394] Все это привело более чем к полугодовому «топтанию и исчерпанию» немецких сил под Севастополем, в то самое время, когда эти людские и материальные ресурсы были остро необходимы на других участках фронта. Например, взятые в конце 1941 г. в плен немецкие военнослужащие из состава 24 и 50 пехотных дивизий в ходе допросов показывали, что «возраст солдат до 35 лет, пополнение не получают, в ротах большой некомплект, другие роты имеют также состав по 50-60 человек».[395] В дальнейшем противоборствующие стороны готовились к обороне и штурму соответственно, советская сторона задействовала свои ресурсы на «крымские десанты», а немецкая на их ликвидацию. Поэтому третий и последний штурм Севастополя немецко-румынская группировка предприняла только 7 июня 1942 г. Оборона Севастополя позволила задержать мощную немецкую группировку до самого начала немецкого наступления на юге СССР, на Сталинградском направлении. Летом 1942 г. события развивались следующим образом: 3 июля было объявлено об окончании обороны, а 28 июня «Гитлер начал операцию «Блау», бросив примерно 2 миллиона солдат на Сталинград и Кавказ и разнеся вдребезги оборону Красной Армии в южной России, насчитывающей 1,8 миллиона солдат».[396] Таким образом, можно сказать, что к моменту окончания боев за город оборона Севастополя по максимуму позволила задержать и сковать крупные силы врага на южном фронте, а кроме того, связать линии его

[394] Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. С.3.
[395] ЦАМО. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 50. 25 стрелковая дивизия. Материалы опроса военных. Л.12.
[396] Гланц Д.М. Указ.соч. С.41.

коммуникаций и снабжения. Не следует забывать и о том, что военное производство в городе было налажено и многое из необходимой продукции для сражающихся советских войск производилось на месте.[397] Это значит, что оборона Севастополя была еще и самодостаточна в плане военного производства по ряду продукции и позволяла советскому руководству направлять материальные ресурсы на другие участки фронта.

Для понимания и оценки роли обороны Севастополя в начальный период ВОВ необходимо рассмотреть значение и роль крымских десантов в контексте обороны Севастополя 1941-1942 гг. Связано это с тем, что в случае успешного проведения данных десантных операций могла идти речь не просто о снятии блокады с города, но и о ведущей роли Севастополя как плацдарма освобождения всего Крыма. Это отмечали и советские военные историки, указывая, что «Севастополь, как главная база черноморского флота мог служить и плацдармом, опираясь на который в любой момент могла развернуться десантная операция Красной армии, предпринятая с целью очищения Крыма от немецких оккупантов, германское командование стремилось как можно скорее ликвидировать эту опасность путем захвата Севастополя».[398] В свою очередь немецкие военные считали, что крымские десанты значительно затянули время взятия Севастополя, который был захвачен только летом 1942 г., когда вермахт уже устремился на южном фланге к кавказской нефти. Командующий ВМС ФРГ (в начале 1960-х гг. - Е.С.) Фридрих Руге высказывал такую точку зрения касательно крупнейшего из них,- Керченского десанта, утверждал: «этот русский плацдарм вынудил немцев отвлечь для его ликвидации много войск, и поэтому штурм Севастополя пришлось отложить на шесть месяцев».[399] Все это позволяет утверждать, что оборона Севастополя в контексте крымских десантов сыграла важную роль так же, как крымские десанты в обороне главной базы Черноморского флота.

---

[397] Борисов Б.А Подвиг Севастополя. С.104.
[398] Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. Указ.соч. С.3.
[399] Руге Ф. Указ.соч. С.230.

В целом, десантные операции Великой Отечественной войны являются одними из самых драматических событий войны. Ряд исследователей отмечают, что их нельзя было прекратить, как неудачное наступление или сделать прочными и неуязвимыми, как глубоко эшелонированную оборону.[400] Связано это с тем, что какие бы силы и средства не привлекались, как бы ни рассчитывались планы десантных операций, ни одна из даже крупных операций не носила достаточно напряженный характер. Николай Герасимович Кузнецов, командовавший советскими военно-морскими силами в годы войны, наиболее полно охарактеризовал специфику морских десантов: «Десантные операции следует планировать, заглядывая довольно далеко вперед, ведь после высадки нужно ожидать быстрой и решительной реакции противника. В первую очередь это относится к любой наземной операции. При высадке же десанта с моря дело обстоит еще сложнее. Тылом в этом случае, как в Феодосии, оказывается море, и отступить при необходимости значительно сложнее, чем, допустим, отойти «на исходные рубежи» на суше. Опасность понести большие потери в случае вынужденного отступления тем больше, чем дальше расположен от своих баз или войск занятый десантом город или участок берега».[401] Именно такая ситуация и произошла с феодосийской частью десанта.

Анализируя проведение и результаты крымских десантных операций, можно утверждать, что они несли в себе те же структурные ошибки, что и десанты начального периода войны. К такому же выводу пришел и видный американский военный историк Дэвид Гланц. Он отметил, что «одиннадцатая армия немецкого генерала Эриха фон Манштейна, действовавшая в Крыму, дополнила нанесенный Советам ущерб, отразив слабое советское наступление, начатое никуда не годными войсками Крымского фронта, а затем сбросила остатки этого фронта в море, при этом

[400] Юновидов А.С. Указ.соч. С.6.
[401] Кузнецов Н. Г. Указ.соч. С.96.

погибло или попало в плен еще 150000 солдат Красной Армии».[402] И действительно, судьба крымских десантов была трагична. Правда, советская сторона была не так прямолинейна и предпочитала более размытые формулировки: например, адмирал Н.Г. Кузнецов высказывал мнение, что,- «Наши войска на Керченском полуострове и в Севастополе в мае 1942 года оказались в очень тяжелом положении».[403]

Основным крымским десантом является Керченско-Феодосийской десант, проходивший с 25 декабря 1941г. по 2 января 1942 г. Роль вспомогательных десантов играли высадки в Евпатории, Алуште и Судаке. Необходимо более детально рассмотреть эти события, так как они значительно повлияли непосредственно на оборону Севастополя. Основная задача десанта в Керчи заключалась в создании плацдарма на территории Керченского полуострова и освобождении совместно с Севастопольским оборонительным районом Крыма. Советская группировка в Керчи должна была наступать в направлении Карасубазар - Симферополь. Так, например, к концу декабря 1941г. второй штурм города со стороны немецких войск выдохся, а после начала Керченско-Феодосийского десанта немецкие войска были срочно переброшены из под Севастополя на восток Крыма. Этот факт отмечается одним из руководителей обороны полковником И.Е Жидиловым: «Натиск гитлеровцев слабеет. Вскоре они вовсе прекращают атаки. На всем нашем фронте наступает относительное затишье. Объясняется это не только огромными потерями, которые понесли гитлеровцы во время своего бесплодного наступления. Важнейшую роль сыграла высадка советских войск в Крыму, знаменитая Керченско-Феодосийская операция, нагнавшая ужас на гитлеровцев и заставившая их отвлечь значительные силы от Севастополя на образовавшийся новый фронт».[404] Хотелось бы добавить, что ослабление штурма города связано именно с результатами деятельности десантов на востоке Крыма, а не с прибытием пополнений в город. Так, 26

[402] Гланц Д.М. Указ.соч. С.43.
[403] Кузнецов Н. Г. Указ.соч. С.98.
[404] Жидилов Е.И. Указ.соч. С.256.

декабря 1941г. в Севастополь прибыла 345 стрелковая дивизия, значительно усилившая поредевшие ряды защитников, но только когда 29 декабря советские войска освободили Феодосию, штурм окончательно затих.

В дальнейшем сложилась прямо противоположная ситуация - уже войска Севастопольского оборонительного района собирались перейти в наступление для поддержки Керченского десанта. Эти действия должны были сковать оставшиеся немецкие войска под Севастополем и не позволить их перебросить на восток Крыма. Так, заместитель командующего Приморской Армией П.А. Моргунов отмечал, что в конце декабря 1941 г. «командующий Севастопольским оборонительным районом получил телеграмму Военного совета Кавказского фронта. В ней сообщалось об освобождении частями 51-й и 44-й армий Керчи и Феодосии и дан приказ Приморской армии с утра 31 декабря перейти в наступление с целью расширить плацдарм, сковать противника и не допустить переброски его резервов из-под Севастополя к Феодосии и на Керченский полуостров».[405] То есть, с советской победой на Керченском направлении можно было начать наступление с территории Севастопольского оборонительного района и Керченского полуострова с целью освобождения Крыма.

Необходимо вычленить те причины, по которым этого не произошло, а наоборот, керченский десант после длительной борьбы был уничтожен в мае 1942 г., после чего немецкие войска приступили к подготовке третьего штурма Севастополя. Связано это с рядом причин. Во-первых, советское командование переоценило значимость победы и недооценило возможности противника к маневрированию и пополнению резервами. Да, Красная Армия оказала активное сопротивление и нанесла контрудары у Ростова и под Тихвином, переломила ход сражения за Москву и отстояла Севастополь, но последующие события показали, что Красная Армия еще не набралась достаточного опыта. Ряд исследователей достаточно объективно резюмирует данные события: «Однако надежды Ставки были разбиты, когда

[405] Моргунов П.А. Указ.соч. С.230.

предвкушаемый успех быстро превратился в два разгрома под Харьковом и в Крыму. В этих катастрофах явно была виновата сама Ставка; хотя она уже почти целый год набиралась боевого опыта, ей не удалось адекватно оценить ни собственные возможности, ни возможности вермахта».[406]

Во-вторых, необходимо сказать, что личностный фактор не сыграл своей роли, в поражении виноваты ошибки еще в предвоенной подготовке. В наши дни в неудачах керченского десанта принято винить Льва Мехлиса, начальника Главного политического управления РККА. К его личности можно относиться по-разному, но в указанный военный период он проявил себя как деятельный организатор, хотя и допускающий «перегибы» в своей работе. Просчеты заключались в «объективных упущениях подготовки и организации управления войск, наиболее ярко проявившихся в боях на Керченском полуострове. Так, перед войной в теории и практике обучения армии и флота десанты не превышали одной дивизии. Таким образом, ни теоретически, ни практически войска не были подготовлены к высадке такого крупного десанта. Не обладая специальными десантными судами и высадочными средствами, флот не был готов к подобному десанту, прежде всего в техническом отношении».[407]

В-третьих, свою роль сыграл природно-географический фактор, так в зимнее время пролив замерзал, и снабжение происходило по ледовым дорогам, как в блокадном Ленинграде, а через некоторое время лед оттаивал, и снабжение шло судами, на чью разгрузку требовалось до несколько суток. Кроме того, равнинная местность слабо способствовала укрытию войск при слабом противовоздушном прикрытии, в результате чего немецкие самолеты наносили существенные потери советским войскам. Остро ощущалась необходимость в прикрытии и противовоздушными средствами и авиацией, которые «патрулированием прикрывали транспорты и войска».[408] Таким образом, в результате работы этих факторов к маю 1942 г. крымская

[406] Гланц Д.М. Указ.соч. С.51.
[407] Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. Указ.соч. С.228.
[408] ЦАМО. Ф. 20134. Оп. 1. Д. 4. Оперативные сводки 72 истребительной авиадивизии. Л.1.

группировка немецко-румынских сил не была ликвидирована, а наоборот, разгромив керченский плацдарм, переключилась на штурм Севастополя.

Но необходимо отдать должное Керченско-феодосийскому десанту, он сыграл заметную роль в обороне Севастополя, позволив оттянуть очередной штурм города, и даже позволил поставить вопрос об освобождении всего крымского полуострова.[409] Командующий РККФ Н.Г.Кузнецов в связи с этим резюмировал, что «Керченско-Феодосийская операция вошла в историю не только как образец отваги наших воинов. Это была самая крупная десантная операция наших войск в Великую Отечественную войну, хорошо разработанная, несмотря на крайне сжатые сроки ее подготовки. Севастополь был спасен, и значительный плацдарм на Керченском полуострове остался в наших руках».[410] В то же самое время, оставление противнику керченского плацдарма резко активизировало деятельность немецких войск под Севастополем, причем в подготовке и новом штурме города участвовали не только высвободившиеся немецко-румынские войска, но и советская техника, захваченная и оставленная на территории Керчи. Современный исследователь И.С. Маношин отмечал, что поражение Крымского фронта было тяжким событием весны 1942 г., прежде всего оно сказалось на судьбе Севастополя: «В течение мая фронт потерял несколько десятков тысяч человек личного состава, почти 3,5 тысячи орудий и минометов, более 250 танков и 40 самолетов. Захваченную боевую технику и тяжелое вооружение советских войск противник затем частично использовал против защитников Севастополя».[411] Таким образом, падение керченского плацдарма позволило немецко-румынской группировки перебросить свои войска к Севастополю и усилить их трофейной техникой. Итогом стало то, что советские легкие танки Т-26 из состава Севастопольского оборонительного района вынуждены были бороться с трофейными, в том числе тяжелыми танками КВ-1, но уже с немецкими экипажами.

---

[409] Кузнецов А.Я. Указ.соч. С.3.
[410] Там же. С.96.
[411] Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. С.270.

Не менее интересной и трагической оказалась судьба других крымских десантов и их связь с обороной Севастополя, которые играли вспомогательную роль по отношению к Керченско-Феодосийскому десанту. Это были десанты в Евпаторию, Алушту, Судак и которые оказались несколько «забыты» в истории войны на территории Крыма, хотя в дальнейшем их история была освещена в советской историографии, но до сих пор эти десанты не так известны, как оборона Севастополя или Керчи. Во-первых, если Керченский десант должен был наступать со стороны Карасубазара, то войска Севастопольского оборонительного района должны были поддержать наступление на Симферополь со своего направления через Бахчисарай. К сожалению, ряд современных исследователей считает, что план десантов с последующей его проработкой находился на весьма невысоком уровне, так как в Евпатории, Алуште и Судаке находились незначительные именно немецкие силы.[412] А.Б. Широкорад, основываясь на том, что в основном это были румынские части, считает, что план захвата прибрежных населенных пунктов с дальнейшей целью перерезать и нарушить коммуникации противника мог принести серьезный успех. Но надо понимать, что Евпаторийский десант был произведен 5 января 1942 г. и вся немецкая группировка в Крыму, незадействованная в ликвидации Керченского десанта, была аккумулирована на противодесантную деятельность и ожидала новых советских десантов. Поэтому более компетентные российские исследователи отмечают, что «план отражал незнание состояния войск противника из-за отсутствия разведданных, завышение своих возможностей и просчеты в определении соотношения сил».[413] То есть, можно сказать, что советские войска ставили перед собой задачи, превышающие по своим возможностям ресурсы страны и армии, а кроме того, не учитывали возможности противника, который несмотря на ряд неудач еще был силен.

---

[412] Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости. С.255.
[413] Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. С.227.

Во-вторых, личный состав и техника для Евпаторийского десанта подбирались из числа военнослужащих Севастопольского оборонительного района. А это значило, что из имеющих в Севастополе скудных людских и материальных ресурсов необходимо было подготовить десант. Заместитель командующего Приморской Армией П.А. Моргунов вспоминал, что «со 2 по 5 января части Севастопольского оборонительного района производили перегруппировку, готовясь к наступлению. Шла также подготовка к высадке десанта в Евпаторию, которая планировалась в ночь на 5 января. Десант состоял из усиленного батальона морской пехоты под командованием капитана Г.К. Бузинова. Ему была придана разведывательная группа разведывательного отдела штаба флота во главе с капитаном В.П. Топчиевым, который еще 5 декабря 1941г. удачно высаживался со своим отрядом в Евпатории».[414] То есть, на Евпаторийский десант был выделен всего батальон личного состава. На мой взгляд, малочисленность десанта - это действительно серьезный просчет советского командования. Признавали это и советские военачальники, как например Е.И. Жидилов: «Командование оборонительным районом, очевидно, считало наши войска для этого недостаточно сильными. Такие выводы командования подкрепились еще и тем, что высаженные нами десанты в Евпатории 5 января, а через несколько дней в Судаке, не привели к ожидавшимся результатам. Оба десанта, израсходовав свои силы, погибли. В Евпатории погиб мой товарищ, капитан второго ранга Николай Васильевич Буслаев. Он был начальником группы контроля при командующем флотом и с первых дней войны стремился перейти на боевую работу. А тут представился такой случай,- участвовать в освобождении Евпатории, его родного города, в котором Николай провел свои молодые годы».[415] То есть, евпаторийский десант не только не снизил нагрузку на Севастопольский оборонительный район путем создания еще одного советского плацдарма в Крыму, но и сократил людские и

[414] Моргунов П.А. Указ.соч. С.248.
[415] Жидилов Е.И. Указ.соч. С.157.

материальные ресурсы обороны Севастополя. Схожая ситуация была и с подготовкой Судакского и Алуштинского десантов, но которые состояли из войск, прибывших из Новороссийска. Эти десанты так же состояли из батальона на каждый населенный пункт с незначительными частями усиления и были высажены через несколько дней после десанта в Евпатории. Оба этих десанта окончились неудачей, личный состав погиб или попал в плен, и лишь некоторым из военнослужащих удалось пробиться в партизаны. Почему стал возможным провал сразу трех, даже вспомогательных десантных операций? Причины этого следующие: во-первых, полная асинхронность десантов, а их было необходимо проводить одновременно. Ряд современных исследователей отмечает, что «в рамках уже начавшейся операции Кавказского фронта по освобождению Крыма высаживались еще два морских десанта, в Евпатории и Судаке. Поскольку цель этих операций заключалась в содействии успеху наступления советских войск на полуострове, то и провели их с некоторой задержкой, 5 и 6 января соответственно. Кроме того, 4 и 6 января предпринимались попытки высадить морской десант в Алуште, но не позволила погода».[416]

Во-вторых, малочисленность личного состава десантов свидетельствует о серьезных просчетах советских военачальников, недооценке противника и не применении исторического опыта, когда в период Крымской войны 1853-1856 гг. «союзные войска» произвели десантирование своих основных сил на удобном, равнинном евпаторийском участке. Учитывая это, более крупный советский десант, хотя бы дивизионного уровня мог реально переломить ход сражения за Крым в целом. С этим мнением согласен и ряд современных исследователей: «Большой десант (несколько дивизий) в районе Евпатории мог решить судьбу Крыма. Район Евпатории для десанта был гораздо более удобен, чем любой другой район Крыма».[417]

[416] Десанты Великой Отечественной войны. С.170.
[417] Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости. С.272.

Интересной была реакция оккупационной прессы на события, происходившие в Евпатории и Феодосии при высадке десанта: «Высадившиеся в Крыму у Евпатории, под защитой военных кораблей, неприятельские силы уничтожены стремительной атакой в жестоких уличных боях. Высадившийся юго-западнее Феодосии небольшой отряд большевиков разбит румынскими войсками, соединения немецких бомбардировщиков, пикирующих самолетов и истребителей, эффективно атаковали силы большевиков, портовые сооружения, корабли в Феодосии и черноморские пути для снабжения большевистских войск»[418].

Ситуация с крымскими десантами 1941-1942 гг. сильно повлияла на проведение Севастопольской оборонительной операции, а порой и сама оборона Севастополя производила десантирование, задействовав свои силы и средства. По ряду указанных выше причин, окончание этих десантных операций было трагичным и не смогло выполнить всех тех задач, которые на них возлагались. Основная задача - освобождение Крыма не была выполнена, это подтверждают в своих исследованиях и другие историки: «Задача уничтожения крымской группировки врага и освобождение всего Крыма в тот момент была явно нереальной».[419] Но в целом, они способствовали сковыванию мощной немецко-румынской группировки на территории Крыма и не позволили направить эти войска на другие участки советско-германского фронта. У многих исследователей Великой Отечественной войны возникали вопросы и я, как исследователь, с ними полностью согласен,- с чем связан массовый керченский десант, не лучше было бы направить эти войска на подкрепление в Севастополь? Ведь в таком случае, Севастополь мог продержаться значительно дольше, не исключено, что даже и до момента освобождения Крыма. На этот непростой вопрос дал ответ командующий советским военно-морским флотом адмирал Кузнецов: «Керченско-Феодосийская операция, в ходе которой мы овладели

---

[418] Высадившиеся в Крыму большевистские войска разбиты // Новый путь. - 11 января 1942г. - № 3 (24). С. 1.
[419] Маношин И.С. Указ.соч. С.227.

плацдармом на Керченском полуострове, имела огромное значение для дальнейшей обороны Севастополя. Иногда возникал вопрос: не правильнее ли было бы силы, брошенные на Керченский полуостров, использовать непосредственно для обороны Севастополя? Но когда готовили Керченско-Феодосийскую операцию, в Ставке шла речь не только о том, чтобы облегчить положение Севастополя, как было сказано выше. Думали об освобождении Крыма в целом. В Крыму накапливались силы и для весеннего наступления. Части, оборонявшие Севастополь, готовились разорвать кольцо осады и двинуться на Симферополь».[420] Стоит отметить и то, что район Севастополя имеет гористо-холмистую местность, что серьезно сказывается на его обороне и, как следствие, немецкая оборона, созданная со знанием военной топографии, могла в свою очередь затруднить наше наступление из Севастополя с целью освобождения Крыма.

В целом, оценивая значения обороны Севастополя в начальный период Великой Отечественной войны можно вычленить два фактора, оказавших влияние на весь ход войны. Во-первых, длительное удержание мощной немецко-румынской группировки на территории полуострова и нанесение ей серьезных людских и материальных потерь ресурсов. Так, отмечалось что: «Героическая оборона Севастополя, Керченско-Феодосийская десантная операция зимой 1941-1942 гг. и бои за Керченский полуостров в мае 1942 г. надолго связали крупные силы противника, на длительное время сковали маневренность немецкой армии, спутали и расстроили планы немецкого командования, сорвали пресловутое «весеннее наступлении» немцев в 1942 г. Гитлеровцы проиграли во времени, в темпах, понесли огромные потери людьми».[421] Многие исследователи и мемуаристы, отмечали, что оборона Севастополя сыграла свою значительную роль в преддверии немецких действий 1942 г. - весной, зимой 1942 г. советской стороне было понятно, что немецкое наступление состоится летом 1942 г., но было непонятно на каком

[420] Кузнецов Н.Г. Указ.соч. С.97.
[421] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.7.

участке фронта - центральном или южном. Единственное, что было понятно - это наступление состоится и отвлечение сильной вражеской группировки на другом участке фронта, а именно в Севастопольской оборонительной операции работает на будущую победу СССР. В своих размышлениях о возможных действиях немецкой стороны наиболее полно поделился Н.Г.Кузнецов: «В это же время появились признаки новой активности немецкой армии в Крыму. Планы Гитлера на весну 1942 года еще не были разгаданы».[422]

Во-вторых, оборона Севастополя оказывала сильное влияние на партизанское движение Крыма, его снабжение, моральный облик советских партизан и в целом на тот «внутренний фронт» полуострова, который работал, в том числе и на снижение немецкого давления на Севастополь. Так, Военному Совету Черноморской группы войск в докладе о состоянии партизанского движения в Крыму было доложено: «Однако героическая оборона Севастополя снова поднимает настроение людей. Все взоры партизан были обращены в сторону Севастополя, никто и не допускал, что Севастополь будет сдан и это вполне понятно. Партизаны рассматривали Севастополь, как свою опору для дальнейших действий в Крыму».[423] Но имелись и негативные последствия сдачи Севастополя врагу, также имевшие далеко идущие последствия. Касалось это и партизанского движения в Крыму, так как с падением оборонительного района немецкие войска высвободятся с Севастополя и переключатся на борьбу с партизанами, масштабное прочесывания лесных массивов Крыма началось уже 12 июля, через 9 дней после падения Севастополя, а связь с партизанскими отрядами прервалась до 8 сентября 1942 г.[424] Но более серьезные последствия ждали южный участок советско-германского фронта.

---

[422] Кузнецов Н.Г. Указ.соч. С.97.
[423] Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. Т.20. С.205.
[424] Там же. С.207.

В-третьих, захват Севастополя позволил перенести накал борьбы на южный фланг советско-германского фронта. Это были в первую очередь Сталинградское направление и одновременно территории Кавказа, а также позволило еще более усилить давление на Новороссийскую военно-морскую базу, которая стала главной базой Черноморского флота после падения Одессы и Севастополя. Так, советские исследователи отмечали, что «потеря Крыма создала для нас дополнительные трудности в борьбе с врагом. Немцы получили возможность нанести нам удар летом 1942 г. на юге, прорваться к Сталинграду и на Северный Кавказ, захватили военно-морскую базу на Черном море - Новороссийск и этим самым стеснили действия нашего флота».[425] Кроме того, после окончания Севастопольской оборонительной операции и полного захвата Крыма немецкими войсками на повестку дня встал вопрос, связанный с международной политикой. Ряд немецких военачальников «выдвигал вопрос о том, что будет делать и куда вообще денется наш Черноморский флот, потерявший летом 1942 г. такие первоклассные базы как Севастополь и Новороссийск», а кроме того «пытался даже повлиять на турок, уговаривая их не выпускать наши корабли из Черного моря в Средиземное на соединение с англичанами».[426] Именно после захвата Севастополя летом 1942г. немецкая сторона вновь начинает «разыгрывать турецкую карту». Выражалось это как по международной линии, так и по национальной, когда происходило наделение крымских татар, как наиболее близкого к турецкому населению жителей Крыма различными правами и льготами со стороны оккупационной администрации.[427]

Советско-турецкие отношения в предвоенный и начальный периоды войны носили настороженный и аккуратный, взвешенный характер. Связано это с тем, что двумя крупнейшими державами Причерноморья были Турция, и СССР. У них было несколько основных точек соприкосновения. Это

[425] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.7.
[426] Там же. С.78
[427] Широкорад А.Б. Битва за Черное море. С.427.

вопросы, связанные с политической ориентацией балканских стран, вопрос со статусом черноморских проливов на текущий момент и в случае начала «большой войны» в Европе и вопрос с турецким Азербайджаном, который был населен этническими азербайджанцами, ориентированными на воссоединение со своими соотечественниками в советском Азербайджане. Все эти вопросы с началом Великой Отечественной войны приобрели еще большую значимость, их актуальность еще более усилились и обе стороны понимали, что от исхода сражений на фронтах зависит общая политическая обстановка.

На начальном этапе войны в 1941-1942 гг. главным сражением в Причерноморье, за ходом которого внимательно наблюдали из Турции, была Севастопольская оборонительная операция. Именно она стала ключевым военным событием Причерноморья в этот период, достаточно изучить карту боевой обстановки в Крыму на июнь 1942 г., которая фактически не изменялась с 1941 г., особенно после падения Керчи в мае 1942 г.[428] Отмечал этот факт и главный советский противник на крымском направлении, Эрих фон Манштейн: «Армия должна была занять Крым, причем эта задача предоставлялась особенно срочной. С одной стороны, ожидали, что занятие Крыма и его военно-морской базы Севастополя возымеет благоприятное воздействие на позицию Турции. С другой, и это особенно важно, крупные военно-воздушные силы противника в Крыму представляли собой угрозу жизненно важному для нас румынскому нефтяному району».[429] То есть, помимо внешнеполитического влияния, которое приковывала к себе оборона Севастополя, существовала и угроза основным нефтеносным ресурсам «стран оси», создаваемая советской военной силой в Крыму и Севастополе. Кроме того, известно, что немецкая сторона даже направляла турецких представителей на советско-германский фронт для усиления давления на Турцию. Так, посол Германии Папен 10 ноября 1941 г. докладывал

[428] См. Приложение № 7 Обстановка на советско-германском фронте в конце июня 1942г.
[429] Манштейн Э. Указ.соч. С.232.

Министерству иностранных дел Германии, что «оба турецких генерала возвратились из своей поездки на восточный фронт и в ставку фюрера с чувством глубокого удовлетворения».[430] Можно сказать, что положение «нейтрального статуса» Турции решалось в ходе сражения за Севастополь, так как турецкая сторона использовала свое положение нейтральной страны, чтобы лавировать между воющими сторонами и как можно более длительный срок оставаться в таком статусе. Вступление Турции в войну на стороне антигитлеровской коалиции состоялось только 28 февраля 1945 г. за несколько месяцев до победы над Германией.

Касательно вопроса с черноморскими проливами, то СССР в предвоенный период опасался пересмотра статуса проливов, так как это могло привести к проникновению в Черное море крупных немецких надводных сил, что в случае начала войны резко бы изменило положение в Черном море. СССР не забыл уроков Первой мировой войны, и не хотел повторения обстрела Севастополя со стороны немецких кораблей, как это было в 1914-1916 гг. Такую же позицию занимал СССР и в военный период, хотя в дальнейшем с усилением своих позиций в международной политике уже стремилось пересмотреть статус проливов в свою сторону. Это отмечал в своих воспоминаниях глава МИД СССР В.М.Молотов: «Предъявили в конце войны туркам контроль над Дарданеллами, турки не пошли на это и союзники не поддержали».[431]

Количество военно-морских сил в Черном море в связи с началом войны продолжало расти, военно-морские суда использовались для снабжения своих вооруженных сил на оккупированной территории СССР, для охраны этих линий снабжений, для переброски личного состава и пополнений, для противодействия судам и авиации противника. То, что турецкая сторона не пропустила летом-осенью 1941 г. немецкие корабли через черноморские проливы говорит о двух фактах. Во-первых, несмотря на сильнейшее

---

[430] Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1939-1943гг.). С.66.
[431] Чуев Ф.140 бесед с Молотовым.- М.: Терра, 1991. С.45.

давление со стороны Германии, Турция искала для себя наибольшую выгоду и смотрела на дальнейшую перспективу, война только началась, и, несмотря на серьезные успехи немецких войск, еще не окончена. Отмечают это и турецкие исследователи: «Несмотря на шантаж и давление Германии, летом и осенью 1941 г. вовлечь Турцию в фашистский блок не удалось. В особенности, после вступления в войну Советского Союза идея сохранения мира и самоустраненности от войны стала лейтмотивом внешней политики Турции».[432]

Во-вторых, высокопрофессиональная работа советской дипломатии, подкрепленная работой дружественных СССР стран, которые начали образовывать антигитлеровскую коалицию и не были заинтересованы в привлечении в ряды Германии нового союзника. Так, уже 30 сентября 1941 г. на Московской конференции представителей трех держав, глава английской делегации лорд Бивербрук, отвечая на вопросы Сталина по поводу отношений с Турцией, высказывал следующую позицию: «Мы хотели бы что-нибудь сделать для турок. Они относятся к нам с сочувствием. Они ничего не сделали, чтобы причинить нам вред, никаких неприятностей. Они были задеты нашими действиями в Иране и Ираке. Помощь им сводится к доставке орудий, которые вам не нужны» и добавлял, что Англия стремится «воскресить союз с Турцией».[433] То есть, союзники сами не были заинтересованы в усилении немецкого военного блока и прилагали для этого значительные усилия. Эти усилия базировались на уверенности, что СССР выстоит в этой войне, и в это самое время Севастополь активно готовился к сухопутной обороне военно-морской базы Черноморского флота.

Касательно обороны Севастополя, ситуация с проливами и международной обстановкой вокруг них оказывала серьезное влияние, так как напрямую сказывалось на количественном и качественном уровне судов стран «оси». На Черном море против СССР действовал немногочисленный

---

[432] Гасанлы Дж.П.. Указ.соч. С.100.
[433] Советско-американские отношения во время Второй Мировой войны, 1941-1945: Документы и материалы. Т.1. 1941-1943. С.118.

румынский флот, который не справлялся с противодействием снабжению обороняемой Одессы, а в дальнейшем, когда советские войска обороняли Севастополь, то с немецкой стороны встал вопрос об усилении своих сил в данном регионе. Изначально немецкая сторона хотела перебросить в Черное море свои корабли под болгарским флагом, но получила отказ от турецкой стороны, так как «Болгарию нельзя считать нейтральной страной».[434]

Усиление Германии на Черном море произошло, и именно об этом командующий РККФ Н.Г. Кузнецов вспоминал после войны: «Как только гитлеровцы убедились, что им не удастся захватить с суши наши военно-морские базы и порты на Черном море, они начали срочно пополнять морские силы на этом театре. На Черное море было направлено около 400 военных кораблей и торговых судов, в том числе 6 подлодок, 16 торпедных катеров, 50 десантных судов, 23 тральщика и 26 охотников за подводными лодками. Столь крупное пополнение румынского флота немецкими кораблями, естественно, доставило немало неприятностей командованию советского флота в период борьбы за Крымский полуостров, Керченский пролив и Кавказское побережье».[435] Только все эти силы и средства, направляемые в том числе на противодействие обороне Севастополя, перебрасывались в Черное море не через черноморские проливы, находящиеся под контролем Турции, а внутренними, речными путями. А этот путь был очень трудоемким и затратным: «Поскольку находившиеся там корабли не отвечали этой цели, необходимо было присылать новые: по Эльбе, потом по шоссе от Дрездена до Ингольштадта и далее по Дунаю. Специально сконструированные автопоезда за полтора дня проходили по шоссе 265 миль».[436] Понятно, что этими путями могли быть переброшены многочисленные, но небольшие суда, которые представляли бы угрозу крупным советским кораблям, но не конкуренцию. Таким образом, политическая осторожность Турции смогла устранить угрозу в виде наличия

[434] Гасанлы Дж.П. Указ.соч. С.93.
[435] Кузнецов Н.Г. Указ.соч. С.60.
[436] Руге Ф. Указ.соч. С.250.

в Черном море крупных немецких кораблей, которые могли серьезно повлиять на оборону Севастополя, нарушив коммуникации снабжения или осуществляя артиллерийские обстрелы.

В целом, позиция Турции как в предвоенный так и в военный периоды можно охарактеризовать как «маятник», который качался в разные политические стороны. Незадолго до начала Великой Отечественной войны, а именно 18 июня 1941г., Турция подписывает с Германией договор о дружбе и ненападении и продолжает заниматься торговлей и снабжением Германии полезными ресурсами.[437] В дальнейшем, в декабре 1941 г. немецкой стороной отмечалось, что «турецкая политика в отношении Германии в процессе похода на Россию становится все более и более дружественной. Такие события, как ливийский поход и затруднения в наступлении на южном русском фронте временно усиливают тенденцию к сохранению нейтралитета. Что по всей вероятности не означает, что Турция откажется от поворота своей политики в сторону Германии или же вернется в сферу английского внимания, так как английская армия, находящаяся в североафриканском и арабо-иранском пространствах, при всех обстоятельствах, сильно ослабеет в ливийском походе».[438] Этими «затруднениями» явились, в том числе, и два неудачных для немецкой стороны штурма Севастополя. Но в то же самое время, турецкая сторона активно ведет дипломатическую работу с Англией и США с целью получения в первую очередь более благосклонного отношения, во вторую,- оказание помощи материальными ресурсами в случае нападения Германии или СССР на нейтральную страну. Так, уже осенью 1941 г. английская сторона вела переговоры о передачи Турции «тысячи 87-мм полевых пушек».[439] Первым серьезным «звоночком» для определения турецкой стороной своей политической ориентации стали события декабря 1941 г. Этими событиями стали, во-первых, крушение

[437] Устинов. В.И. Политические тайны Второй Мировой войны. С.139.
[438] Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1939-1943гг.). С.66.
[439] Советско-американские отношения во время Второй Мировой войны, 1941-1945: Документы и материалы. Т.1. 1941-1943. С.118.

немецкого блицкрига на центральном советско-германском фронте: Москва не была захвачена; во-вторых, схожие события на южном фронте, к которому турецкая сторона присматривалась наиболее внимательно: Севастополь не взят ни с ходу, ни после повторного подготовленного штурма; в-третьих: США со своими экономическими и людскими ресурсами вступили во Вторую Мировую войну.

Естественно, что такое двусмысленное международное положение Турции вынуждало СССР к пристальному вниманию за турецкими вооруженными силами, а именно - держать на границе с Турцией большое количество войск. Особенно остро стоял вопрос летом и осенью 1941 г., когда в СССР отмечалась нехватка резервов для фронта. Дело в том, что войска имелись и имелись в значительном количестве, но были задействованы в местах возможного противостояния с нейтральными государствами, дружественно настроенными по отношению к Германии. На южных рубежах это была советско-турецкая граница. Отмечали этот факт и советские военачальники, В частности, маршал Баграмян указывал: «К тому времени гитлеровцы блокировали Ленинград. Их войска приближались к Москве. А в распоряжении нашего высшего командования уже не оставалось сколь-нибудь крупных, готовых к боевым действиям оперативных резервов. Значительную часть войск мы должны были держать на Кавказе,- слишком подозрительно вела себя Турция,- на Дальнем Востоке, где японские милитаристы ждали только сигнала, чтобы выступить».[440] В ходе борьбы за Севастополь разведывательные органы частей и соединений обращали свое внимание на состояние и передислокацию турецких вооруженных сил. Так, в октябре-ноябре 1941 г. по разведывательным сводкам: «1. По агентурным данным, подтверждается наличие в городе Артвин штаба дивизии и одного пехотного полка, нумерация которого не установлена. 2. По данным управления НКВД Грузинского округа, 51 артполк, предположительно, входящий в состав Восточной пограничной дивизии, дислоцируется: штаб

[440] Баграмян И.Х. Указ.соч. С.135.

полка, 1 и 3 батареи,- в город Ардаган; 2 батарея 1 дивизиона,- в селе Дамал; 5 батарея 2 дивизиона,- в город Зурзуна. Полк состоит из двух артдивизионов трех батарейного состава каждый. Батарея состоит из двух взводов по два 75мм., орудия системы «Шнейдер». В полку всего двадцать 75мм. орудий, На вооружении 1 батареи 1 дивизиона четыре 105 мм пушки. Личный состав 5 батареи состоит из 104 человек (4офицера, 8 унтер-офицеров и 92 рядовых)».[441] То есть, помимо выполнения своей основной разведывательной работы против Германии, Италии и Румынии, внимательно изучались все действия Турции в приграничных районах. Советская сторона опасалась не только включения Турции в войну, но и привлечения турецкой армии уже к проходившим сражениям, как в случае Севастополя. В таком случае, ход сражения мог быть переломлен в сторону стран «оси» в короткие сроки и разведывательную работу в советских частях и соединениях можно считать грамотной работой, направленной на опережение действий будущего противника. Особенно остро советско-турецкое противостояние на государственной границе началось с вены 1942 г., когда СССР начал проводить свои наступательные мероприятия широким фронтом, в Крыму это был Керченско-Феодосийский десант. Тогда политработникам, как ответственным лицам за работу с личным составом подразделений, была поставлена задача разъяснения враждебности турецкого государства по отношению к СССР. И как отмечали исследователи: «политработники Закавказского военного округа начали компанию среди солдат и офицеров по поводу турецкой опасности, а численность советских войск достигла 25 дивизий».[442] Делалось это с целью заставить Турцию отказаться от военных провокаций и возможного вступления в войну. Но надо признать, что подобным образом отвлекались войска с других участков фронта, где остро не хватало людей и техники, так как это, например, происходило в обороне Севастополя.

[441] ЦАМО. Ф. 20134. Оп.1. Д. 3 Разведывательные сводки 72 истребительной авиадивизии. Л.8.
[442] Гасанлы Дж.П. Указ.соч. С.104.

Не менее важная операция, потребовавшая привлечения серьезных ресурсов, была совместная с Великобританией оккупация Ирана в августе 1941 г. Иран был менее осторожен в своих симпатиях по отношению к Германии, чем Турция, и обладал значительно более слабыми вооруженными силами, и в итоге был оккупирован до самого окончания Второй Мировой войны. Современные исследователи отмечали, что «эта мера предотвратила захват Ирана гитлеровской Германией и принесла большую пользу: во время войны через территорию этого государства шло снабжение Советского Союза вооружением и другими материалами из Англии и США».[443] Причем к оккупации Ирана были привлечены ресурсы, которых остро не хватало в частности в Крыму. Например, часть соединений из состава военно-воздушных сил 51 армии, действовавших на Керченском и Севастопольском направлениях, была переориентирована на другие задачи. А именно, на поддержку советских войск в Иране.[444] Также из состава ВВС, которых крайне не хватало на Крымском направлении, были задействованы на оккупацию Ирана 459 бомбардировочный полк, 36 и 265 истребительные авиационные полки.[445] Ситуация с воздушным прикрытием на территории Крыма оставляла желать лучшего. Поэтому 265 истребительный полк, обеспечив в августе 1941 г. прикрытие высадки десанта на территорию Ирана, в связи с напряженной обстановкой в Крыму был задействован на боевые действия на полуострове, к которым приступил 23 ноября 1941 г. в составе ВВС Крымского фронта.[446] Но даже усиление еще одним истребительным полком решить поставленные задачи не помогло. Несмотря на это, еще и 36 истребительный авиационный полк был поделен между Южным и Крымским фронтами пополам, причем три эскадрильи остались на Южном и только одна на Крымском фронте.[447] То есть, можно сделать

[443] Протопов А.С., Козьменко В.М., Шпаковская В.М. История международных отношений и внешней политики России (1648-2010). С.225.
[444] ЦАМО. Ф. 20134. Оп. 1. Д.1. Боевые приказы 72 истребительной авиадивизии. Л.7.
[445] Анохин В.А. Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия. С.175.
[446] Там же. С.506.
[447] Там же. С.117.

вывод, что отвлечение вооруженных сил в Иран на совместную с Великобританией операцию отвлекало на себя большое количество воинских частей, особенно оснащенных техникой, таких как соединения ВВС, что приводило к снижению активности советских ВВС, в том числе на территории Крыма. Советское военно-политическое руководство считало устранение возможности появления немецкого союзника у себя в тылу приоритетным перед Крымом направлением. Кроме того, уже в тот период времени активно складывался антигитлеровский союз, и оккупация Ирана позволяла проводить союзническую логистику южным маршрутом через это государство.

Отслеживались и действия в иранской армии: «...по вопросу реорганизации армии среди иранского генералитета имеются разногласия. Одна часть генералитета, при поддержке части правительственных деятелей высказывается за создание и укрепление полевых частей. Другая часть считает, что для Ирана отсутствует внешняя опасность, настаивает на организации только жандармских частей».[448] То есть помимо сбора разведывательных данных о румынских и немецких частях отслеживалась еще и политическая обстановка в потенциально враждебной стране. Отслеживались и внимание со стороны Ирана к иранскому Азербайджану. По данным советских войск в Иране: «Иранское правительство уделяет особое внимание иранскому Азербайджану, в пределах которого дислоцированы части Красной Армии. Иранское правительство, опасаясь усиления влияния советских органов в иранском Азербайджане, командировало в иранский Азербайджан не только министра внутренних дел, но и других государственных деятелей и своих агитаторов».[449] Опасения с иранской стороны были вполне обоснованны, так как советское правительство внимательно присматривалось к иранскому Азербайджану и настроениям в нем. Глава советского министерства иностранных дел

[448] ЦАМО. Ф. 20134. Оп.1. Д.3. Разведывательные сводки 72 истребительной авиадивизии. Л.15.
[449] Там же. Л.15.

Молотов свидетельствовал, что «в то же время Азербайджан претендовал,- увеличить их республику почти в два раза за счет Ирана. Начали мы щупать этот вопрос, - никто не поддерживает. Выступать с такими требованиями тогда было трудно. Царское правительство нахапало вокруг России районов. Нам следовало быть очень осторожными. Но попугать,- попугали крепко».[450]

А все это в свою очередь приводило к затрате ресурсов и отвлечении советских сотрудников, как военного так и дипломатического ведомств, от более значимой работы, как например противодействие разведывательным мероприятиям со стороны Германии и Румынии.

Севастопольская оборонительная операция 1941-1942 гг. внесла значительный вклад в начальный период Великой Отечественной войны, а так же оказала влияние на международные отношения в указанный период. Во-первых, оборона Севастополя в 1941-1942 гг. позволила переломить ход начального периода войны, когда немецкие войска не смогли выполнить намеченные планы, не были взяты ни Москва, ни Севастополь, и они были вынуждены перекраивать и свое расписание войны и ресурсы, которые советско-германский фронт уничтожал в битвах начального периода войны. В телеграмме посла СССР в США 10июля 1942 г. американская сторона свидетельствовала: «Рузвельт, взяв на себя инициативу оценки обстановки заявил, что немцы, безусловно, не ожидали такого сопротивления, их «расписание опрокинуто», Красная Армия борется с исключительным мужеством, отвагой и умением и «кое-кому в наших собственных военных кругах» придется пересматривать свое мнение о Ваших вооруженных силах. Главное для СССР,- сохранить нынешнюю силу сопротивления на ближайшие два с половиной месяца, примерно до первого октября. Если это удастся, война для Вас выиграна, гитлеризм будет сокрушен».[451]

Во-вторых, вклад Севастопольской обороны в общее дело победы не был единоразовым. Так, например, в декабре 1941 г. кроме победы под

[450] Чуев Ф. Указ.соч. С.72.
[451] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг.: Документы и материалы. Т.1, 1941-1943 гг. С.58.

Москвой и вступления США во Вторую мировую войну был отражен второй штурм города, и Севастополь не был сдан. А все это подготавливало плацдарм для дальнейшего поражения Германии и побед стран антигитлеровской коалиции. Выражалось это, например, в том, что сражение за Сталинград началось после окончания обороны Севастополя, в которых 11 немецкая армия понесла серьезные потери и не могла усилить немецкую группировку, так как сама остро нуждалась в пополнениях. Видный американский исследователь Д.Гланц охарактеризовал этот процесс следующим образом: «нанесенные вермахту этими «забытыми битвами» тысячи порезов существенно ослабили германскую армию и в итоге привели к катастрофическому поражению, которое она потерпит в Сталинграде под конец этого же года».[452] Имея в виду «забытые битвы», Дэвид Гланц говорил о таких операциях, как оборона Севастополя, которые оттянули на себя значительные немецкие ресурсы, но остались в тени более известных сражений.

В-третьих, немецкая и румынские группировки потеряли значительное количество людских и материальных ресурсов в боях за Севастополь. «Если приблизительно подсчитать потери немцев и румын за два года борьбы за Крым, то эти совокупные потери значительно превысят миллион человек». Это только погибшие, но есть еще и выбывшие из строя.[453]

В-четвертых, Севастопольская оборонительная операция была решающим сражением в черноморском регионе в период 1941-1942 гг. и к ее ходу и исходу внимательно присматривались страны этого региона, особенно Турция. В случае скоротечного падения Севастополя осенью 1941 г., в ходе первого или второго штурма города можно смело говорить о том, что Турция могла бы вступить во Вторую мировую войну на стороне стран «оси», что значительно могло увеличить и усилить этот военно-политический блок. Отмечали это и турецкие исследователи, говоря о том, что «в стратегических

[452] Гланц Д.М. Указ.соч. С.51.
[453] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.7.

планах воюющих стран значилась борьба за вовлечение Турции в войну на своей стороне. И эта борьба приобрела столь серьезный характер, будто сам ход войны и даже победа в ней зависели от того, на чьей стороне будет Турция».[454] Только после декабря 1941 г., когда не были взяты ни Москва, ни Севастополь, турецкая сторона вернулась к довоенной нейтральной позиции без ярко выраженных симпатий к Германии. Касаясь других вопросов международной политики, нужно отметить, что значительное количество людских и материальных ресурсов советской стороны, в которых остро нуждалась оборона Крыма и в дальнейшем оборона Севастополя, было задействовано на оккупацию Ирана в августе 1941г., так как существовала высокая вероятность вступления Ирана в войну против стран антигитлеровской коалиции. Так, в дальнейшем, они были переброшены на оборону Крыма и Севастополя, но не все, а порой частично, даже разведывательные подразделения отвлекались от своих задач и занимались мониторингом политической обстановки в Иране. Например, российские исследователи отмечали, что в 1942 году «напряженность в этом регионе спала и у советского командования появилась возможность перебросить из Ирана наиболее необходимые на советско-германском фронте танковые части. Поскольку войска, дислоцированные на территории Ирана, входили в состав Кавказского фронта, большинство танков, переброшенных из Ирана, попало в Крым.[455] После чего в Крым было направлено 93 танка.

Таким образом, можно сказать, что оборона Севастополя сыграла свою важную, но малоизвестную роль в международной политике начального периода войны. Отмечали это и советские военачальники. В частности, маршал А.А. Гречко отмечал: «Необходимые дипломатические меры и главным образом поражение немецко-фашистской армии в зимней кампании заставили правящие круги Японии и Турции занять выжидательную

[454] Гасанлы Дж.П. Указ.соч. С.90.
[455] Маношин И.С. Указ.соч. С.231.

позицию».[456] Кроме того, оборона и Крыма и Севастополя сильно зависела не просто от положения на советско-германском фронте, но и от привлечения СССР к вопросам нейтрализации стран, дружественно настроенных к Германии, как это происходило в случае с Ираном.

Выводы по первой главе

Севастопольская оборонительная операция была решающим сражением в черноморском регионе в начальный период Великой Отечественной войны, а так же оказала влияние на международные отношения в указанный период. Оборона Севастополя в 1941-1942 гг. позволила переломить ход начального периода войны, когда длительное удержание мощной немецко-румынской группировки на территории полуострова и нанесение ей серьезных людских и материальных ресурсов не позволили выполнить нацистской Германии, намеченные ей на указанный период задачи в войне с СССР.

Севастопольская оборонительная операция 1941-1942 гг., несмотря на свою изученность исследователями, до сих пор продолжает содержать в себе большое количество малоизвестных событий и фактов. Данная глава «Военно-политический аспект Севастопольской оборонительной операции» позволяет взглянуть на оборону главной базы Черноморского флота с совершенно новых позиций, она позволяет рассмотреть, изучить и ввести в исторический оборот ранее не известные материалы. Ведь на ход и исход сражения влияло большое количество факторов, которые затрагивались исследователями до этого, но не систематизировались и не обобщались. Это были не только военные факторы, например, такие как работа особых отделов и военных трибуналов Приморской Армии, проведение десантных операций, но и политические факторы, затрагивавшие национальные отношения в рядах РККА или пристальное внимание к обороне Севастополя со стороны Турции. Именно анализ и систематизация исторических данных помогли выяснить и создать объективную картину проблемы дезертирства,

[456] Гречко А.А. Указ.соч. С.45.

ранее не затронутую исследователями и не озвученную в историографии. Кроме того, был проведен анализ использования навыков военной топографии в обороне Севастополя, основываясь на котором советское руководство смогло построить грамотную оборону города. Кроме того, были изучены деятельность государственно-партийных органов и трудовая деятельность горожан, которые внесли значительный вклад в оборону своего города. В научный оборот были введены воспоминания «детей войны», которые показывают серьезную работу по обороноспособности Севастополя со стороны гражданских лиц, но при этом рассказывают о тяжелейших бытовых условиях.

В целом, материалы первой главы позволяют говорить об исторической новизне целого спектра приведенных военно-политических факторов, оказавших серьезное влияние на ход и исход битвы за Севастополь в 1941-1942 гг.

ГЛАВА II. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РАЙОНА И ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ КРЫМА

Участие советских вооруженных сил в Севастопольской обороне 1941-1942 гг. достаточно полно отражено в отечественных исследованиях, включая и мемуарную литературу. Хорошо изучены и освещены боевые действия сухопутных частей и соединений Севастопольского оборонительного района.[457] Это касается как непосредственно пехотных подразделений из числа стрелковых дивизий и бригад морской пехоты, так и деятельности отдельных родов и видов войск - артиллерии и военно-воздушных сил. Также исследованы и проработаны вопросы участия военно-морского флота в обороне и снабжении сражающегося Севастополя.[458] Освещена как боевая деятельность надводных кораблей и подплава, так и вклад гражданского флота из числа судов Черноморского пароходства. В связи с хорошей проработкой в исторической науке этих вопросов нет необходимости в отражении действий армии и флота в обороне Севастополя. В данной главе будут отражены моменты, связанные с участием в обороне Севастополя специальных частей и соединений, которые не были освещены в полном объеме и чья специфика деятельности, значение и вклад не были детально проанализированы, особенно в контексте влияния на весь ход Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Этими специальными подразделениями являются: Московская авиационная группа особого назначения, особый Черноморский авиаотряд, соединения Экспедиции подводных работ особого назначения и немецкие тяжелые артиллерийские

---

[457] См. Басов О.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945.- М.: Наука.- 336с.; Ванеев Г.И. Севастополь, 1941-1942 гг.: Хроника героической обороны.- Киев: Украина, 1995. Т.1:- 30.10.1941-02.01.1942 гг.,- 253с.; Т.2:- 02.01.- 05.07.1942.- 285с.; Моргунов П.А. Героический Севастополь.- М.: Наука, 1979.- 519с.; Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь.- М.: Воениздат, 1963.- 256с.

[458] Боевой путь Советского Военно-Морского Флота М.: Воениздат, 1988. - 607 с.; Маношин И.С. Июль 1942 года. Падение Севастополя.- М.: Вече, 2009. - 320 с.; Краснознаменный Черноморский флот.- М.: Воениздат, 1987 // Ред. Зоткин Я.Ф. [электронное издание] (Проверено 13.3.18) http://militera.lib.ru/h/chernomorskiy_flot/13.html; Воронин К.И. На черноморских фарватерах.- М.: Воениздат, 1989.- 175с.

орудия «Карл» и «Дора». Также необходимо более полно изучить и проанализировать участие в боях войск НКВД, создание партизанского движения Крыма и его активного взаимодействия с Севастопольским оборонительным районом. Все это позволит в значительной степени дополнить историческую науку новыми военно-политическими аспектами битвы за Севастополь.

2.1. Вклад в оборону Севастополя специальных частей и соединений

В битве за Севастополь в 1941-1942 гг. принимали участие специализированные воинские соединения, в том числе узкоспециализированные части и соединения.[459] Речь идет не о танковых, инженерно-технических или артиллерийских подразделениях, это были части различных родов и видов войск, а также отдельного подчинения в сфере военного управления, которые принимали активное участие в борьбе за Севастополь. На момент начала Великой Отечественной войны в составе Красной Армии существовали специальные войска: «противовоздушные, инженерные, химические, связи, автомобильные, транспортные, железнодорожные и другие, предназначенные для обеспечения боевой деятельности и жизни войск по своей специальности. Разнообразие и сложность средств борьбы делают ведение современного боя невозможным без постоянного деятельного содействия специальных войск. Использование всей маневренности войск возможно лишь при четкой и инициативной работе специальных войск, и в первую очередь, инженерных, связи и транспортных (автомобильных и железнодорожных). Поэтому специальные войска выполняют в армии исключительно важную и ответственную задачу».[460] Все эти специальные части внесли значительный вклад в оборону города, но существовали еще и узкоспециализированные, уникальные части,

[459]Литвиненко А.Г., Жбанов А.В., Федоров А.Ф. Оборона Севастополя в рассказах ее участников (главные, решающие и трагические этапы).- Севастополь, ЧП Кисель, 2014. - С.22.
[460] Полевой устав РККА (ПУ-39). Статья 32.- М.: Военное издательство НКО СССР, 1939.

принявшее участие в боях за Севастополь.[461] В первую очередь это узкоспециализированные подразделения, которые использовались и на других участках советско-германского фронта и внесли свой, особый, вклад в оборону города. Это войска НКВД, соединения ЭПРОН, авиасоединение МАГОН, особый Черноморский Авиаотряд.

Во-вторых, с немецкой стороны в штурме города принимали участие специализированные артиллерийские системы, чье применение под Севастополем явилось наиболее массовым за весь период советско-германского противостояния в 1941-1945 гг. Речь идет об использование сверхтяжелого железнодорожного артиллерийского орудия «Дора» и самоходных мортир типа «Карл».[462]

В оборону Севастополя внесли значительный вклад и войска НКВД. Отдельные части и подразделения войск НКВД принимали участие в отражении первого штурма города с 10 октября 1941г.[463] Как вспоминал один из командующих обороной Севастополя генерал-майора П.А. Моргунов: «Преодолев огромные трудности, остатки 184-й стрелковой дивизии во главе с командиром и комиссаром дивизии 17 ноября пробились в Севастополь. На базе их и батальона школы НКВД был сформирован полк НКВД под командованием майора Рубцова, который сражался в Севастополе до последних дней обороны».[464]

Интересна и судьба этой части, точнее её номера. Изначально 184 дивизия была создана в Литве на базе одного из кадровых подразделений еще армии Литвы и встретила Великую Отечественную войну в Прибалтике, где понесла тяжелейшие потери, и уже в сентябре 1941 года была расформирована. Её второе формирование происходило уже в Крыму на базе частей пограничных войск НКВД. Также в ее крымский состав были

---

[461] Моргунов П.А. Героический Севастополь.- М.: Наука, 1979. С.42.
[462] Шунков В.Н. Оружие и военная техника, изменившие ход истории. История вооружений от глубокой древности до наших дней.- М.:АСТ, 2013. С.153.
[463] Слободянюк А.А., Федюнин В.В. 456-й стрелковый (сводный пограничный полк НКВД) 109-й стрелковой дивизии Приморской армии // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. № 3. 2015. История и политология. С.32-41; РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 1; Оп.1. Д. 2; Оп.1. Д. 3.
[464] Моргунов П.А. Указ.соч. С.519.

включены и структурные подразделения НКВД, несшие службу на территории полуострова, как например 54-ый Сталинский полк войск НКВД, охранявший железнодорожные сооружения. Рота этого полка несла службу по обеспечению безопасности Севастопольской ГЭС и Севастопольской электростанции, её командиром был лейтенант П.С. Рябенко. Необходимо отметить, что данное подразделение было территориально крымским, а не севастопольским, но позже было включено в состав гарнизона Севастопольского Оборонительного Района.

Войска НКВД, принимавшие участие в обороне Севастополя, были сведены в одну воинскую часть, получившую название 456-й сводный полк НКВД.[465] Формирование полка НКВД началось еще 10 ноября по приказу начальника погранвойск НКВД Черноморского округа. После сформирования 17 ноября он был включен в состав Приморской армии.[466] Первые упоминания об участии в боях данной части относятся к 19 ноября 1941 года. Так, «командование СОР решило сменить передовые части первого сектора, которые понесли большие потери и были измотаны непрерывными боями, 383-й стрелковый полк был отведен на вторую линию обороны, а его позиции на передовой линии Генуэзская башня,- восточные отроги высоты 212,1- совхоз «Благодать» занял сводный полк погранвойск НКВД».[467] Но несмотря на это, войска НКВД сильно выделялись из состава защитников города своей стойкой выдержкой, хладнокровием и подготовкой. Газета «Красный Крым», главное периодическое издание Крыма, так описывала боевые качества пограничников: «исключительную доблесть и мужество при защите Балаклавы проявила себя Н-ская часть. Грудью защитили советский город отважные бойцы и командиры. Эта часть задержала врага, опрокинула его атаки и закрепилась на рубеже обороны. Более ста дней сопротивляется Балаклава-маленькая и гневная,- фашистским натискам. Железной стеной стоят бойцы командиры, отбивая атаки и

[465] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 1. Л.1.
[466] ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 8. Л.201.
[467] Ванеев Г.И. Указ.соч. Т.1. С.54.

контратакуя немецкую сволочь».[468] Как мы видим из этого примера, батальон НКВД являлся одним из самых значимых советских подразделений на фланге Севастопольского оборонительного района в Балаклаве. Надо добавить и то, что, не умаляя героизма советских военнослужащих, сама местность в районе Балаклавы, изобилующая сложным горным рельефом, очень сильно помогала в обороне Балаклавы. Таким образом, можно сказать, что героизм и подготовка советских военнослужащих, помноженный на умелое командование и сложный рельеф местности позволили достаточно долго сдерживать врага.

Непосредственно архивные материалы дают богатую возможность изучить боевой путь 456-го сводного полка в плане применяемой тактики и оперативного искусства, благодаря сохранившимся «схемам участка обороны 2-го стрелкового батальона 456-го сводного полка НКВД».[469] Особый интерес представляют собой сборник карт и схем обороны позиций полка, которые позволяют детально рассмотреть позиции как советских войск, так и войск противника. Необходимо отметить и то, что, несмотря на ожесточенные бои с превосходящим противником и сопутствовавшие этому серьезные потери, рабочая документация в подразделении всегда заполнялась вовремя и в полном объеме. Это свидетельствует об отлаженном механизме работы штаба и командования части, а так же свидетельствует о высоком уровне подготовки его командира подполковника Г.А. Рубцова. Содержание приказа командира полка, изданного осенью 1941 года, свидетельствует об умелом руководстве подразделениями при проведении мероприятий по подготовке к боевым действиям и в ходе боевых действий: «Приказываю: прочно оборонять занимаемые рубежи, на линии огня подготовить к отражению атаки личный состав для наибольших потерь противника; обеспечить фланги

[468] Подвиги Н-ской части // Красный Крым 14 марта 1942г. № 73 (5402). С.3.
[469] ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 8. Л. 201.

между подразделениями автоматическим огнем; усилить разведку и боевое охранение».[470]

Сложилось устойчивое мнение, что военная доктрина Красной Армии перед войной носила исключительно наступательный характер, однако это не соответствует действительности. Полевой устав Красной Армии 1939 года в предвоенный период предусматривал обучение войск как наступательным, так и оборонительным действиям, что полностью соответствует двум основным формам их ведения. Однако накануне войны приоритет был отдан стратегии встречного контрудара, с целью выбить вторгшегося противника со своей территории и перенести боевые действия в глубину территории врага. Но это не свидетельствует о том, что вся советская военная доктрина носила исключительно наступательный характер. Тяжёлые уроки первого периода Великой Отечественной войны заставили командиров всех уровней основное внимание уделять организации обороны. Соответственно и в данных действиях командира полка видим возросший боевой опыт, его стремление сделать оборону устойчивой и активной, что свидетельствует об усвоении опыта ведения общевойскового боя, что не соответствовало специфике пограничных войск.

Нужно отметить и еще один небезынтересный момент - тогда, в первый год войны, мало кто из командиров уделял значение боевому охранению подразделений, а тем более проведению разведывательных мероприятий. Хотя эти мероприятия были прописаны в нормативно-правовых документах предвоенного периода и активно отрабатывались в ходе учений в отличие от действий подразделений в обороне. Например, в Боевом уставе пехоты прописано, что стрелковое отделение в разведке «...разведывает противника в определенном направлении или пункте и местность. Разведку отделение ведет наблюдением и боем».[471]

---

[470] ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д.8. Л. 201

[471] Боевой устав пехоты РККА (ПУ-38). - М.: Военное издательство НКО СССР, 1939.

Кроме того, о непосредственно боевом пути полка можно судить по «журналу боевых действий 456-го сводного полка НКВД», в котором указывается высокая результативность подразделения, в том числе и в организации ПВО. Так, запись от 13 июня 1942 года свидетельствовала: «в 18.30 пулеметным огнем командир отделения 4 стрелковой роты Самарин и рядовые Брантов, Филинов, Чистяков сбили 2 бомбардировщика противника Ю-88. Летчики спустились на парашютах, один утонул, второго прибило к берегу противника. Самолеты затонули в море».[472] Здесь мы видим достаточно интересную, но уже ставшую привычной на второй год войны ситуацию, немецкая авиация по-прежнему господствует в воздухе, поэтому личный состав части, уже не ожидая истребительного прикрытия, использует стрелковое оружие против авиации противника. В данном эпизоде речь как раз идет о таком случае. И это был не единственный вклад бойцов полка НКВД в борьбу с немецкой авиацией, о чём свидетельствуют и другие записи из журнала боевых действий: «27.6.1942г. группа бойцов 2-ой роты старшины Самарина ружейным и пулеметным огнем сбила один самолет противника Ю-88 и уничтожила 15 фрицев».[473] Можно сказать, что из-за ослабевающей под конец обороны авиационной поддержки со стороны советской авиации именно простым пехотинцам и было суждено играть роль еще и подразделений ПВО. В рядах РККА были и свои специалисты или передовики по уничтожению вражеских самолетов, одним из них и был как раз старшина Самарин.

К сожалению, журнал боевых действий велся только до 28 июня 1942 г. и последняя запись в нем была следующей: «Перед передним краем обороны действовала усиленная разведка. Противник вел артиллерийский и минометный огонь, сильному обстрелу подверглись 6-ая и 2-ая и 4-ые роты. Наши огневые средства, ручные и станковые пулеметы вели огонь по артиллерии и живой силе противника. Активно действовали снайперские

[472] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 3. Л.41-42.
[473] ЦАМО. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 8. Л.201.

пары в бою. Батальон вел усиленное наблюдение за действиями противника. С нашей стороны,- 1 убит, 2 ранено; с немецкой- 4 убито».[474] Такой резкий обрыв ведения рабочей документации, не характерный для Г.А. Рубцова, может говорить нам о том, что накал боев достиг своей кульминации, и стало уже не до ведения какой-либо документации, ведь оборона Севастополя именно в конце июня 1941 года начала постепенно разрушаться в ходе натисков немецких войск.

Внимательное рассмотрение и анализ штабной документации позволяет по новому взглянуть на отношение к документации, особенно касающейся личного состава и выявить упущения в данной работе со стороны штабных работников, даже в войсках НКВД. Представляет собой интерес и учет личного состава, который велся в части. Так, согласно учету красноармейцев и командиров, пропавших без вести и дезертировавших, с 22 ноября 1941 г. по 28 июня 1942 г. во 2-м стрелковом батальоне убыло 16 человек, из них: пропало без вести 10.[475] Рассматривая соотношение категорий военнослужащих, выбывших из строя, выделяется высокий процент пропавших без вести. Можно предположить о том, что речь идет не просто о захвате в плен немецкими разведчиками или попадании в плен в бессознательном состоянии. Эти данные могут говорить о весьма не редкой за время войны трагической практике - военнослужащий погибает в результате попадания в его окоп снаряда или авиабомбы и от тела ничего не остается, а по штабной документации он проходит в категории пропавший без вести.

Однако были случаи, когда в строю встречались и слабохарактерные люди. Так, в период первого штурма города немецкими войсками с 25.11.1941 г. по 1.1.1942 г. покончил с собой военврач 5-ой роты Голод Г.М., а еще 5 красноармейцев - Юрченко И.Ф., Сеничкин И.М., Романенко М.П.,

[474] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 1. Журнал боевых действий 456 сводного полка погранвойск НКВД. Л.48.
[475] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 3. Книга учета и потерь личного состава 456 сводного полка погранвойск НКВД. Л. 2-4.

Малышев Т.С., Саферович И.А. - дезертировали.[476] Такие, не боевые, потери говорят о том, что комплектование даже войск НКВД проводится не с такой тщательностью, как в предвоенный период, в результате чего в войска попадали разные люди, в том числе и слабохарактерные, а возможно даже и враждебно настроенные.

В войсках НКВД были и военнослужащие, которых уличили в самостреле. В частности, 18 июня 1942г. солдат Чернов Н.С. был расстрелян как изменник родине за самострел.[477] Здесь важно отметить не только факт самого поступка военнослужащего, а то, когда этот приговор был вынесен, а это 18 июня,- в самый разгар третьего штурма города. Таким образом, мы видим, что вопросы воинской дисциплины и профилактики военных преступлений находились под постоянным контролем командования.

Следует напомнить, что войска НКВД в предвоенный период обладали наиболее высоким уровнем боевой подготовки. Именно в пограничных войсках в предвоенный период развернулось снайперское движение, которое в дальнейшем нашло повсеместное распространение в РККА.

Несмотря на отдельные случаи дезертирства, в основном личный состав полка героически проявил себя в боях, о чём свидетельствуют значительные потери, что в свою очередь говорит об ожесточённости боевых действий. Потери полка за этот же период составили: убыло 87 человек, 5 из них умерли от ран.[478] Большинство из них было убито или во второй «осенний» в декабре или в последний «летний» штурм Севастополя: с 21 ноября 1941 года по 1 января 1942 года 32 человека, с 7 июня по 26 июня 1942 года - 22 человека.[479] Непосредственно в боях с 21 ноября 1942 г. по 29 июня 1942 г. было ранено 345 человек, из них: вернулось в строй 44, умерло от ран 7, направлено в госпиталь - 1.[480] Данные факты говорят нам о том, что подразделение принимало активное участие в боевых действиях, несло

[476] РГВА. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 3. Л.2
[477] Там же. Л.63.
[478] Там же. Л.20-23.
[479] Там же. Л.63.
[480] Там же. Л.52-78.

существенные потери, но оставалось одним из самых боеспособных как после второго, так и после третьего штурма города.

Ведение документации фактически до самого окончания обороны косвенно свидетельствует о высоком уровне дисциплины и профессионализма, несмотря на весь хаос окончания Севастопольской оборонительной операции. Кроме того, соотношение раненых и направленных в госпиталь военнослужащих, по материалам первоисточника, как 345:1, аргументировано позволяет подтвердить факт того, что в последние дни обороны медицинское обеспечение находилось в катастрофическом положении. В подтверждение тяжелейшего положения в медицинской работе можно привести воспоминания врачей. Например, о нехватке медикаментов и судьбе раненых защитников Севастополя вспоминал подполковник медицинской службы И.П. Иноземцев: «Перед отлетом на большую землю командир 12 МАБ полковник Пустыльник 30.6.42г. в 14.00 на КП штаба ВВС в присутствии начальника медицинской службы Боданова П.П. заставил меня расписаться под приказом командующего ВВС ЧФ, запрещающим эвакуироваться медицинским работникам. При этом он разъяснил, что эвакуация войск и раненных не планируется, транспортных средств для этого уже нет, а в Севастополе остается более пятидесяти тысяч раненых».[481]

Оборона Севастополя завершилась в начале июля 1942 г. трагически. Плановая эвакуация рядовых защитников города не проводилась, личный состав эвакуировался хаотично, хотя в советской историографии данный эпизод активно «замалчивался»: «По приказу Верховного Командования Красной Армии 3 июля советские войска оставили город Севастополь. Советские войска потеряли за период с 7 июня по 3 июля 11385 человек убитыми, 21099 ранеными, 8300 пропавшими без вести, 30 танков. Кроме того, было потеряно 300 орудий, 77 самолетов. Бойцы, командиры и раненые

[481] Шестаков А.С. Запоздавшие письма из ада: документальная драма Севастополя.- Севастополь: издательство Вебер, 2010.- С.77.

из Севастополя эвакуированы».[482] Среди военнослужащих, которых «эвакуировали», должны были быть и подчиненные Г.А. Рубцова, но они вместо эвакуации продолжали сражаться под Севастополем.

Не в малой степени это объяснялось тем, что в небе над Крымом господствовала немецкая авиация, а море в этом районе контролировалось немецким и румынским флотами, поэтому провести эвакуацию всего личного состава просто не представлялось возможным даже в ночное время суток. Можно утверждать, что эвакуация защитников Севастополя в этих условиях привела бы к большим потерям для Черноморского флота, что изменило бы обстановку во всем черноморском регионе. Не стоит забывать о том, что летом 1942 г. решался ход войны - Сталинградское битва, за итогами которой внимательно следила нейтральная Турция, которую на тот момент сдерживала мощь Советского государства, в том числе и Черноморский флот, игравший значительную роль в регионе.[483] В итоге из Севастополя были в основном планомерно эвакуированы только старшие командные кадры. Младший офицерский состав, сержанты и рядовые, подготовка которых в условиях войны не требовала много времени, не были эвакуированы. В действительности эвакуация Севастополя никогда не планировалась, а 30 июня, после занятия противником Корабельной Стороны, стала просто невозможной. Но уже в современных исследованиях эта частичная эвакуация отражена следующим образом: «В ночь на 1 июля, после доклада адмирала Октябрьского о том, что все возможности для обороны города исчерпаны, по приказу Москвы с мыса Херсонес на подводных лодках Л-23 и Щ-209 и нескольких транспортных самолетах были вывезены только высшие командиры и комиссары СОР. Это генерал Петров со штабом, командиры

[482] Героическая оборона Севастополя 1941- 1942 гг. Сб. документов и материалов/ Ред. П.А. Чурсин.- Симферополь: Крымиздат, 1946. С.263.
[483] Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. М., Издательство Народного комиссариата обороны, 1943. С.3.

дивизий, командование флота, партийное руководство и чины НКВД, - всего 498 человек, а также около трех тонн документов и ценностей».[484]

456-ой полк, как одна из наиболее боеспособных частей, несмотря на колоссальные потери, прикрывал отход войск к мысам Фиолент и Херсонес для их эвакуации. Официально оборона города завершилась 3 июля 1942 года, но остатки 456-го сводного полка и ряд других подразделений еще надеялись на эвакуацию и продолжали борьбу. Уже 4 и 5 июля командир полка Г.А. Рубцов со своим подчиненными пытался пробиться в горы к партизанам. Но они не смогли прорвать кольцо немецкой блокады. Героический путь полка завершился 7 июля 1942 года, когда с последними бойцами подразделения погиб и командир 456-го сводного полка НКВД подполковник Рубцов.[485] Его гибель достаточно трагически описана в сборнике воспоминаний М. Лезинского «Хроника полка войск НКВД».[486]

Участие сводного полка НКВД в боевых действиях до самого конца обороны свидетельствует о том, что воинская часть была боеспособной и сохраняла управляемость и воинскую дисциплину, что соответствовало критериям отбора в эти войска, а случаи нарушения присяги были единичными. Необходимо добавить, что части пограничных войск НКВД в период обороны Севастополя использовались не только как стрелковые части, но и продолжали выполнять свои функции,- охрану коммуникаций и т.д., при этом оставаясь наиболее боеспособными вплоть до самых последних дней обороны города.[487] Так, в конце июня 1942 года вице-адмирал Ф. Октябрьский был вынужден перенести свою ставку в запасной командный пункт на 35 береговую батарею, и охрану ставки поручили 456 полку НКВД как наиболее боеспособному подразделению. Особый характер отношения противника к воинам НКВД, особенно пограничникам, свидетельствует о

---

[484] Бешанов В.В. Год 1942 - учебный / / [электронное издание] http://militera.lib.ru/research/beshanov_vv/index.html (Проверено 20.07.21)
[485] Шестаков А.С. Указ.соч. С.259.
[486] Лезинский М. Хроника полка войск НКВД (Хроника полка Герасима Рубцова или Живи, Севастополь!). URL: https://www.proza.ru/2012/03/04/148
[487] Ванеев Г.И. Указ.соч. Т.1. С.225.

том большом вкладе, который внесли в победу эти войска, как в приграничных сражениях 1941 года, так и в целом в ход Великой Отечественной войны, как это происходило в Севастополе в 1941-1942 гг.[488]

В обороне Севастополя принимали участие части специального назначения из числа флотских подразделений. В первую очередь, это были соединения и корабельный состав ЭПРОНа, а во-вторых, водолазные части уже непосредственно военно-морского флота.[489] При этом личный состав подразделений привлекался не только для выполнения непосредственно своих обязанностей в море, но и активно пополнял ряды защитников Севастополя на сухопутных рубежах. Так, современные отечественные исследователи, уточняя списочный состав личного состава на рубежах севастопольской обороны, выяснили, что «ЭПРОН поделился своими военнослужащими из личного состава Водолазного Техникума, полностью укомплектовав 5-ый батальон 1-ой резервной бригады морской пехоты, созданный 29 сентября 1941г.».[490]

Сама Экспедиция подводных работ особого назначения была создана в 1923 году на Черном море «по приказу ОГПУ для поиска и подъема золота, которое, по слухам, должно было находиться на английском судне «Принц», затонувшем в 1854г. во время шторма в районе Балаклавы».[491] Золото найдено не было, но была создана мощная аварийно-спасательная организация, которая за период 1920-1930-ых годов прошла сложный путь становления и развития, причем этим центром развития стал именно Черноморский регион, а точнее Балаклава. Показательны результаты этой организации, когда она отмечала свое пятнадцатилетие в 1938 г.: оказана помощь и спасено порядка 180 судов, при этом 8 иностранных судов осталось в пользу СССР, а за спасение других иностранных судов получено

---

[488] Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов.- М.: Наука, 1968. С.9.
[489] ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923-1931): архивные документы и материалы. М.: Граница, 2015. С.6.
[490] Неменко А.В. Указ.соч. С.56.
[491] Запольский А., Тюрин В. Легендарному ЭПРОНУ 85 лет // Морской сборник.- 2009.- №2. С.16.

80 тысяч фунтов стерлингов; поднято с морского дна 450 кораблей и судов; приобретен серьезный опыт по очистке морских фарватеров, бухт и мест стоянки судов, в том числе Севастопольской бухты; приобретен опыт строительства подводных строительных и гидротехнических сооружений; подняты с затонувших военно-морских кораблей башни линкоров и отдельные артиллерийские установки для их последующей установки в качестве береговых батарей, в том числе в Севастополе.[492] Неудивительно, что многие специалисты ЭПРОНА, служившие на Черном море, приняли участие в обороне Севастополя, внеся значительный вклад в отражение немецко-румынского штурма. Еще одним крупным центром применения этого подразделения стал Ленинград.

ЭПРОН уже 22 июня 1941 года приказом НК ВМФ СССР № 0525/22с «О включении в состав ВМФ всех органов и средств ЭПРОНа» (с сохранением своего наименования - Е.С.) был включен в состав ВМФ.[493]

В состав ЭПРОНА к моменту нападения Германии и ее сателлитов на СССР входили 9 отрядов и групп, выполнявших гидротехнические работы: Ленинградский и Московский отряды подводно-технических работ (ОПТР), группы ПТР в Новороссийске, Одессе, Баку, Астрахани, Владивостоке, Мурманске и на острове Сахалин.[494] После оставления Одессы группа подводно-технических работ перебазировалась в Севастополь, где принимала участие в обороне города.

В первые дни войны служащие ЭПРОНА совместно с водолазами Черноморского флота приступили к поиску и разминированию немецких мин, сброшенных в Севастопольскую бухту и на Севастопольский фарватер. Основная цель, которую преследовала немецкая сторона, - закрыть Черноморский флот в бухте, при этом использовались технические новинки,

---

[492] Зраев Р.А. Как начинался ЭПРОН // Материалы международной научной конференции «XX юбилейные Царкосельские чтения».- Том 1.- Спб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016. С.59.
[493] Илюхин В.Н., Захаров П.В. От ЭПРОНА до федеральной системы поиска и спасения на море Российской Федерации. К 90-летию создания ЭПРОНА. // Морской вестник.- 2013.- №4(48). С.78.
[494] Зраев Р.А. Указ.соч. С.63.

- неконтактные мины неизвестной конструкции, которые не реагировали на обычные тралы. Предпринимались попытки их разоружения, но неудачные, в результате чего принимается решение произвести обезвреживание данных мин под водой. Осуществление работ было поручено старшине 1-ой статьи Л.П. Волкову, под руководством капитан-лейтенанта И. Охриеменко. Для обезвреживания новинки немецкого военно-промышленного комплекса «потребовалось три погружения и всплытия, для консультации со специалистами минно-саперного дела и только после этого мина была разоружена, поднята на поверхность и доставлена в базу флота для изучения».[495]

Особую роль в деятельности ЭПРОНА в обороне Севастопольской городской агломерации сыграл Балаклавский морской водолазный техникум, который подготавливал кадры для своей организации. Изначально в Балаклаве были созданы курсы водолазного дела, затем в 1928 г. они были преобразованы в водолазную школу, а с 1932 г. - стали техникумом. Многолетним руководителем данной структуры был Ф.А. Шпакович. Он имел богатый, еще дореволюционный, опыт аварийно-спасательных работ на флоте и в начале войны возглавил Балаклавский гарнизон в должности коменданта вплоть до эвакуации вверенного ему техникума в Астрахань в ноябре 1941 г.[496] Из руководящего состава водолазного техникума, внесшего значимый вклад в оборону, необходимо отметить водолазного специалиста, заместителя руководителя водолазного техникума ЭПРОНА в Балаклаве по учебно-строевой части Ф.Ф Шпаковича и главного корабельного инженера экспедиции ЭПРОНА с 1928 г. в Севастополе Т.И. Бобрицкого.[497] Кроме того, ряд учащихся водолазного техникума в связи с подготовкой Севастополя к обороне был направлен на сухопутные рубежи для пополнения пехотных подразделений защитников города. Так, участники обороны вспоминают, что

[495] ЭПРОН, рожденный в БалаклавеУказ.соч. С.68.
[496] Коновалова М.А. Крым. Балаклава: Русские водолазы на службе отечеству // Память о Великой Победе. Межвузовский сборник статей.- М.: Ассоциация технических университетов, 2016.- С.220
[497] ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923-1931): архивные документы и материалы. М.: Граница, 2015. С.627, С.641.

«в связи с подходом немцев формировались 32 батальона морской пехоты в количестве 23 тысяч человек, в том числе из водолазов».[498]

Кадры, которые подготовил Балаклавский водолазный техникум, были очень востребованы в период обороны Севастополя, они сыграли значимую роль в противостоянии с немецко-румынской группировкой. Среди выполняемых задач, первоочередной была разминирование немецких неконтактных мин. Помимо привлечения водолазов-специалистов для обезвреживания под водой и последующего подъема мины, необходимо было провести и серьезную новаторскую техническую работу, связанную с особенностями нового немецкого вооружения. Например, «для этих целей было изготовлено специальное немагнитное водолазное снаряжение, в котором все стальные детали были заменены на красномедные, сделаны бронзовые гаечные ключи, подобраны бесспиральные водолазные шланги».[499] И даже спуск водолазов под воду происходил не с судов с металлической оснасткой, а с деревянных ботов.

Во-вторых, водолазы и технический персонал привлекались к подъему боепитания, имущества, продовольствия и амуниции с кораблей и судов, которые затонули в результате налетов немецкой авиации. Особенно данный вид работы усилился после начала третьего штурма Севастополя в июне 1942 года и включал в себя подъем уже исключительно боепитания. Данные работы проводились вплоть до окончания обороны города. Так 18 июня 1942 г. начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота Ермолаев шифрограммой №1487 доложил, что «ночью ЭПРОН начал подъем боезапаса с затонувшего транспорта «Грузия», потопленного ранее, 17 июня, немецкой авиацией».[500]

В-третьих, с кораблей Черноморского флота, затонувших в Севастополе, под ударами немецкой авиации снималось вооружение для создания береговых батарей на сухопутных рубежах обороны. Так, 12 ноября 1941

---

[498] Литвиненко А.Г., Жбанов А.В., Федоров А.Ф. Указ.соч. С.22.
[499] Запольский А., Тюрин В. Указ.соч. С.18.
[500] Христофоров В.С, Черепков А.В. Указ.соч. С.314.

года был потоплен крейсер «Червона Украина», на котором погибло около 70 человек личного состава, но уже к середине декабря аварийно-спасательными силами флота с корабля были сняты башни с вооружением.[501] С целью усиления береговой обороны аварийно-спасательные силы флота действовали и в дальнейшем, поднимая с затонувших судов различное артиллерийское вооружение.

ЭПРОН имел в своем составе не только высококвалифицированных сотрудников из числа водолазов и технических специалистов, но и свои суда обеспечения. Это была весьма развитая, сильная и организованная структура, которая имела в своем составе 28 спасательных судов и спасательных буксиров, около 50 водолазных ботов, плавбаз, килектор (вспомогательное судно для подводных грузовых судов - Е.С.) и ряд других специализированных судов.[502] На Черноморском флоте действовало пять спасательных судов Черноморского флота: «Меркурий», «Юпитер», «Шахтер», «Аджарец» и «Кабардинец», базировавшиеся, в том числе в Севастополе, но действовавшие по всему Черному морю. Их вооружение составляло 45-мм пушки и зенитные пулеметы, при этом эти суда работали в отрыве от основных сил флота. Спасательное судно «Аджарец» активно участвовало в обороне Одессы, но, получив серьезные повреждения и нуждаясь в ремонте, было уничтожено отступающими советскими войсками и не было эвакуировано в Севастополь.

Первым в обороне Крыма и Севастополя отличился «Шахтер», который в августе 1941 года недалеко от Евпатории спас судно, а именно теплоход «Кубань». Боевое крещение первым приняло судно «Юпитер», которое базировалось в Новороссийске. «Юпитер» подвергся атакам немецких самолетов группами по 4-7 машин в течение всего дня 22 сентября 1941 г.[503] Судно в результате боя получило 284 пробоины, но слаженность действий экипажа под командованием капитан-лейтенанта В.А. Романова помогла

[501] Моргунов П.А. Указ.соч. С.109.
[502] Илюхин В.Н., Захаров П.В. Указ.соч. С.78.
[503] ЭПРОН рожденный в Балаклаве.- Харьков: СПДФЛ А.Я. Терещенко, 2013. С.67.

избежать еще более крупных повреждений, из строя вышли пародинамо-машина и дизель-генератор, был разбит магнитный компас, полностью изрешечена надстройка. Севастопольское судно «Шахтер» вступило в бой 30 октября 1941 г., пытаясь помочь советским судам в Евпатории, «Шахтер» подвергся массированному налету немецкой авиации, в составе 8 вражеских самолетов, принял бой, но экипаж судна смог спасти корабль и привести его в Балаклаву. В этом бою погибла треть экипажа, в том числе командир П.И. Крысюк. Корабль в порт привел штурман И.Г. Романенко, был сбит флаг, прибитый гвоздями к мачте, само судно получило более четырехсот повреждений, из них 40 ниже ватерлинии, судно было спасено только благодаря профессионализму и отваге экипажа.[504] Те же задачи выполняло и спасательное судно «Меркурий», все эти три судна оказывали существенную помощь защитникам Севастополя, одновременно выполняя задачи в других регионах Черного моря. Так «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта И.Д. Кравцова оказывал помощь судам в период проведения Керченско-Феодосийской десантной операции в декабре 1941 года, в следующем, 1942 году снял с мели транспорт «Курск», оказал помощь подорвавшемуся на мине эсминцу «Сообразительный». Этот спасательный корабль уходил из Севастополя одним из последних советских судов в конце июне 1942 года, при этом буксируя спасенный им танкер «Серов».[505]

В эвакуации защитников Севастополя принимали участие в конце июня-начале июля 1942 года, помимо других кораблей и судов, 2 водолазных бота, вышедшие в ночь на 1 июля из Севастополя и доставившие эвакуированных военнослужащих.[506] Но из общего числа спасательных судов в составе Черноморского флота, как отмечают современные исследователи, «Меркурий» был наиболее счастливым, он не получил ни одного боевого повреждения».[507]

---

[504] ЭПРОН рожденный в Балаклаве. Указ.соч. С.16.
[505] Там же. С. 66.
[506] Моргунов П.А. Указ.соч. С.464.
[507] ЭПРОН рожденный в Балаклаве. Указ.соч. С.66.

Еще одно спасательное судно Черноморского флота, базировавшееся в порту Новороссийска, «Кабардинец», в июле 1942 г. было потоплено немецкой авиацией в бухте Новороссийска.

Еще одним видом работы, которым занимались и суда ЭПРОНА и специализированные суда Черноморского флота, являлись вопросы обслуживания линии кабельной связи между Севастополем и Кавказским побережьем, которая проходила по дну Черного моря. При этом Севастополь, находясь в осаде, продолжал обеспечивать связью корабельную группу и подплав Черноморского флота, в связи с неготовностью запасного пункта связи в Поти, поэтому вопрос поддержания связи был наиболее актуален для флотских специалистов и командования Севастопольского оборонительного района. Так, после неудачного исхода Керченско-Феодосийской десантной операции встал вопрос о том, как сохранить кабельную связь Севастополь-Кавказ, которая до этого осуществлялась по кабелю, для чего привлекли специальную корабельную партию и кабельный корабль отдела Связи. Современные отечественные исследователи отмечают, что решение данной проблемы стало возможно в результате мероприятий, когда «кабель «спрямили» в море у мыса Такиль, осталась только связь Севастополь-Кавказ, а в Керчи осталась будка с уничтоженным кабелем, который даже в случае подключения к нему немецких специалистов не смог бы давать какой-то ни было информации».[508]

Таким образом, удалось сохранить канал связи с Верховным Главнокомандованием, причем сделать это скрытно для немецкой стороны, но в дальнейшем при окончании десанта в результате многочисленных повреждений от бомбежек и обстрелов, связь стала осуществляться исключительно через радиосвязь.

Необходимо отметить еще и тот факт, что в работе ЭПРОНА, водолазных, аварийно-спасательных и других специализированных частях и

[508] Борисова Н.А. Организация связи в период обороны Севастополя в 1941-1942 гг. (по материалам документального фонда Центрального музея связи имени А.С. Попова). С.54.

соединениях флота, в период обороны Севастополя были допущены ошибки, которые оказывали серьезное влияние на их деятельность. Во-первых, в довоенный период в состав ЭПРОНА входили береговые радиостанции, координировавшие работу сил и средств организации, но в связи с началом войны они были отобраны и переподчинены другой структуре, что резко ухудшило процесс управления спасательными силами, созданными на базе ЭПРОНА.[509]

Во-вторых, зачастую при проведении боевых операций руководство спасательных операций не привлекалось к планированию боевых действий, и, как следствие, руководство слишком поздно узнавало об аварийной ситуации. Так, например, при проведении десанта в Евпаторию в январе 1942 года аварийно-спасательные силы флота не были ни оповещены о проведении операции, ни включены в состав действующей группы. В результате этих несогласованных действий базовый тральщик «Взрыватель», севший на мель 5 января, не был спасен.[510] Советская помощь не смогла прибыть вовремя, а немецкая сторона в кратчайшие сроки смогла нейтрализовать советский корабль, подключив имеющиеся танки и самоходные орудия, которые прямой наводкой расстреляли «Взрыватель» утром 6 января, после чего пленили оставшихся в живых 19 моряков.

В-третьих, ряд военачальников с началом войны стали склоняться к мнению, что в период интенсивных боевых действий потребности в водолазах нет и необходимо перевести личный состав ЭПРОНА в морскую пехоту. Однако начальник ЭПРОНА Ф. Крылов смог отстоять вверенное ему подразделение и на флотах. ЭПРОН стал действовать аварийно-спасательными партиями, а не был переведен в состав морской пехоты.[511]

В-четвертых, в довоенное время предполагалось, что в период войны спасательные корабли будут находиться в составе соединения, то есть вблизи караванов или действий боевых кораблей и при выдвижении на оказание

[509] ЭПРОН рожденный в Балаклаве. Указ.соч. С.63.
[510] Воронин К.И. Указ.соч. С.639
[511] Запольский А., Тюрин В. Указ.соч. С.18.

помощи будут охраняться кораблями охранения или тральщиками. Как следствие, вооружение в период войны минимальное,- крупнокалиберные пулеметы, но с началом войны произошло осознание несостоятельности этих планов со стороны руководящего состава, и вооружение было усилено за счет 45-мм орудий. Ситуацию с боевым охранением исправить уже не удалось, и спасательные суда работали в одиночном плавании, подвергаясь постоянному риску быть обнаруженными и уничтоженными со стороны противника. Так, например, случилось с севастопольским спасательным судном «Шахтер», которое в одиночку после боя в районе Евпатории, «имея потери в шесть человек из двадцати шести, с 40 пробоинами ниже ватерлинии, без сгоревших карт, с разбитыми навигационными приборами по минным советским полям вернулся в Севастополь».[512] В схожих ситуациях и по тем же причинам, Балтийский флот потерял 2 из 6 спасательных судов, Черноморский флот - 2 из 5, Северный флот - 1 спасательное судно из 4. Эти данные говорят о серьезных недоработках в организации службы, которые привели к гибели специальных судов, зачастую со специально обученными командами. В свою очередь, недооценка аварийно-спасательных сил флота, потери корабельного состава и опытных экипажей негативно сказывались и на общих потерях флота и судов гражданского флота. Сокращение количества спасательных судов во много раз уменьшало возможность помощи кораблям, терпящим бедствие или получившим повреждения в бою.

В целом, оценивая вклад аварийно-спасательных и водолазных служб, в основе которых находился личный состав, суда, средства и оборудование ЭПРОНА в оборону Севастополя, можно говорить о той значимой роли, которые они сыграли в противодействии с немецко-румынской группировкой. Так, высокую оценку этим службам дало непосредственно руководство военно-морского флота в лице Н.Г. Кузнецова.[513] В дальнейшем, опыт применения сил ЭПРОНА в боевых условиях, в том числе и при

[512] ЭПРОН рожденный в Балаклаве. С.67.
[513] Кузнецов Н.Г. Указ.соч. С.71.

обороне Севастополя, был обобщен и на его основе был принят ряд мер. Во-первых, на основе накопленного опыта в организации и управлении аварийно-спасательного обеспечения и выполнения самих спасательных работ в период боевых действий был разработан ряд новых руководящих документов для судов и подразделений аварийно-спасательной службы. Во-вторых, для повышения качества проводимых работ и совершенствования тактики использования судов был проведен ряд организационных мероприятий, включавших проведение технической конференции «Аварийно-спасательные действия в обстановке Великой Отечественной войны» в июне 1942 г., сборы и совещание руководящего состава для обобщения опыта выполняемых работ. В-третьих, в результате этих проведенных мероприятий и осознания серьезных изменений в военной специфике выполняемой работы летом 1942 г. была увеличена штатная численность аварийно-спасательных служб флотов до 4707 человек.[514]

Определенную, хотя и не ведущую, роль в обороне Севастополя сыграла советская авиация. Особенно велика роль военно-транспортной авиации в обеспечении севастопольского гарнизона, а затем в эвакуации командного состава. В битве за Севастополь отметилось два таких соединения - крымский Особый Черноморский авиационный отряд и Московская Авиационная группа особого назначения.[515]

Транспортными авиационными частями и соединениями РККА в годы Великой Отечественной войны выполнялись различные задачи самого широкого спектра применения.[516] Основными задачами, которые выполнялись военно-транспортной авиацией, были доставка вооружения, боеприпасов и материальных средств войскам, действующим в тылу противника; десантирование подразделений, в том числе в тыл противника; переброска личного состава авиационных частей и технических

[514] Илюхин В.Н., Захаров П.В. Указ.соч. С.78.
[515] РГАЭ. Ф. 9527. Оп.5. Д. 268. Оперативные донесения АОН ГВФ и переписка командного состава по Севастопольской операции. С 21 июня по 1 июля 1942 г. Л.1.
[516] В. Котельников Самолеты-гиганты СССР.- М.: Яуза, Эксмо, 2009. С.73.

специалистов. А также в перевозке войск, вооружения, боеприпасов и материальных средств; эвакуации раненных и больных военнослужащих; эвакуации ценных гражданских специалистов; эвакуации высшего командного состава и руководящих партийных кадров в первый период войны. Но основой транспортных авиационных соединений стали самолеты Гражданского Воздушного флота (ГВФ).[517] Именно в военный период транспортные самолеты ГВФ и подготовленные пилоты этой службы фактически стали военно-транспортной авиацией СССР, выполнявшими широкий спектр задач. В связи с началом войны СНК СССР 23 июня 1941 года принял специальное постановление о подчинении в оперативном отношении ГВФ Народному комиссариату обороны (НКО) СССР. Согласно принятому решению из личного состава и самолетов ГВФ формировались особые авиационные группы, которые передавались в оперативное подчинение командующим воздушными армиями фронтов и военно-воздушными силами флотов, которые в 1942 году были преобразованы в отдельные полки и дивизии ГВФ и переданы в полное подчинение командующему ВВС РККА.[518] В целом в составе ГВФ, в различные периоды войны насчитывалось от 2300 до 3000 самолетов, из них 220-300 транспортных машин. Одним из них была Особая Черноморская авиационная группа, созданная на базе Симферопольского отряда ГВФ и выполнявшая задачи на территории полуострова, в том числе летавшая и в Севастополь.[519] А в дальнейшем, после оккупации Крыма, этот отряд, перебазировавшийся сначала на Краснодар, затем на Сочи, выделял самолеты с экипажами для полетов по боевым задачам в Севастопольском оборонительном районе, а именно для связи и снабжения с крымскими партизанами.

---

[517] Хазанов Д.Б. Битва за небо 1941. От Днепра до Финского залива. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С.48.

[518] Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 (По материалам IX военно-научной конференции ВВС).- Москва, Министерство обороны СССР, Военно-воздушные силы, 1986. // Электронный ресурс http://militera.lib.ru/h/vvs_1/index.html (дата обращения 20.03.2019 г.)

[519] РГАЭ. Ф. 9527, Оп.5. Д. 251. Годовой отчет о деятельности Особого Черноморского Авиаотряда за первый год ВОВ. Л.2.

Наиболее мощным военно-транспортным авиационным соединением, созданным ВГК, являлась Московская авиагруппа особого назначения (МАГОН) ГВФ, в которой к началу войны было сосредоточено 138 самолетов, из них 83 самолета ПС-84, которые имели дальность полета 2560 километров и могли вмещать от 14 до 28 пассажиров[520]. Но необходимо добавить, что эти тактико-технические характеристики при эвакуации личного состава из Севастополя не соблюдались, так как самолеты вылетали с серьезным перегрузом. В дальнейшем, осознавая всю значимость дальней транспортной авиации, ГВФ в составе МАГОН было сформировано три авиационных транспортных полка, которые включали по три эскадрильи, в каждой из которых было по 10 самолетов Ли-2.[521]

Причины, побудившие использовать гражданскую транспортную авиацию в военный период, объясняются не потерями в специализированных самолетах и летчиках, а предвоенной подготовкой советского государства, как отмечали отечественные исследователи: «В предвоенные годы ни у кого не вызывала сомнения огромная роль воздушного транспорта в обеспечении боевых действий войск, особенно при нарушении работы наземных коммуникаций, однако создать специальную военно-транспортную авиацию в тот период страна была еще не в состоянии, поэтому для нужд Вооруженных сил предполагалось использовать силы и средства ГВФ».[522]

Интересно отметить, что зарубежные, а именно немецкие исследователи, отмечают, что основным вниманием немецкой разведки пользовались именно соединения военно-транспортной авиации РККА, а не самолеты ГВФ, которые потом снабжали Ленинград и Севастополь.[523] Это свидетельствует о том, что немецкая сторона допустила в подготовке к

---

[520] РГАЭ. Ф. 9527. Оп.5. Д. 212; Оп.5. Д.215; Оп.5. Д. 251; Оп.5. Д. 252; Оп.5. Д. 266; Оп.5. Д. 268; Оп.5. Д.1264.

[521] Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 (По материалам IX военно-научной конференции ВВС).- Москва, Министерство обороны СССР, Военно-воздушные силы, 1986. // Электронный ресурс http://militera.lib.ru/h/vvs_1/index.html (дата обращения 20.03.2019 г.)

[522] Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М.: Воениздат, 1977. С.77.

[523] Швабедиссен В. Указ.соч. С.14

нападению на СССР серьезный просчет, а СССР в свою очередь в предвоенный период подготовил мобилизационный план по превращению сил и средств ГВФ в мощнейший инструмент помощи сражающейся РККА и смог его реализовать с началом войны. Так, только в первый год войны МАГОН отметился в операциях по связи, снабжению и переброске людей и грузов в Ленинград, Волхов, Тихвин, Архангельск, Казань, Саратов и в зарубежные страны[524].

Помимо транспортных задач МАГОН выполнял задачи санитарного назначения и связи. Формирование было предназначено непосредственно для обслуживания НКО НКВМФ. Также в составе подразделения для выполнения задач Главного санитарного управления РККА была создана специальная санитарная эскадрилья. Для связи Генерального штаба с фронтами была выделена особая авиагруппа связи. Местом базирования специальной авиагруппы связи был определен аэродром «Внуково».[525] Работа Московской особой авиационной группы изначально планировалась Управлением военных сообщений, а с осени 1941 года непосредственно штабом Тыла РККА. Командиром авиагруппы был поставлен В.М. Коротков, а комиссаром - И.М. Карпенко.[526]

Помимо Московской авиагруппы особого назначения (Москва), были созданы подразделения из сил и средств ГВФ не только на фронтах: но и Киевская авиагруппа (Киев), Белорусская авиагруппа (Смоленск), Юго-Западная группа (Одесса), Северная группа (Ленинград). Но они создавались и на флотах - Северный отряд ГВФ при Северном флоте (Архангельск), Балтийский отряд ГВФ при Балтийском флоте (Ленинград) и Черноморский отряд ГВФ на Черноморском флоте (Симферополь). Личный состав этих авиационных соединений также считался призванным в Советскую Армию, при этом только половина самолетов и пилотов из числа ГВФ направлялась в

[524] РГАЭ. Ф. 9527. О.п.5. Д. 111. Л.14,20.
[525] РГАЭ. Ф. 9527. Оп. 5. Д. 212. Л.3.
[526] Собелов П.Н. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Книга 1. Общие проблемы. М.: Мысль, 1974. С.60.

особые авиационные подразделения, еще половина самолетов занималась эвакуацией в тыл. Это были так называемые «эвакуационные подразделения», которые занимались эвакуацией оборудования, ценностей и специалистов из прифронтовых районов, позже они были включены в состав особых авиаотрядов.[527]

До момента вторжения немецко-румынской группировки в Крым осенью 1941 года Черноморский особый авиаотряд занимался эвакуацией из Крыма и Севастополя на Кавказское побережье материальных ценностей и высококвалифицированных специалистов. Так, говоря о флотских особых авиаотрядах, современные исследователи отмечают, что «на их укомплектование выделялось более 50% имевшихся транспортных самолетов, летно-подъемного, технического и обслуживающего персонала, остальной состав самолетов и летчиков ГВФ занималось перевозкой грузов внутрь страны».[528]

Необходимо отметить, что работа транспортного авиасообщения в военное время была отработана еще в период довоенных конфликтов,- в советско-финскую войну и как следствие летно-технический состав подразделений ГВФ имел практический опыт. Это же подтверждают и исследователи деятельности советских ВВС.[529] Например, летчики из состава Особого Черноморского авиационного отряда и МАГОНА, активно летавшие в Севастополь, свой боевой опыт получали не в период первых боевых вылетов в город, а скорее оттачивали свое воинское мастерство в этот период, так как многие из них, имели опыт «зимней войны». В связи с этим, даже тяжелейшие условия полета в Севастополь и плохое состояние севастопольского аэродрома нивелировались уже имеющимся у летчиков боевым опытом.

Активное участие непосредственно в обороне Севастополя принимали Московская авиационная группа особого назначения и Особый

[527] Хазанов Д.Б. Указ.соч. С.137.
[528] Швабедиссен В. Указ.соч. С.352.
[529] Там же. С.351.

черноморский авиаотряд. В истории Великой Отечественной войны было два случая длительной обороны военно-морских баз, когда все вопросы снабжения решались либо своими собственными силами, либо поставками с большой земли. В Севастопольском оборонительном районе основной силой по снабжению являлся военно-морской флот, одновременно действовало и авиасообщение силами МАГОН и Особого Черноморского авиаотряда, особенно проявившие себя в период отражения третьего штурма города летом 1942г. Слаженную работу специальных подразделений оценили военные специалисты.[530]

В ходе третьего штурма Севастополя, с 7 июня 1942 года, немецкие войска смогли, сосредоточив большое количество артиллерии, авиации, небольших военных кораблей итальянских и румынских сателлитов, наносить серьезный урон советскому корабельному составу, снабжавшему Севастополь. Участники этих событий, подводники Гордиенко и Шевелев вспоминали об этом: «Противником были сюда брошены большие силы количество авиации и крупные силы москитного флота. Проход в Севастопольскую бухту и работы по разгрузке корабля стали в ней невозможными».[531] В связи с этим, снабженческие операции стали проводиться в подавляющем большинстве силами авиаотрядов ГВФ. Особенно эта работа усилилась с 20-ых чисел июня 1942г., а именно МАГОН в течение 10 дней, с 21 июня по 1 июля, стали основной связующей силой по снабжению сражающегося Севастополя. За это время, двадцать самолетов ПС-84 авиагруппы произвели 229 вылетов в Севастополь, в том числе 110 вылетов с посадкой. В период этих вылетов защитники города получили 220

[530] Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 (По материалам IX военно-научной конференции ВВС).- Москва, Министерство обороны СССР, Военно-воздушные силы, 1986. // Электронный ресурс http://militera.lib.ru/h/vvs_1/index.html (дата обращения 20.03.2019 г.);

[531]Фесенко А.А. Неопубликованные воспоминания участников обороны Севастополя 1941-1942 гг. (из архивных материалов) // Научно-практическая конференция «Крым в Великой Отечественной войне. Неизвестные и забытые страницы. Сборник научных статей.- Симферополь, 2016. С.122.

тонн боеприпасов и продовольствия, а обратными рейсами одновременно вывезено 2162 человека.[532]

В снабжении севастопольского гарнизона принимали участие две эскадрильи МАГОН, при этом личный состав подбирался из числа наиболее опытных летчиков. В экипаж отбирались только военнослужащие, имеющие боевой опыт, многие из которых осуществляли вылет в блокадный Ленинград, в глубокий тыл противника с целью высадки разведывательных групп, в партизанские отряды. Кроме того, в каждый экипаж включались опытные штурманы морской авиации ВВС Черноморского флота, хорошо знающие специфику полета в условиях Черного моря и Крыма, а также условия посадки на ограниченный по размерам и подходам аэродром Херсонес в Севастополе, который оставался единственным действующим аэродромом.

Вылеты на Севастополь осуществлялись с двух аэродромов, центрального аэродрома Краснодара и аэродрома Кореновск одноименного города Краснодарского края.[533] Вылеты осуществлялись в темное время суток, при этом никакого прикрытия самолетами истребительной авиации не было. Главный расчет был на то, что немецкая сторона не обнаружит транспортные самолеты, для этого вылеты осуществлялись поодиночке, с большими интервалами и полет происходил не над сушей, а над морем, подальше от береговой черты, чтобы не быть засеченным противником.[534]

Еще одной причиной такой организации полетов являлось то, что сам Херсонесский аэродром в Севастополе был небольшим и находился под обстрелом и авиационными ударами с немецкой стороны, как следствие, чтобы не потерять ценные самолеты с экипажами, было необходимо не накапливать их на аэродроме. Сами летчики, для многих из которых Великая Отечественная война не была первой войной и которые имели колоссальный

---

[532] Стрельбицкий К. Деятельность МАГОН по снабжению осажденного Севастополя // Military Крым. №7, 2007. С.42.
[533] Раков В.И. Крылья над морем.- Л.: Лениздат, 1974. С.124.
[534] Филатов И., Драговоз П. Мирные крылья в годы войны. М.: Воздушный транспорт, 1995. С.43-56, С.103-117.

опыт, были поражены спецификой битвы за Севастополь. Особенно тем, в каких условиях она проходила.[535] Несмотря на сложности, этот процесс снабжения позволил перебрасывать за ночь 12-13 самолетов, которые за рейс доставляли до 2 тонн боезапаса и питания, а обратно перевозили раненых, эвакуированных и ценные грузы. Уже с 29 июня 1942 г. эвакуация раненых военнослужащих стала производиться только самолетами.[536] В свою очередь посадка на Севастопольский аэродром была также уникальной, и требовался высокий профессионализм, чтобы не повредить машину при посадке, а затем постоянно маневрировать на аэродроме, чтобы не попасть под обстрел. Летчики, осуществлявшие эти полеты, вспоминали, что «принимать действительно едва успевали, но не только потому, что самолетов было много, ночью самолет так, как днем, не посадишь. Пока один приземлится и отрулит, другой должен ждать, а тут условия были просто немыслимые по обычным представлениям. Самолет шел на посадку вслепую, не видя привычных стартовых огней, просто на середину аэродрома, обозначенную фонарем «летучая мышь», или туда, где он только, что видел короткую вспышку прожектора. Едва самолет выравнивался и еще, по существу, не начиналось выдерживание для погашения скорости, луч прожектора гас и самолет повисал в воздухе в ожидании соприкосновения с землей. Летчик завершал посадку в полнейшей темноте, совершенно не видя земли. Приземлившись в таких условиях, он разворачивался и начинал рулить, стараясь хоть приблизительно выдержать нужное направление. А сзади, где только что короткой вспышкой блеснул прожектор, предупреждая об опасности врезаться в землю, уже рвались снаряды. Машина с прожектором мчалась без огней на новое место, чтобы посветить оттуда следующему самолету, заходящему на посадку».[537] В таких тяжелейших условиях происходило снабжение сражающегося Севастополя все последние дни его обороны. После приземления испытания для летчиков не заканчивались, еще

[535] Раков В.И. Указ.соч. С.152.
[536] Маношин И.С. Падение Севастополя. Указ.соч. С. 89.
[537] Раков В.И. Указ.соч. С.166.

было необходимо осуществить разгрузку самолета и принять на борт эвакуированных и раненых военнослужащих.

Из неопубликованных дневниковых записей летчика, капитана Ф.Фесенко можно узнать то, насколько опытные и хладнокровные авиаторы были поражены посадкой эвакуированных: «1 июля 1942 г., посадка в Дуглас проходит шумно, в сопровождении матерной ругани и даже стрельбы. Самолет осаждает почти обезумевшая толпа, на которую не действуют никакие приказания и угрозы. От стона раненых, ругани и крика садящихся, от непрерывных разрывов снарядов, - голова ходит кругом. Командир пытается навести порядок, грозит пистолетом, даже стреляет, но ничего не выходит».[538] Все это говорит о той катастрофической обстановке, которая начала складываться в 20-ые числа июня 1942 г., когда постепенно рушилась Севастопольская оборона. Часть военнослужащих, уже не верила в возможность удержания оборонительного района, часть осознавала невозможность проведения полноценной эвакуации, а кто-то мог и просто смалодушничать. При этом сотрудники аэродромной службы и руководство оборонительного района, ответственные за порядок посадки и размещения пассажиров, со своими обязанностями не справлялись. Только с привлечением сотрудников органов государственной безопасности могла осуществляться централизованная посадка в самолеты. Многие из чекистов обеспечивали прикрытие эвакуации до последней возможности и остались на Херсонесском аэродроме, приняв свой последний бой.[539]

В севастопольской операции отличились экипажи под руководством летчиков Бибикова, Ильченко, Кварталова, Колесникова, Кошевича, Куликова, Любимова, Моисеева, Неронова, Полосухина, Пономаренко, Пущинского, Русакова, Скрыльникова, Червякова, Шутова.[540] Наиболее отличившимся был экипаж под командованием М.С. Скрыльникова, которому было доверено вывезти из Севастополя командование

[538] Дворниченко О. Указ.соч. С.258.
[539] Христофоров В.С. Указ.соч. С.236
[540] Стрельбицкий К. Указ.соч. С.37-42.

Севастопольского оборонительного района и Черноморского флота во главе с вице-адмиралом Ф.С. Октябрьским. Еще один экипаж ПС-84 лейтенанта В.В. Любимова отлетал весь цикл в 10 полетов, который за эти 10 дней доставил в Севастополь порядка 17 тонн груза, а в обратных рейсах - 83 раненых, 62 пассажира и 1,5 тонны груза. А всего экипаж В.В. Любимова перевёз более 18 тонн груза и 145 человек, за что был награждён орденом Красного Знамени.[541]

В период проведения операции по снабжению Севастополя и эвакуации ее защитников с 21 июня по 1 июля 1942 г. МАГОН произвел 132 рейса из Краснодара в Севастополь, при этом до цели дошло 118 машин, из которых 9 произвели сбрасывание грузов на парашютах, а остальные 109 произвели там посадку. За эти рейсы в оборонительный район было доставлено более 222 тонн груза и 7 пассажиров, а обратно 105 машин вывезли порядка 13 тонн груза и 2149 человек, из них 1411 раненых и 738 пассажиров.[542]

Таким образом, общие показатели результатов по снабжению можно оценить в 2156 человек и более 235 тонн груза, а средний результативный полет самолета ПС-84 состоял из доставки туда - 1,8 тонн груза, из них 1,7 тонн боепитания, а обратно - 12 раненных и 111 груза. Необходимо осветить и потери МАГОН в севастопольской операции, а они составили - 1 самолет ПС-84, который 28 июня 1942г., попав в воронку от авиабомбы, поломал винты и шасси, его пытались починить в местных авиаремонтных мастерских, приспособив вместо шасси лыжи, но неудачно.[543] При этом учитывая всю тяжесть положения в Севастополе, руководством МАГОН было принято решение о проведении ремонта ценной машины, для чего в город была направлена бригада полевой авиаремонтной мастерской в количестве 4 человек. Это были вольнонаемные авиационные специалисты во главе с начальником А.П. Соловьевым, но, несмотря на их усилия, самолет был уничтожен в начале июля 1942 г., Соловьев и его сотрудник Аксенов

[541] Стрельбицкий К. Указ.соч. С.42.
[542] Там же. С.41.
[543] Раков В.И. Указ.соч. С.167.

попали в плен, остальные пропали без вести.[544] Также в плен попал и штурман одного из самолетов - офицер ВВС Черноморского флота А.М. Красинский, который не успел прибыть из Севастополя на аэродром ко времени вылета. Можно сказать, что подобные минимальные потери в технике и летном составе стали возможны только благодаря высокому профессионализму летного состава МАГОН.

Эту высокую результативность отмечают многие исследователи, в том числе и немецкие: «Подразделения авиации дальнего действия снабжали окруженные армейские части преимущественно ночью, места сброса обозначались световыми сигналами. Русские преуспели в воздушном обеспечении окруженных подразделений».[545] Поэтому неудивительно, что многие из летчиков были награждены впоследствии за проявленный героизм и отвагу орденами и медалями, а большинство было отмечено медалью «За оборону Севастополя», несмотря на то, что пик активности выполняемой работы пришелся только на 10 дней. Эти 10 полетов каждого экипажа МАГОН значительно способствовали обороне Севастополя и удержания на его оборонительных рубежах мощнейшей немецко-румынской группировки. Силами МАГОН было невозможно произвести эвакуацию всех защитников города. Кроме того, остались не эвакуированными многие раненые военнослужащие.[546]

Отличительной чертой битвы за Севастополь от других сражений войны являлось то, что Германия решилась на применение уникальных тяжелых артиллерийских систем «Дора» и самоходной установки типа «Карл» под Севастополем и активно их применяла. Обстрел Севастопольского оборонительного района этими артиллерийскими системами стал наиболее значительной эпизодом их биографии, можно сказать их кульминацией, но одновременно и завершением военной карьеры. Это связано с тем, что после

---

[544] Стрельбицкий К. Указ.соч. С.42.
[545] Швабедиссен В. Указ.соч. С.322.
[546] Маслов М.А. «Вечный» Ли-2- дальний бомбардировщик, военно-транспортный и десантный самолет.- М.: Яуза, 2015. С.54.

обстрела города, им требовался серьезное техническое обслуживание, ремонт и замена стволов, а это значило, что ни «Дора», ни «Карл» не смогут участвовать в Сталинградском сражении, где решалась судьба войны, до момента окончания длительного ремонта.

Германия, осознав невозможность захватить Севастополь, решила применить сверхтяжелое железнодорожное артиллерийского орудие «Дора» и самоходные мортиры типа «Карл», как эффективное средство, которое позволит ликвидировать севастопольский плацдарм.[547] Применение этих артиллерийских систем было и на других участках советско-германского фронта, но именно оборона Севастополя явилась наиболее серьезным эпизодом их боевого применения. Зарубежные исследователи отмечали: «Севастополь показал, что осады рано записывать в военные анахронизмы, поскольку они тоже способны сослужить службу стремительному гитлеровскому блицкригу. Городу-порту приходилось выдерживать огонь наимощнейших артиллерийских орудий, которые когда-либо существовали в истории войн, однако он оказывал сопротивление немцам шесть месяцев».[548]

История создания, отправки в Крым и боевого применения под Севастополем сверхтяжелого железнодорожного артиллерийского орудия «Дора» заслуживает отдельного рассмотрения. Связано это с тем, что битва за Севастополь стала единственным местом боевого применения этой артиллерийской системы в годы Второй Мировой войны.

В середине 1930-ых годов руководство Германии осознавало возможность будущей войны с Францией и проблемы, с которыми немецкая военная машина может столкнуться, так наиболее серьезным препятствием считалась «Линия Мажино» на франко-германской границе. В связи с этим, в 1936 году Гитлер во время посещения завода Крупа поставил руководству предприятия задачу о создании артиллерийской системы для подавления

[547] Маношин И.С. Падение Севастополя. С.6.
[548] Бишоп К., Макнаб К. Вторая мировая война. День за днем. 1939-1945.- М.: Эксмо, 2005. С.66.

долговременных огневых точек «Линии Мажино» и фортов Бельгии.[549] При этом техническим заданием устанавливались угол вертикального наведения в 65 градусов, максимальной дальнобойностью в 35-45км, проникающей способностью снаряда для брони - 1 метр, бетона – 1 метр, твердых грунтов – 30 метров.[550] Несмотря на изначальную прерогативу в противодействии защитным сооружениям стран Западной Европы, вполне возможно орудия предназначалось и для других схожих объектов, так немецкие делегации посещали с ознакомительными визитами в 1920-1930-ые гг. похожие советские военные объекты, в том числе в Крыму. Например, в 1929 году, Сталин и ряд советских руководителей побывав в Севастополе, проинструктировали введенную в строй Береговую батарею № 35, в составе делегации присутствовали и немецкие офицеры под руководством генерала Вернера фон Бломберга, позже возглавившем министерство имперской обороны Германии. Но никаких данных о предназначении немецких сверхтяжелых орудий для борьбы с советскими защитными сооружениями в исторической науке нет, хотя нет и сомнений в том, что руководство немецких вооруженных сил знало о подобных объектах и представляло всю серьезность борьбы с ними. Разработкой нового орудия в конструкторской группе завода Круппа занимался профессор Эрих Мюллер.[551] Но к моменту окончания производства орудия и принятия его на вооружение в начале 1941г. Франция уже была побеждена, а Германия начала новую кампанию - войну с СССР. И именно советско-германское противостояние стало местом ее боевого применения, когда к концу 1941 года немецко-румынская группировка была вынуждена окончить второй штурм Севастополя, не добившись серьезных результатов и не захватив город. По этому поводу отечественные военные исследователи отметили, что «доставка орудия Дора и установка его на огневой позиции в районе Дуванкой (вблизи Бахчисарая,

[549] Орудие- призрак: в существование этой пушки советская разведка не верила до конца войны // Популярная механика. №12. 2004. С.83.
[550] Широкорад А.Б. Время больших пушек: битва за Ленинград и Севастополь.- М.: АСТ, 2010. С.512.
[551] Шунков В.Н Оружие вермахта. С.267.

на удалении 25км от Севастополя) была вызвана неудачами двух первых штурмов Севастополя».[552] А причины этих неудач немецкая сторона видела в мощных фортификационных укреплениях Севастопольского оборонительного района. Как отмечают современные исследователи, после победы над Францией немецкое руководство в течение длительного времени не могло найти применения «Доре».[553] Получается, что оборона Севастополя и героические действия ее защитников явились сильным аргументом для немецкой стороны, чтобы оправдать затраты на гигантское орудие, которому не было применения, и чья стоимость составляла 10 миллионов рейхсмарок, что было эквивалентно двумстам пятидесяти 149-мм гаубицам или двадцати 240-мм пушек. В связи с этим, в Крым был направлен 672-ой дивизион специального назначения, который включал орудие «Дора» и 459-ую отдельную батарею 42-см гаубиц типа «Гамма» и 458-ую отдельную батарею трофейных 42-см чешских гаубиц.[554] Помимо «Доры», в Крым были направлены две самоходные артиллерийские установки типа «Карл», сведенные в специальное подразделение, - 833 тяжелый артиллерийский дивизион. История создания и разработки этих мортир имели те же причинно-следственные связи, что и «Дора», - разрушение долговременных оборонительных сооружений «Линии Мажино», но разрабатывались с 1934-1935 гг. как минометы, а позже как мортиры, но со своим самоходным шасси.[555] Эта самая тяжелая и крупнокалиберная САУ в мире имела вес 126 тонн, калибр 600-мм, дальность от 4 до 6км, скорострельность 1 выстрел в 5-6 минут, скорость хода 10км/ч и боекомплект в 4 выстрела, а всего было изготовлено 7 орудий. Так же как и «Дора» прошли испытания и вступили в строй после победы над Францией, когда встал вопрос об их боевом применении. Необходимо сказать, что эти орудия в отличие от «Доры» принимали более активное участие в войне. Они осуществляли обстрел

[552] Перечнев Ю. Г. Указ.соч. С.58.
[553] Орудие-призрак: в существование этой пушки советская разведка не верила до конца С.84.
[554] Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости. Указ.соч. С.330.
[555] Шунков В.Н. Энциклопедия артиллерии особой мощности. С.311.

Брестской крепости 22 июня 1941 г., но без видимых результатов, а позже принимали участие в подавлении Варшавского восстания в августе 1944 г. Но наиболее массовым и результативным применением этих артиллерийских систем стала битва за Севастополь.[556] В Севастополь было отправлено специальное соединение в составе САУ «Один» и «Тор», которые оказали серьезное влияние на штурм и захват города.

Непосредственно боевое применение артиллерийских систем в битве за Севастополь началось с прибытия и размещения 672-ой дивизиона специального назначения в Крым. Для размещения на местности на полуостров была направлена специальная группа офицеров, которая выбрала позицию под Бахчисараем, на удаленности в 25 километров от рубежей СОРА.[557] Приведенная схема позволяет понять, что Севастопольский оборонительный район простреливался во всю свою ширину и глубину, что «Дора» могла подвергнуть обстрелу любой участок обороны, а кроме того могла обстреливать и значительную часть моря, прилегающего к городу, по которому советские корабли обеспечивали логистику битвы за Севастополь.

Особенностью позиции являлось то, что ее строительство было начато на совершенно пустом, чистом месте, где не было ни сложного рельефа со скалами, ни леса, только голый маргелевый холм, в котором была вырыта позиция и подведены все коммуникации по железной дороге от Бахчисарая. Для этого пришлось привлечь 600 военных строителей-железнодорожников, 1000 специалистов из «организации Тодта», 1500 рабочих из числа местных жителей и советских военнопленных, захваченных здесь же в Крыму после прорыва Перекопских позиций и захвата Керчи.[558] Ни в исторических исследованиях, ни в первоисточниках из числа архивных документов и в мемуарах нет никаких данных о судьбах строителей из числа советских граждан, но можно предполагать об их физическом уничтожении, дабы

---

[556] Бешанов В.В. Год 1942- учебный.- Минск: Харвест, 2003 // http://militera.lib.ru/research/beshanov_vv/13.html (Проверено 20.07.21)
[557] См. Приложение № 8 Сектор стрельбы и район расположения целей относительно орудия «Дора».
[558] Широкорад А.Б. Время больших пушек: битва за Ленинград и Севастополь. С.515.

предотвратить утечку информации. Косвенным свидетельством этого является то, что советские партизанские и разведывательные организации не имели об этом агентурной информации в Крыму от местных жителей, несмотря на существование разведывательной сети крымских партизан и засылаемых с Большой земли разведчиков.[559] Кроме того, охрана позиции «Доры» обеспечивалась силами караульной роты численностью 300 человек, усиленным дивизионом ПВО в количестве 400 человек, военно-химическим подразделением для дымовой завесы в составе 500 человек, группой военной полиции, охранным подразделением с собаками, а общее количество задействованных военнослужащих достигало 4 тысяч.[560]

К моменту начала третьего штурма Севастополя 672 отдельная железнодорожная батарея, техническая обслуга и все прикомандированные к ней уже были готовы к открытию огня по ключевым объектам обороны. 5 июня 1942г. в 5ч. 35 мин. «Дора» произвела первый выстрел по Севастополю, а всего успела отстрелять около 50 выстрелов.[561] Результаты этого колоссального оружия были минимальны по сравнению с затратами, которые были потрачены на обстрел Севастополя. В этом вынужден был признаться даже командующий 11-ой немецкой армией Манштейн.[562] Удалось добиться только одного попадания, вызвавшего взрыв подземного склада боеприпасов. Можно сказать, что на такую низкую результативность обстрела повлияло и то, что среди выбранных целей, отсутствовали наиболее прерогативные, скорее второстепенные, не главные военные цели. Так, береговые батареи №30 и №35, штабы секторов обороны и Приморской Армии, узлы связи Приморской армии не подвергались обстрелам. Вместо этого обстрелу подвергались открытые и закрытые береговые батареи меньшего калибра, склады боепитания, опорные пункты сухопутных советских частей.[563] Гораздо результативней стреляли по Севастополю 600-

[559] Поляков В.Е. Указ.соч. С.117.
[560] Орудие- призрак: в существование этой пушки советская разведка не верила до конца войны С.85.
[561] Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости. С.338.
[562]Манштейн Э. Указ.соч. С.289.
[563] Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости. С.338-339.

мм самоходные установки «Один» и «Тор» из 833 тяжелого артиллерийского дивизиона.[564] Под впечатлением от работы САУ типа «Карл» находились и немецкие военнослужащие, которые штурмовали Севастополь. Командир противотанкового расчета Бидерман вспоминал, что «при всей своей огромности орудие «Гамма» было карликом в сравнении с 600-миллиметровой мортирой «Карл» или «Тор». Сконструированное для уничтожения бетонных дотов, оно стреляло 2200-килограммовыми снарядами, имевшими мало общего с обычными мортирами. 5-метровый ствол и гигантский лафет производили впечатление какой-то фабрики на колесах, щеголявшей огромной трубой, вырисовывавшейся под углом на фоне небе».[565] «Один» и «Тор» применялись для контрбатарейной борьбы с 30-ой береговой батареей под командованием Г.А. Александера и в итоге смогли подавить четыре 305-мм орудия в двух ее башнях. Результаты использования немецкой стороной тяжелых артиллерийских систем в битве за Севастополь носят хоть и спорный, но в целом отрицательный результат. Но в то же самое время, необходимо отметить, что Севастопольский участок советско-германского фронта был действительно наиболее насыщен с советской стороны защитными бетонированными сооружениями и хорошо защищенными береговыми батареями, среди которых особенно выделялись 305-мм бронебашенные батареи № 35 и № 30.

Всего береговая оборона Севастополя включала в себя 1-й отдельный артиллерийский дивизион в составе: 305-мм бронебашенных батарей №35 и №30, полубашенной 203-мм батареи № 10 и 102-мм батареи № 54. и 2-й отдельный артиллерийский дивизион в составе: береговых батарей № 2, 8, 12, 14, калибром от 102 до 152мм. Чуть позже был создан и 3-й отдельный артиллерийский дивизион, в составе береговых батарей № 18, 19, калибром 152мм.[566]

---

[564] Ковтун А.И. Севастопольские записки.- Симферополь: Таврия, 1972. С.144.
[565] Бидерман Г.Х. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета // http://militera.lib.ru/memo/german/bidermann_gh/06.html (Проверено 20.07.21)
[566] Моргунов П.А. Указ.соч. С.42.

Помимо этих подразделений было создано семь групп артиллерийских дотов и дзотов, имеющих на вооружении орудия калибром от 45 до 130 мм, и около 100 пулеметных дотов и дзотов. Таким образом, против немецко-румынской группировки действовала мощная артиллерийская группировка, которая в большинстве своем была хорошо защищена железобетонными сооружениями. Доставлял беспокойство немецкой стороне и имеющийся у защитников Севастополя бронепоезд «Железняков», который имел на вооружении «четыре пушки, снятые с миноносцев, восемь минометов, полтора десятка пулеметов, из них четыре крупнокалиберные».[567]

Бронепоезд был вооружен орудиями с военных кораблей и имел флотский экипаж, но при этом был приписан к береговой обороне базы флота. Он постоянно передвигался по железнодорожным путям городской агломерации и, нанеся урон противнику, скрывался в железнодорожных туннелях Севастополя, которые немецкая сторона в свою очередь не могла обрушить имеющимися артиллерийскими средствами. Все это вынуждало немецкие войска прибегать к нестандартному решению проблемы противодействия советским береговым батареям, что и послужило причиной переброски в Крым артиллерийских мастодонтов.[568] Эти батареи являлись наиболее мощными артиллерийскими соединениями защитников Севастополя, которые систематически создавали угрозу немецким войскам и добивались высоких результатов в ходе обстрелов за счет мощности, дальнобойности и хорошей выучки личного состава. Как вспоминали сами защитники Севастополя, «...советские береговые батареи, как правило, тремя-четырьмя залпами поражали немецкие артиллерийские батареи и большие скопления техники».[569] Интересно отметить тот факт, что при ограниченных ресурсах в ходе обороны защитники Севастополя увеличивали количество береговых батарей. Происходило это путем снятия орудий с

[567] Александров Н.И. Севастопольский бронепоезд: Документальная повесть. Симферополь: Таврия, 1979. С.68.
[568] Широкорад А.Б. Время больших пушек: битва за Ленинград и Севастополь. С.512.
[569] Литвиненко А.Г., Жбанов А.В., Федоров А.Ф. Указ.соч. С.30.

затонувших кораблей Черноморского флота, как, например, это было с крейсером «Червона Украина», чья артиллерия и оставшийся после гибели корабля в живых личный состав продолжил борьбу с противником, но уже на сухопутных рубежах. При этом советские береговые батареи так же, как и немецкие, требовали тщательного технического обслуживания и своевременного ремонта. Особенно это касалось бронебашенных батарей №30 и №35, так как в силу мощности калибра износ ствола у них был высокий, а обстрелы противника проводились постоянно. Интересно отметить тот факт, что немецкая сторона после износа ствола «Доры» была вынуждена вывозить орудие на завод для его замены, в то самое время как защитники Севастополя смогли поменять стволы орудий 30-ой батареи прямо на линии фронта и сделав это скрытно.[570]

Ввиду высокой интенсивности боевой деятельности происходили непредвиденные чрезвычайные ситуации. 17 декабря 1941 г. произошел взрыв второй башни береговой батареи №35 из-за технической неисправности снаряда, в ходе которого погибло 35 военнослужащих. Необходимо было срочно ввести встрой основной артиллерийский калибр Севастополя. После взрыва второй башни с целью устранения последствий и ремонта на батарее жили и работали несколько бригад рабочих артиллерийского ремонтного завода и морского завода, при этом число рабочих доходило до 75 человек. О тяжести последствий взрыва вспоминал руководитель работ по восстановлению военинженер 1-го ранга А.А. Алексеев: «... все работы в башне нельзя было начинать, не убрав семь обгоревших боевых фугасных снарядов. Эта работа была очень опасной, так как никто не знал, в каком положении находятся взрыватели этих снарядов».[571] Батарея была введена в строй и продолжила обстрел позиций противника, а проделанные ремонтно-восстановительные работы показали

[570] Моргунов П.А. Указ.соч. С.260.
[571] Вершков С.Д. Оборона Севастополя в малоизвестных воспоминаниях ее участников // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942 гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.- 26.03.2016.- Севастополь: Телескоп, 2017. С.138.

высокий уровень профессионализма гражданских и военных специалистов из числа защитников Севастополя.

Помимо непосредственно береговых батарей, которые являлись основной артиллерийской силой Севастопольского оборонительного района, активно применялась для нанесения ударов по противнику и артиллерия сухопутных частей и соединений, грамотно распределенная по секторам обороны. Например, на участке фронта 2 сектора «артиллерийская батарея 75мм из района Шули вела методический огонь по переднему краю противника, израсходовано 40 снарядов».[572] И подобное применение артиллерии в условиях постоянного боевого воздействия было ежедневным, но в основном работало по переднему флангу и ближнему тылу противника, так как в силу калибра не могло обстреливать вражеские тылы, что делали мощные береговые батареи. В то же время среди сухопутной артиллерии защитников Севастополя были подразделения, которые в силу наличия артиллерийских систем большего калибра, представляли угрозу для противника, сравнимую с угрозой со стороны береговых батарей. Таким подразделением являлся 265 корпусной артиллерийский полк, имевший на вооружении гаубицы МЛ-20 калибром 152мм.[573] Наличие крупнокалиберных артиллерийских орудий позволяло подразделению обстреливать противника на значительную глубину, а в случае его применения непосредственно на линии фронта, то наносить тяжелые единовременные потери. Так, в разгар первого штурма Севастополя «батарея вела огонь по наступающей фашистской пехоте в районе высоты 66,8 и высоты 63,9. Были уничтожены 2 роты противника. Кроме того, батарея вела огонь по батарее противника, после первого залпа противник не вел огонь в течение нескольких часов, после второго залпа,- замолчал совсем. Для этого обстрела было израсходовано 200 гранат».[574]

---

[572] ЦАМО. Ф. 1265. Оп.1. Д. 42 95 стрелковая дивизия. Штаб артиллерии 4 сектора Севастопольского оборонительного района. Л.15.
[573] ЦАМО. Ф. 10568. Оп.1. Д. 9а. 265 корпусной артиллерийский полк. Сведения о боевом и численном составе. Л.21.
[574] Там же. Д. 3а. 265 корпусной артиллерийский полк. Боевые донесения за август-октябрь 1941 г. Л.31.

Как видно из боевых донесений, подразделения 265 артиллерийского полка активно и небезуспешно боролись и с батареями противника, участвуя в контрбатарейной борьбе наравне с береговыми батареями. Противостояние советских и немецких тяжелых артиллерийских систем продолжалось до самых последних дней битвы за город.

Необходимо указать причины, по которым советская артиллерия проиграла немецкой, и как следствие советская оборона Севастополя была сломлена немецко-румынской группировкой. Во-первых к концу обороны у защитников Севастополя начали заканчиваться снаряды, и если к распространенным калибрам можно было произвести боезапас на месте, на севастопольских предприятиях, то снаряды с калибрами свыше 100-мм уже надо было завозить, а в условиях непрерывных и упорных боёв это было затруднительно.[575] Как вспоминали сами участники сражения, «без боезапаса снарядов в ответственные моменты молчали некоторые береговые батареи, некоторые командиры заявляли, что только из-за плохого снабжения боезапасами так плачевно завершилась оборона Севастополя».[576]

Во-вторых, при рассмотрении ситуации со сверхтяжелой немецкой артиллерией, в количестве около 300 орудий калибром 240,280, 305, 335, 420, 615 и 810-мм, большинство из них было задействовано под Севастополем. Против защитников Севастополя «работало 80% всей немецкой сверхтяжелой артиллерии, оставшиеся 20%, обстреливали Ленинград, так же показателен и объем авиационных частей, участвовавших в штурме Севастополя,- 300 бомбардировщиков и 200 истребителей или 40% всей бомбардировочной авиации на южном крыле советско-германского

---

[575] ЦАМО. Ф. 2306, Оп. 0000001, Д. 0231, Л. 307-314 [Электронный ресурс]:https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451351192&backurl=q%5C%D0%AD%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F::operation%5C%D0%9E%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F::begin_date%5C1941::end_date%5C1942::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C3&static_hash=31c2b73ffbab48f2593acfcdb13f0ccev1

[576] Литвиненко А.Г., Жбанов А.В., Федоров А.Ф. Указ.соч. С.47.

фронта».[577] Данные о масштабах применения немецкой военной мощи говорят о том, какое значение придавалось взятию Севастополя, и какой накал борьбы испытывали на себе его защитники.

В-третьих, интересен эпизод применения немецкими войсками при штурме трофейного советского вооружения, каким образом немецкая сторона могла пополнять свой боезапас для дальнейшего штурма города. Уже к середине июня 1942г., в момент тяжелейшего противостояния третьего штурма, у немецкой стороны начинают заканчиваться как артиллерийские боеприпасы, так и авиационные боеприпасы. В итоге немецкие летчики начали применять экспромт - сбрасывать бочки с горючим, металлический мусор, куски рельс, банки с гвоздями и т.д. В свою очередь, у защитников Севастополя уже фактически отсутствовали снаряды к средствам ПВО, и немецкая сторона смогла усилить нажим на береговые батареи и защитные сооружения, уничтожив многие из них. Как отмечают современные исследователи, «это происходило потому, что к 20 июня немецкие запасы авиабомб стали заканчиваться. Ситуацию изменило то, что на захваченных складах Крымского фронта под Керчью было найдено 5 тысяч тонн авиабомб и советские бомбы руками немецких летчиков бомбили советских военнослужащих».[578] Все эти факторы позволили начать активное подавление советских береговых батарей, но многие из них, даже при отсутствии снарядов и полном господстве немецкой авиации, продолжали борьбу. Так, бронебашенная батарея № 30 после исчерпания боезапаса вела огонь по противнику практическими (учебными, т.е. болванками) снарядами, а бронебашенная батарея № 35 была подорвана самими защитниками.[579]

Отдельного изучения и анализа требуют факты оценки и понимания советскими военачальниками применения данных артиллерийских систем как новой угрозе Севастополю. Отношение руководителей Севастопольского

---

[577] Береговые войска ВМФ. Береговая оборона- фундамент 250 дневной неприступности Севастополя.- М.: Кучково поле, 2014. С.186.
[578] Там же. С188.
[579] Широкорад А.Б. Время больших пушек: битва за Ленинград и Севастополь. С.573.

оборонительного района к применению противником сверхмощных артиллерийских систем поражает - это полное отрицание факта обстрелов рубежей обороны. Так, генерал П.А. Моргунов, являясь руководителем береговой обороны Севастополя, утверждал, что «кроме орудия «Дора», все указанные калибры были зафиксированы нами во время третьего штурма. Применение пушки «Дора» не подтверждается. До последнего дня обороны не наблюдалось стрельбы из такого орудия и разрыва снаряда столь крупного калибра. Манштейн писал, что одним выстрелом «Доры» был взорван склад в Сухарной балке, но все склады на Северной стороне были подорваны нами в последние дни обороны. Для использования такой пушки должна была быть построена специальная железнодорожная позиция. В военно-исторической литературе указывается, что эта позиция располагалась в районе между деревнями Дуванкой и Заланкой (вблизи Бахчисарая). Однако после освобождения Севастополя не обнаружили такой позиции, хотя и искали. Если такая позиция была, то хотя бы насыпь должна была остаться. Некоторые наши раненые командиры, попавшие в плен, а затем бежавшие, говорили, что слух об этом орудии, будто бы стрелявшем по Севастополю, был специально пущен гитлеровцами. Такое орудие у противника было, но не под Севастополем. Во всяком случае «Дора» по Севастополю не стреляла, а если противник, возможно, и подвозил это орудие, то установить его не успел. Ведь, если бы оно вело огонь, то, несомненно, было бы засечено нами» - сообщает П.А. Моргунов.[580]

Не совсем понятно, с чем связана такая позиция. Во-первых, это может быть тяжесть отражения третьего штурма, когда советскому командному составу физически не хватало возможностей проследить за всеми боевыми операциями противника.

Во-вторых, о профессиональной некомпетентности или, в-третьих, отрицании фактов в угоду политической конъектуре, - невозможности признания превосходства немецкого вооружения над советским

[580] Моргунов П.А. Указ.соч. С.309.

вооружением. Скорее речь идет о перестраховке в оценках событий в силу политической конъектуры, так как руководство Севастопольским оборонительным районом о применении сверхмощных немецких орудий знало. Свидетельством того служат воспоминания защитников города из числа не высших, но старших воинских начальников.[581] Несмотря на отрицание командным составом применения сверхтяжелых орудий против Севастопольского оборонительного района, отечественные исследователи объективно воспринимали этот факт. Так, в исследовании истории береговой артиллерии и её развития, отмечалось, что «под Севастополем противник использовал не только 150мм пушки, но и гаубицы и мортиры калибра 350-305-мм и 420-мм, а также 2 специальных 600-мм орудия и 813-мм пушку «Дора».[582]

Резюмируя анализ применения немецких специальных подразделений в лице 833 тяжелого артиллерийского дивизиона (САУ «Один» и «Тор»)[*] и 672-ой дивизиона специального назначения (тяжелое железнодорожное орудие «Дора»), можно сказать, что они внесли свой весомый вклад в дело штурма Севастополя немецко-румынской группировкой. Но необходимо отметить нерентабельность затрат на их применение, особенно это касается орудия «Дора». Все результаты обстрела «Доры» свелись к действию ее 7-ми тонных снарядов, эффективность которых была близка к нулю! Из 52 выпущенных 800-мм снарядов лишь 5 поразили цель».[583] А многие исследователи, рассмотрев значение этого оружия в истории мировой артиллерии, дали ему еще более объективную и отрицательную характеристику: «Этот проект можно считать и самой грандиозной ошибкой в планировании развития артиллерии».[584] Учитывая отсутствие серьезных результатов у «Доры», САУ типа «Карл» смогли добиться успехов в борьбе с защитниками Севастополя, значительно посодействовав в уничтожении 30-

[581] Шестаков А.С. Указ.соч. С.172.
[582] Перечнев Ю. Г. Указ.соч. С.58.
[*] «Один» и «Тор»,- название божеств в германской мифологии
[583] Орудие-призрак: в существование этой пушки советская разведка не верила до конца войны. С.86.
[584] Шунков В.Н. Энциклопедия артиллерии особой мощности. С.282.

ой береговой батареи, чьи защитники сражались до последнего в руинах батареи и не собирались оставлять свои позиции, несмотря на обстрел тяжелых мортир. Этот факт еще сильнее показывает воинскую доблесть советских военнослужащих в битве за Севастополь. Кроме того, необходимо отметить, что, применив эти артиллерийские орудия по Севастополю, немецкие войска не смогли применить их на других участках фронта из-за износа стволов. Еще до окончания третьего штурма Севастополя, «к 27 июня из ствола «Доры» с учетом полигонных испытаний было сделано около 300 выстрелов, и ствол ввиду полного износа отправили на ремонт в Эссен».[585] Именно поэтому лафетная часть «Доры», перемещенная под Ленинград, находилась там без применения до момента снятия блокады города. Схожая ситуация сложилась и с САУ «Один» и «Тор», которые, израсходовав живучесть ствола, не приняли участие в Сталинградском сражении.

Таким образом, важным звеном в общей стратегии обороны Севастополя являлась деятельность специализированных частей (войска НКВД, соединения ЭПРОН, авиасоединение МАГОН, особый Черноморский Авиаотряд), которые предотвратили развитие Севастопольской оборонительной операции по более трагическому для советской стороны сценарию.

2.2. Взаимодействие партизанского движения Крыма и Севастопольского оборонительного района

Для составления более полной и правдивой картины битвы за Севастополь необходимо рассмотреть систему взаимодействия военного командования Севастопольского оборонительного района и партизанского движения Крыма. Это давало новые возможности советской стороне в противодействии оккупационным войскам, и позволяло проводить совместные операции, а также обеспечивать друг друга боеприпасами, продовольствием, специалистами со стороны защитников Севастополя и

[585] Широкорад А.Б. Время больших пушек: битва за Ленинград и Севастополь. С.518.

информацией со стороны партизан. В целом, деятельность партизанского движения всегда тесно связана с общей военной обстановкой, не исключением была и совместная борьба партизан Крыма и защитников Севастополя.

Подобная закономерность проявлялась и в Крыму. В то же самое время взаимодействие крымских партизан и севастопольских защитников имела и свои особенности по сравнению с сотрудничеством советских войск на других участках советско-германского фронта с партизанским движением в оккупированных республиках, краях и областях СССР. Это в частности было обусловлено рядом факторов, которые требуют детального рассмотрения и изучения. Подтверждением этого явления служат воспоминания летчиков Московской авиационной группы особого назначения, вылетавших с целью снабжения крымских партизан[586]. Ситуация с партизанским движением в Крыму действительно носила гораздо более драматический характер и оборона Севастополя сыграла в этом не последнюю роль.

Можно сказать, что деятельность крымских партизан и битва за Севастополь были тесно связаны и оказывали серьезное влияние друг на друга по многим вопросам.[587] Обеспечение оружием, продовольствием, материально-бытовыми объектами снабжения и, самое главное, советскими военнослужащими, которые сначала отступая от Перекопских позиций, попадали в партизанские отряды, затем частично смогли пробиться в блокированный Севастополь, а после падения города пытались прорваться обратно к крымским партизанам. Положение партизан Крыма резко обострилось после падения Севастополя, когда немецкое командование направило высвободившиеся от штурма города войска на зачистку полуострова, особенно его горно-лесистой местности от партизан. Как вспоминали об этом командиры партизанских соединений: «...гитлеровцы, безусловно, не могли мириться с наличием в их тылах партизанских отрядов,

[586] Поляков В.Е. Указ.соч. С.167.
[587] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 437; Оп. 1. Д. 971; РГАЭ. Ф. 9527. Оп.5. Д.183.

поэтому и решили направить на расправу с нами высвободившиеся около Севастополя войска».[588]

В целом можно согласиться с современными российскими исследователями, утверждающими, что «все, что происходило в Крымском лесу, является прямым следствием того, что происходило на фронтах Великой Отечественной войны в целом, и непосредственно в Крыму, в частности».[589] В контексте битвы за Севастополь происходило именно такая историческая действительность.

Как уже отмечалось, боевая деятельность и быт партизан Крыма проходили в очень трудных условиях. Во-первых, на территории полуострова было сосредоточено большое количество вражеских войск, чья концентрация была значительно выше, чем в других регионах и местностях СССР. Так, отечественные исследователи, говоря о многочисленности вражеской группировки в Крыму, отмечали, что «немецко-фашистское командование рассматривало Крым как плацдарм для захвата Кавказа и Кубани - районов богатых хлебом, нефтью, рудой».[590] Помимо немецких войск это были румынские и словацкие части, сосредоточенные на двух крымских направлениях - на Севастопольском и Керченском участках. А на следующем этапе, в связи с падением Керченского фронта, исключительно на Севастопольском направлении.

Во-вторых, природно-географический фактор Крыма был скорее на стороне оккупационных войск, чем партизанских соединений. Связано это с тем, что в отличие от лесных массивов Белоруссии и Украины, в Крыму нет сколько-нибудь серьезных и обширных естественных укрытий. Об этом свидетельствует и немецкая сторона.[591] Сама горно-лесистая местность незначительна по своему объему. Так же в Крыму развита сеть дорог, которая обеспечивала противнику оперативную переброску своих войск к

---

[588] Македонский П.А. Указ соч. С.109.
[589] Поляков В.Е. Указ.соч. С.136.
[590] Быстров В.Е. Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.- М: Государственное издательство политической литературы, 1961. С.552.
[591] Манштейн Э. Указ.соч. С.250.

местам расположения партизан. Все эти факторы приводили к отсутствию маневра у партизан, что лишало тактических преимуществ и вынуждало вести позиционную войну, не свойственную партизанским действиям.

В-третьих, немецкое командование, чтобы не отвлекать регулярные войска от штурма Севастополя, пошло на создание «отрядов самообороны» из числа жителей населенных пунктов, которые должны были оказывать сопротивление партизанам. Советские исследователи относили к их числу «татарских буржуазных националистов, бывших кулаков и уголовников», отмечая что «предатели, поступившие на службу к фашистам, хорошо знали местность, они стали проводниками в карательных экспедициях, участвовали в боях с партизанами».[592] С.Чуев указывает на 9255 татар в Крыму, рекрутированных в силы самообороны[593].

Известно, что в Крыму «командование 11-й армии группы армий «Юг» и органы СД проводили активную вербовку татарского населения. 14 рот самообороны стали основой 8-ми полицейских батальонов (Schutzmannschaft-Bataillonen) крымских татар и составили Крымско-татарский легион»[594].

С 11 января 1942 г. в Симферополе стала выходить крымско-татарская коллаборационистская газета «Азат Къырым» («Свободный Крым»), в которой публиковались материалы «о крымско-татарских добровольческих формированиях»[595]. Далее автор пишет: «В этих материалах утверждалась необходимость не столько отстаивать интересы Германии, сколько бороться за освобождение своей родной земли, за свои национальные интересы»[596].

---

[592] Быстров В.Е. Указ. соч. С.553.
[593] Чуев С. Татарский коллаборационизм во Второй мировой войне // http://www.pseudology.org/Crimea/KrimTatarWW2.htm [дата обращения 18.03.2019 г.].
[594] Напсо Н.Т. Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. - Майкоп, 2000. С. 22.
[595] Яблоновська Н.В. ОКУПАЦІЙНА ГАЗЕТА «АЗАТ КЪРиМ» (1942-1944): НАЦІОНАЛЬНА ПРЕСА В КОНТЕКСТІ ІНФОРМАЦІЙНИХ ВійН // https://web.archive.org/web/20070324184804/http://turkolog.narod.ru/info/I456.htm [дата обращения 20.03.2019 г.]
[596] Там же. https://web.archive.org/web/20070324184804/http://turkolog.narod.ru/info/I456.htm [дата обращения 20.03.2019 г.]

На территории оккупированного германской армией Крыма действовал национальный комитет крымских татар.

Оккупационные немецкие власти создали крымско-татарские соединения в составе Германской армии, крымско-татарские карательные и охранные батальоны «СД», аппарат полиции и полевой жандармерии, аппарат тюрем и лагерей «СД»[597].

В тоже время попытки создания партизанских отрядов из татарского населения в Крыму оказались безуспешными[598]. Из 1200 человек, дезертировавших и перешедших к оккупационным властям, был 891 крымский татарин[599].

Большинство из партизанских отрядов, сформированных из числа крымских татар по указанию партийно-административных органов, либо просто разошлись по домам, либо с вверенным оружием, имуществом, материальными ценностями переходили на немецкую сторону. Показателен пример Куйбышевского партизанского отряда, который во главе со своим командиром Ибрагимовым в количестве 115 человек просто разошелся по домам. Ибрагимов, распустив партизанский отряд, попытался сохранить продовольственную базу, выделенную отрядом, и был впоследствии повешен немцами за нераскрытие нахождения партизанского продуктового склада. Похожая ситуация наблюдалась и в других отрядах.[600]

Следует заметить, что татарские коллаборационистские формирования и организации создавались не только в Крыму, но и в Белоруссии, Германии, Литве, Польше, Франции, на территории Брянской области.

В-четвертых, необходимо объективно отметить, что тактика боевых действий партизан еще не была отработана, как и бытовое, продовольственное обеспечение. Отдельные действия партизан настраивали

---

[597] Коллаборационизм крымских татар в годы ВОВ // https://atrizno.livejournal.com/8083142.htm [дата обращения 21.03.2019 г.].
[598] Чуев С. Татарский коллаборационизм во Второй мировой войне // http://www.pseudology.org/Crimea/KrimTatarWW2.html [дата обращения 18.03.2019 г.].
[599] Там же // http://www.pseudology.org/Crimea/KrimTatarWW2.html [дата обращения 18.03.2019 г.].
[600] Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944).- Указ.соч.- С.132

против себя жителей населенных пунктов, которые были порой весьма неудачны и представляли собой грубые попытки обеспечения продовольствием и фильтрации населения в поиске сторонников оккупации на селе, без объяснения причин, таким образом, отталкивая достаточно просоветски настроенных граждан: «Помимо того, что нападения на крупные села приводили к бессмысленной гибели партизан, непартизанская это тактика! Они имели и крайне негативные последствия в отношениях с местным населением. После каждого такого «партизанского налета», множилось число «самообороронцев». Люди против своей воли были вынуждены брать в руки оружие и защищать свой дом. Разведка доносила: «В рядах самообороронцев брожение усугубляется. Неохотно идут против партизан. Без приказа не идут, разговоры такие среди баксанкских самообороронцев,- если партизаны нас не тронут, мы их не будем трогать!».[601] То есть, не всегда местные жители добровольно шли в «отряды самообороны», а партизаны также не всегда провоцировали местное население, но прецеденты были. Подобные отряды самообороны и уже непосредственно коллаборационистские формирования из числа советских граждан, блокировали пути, по которым партизаны выходили из лесов и гор, путем занятия предгорных населенных пунктов и установления в подобных местах блокпостов.

В-пятых, на партизанское движение Крыма оказывали серьезное влияние два фактора: удаленность линии фронта, которая все больше увеличивалась, и отсутствие связи с «Большой Землей», которая была возможна только «хорошо организованной и тщательно законспирированной разведсетью» или путем авиасообщения.[602]

В этой обстановке, Севастопольский оборонительный район становится одним из двух центров, помимо Кавказа, откуда идет снабжение партизан людьми, продовольствием, оружием, боеприпасами, техникой, средствами

[601] Поляков В.Е. Указ. соч. С.114.
[602] Пономаренко Н.К. Партизанское движение в Великой Отечественной войне. - М.: ОГИЗ, Госполитздат, 1943. С.52.

связи. А в дальнейшем, после падения Севастополя до середины 1943 г., снабжение партизан находилось на крайне низком уровне. Связано это с тем, что после окончания Севастопольской оборонительной операции, Крым стал глубоким тылом противника, а первостепенными задачами СССР в период лета 1942 - лета 1943 гг. стали Сталинградское сражение и Курская битва, то есть партизанское движение Крыма было не в приоритете у советского командования. Наиболее ёмко этот процесс описал отечественный исследователь партизанского движения В.Поляков: «Самое же страшное заключается в том, что в силу геополитических причин ни Крым, ни крымские партизаны совершенно не были нужны командованию Северокавказского фронта и его разведуправлению».[603] Вот так, окончание обороны Севастополя сказалось на партизанском движении Крыма, которое уничтожало коммуникации и личный состав противника в дни штурма города, а в дальнейшем перестало быть приоритетным в отличие от других партизанских формирований.

В-шестых, на самом начальном этапе формирования партизанского движения Крыма было допущено большое количество ошибок, которые повлияли, в том числе и на оборону Севастополя. Партизанское и подпольное движения формировались централизованно партийными и силовыми органами власти, отмечали это и советские военачальники.[604] В свою очередь, немецкая сторона после первых серьезных успехов крымских партизан была вынуждена это признать, согласившись, что «партизанское движение в Крыму готовилось заранее. В недоступных горах Яйлы партизаны имели убежища и подготовленные склады продовольствия и боеприпасов, к которым трудно было подступиться. Базируясь на них, они пытались блокировать немногочисленные дороги. Как раз во время освещаемых здесь событий, когда обстановка была очень напряженной и даже все румынские горные войска были брошены на фронт, партизаны представляли собой

[603] Поляков В.Е. Указ.соч. С.164.
[604] Жуков Г.К. Указ.соч. С.181.

серьезную угрозу. Временами движение по дорогам было возможно только с конвоем. Вообще же партизаны, как и всюду на востоке, вели боевые действия с чрезвычайным вероломством и жестокостью. Манштейн выдвинул спорное утверждение относительно действий партизан: «Они не уважали никаких норм международного права. Для защиты своих войск, а также и мирного населения нам не оставалось ничего другого, как поступать с каждым пойманным партизаном по законам военного времени».[605] Проблема была в том, что руководство партизанского движения не понимало трагизма происходившей войны и по прежнему находилось в плену «иллюзий предвоенной мощи СССР». Выражалось это, в частности, в том, что продовольственные запасы создавались в расчете на срок в три месяца. Об этом речь шла на одном из совещаний командного состава партизанского командного состава в 1941году.[606]

Кроме того, часть рядового состава партизанских отрядов порой оставляла желать лучшего в своем морально-политическом состоянии и отношении к происходившим событиям в их жизни и жизни страны: «Все они пришли в лес с чемоданами, с баулами. Настроение у всех одно: переждать месяц-другой, а там «непобедимая и легендарная» разобьет всех врагов, и можно будет возвращаться на свои должности. Чувствовалось, что они принесли в лес золотишко, и периодически его перепрятывали. Все это выглядело очень забавным. Когда начался голод, а в 3-ем Симферопольском отряде он начался очень быстро, они перемерли все как мухи. Умирали прямо у нас на глазах».[607] Подобные люди не всегда даже доходили до партизанских отрядов и их баз, что подтверждают и сами партизаны: «Пусть те, кого страшит партизанская борьба, выйдет из рядов и вернется обратно. В лес пойдут только добровольцы. Ну? От колонны отделилась кучка людей. Они боязливо сложили оружие около дороги и, вобрав голову в плечи, пошли назад. На этих трусов презрительно смотрели даже молодые девушки-

[605] Манштейн Э. Указ.соч. С.267.
[606] Поляков В.Е. Указ.соч. С.49.
[607] Там же. С.108.

санитарки, которые смело пошли с нами навстречу опасностям и лишениям».[608] То есть, не все граждане СССР хотели добровольно участвовать в партизанском и подпольном движении Крыма. К сожалению, находились и те, кто наоборот мешал противоборству с врагом в силу трусости или желания «пересидеть тяжелые времена». Касательно обороны Севастополя, то просчеты в организации партизанских отрядов и негативная деятельность рядовых партизан серьезно повлияла на военно-политическую обстановку в Крыму в целом и в обороне главной базы Черноморского флота в частности.[609]

Оборона Крыма в 1941 г. предполагала противодействие в первую очередь морскому и воздушному десантам, а уже затем оборона Перекопских позиций. Как следствие, Севастополь предполагалось оборонять с моря, а в черте города, который позже получит название Севастопольский оборонительный район, должно было действовать два партизанских отряда,- Севастопольский и Балаклавский. Говоря об этом, даже советские военные историки признавали просчеты в обороне Крыма, приводя такие данные: «...в обороне северных перешейков было около 30 тысяч, по охране побережья 40 тысяч и в глубине полуострова 25 тысяч воинов».[610] Как следствие лесные массивы и горы близ Севастополя и Балаклавы начали подготавливать к партизанским действиям, - рыть землянки, создавать продовольственные базы. А после прорыва Перекопа немецко-румынской группировкой сложилась крайне тяжелая обстановка, - наступающие немецкие войска и отступающая Приморская Армия устремились по двум направлениям,- на Керчь и на Севастополь. В это самое время «по расчетам организаторов партизанского движения, первого секретаря обкома ВКП(б) В.С.Булатова и начальника крымского управления НКВД Г.Т. Каранадзе база Черноморского флота должна была быть оставлена без боя». Но «командующий Приморской Армией генерал-майор И.Е. Петров спутал все карты: и немцам и адмиралу

[608] Македонский П.А. Указ.соч. С.18.
[609] Пинчук М. Советские партизаны: Мифы и реальность.- Вильня: Наша Будучыня, 2014. С.176.
[610] Басов О.В. Указ.соч. С.51.

Ф.С. Октябрьскому, который вместе с Черноморским флотом отбыл в Новороссийск к партизанскому командованию».[611] Таким образом, севастопольские и балаклавские партизаны вместо базирования в глубине полуострова и действий в прибрежной полосе с точностью наоборот были вынуждены базироваться вблизи моря и действовать в материковой части Крыма. Особенно трагически обстояло положение с теми базами и подготовительными мероприятиями, которые были сделаны до подхода немецко-румынской группировки к Севастополю. Так, отечественные исследователи, говоря о Севастопольском и Балаклавском отрядах, отмечали, что «в местах базирования продуктов находилась вражеская батарея, а сам партизанский лагерь был расположен в районе Мекензиевых гор», за которые сразу разгорелись ожесточенные бои.[612]

Таким образом, специфика партизанских действий и просчеты в обороне Крыма в 1941 году серьезно повлияли на партизанское движение в Крыму в целом и на оборону Севастополя в частности.

Хронологически подготовка к партизанской войне в Крыму началась с выполнения директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., когда Крымский обком партии и советские органы, в том числе НКВД, начали подготовку партизанских отрядов, остающегося подполья, закладку баз и тайников с оружием, амуницией и продовольствием.[613] Так же, подбирались кадры из числа комсомольцев и коммунистов Крыма, сотрудников органов НКВД, которые должны были остаться для подпольной работы, в том числе и в Севастополе, где подбирались гражданские лица из числа комсомольского и партийного актива, а также сотрудники силовых ведомств с теми же задачами. Б.А.Борисов, первый секретарь Севастопольского горкома партии вспоминал, что когда немецкие войска прорвали Перекопские позиции «на следующий день проведено совещание секретарей первичных парторганизаций, руководителей предприятий и учреждений. Мы рассказали

[611] Поляков В.Е. Указ. соч. С.91.
[612] Там же. С.91.
[613] Быстров В.Е. Указ.соч. С.550.

о создавшейся обстановке под Севастополем, зачитали обращение городского комитета обороны и предложили привести в боевую готовность части народного ополчения, истребительный батальон, партизанский отряд, все службы местной противовоздушной обороны».[614] При этом роль сотрудников НКВД в этих процессах была очень сильна, поэтому можно согласиться с точкой зрения современных исследователей, что «организацией партизанских отрядов занимались различные ведомства и структуры, но ведущую роль в данном процессе играли органы НКВД-НКГБ. Основной базой для формирования партизанских отрядов и диверсионно-разведывательных групп до мая 1942 года являлись истребительные отряды и батальоны. В НКВД СССР был образован штаб истребительных батальонов, а в НКВД-УНКВД СССР Белорусской, Карело-Финской, Эстонской, Латвийской, Литовской, Молдавской, Грузинской СССР, Крымской АССР, Ленинграда и Ленинградской области, Мурманской, Калининской, Ростовской областей и Краснодарского края,- оперативные группы».[615] В Севастополе этим процессом руководил начальник городского отдела НКВД Нефедов К.П., позже вошедший в состав Городского Комитета обороны Севастополя.[616] Истребительные батальоны и отряды, сформированные из числа сотрудников НКВД, в большинстве случаев стали объединяющим центром партизанских отрядов. Сотрудники силовых ведомств, всесторонне обучали и прививали навыки воинской дисциплины, боевой сплоченности, обучали обращению с оружием и азам пехотного боя.

Вопрос взаимодействия истребительных подразделений НКВД и партизанских отрядов, создаваемых партийно-административными органами власти, не был проработан и люди порой сами зачастую решали вопросы взаимодействии. Так, один из партизанских командиров Крыма вспоминал,

---

[614] Гармаш П.Г. Огненные дни Севастополя. Сборник воспоминаний// Борисов Б.А.. Коммунисты Севастополя/[Электронное издание] // http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/08.html (Проверено 20.07.21)

[615] Боярский В.И. Партизанская война: История утерянных возможностей. Мн.: Харвест: М.: АСТ, 2001. С.92.

[616] Ванеев Г.И. Указ.соч. С.30.

что «Как мы будем воевать вместе с истребительным батальоном? Этот батальон, в сущности, превратился в партизанский отряд, люди сосредоточены в одном месте, но под руководством двух разных командиров. Нам надо или разойтись в разные места или слиться в один отряд и выбрать одного командира».[617] В итоге было принято решение о создании объединенного отряда, с командованием в лице командира истребительного батальона. Надо сказать, что подобные ситуации происходили повсеместно и заканчивался не всегда благополучным исходом, доходило и до перестрелок или разоружения партизанских отрядов, которые могли в связи с начавшейся оккупацией заняться бандитизмом.

Непосредственно боевые действия партизан развернулись в Крыму только осенью 1941 году, значительно позже работы партизан Белоруссии и Украины, уже после почти полного захвата полуострова немецко-румынскими войсками. 23 октября 1941 года решением областного комитета ВКП(б) был сформирован Центральный штаб партизанского движения в Крыму (ЦШПД), а командовать партизанами был назначен А.В.Мокроусов.[618] Выбор не был случайным, так как еще в период Гражданской войны он руководил партизанской деятельностью на полуострове против войск Врангеля, а непосредственно перед Великой Отечественной войной являлся военным советником в Испании, охваченной своей Гражданской войной.[619] Среди партизанского руководства в Крыму было большое число партийных руководителей и участников Октябрьской революции и Гражданской войны. На них советское руководство делало серьезную ставку как на опытных управленцев.

5 ноября 1941 года крымские партизаны, на шестой месяц войны, нанесли первый и серьезный удар противнику, присоединившись, таким образом, к партизанскому движению на оккупированной территории СССР.

---

[617] Македонский П.А. Указ.соч. С.19.

[618] Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. С.320; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 437.

[619] Быстров В.Е. Указ. соч. С.552.

Ичкинский партизанский отряд под командованием М.И.Чуба в бою с врагом уничтожил 123 немецких солдата и офицера. Кроме того в эти же дни отличились отряды партизан Симферопольского, Евпаторийского и Бахчисарайского отрядов, а в целом до конца года смогли нанести противнику урон до тысячи солдат и офицеров противника.[620] В дальнейшем, от них не отставали и партизаны Севастопольского и Балаклавского отрядов. Так, уже 11 ноября «партизаны Севастопольского отряда под командованием В.В. Красникова взорвали мост на Ялтинском шоссе в районе Варнутки и заминировали шоссе в десяти местах».[621] Тем самым партизаны этих двух отрядов срывали переброску военнослужащих и техники противника на Севастопольский участок фронта, который отражал первый штурм города со стороны немецко-румынской группировки.

В тот самый момент, когда партизаны вступили в свои первые бои, они столкнулись с рядом проблем, характерных не только для Крымского театра военных действий, но приобретших на полуострове наиболее трагический размах. Это касалось недоработок, незнания реалий военного времени, личные качества командиров серьезно сказывались на боевых действиях крымских партизан.

Анализируя уровень подготовки партизанского движения Крыма в момент до занятия полуострова противником, можно сказать, что подготовка велась, но были допущены ряд грубых ошибок, имевших драматические последствия в ходе боев, в том числе в черте Севастопольской городской агломерации.[622]

Во-первых, это продовольственная проблема. Продовольственные базы закладывались без учета специфики военного времени, вблизи населенных пунктов и дорог Крыма. Так, например, отечественный исследователь В.Е. Поляков отметил недостатки в организации партизанского отряда из селения

---

[620] Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. С.321; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 661.
[621] Ванеев Г.И. Указ. соч. Том 1. С.79.
[622] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 437; Оп. 1. Д. 971.

Колай.[623] Не лучше ситуация обстояла в других отрядах, данный отряд не был каким-то исключением из правил. Кроме того, некоторые отряды вообще не смогли получить продовольствие, как например Алуштинский, из-за слишком быстрого продвижения в Крыму немецких войск.

В некоторых случаях, партизанские командиры уничтожали свои базы, чтобы они не достались врагу, в том числе с продовольствием и уходили с советскими войсками, как это произошло в Тельмановском отряде, где командир партизанского отряда Гринберг «поджег и подорвал свою базу на Туклу*** сам».[624] Подобное отношение к продовольственному обеспечению привело к тому, что уже осенью 1941г. в партизанских отрядах начался голод, который приобрел страшные масштабы.

Резюмируя продовольственную проблему в конце 1941 года, отечественные исследователи отмечали, что «голод надвигался не по дням, а по часам, становясь самым беспощадным врагом крымских партизан».[625] Но оказалось, что даже это было не самым страшным: «Справка о личном составе 4-го партизанского отряда сообщает: 27 августа 1943 г.: убито в боях 14, умерло с голоду 6, пропало без вести 2, расстреляно за людоедство 3».[626] «Один из партизан как-то рассказал, что в 1933г. жил на Украине, перенес голод. Как бы, между прочим, сказал, что те, кто ел мясо умерших, остались живы, а те, кто не ел,- умерли голодной смертью. Нам, мол, тоже это грозит со дня на день. Под впечатлением услышанного, четыре партизана решили спасти себя от голодной смерти употреблением мяса погибших партизан. Другие партизаны участия не принимали, к мясу не прикасались. Несмотря на то, что все это делалось открыто, на их глазах, никто не решился остановить уголовно наказуемые действия четырех, все заняли нейтральную позицию».[627] Командование Севастопольским оборонительным районом,

---

[623] Поляков В.Е. Указ. соч. С.50.
*** Возвышенность в Красногвардейском районе Крыма.
[624] Поляков В.Е. Указ. соч. С.56.
[625] Там же. С.105.
[626] Там же. С.175.
[627] Там же. С.174.

делало все возможное для продовольственного снабжения партизан Крыма: «это была щедрая братская помощь борющихся защитников Севастополя народным мстителям. Цепкие пальцы голода разжались. Ослабевшие и истощенные партизаны быстро поднимались на ноги».[628] Ситуация доходила до того, что умирали от голода командиры партизанских отрядов, которые и должны были распределять продовольствие среди подчиненных.

Во-вторых, это проблема авиасообщения с партизанами Крыма. Это авиасообщение и авиаснабжение было, но при этом оно было крайне скудным и эпизодическим.[629] Командование Северокавказского округа стремилось снабжать партизан, но сделать это было крайне трудно. Ведь, чтобы добраться до партизан, надо было перелететь линию советско-германского фронта и далее над оккупированным Крымом или облететь большой участок Черного моря и заходить на партизанский аэродром уже со стороны моря. Как отмечали этот факт современные отечественные исследователи: «Прокладывая путь к партизанам, советские летчики проявляли исключительный героизм. Полеты к партизанам, совершавшиеся только ночью, были сопряжены с огромными трудностями. Посадку и взлет, летчики производили на примитивном, неосвященном аэродроме. По пути в Крым им приходилось выдерживать сильный заградительный огонь вражеской зенитной артиллерии».[630] Надо понимать, что к ночным полетам, добавлялись еще и вопросы пилотирования и посадки в условиях высокогорного разряженного воздуха с весьма разными воздушными потоками, что весьма отлично от посадки в белорусских или украинских лесах. Это сказывалось на потерях самолетов, опытного летного состава и невозможности порой долететь и приземлиться у крымских партизан: «Как их ждали в лесу! Каждую ночь до 200 человек бойцов выходили на охрану аэродрома. Голодные и раздетые, зимней одежды не было, лежали в охранении по 10-12 часов. Без смены, без костров. Остальные охраняют

[628] Македонский П.А. Указ.соч. С.75
[629] РГАЭ. Ф. 9527. Оп.5. Д.183.
[630] Быстров В.Е. Указ.соч. С.558.

дальние подступы к аэродрому. Каждую ночь партизаны выволакивали по 50-60 человек больных на площадку, а утром несли обратно, 2-3 человека умирали и их оставляли возле аэродрома, который постепенно превращался в партизанское кладбище. Люди роптали: «Площадь спасения превратилась в площадь смерти».[631]

Необходимо сказать, что связь крымских партизан и сражающегося Севастополя была установлена только в апреле 1942 г., но начиная с этого момента, СОР всестороннее помогает партизанам Крыма. За установление связи с партизанами летчик Филипп Герасимов был представлен и награжден «Золотой звездой Героя Советского Союза», даже несмотря на то, что доставив рацию, он не смог взлететь из-за описанных выше климатических особенностей и разбил самолет. Все это говорит о том значении, которое придавалось связи с крымскими партизанами со стороны командующих Севастопольским оборонительным районом. Продовольственная проблема оставалось все также одной из наиболее тяжелых у партизан и летчик-истребитель Ф.Герасимов, совершив посадку у партизан 10 апреля 1942 года, об этом говорит.[632]

Один из командиров партизанского отряда М.Македонский вспоминал, что «командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский лично следил за организацией продовольственной помощи партизанам. По его приказанию, штаб военно-воздушных сил флота назначил ответственным лицом за переброску грузов мастера парашютного спорта капитана М.И. Саломашенко и выделил в его распоряжение несколько тяжелых гидросамолетов».[633] Но на «большой земле» было не так много высокопрофессиональных летчиков, способных в таких тяжелых условиях, летать на снабжение Крымских партизан. Это специалисты, готовящиеся годами, а не ускоренными курсами подготовки летного состава. Поэтому были характерны такие случаи как: «29,30,31 октября 1941 г. партизаны вели

[631] Поляков В.Е. Указ.соч. С.166.
[632] Там же. С.262.
[633] Македонский П.А. Указ. соч. С.76.

тяжелые бои и не могли обеспечить безопасность самолетов. Наконец, закончился прочес, но поступила команда отправить ЛИ-2 в Москву: им предстояло забрать из Ирана летный состав будущей французской эскадрильи «Нормандия». Доставив французов в Москву, летчики надеялись вновь вернуться в Крым, но поступил приказ лететь в Англию для получения переданных СССР транспортных самолетов».[634] Но крымские партизаны, нуждающиеся в продовольственных ресурсах, сами оказывали помощь другим ресурсом - информацией: «Большую помощь оказывают партизаны, командованию Красной Армии, добывая ценнейшие разведывательные данные. По указаниям партизан наша авиация уничтожает вражеские самолеты на аэродроме Сарабузе и Саках».[635] Партизаны наводили советские самолеты на приоритетные вражеские цели в Крыму. Не стало исключением и сотрудничество Севастопольского оборонительного района с крымскими партизанами в данном вопросе.[636] Необходимо сказать, что эти прожекторные установки сильно мешали снабжению Севастополя, и их устранение позволило повысить количество перебрасываемых грузов в Севастополь.

В-третьих, на ведение боевых действий крымских партизан оказывал влияние вопрос вооруженности личного состава и тактика ведения боев. Так, были часты случаи, «когда у партизан не хватало оружия, и они захватывали его у противника в бою. Как вспоминает один из крымских партизан: «Штаб отряда провел операцию для того, чтобы достать оружие. Дерзким налетом был уничтожен гарнизон одного селения, а партизаны добыли 53 карабина и 2 пулемета».[637] Партизаны свидетельствовали о том, что начало партизанской борьбы они встретили с незначительным количеством оружия: «у нас имелись английские винтовки, трофеи гражданской войны, японские «Арисака» с ножевым штыком, довольно длинным, польские винтовки «Маузер» немецкого производства с орлами на прикладах. Ни одного

[634] Поляков В.Е. Указ.соч. С.274.
[635] Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов.- Б.м.: Политуправление Черноморского флота, 1943. С.19.
[636] Поляков В.Е. Указ. соч. С.130.
[637] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.23.

автомата не было, даже самозарядных винтовок в отрядах не имелось».[638] Советские исследователи подтверждали эти факты. Так, например, О.В. Басов в своем исследовании писал, что «на вооружении партизан были винтовки различных образцов и имели один-два пулемета на отряд».[639] Дополняют проблему вооруженности партизан опубликованные современными исследователями воспоминания партизан, не прошедшими цензуру в советское время: «В дни формирования отряда дали нам винтовки. Но что это были за винтовки? Какие-то трофейные: японские, финские, еще какие-то. Патронов к ним по сотне! Израсходуешь боезапас и все,- выбрось эту трофейку,- патронов то никто не даст больше!».[640] Наиболее полно проблему с вооружением партизан подвели современные исследователи, проанализировав большое количество исторических источников. Так, В.Е. Поляков сообщает: «более половины оружия у партизан были трофейными,- 250 пулеметов, 254 автомата, 5415 винтовок и 17 орудий».[641] Таким же образом были вооружены партизаны Севастопольского и Балаклавского партизанских отрядов, в количественном и качественном отношении.

Что касается партизанской тактики, то изначально предполагалось использовать схемы пехотного боя, но в короткие сроки после первых боев от подобной практики пришлось отказаться[642]. Этот вопрос проявил себя еще и в том, что между партийными, армейскими руководителями и командирами, имеющими опыт партизанской борьбы, разгорались ожесточенные споры о методах борьбы. Армейские командиры по-прежнему придерживались сугубо уставных форм боевой деятельности, партийные руководители настаивали на наглядной агитации, на форме партизан, в период выдвижения на операции и в момент их проведения, аргументируя необходимостью поддержки населения в политической борьбе. Но наиболее опытные командиры, некоторые из которых имели опыт Гражданской,

[638] Поляков В.Е. Указ.соч. С.52.
[639] Басов О.В. Указ.соч. С.194.
[640] Поляков В.Е. Указ.соч. С.52.
[641] Там же. С.64.
[642] Там же. С.64-65

Испанской войны, настаивали на тактике: «атака-отход», что в итоге и претворялось в жизнь. Так, партизанские командиры свидетельствовали, что «дальнейшая борьба в тылу врага показала, что шаблонное применение боевого устава пехоты успеха принести не могло. Специфика этой борьбы требовала совершенно иного подхода, учила людей вырабатывать свои, чисто партизанские методы истребления гитлеровцев».[643] И эти правила были введены в короткие сроки, главными из которых были малочисленность групп нападения и их маневренность. Вместо действия крупными партизанскими соединениями партизанские отряды стали разбиваться на несколько основных групп, которые работали по принципу: первая группа работает по противнику, вторая готовится к выходу, она же дежурная или резервная, третья отдыхает. Один из основных принципов партизан оккупированных регионов и местностей на начальном этапе войны, в том числе и в Крыму и в Севастополе,- стремительный удар по противнику и быстрый отход в свои оперативные зоны. Уже в период ноября-декабря 1941 г. данная тактика были применена крымскими партизанами и в первую очередь для сжижения давления войск противника на Севастополь, который отражал последовательно два первых штурма. Вдоль транспортных артерий вокруг Севастополя «было организовано беспрерывное кольцевое действие боевых групп отрядов, которые срывали переброску техники, боеприпасов и живой силы врага к Севастополю, вынуждали гитлеровцев держать большие силы для охраны коммуникаций».[644] Этими действиями партизаны Крыма срывали снабжение немецких войск и частично их уничтожали на основных магистралях Крыма, что приводило к снижению активности немецко-румынской группировки под Севастополем, нехватки боеприпасов в ее рядах, срывам планов снабжения. Так, этими оперативными зонами были территории, освобожденные партизанами, назывались «партизанскими краями или районами», а вот полностью подконтрольные «партизанские

[643] Македонский П.А. Указ.соч. С.22.
[644] Быстров В.Е. Указ.соч. С.555.

зоны» были уже полностью свободны от войск противника, где даже были восстановлены органы советской власти.[645] Именно подобные партизанские районы были созданы в горно-лесистой части Крыма. И именно туда летом 1942г. направлялись защитники Севастополя, которые смогли вырваться на оперативный простор Крыма после падения севастопольского участка советско-немецкого фронта

В-четвертых, необходимо понять, каково было по своему социальному составу партизанское движение. Партизаны Крыма - это в основном военнослужащие, государственные служащие, партийные руководители и активисты.[646] Советская сторона отражала социальный состав следующим образом - представители сельской молодежи и бывшие красноармейцы.[647] При изучении данного вопроса интересна точка зрения Манштейна на партизанское движение в Крыму: «Причина того, что в Крыму с самого начала развернулось мощное партизанское движение, доставлявшее нам немало хлопот, заключалось в том, что среди населения Крыма помимо татар и других мелких национальностей было слишком много русских. Часть из них была поселена в Крыму только при большевистском режиме. Из них, а также из многочисленных военнослужащих, рассеянных в первых боях частей и рекрутировались преимущественно партизаны».[648] Этот подход Манштейна не совсем логичен и носит скорее рассово-политические сентенции, характерные для государственного режима Германии той эпохи, чем учитывает реальную обстановку, в которой население страшилось оккупации.

Необходимо понимать и то, что мобилизационный резерв из молодежи и военнообязанных Крыма был полностью исчерпан. Призванные крымчане в основном пополняли воинские формирования на полуострове, а ценные специалисты из числа молодых работников были направлены в эвакуацию.

---

[645] Боярский В.И. Указ.соч. С.230.
[646] Пинчук М. Указ.соч. С.176; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 660; Оп. 1. Д. 661; Оп. Д. 662; Оп. 1. Д. 663; Оп. 1. Д. 664; Оп. 1. Д. 665; Оп. 1. Д. 666.
[647] Великая отечественная война в воспоминаниях молодежи. Сборник статей. СПб.: СПГУТД, 2008. С.16.
[648] Манштейн Э. Указ.соч. С.267.

Как следствие, в молодежной среде Крыма остались люди «ограниченно годные для армии», которые самостоятельно или организовано направлялись в партизанские отряды.[649] Особенностью процесса «ухода к партизанам» становились серьезные проблемы с государственно-партийными органами. Дело в том, что в СССР существовала жесткая система не просто прописки и воинского учета граждан, но и такая категория как «партийный учет», чье нарушение могло влечь за собой самые серьезные нормативно-правовые проблемы. И люди, «ушедшие или направленные в партизаны», оказывались обвинены в «самовольном выезде без снятия с партийного учёта», что влекло за собой исключение из партии.[650] Кроме того, практиковался и бюрократический формализм, когда комсомольскому и партийному активу сельских пунктов предписывалось создавать партизанские отряды, что выигрышно смотрелось в отчетной документации, но приводило к самороспуску этих партизанских отрядов сразу же после получения предписания в селе. В этом случае очень сильно проявил себя социальный фактор,- назначенные командиры партизанских отрядов из числа сельского административно-политического руководства распускали свои отряды в случаях, когда эти села были социально неблагополучны и материально небогаты. Но, например, такая ситуация произошла в населенных пунктах Севастопольской городской агломерации, жители которой составили Севастопольский партизанский отряд и активно включились в партизанское движение. Так руководители Севастопольской обороны вспоминали, что «через линию фронта ушел в тыл врага наш севастопольский партизанский отряд. В нем было больше двухсот человек, в том числе сто сорок коммунистов и комсомольцев. Командиром отряда стал член горкома Владимир Васильевич Красников».[651] Социальный состав крымских партизан оказался значительно разбавлен советскими военнослужащими, что

[649] Поляков В.Е. Указ.соч. С.54.
[650] Там же. С.44.
[651] Гармаш П.Г. Огненные дни Севастополя. Сборник воспоминаний.//Б.А. Борисов Коммунисты Севастополя/[Электронное издание] http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/08.html (Проверено 20.07.21)

значительно сказалось на первом отражении немецкого удара на Севастополь. Например, командир 48 кавалерийской дивизии генерал-майор Аверкин, оказавшись с остатками вверенного ему подразделения в крымских лесах, стал во главе 4-го партизанского района, а комиссар, начальник штаба дивизии стали соответственно комиссаром и начальником штаба партизанского района. В итоге, когда в конце октября немецко-румынская группировка рвалась к Севастополю, перед Бахчисараем ее останавливали немногочисленные резервы гарнизона базы флота,- курсанты «Военно-морского училища береговой обороны имени ЛКСМУ». В то самое время, когда в крымских лесах находилось 35% личного состава войск 51-ой и Приморской армий, из них 438 командиров и политработников.[652] Кроме того, социальный состав крымских партизан интересен и тем, что в его составе воевало большое количество моряков из числа частей, гарнизонов и соединений Черноморского флота, базировавшихся в различных местах крымского побережья. Это не просто признавалось советскими органами власти, но и отражалось как героическая действительность. Например, в боевых листках, составляемыми и редактируемыми политруками сражающегося Севастополя отмечалось, что «в составе партизанских отрядов героически сражаются и наши черноморские моряки. Младший лейтенант Неугасимов вместе с одним краснофлотцем и тремя местными жителями уничтожил немецкую заставу и захватил двух «языков». Отряд моряка Каменского разгромил немецкий гарнизон в селении Баксан и румынский кавалерийский эскадрон».[653] В то же самое время партизаны активно помогали пробиваться отступающим отдельным военнослужащим, воинским группам и целым подразделениям, сохранившим боеспособность на Севастополь. Постоянно поступали сведения, что «наши партизаны успешно ведут бои с противником, выводят из окружения воинские подразделения,

[652] Поляков В.Е. Указ.соч. С.72.
[653] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.22.

доставляют командованию сведения о расположении врага».[654] Это были солдаты и офицеры Приморской и 51-ой армии, оказавшиеся в странной ситуации,- они еще не окружены, противник только вырвался на оперативный простор, но если они не успеют пробиться в Севастополь, у них есть все шансы попасть в плен, так как они на территории полуострова. По воспоминаниям крымских партизан, зафиксированных исследователями, происходила страшная картина: «в первых числах ноября 1941г. лес оказался буквально наводнен отступающими красноармейцами, краснофлотцами и пограничниками».[655] И многие из них понимали, что в отличии от Центрального участка фронта на московском направлении, в Крыму минимум лесов и территория ограничена полуостровом, что добавляло к разнородной социальной среде еще и не простую психофизическую обстановку неизвестности ближайшего будущего.

В-пятых, спецификой партизанского движения Крыма являлись постоянные проблемы с радиосвязью, а зачастую ее отсутствием. И в этом вопросе главным спасителем выступал сражающийся Севастополь. Севастопольский оборонительный район для поддержания связи с партизанами прибегал к систематической отправке в крымские леса радистов. Он направлял своих немногочисленных узкоспециализированных специалистов и радиостанции, которых самим зачастую не хватало для связи с частями и соединениями в секторах обороны города. Связано это было с тремя основными проблемными вопросами. Во-первых, личностные качества командующего партизанским движением в Крыму А.В. Мокроусова, чьи взгляды на современную войну были архаичными, но который внедрял их в подчиненную ему организацию. Мокроусов издает Приказ № 1 20 октября 1941 г.: «В связи с тем, что радиосвязь будет установлена моим штабом,- начальникам районов своих передатчиков не иметь, а если таковые уже

[654] Гармаш П.Г. Огненные дни Севастополя. Сборник воспоминаний.//Б.А. Борисов Коммунисты Севастополя/[Электронное издание] http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/08.html (Проверено 20.07.21)
[655] Поляков В.Е. Указ.соч. С.64.

установлены, то пользоваться ими только по моим указаниям».[656] Кроме того, он отдает распоряжение, в подконтрольных ему партизанских районах осуществлять связь только через курьеров или как он их называл «связных». Такое решение руководства партизанским движением приводило к полной дезориентации партизан Крыма, к отсутствию взаимодействия, и к низкой эффективности борьбы с немецко-румынскими войсками. Зачастую происходило так, что до того как один партизанский отряд визуально не услышит стрельбу с территории соседнего партизанского отряда, не станет известно о проведении карательной операции против партизан и необходимости прийти на помощь. Начальник отдела связи Центрального штаба партизанского движения вспоминал, что «радио позволяло проводить многие крупные операции объединенными партизанскими силами, наносить фашистам значительный урон в живой силе и боевой технике, взрывать их склады и базы, уничтожать вражеские аэродромы с находящимися на них самолетами, надолго выводить из строя важнейшие коммуникации. Без надежной связи было бы немыслимо оперативное снабжение партизан вооружением и боеприпасами, медикаментами, всем тем, что крайне необходимо для успешных боевых действий в оккупированных неприятелем районах».[657] Кроме того, без связи партизаны не могли помочь защитникам Севастополя и реализовать информацию, полученную разведывательной авиацией Черноморского флота о передвижении войск противника, для минирования его коммуникаций и на штурм Севастополя через Крым проезжали и добирались эшелоны войск и техники без каких-либо потерь. Во-вторых, в Крыму серьезно не хватало радиотехники. Основной партизанской радиостанцией была «Север», но специфика начала войны, эвакуации промышленных предприятий и большие потери в технике вылились в то, что радиостанций катастрофически не хватало. В начале войны для организации партизанского движения срочно потребовалось

[656] Поляков В.Е. Указ.соч. С.48.
[657] Артемьев И. Н. В эфире- партизаны.- М.: Воениздат, 1971 // http://militera.lib.ru/memo/russian/artemiev_in/index.html [дата обращения 20.07.21г.]

большое количество малогабаритных и экономичных радиостанций, и уже осенью 1941 г. «были разработаны портативные станции «Север», «Белка», «Север-бис». Выпуск радиостанции «Север», ставшей легендарной у партизан и разведчиков, начался в Ленинграде в июле 1941 г. на заводе имени Козицкого. После эвакуации завода производство радиостанций прекратилось, но в декабре 1941 г., уже в блокадном городе, выпуск был возобновлен на остатках заводского оборудования и продолжался до конца войны».[658] Основная проблема заключалось в том, что производство радиостанций смогло развернуться только в конце 1941 г., а наиболее массово начали выпускаться с 1942 г., когда количество партизан Крыма после падения Севастополя резко сократилось, и новые радиостанции было уже некому поставлять. Например, для радиосвязи партизанских отрядов, оперативных групп и отдельных разведчиков с 1942 г. начали выпускаться усовершенствованные радиостанции типа "Белка" и "Набла", обладающие дальностью в 1000км.[659] Но радиостанций подобного типа у крымских партизан были единицы, массово они стали появляться только в период подготовки к освобождению Крыма. А сами крымские партизаны вспоминали тяжелейшую осень 1941 г. следующим образом: «Более полумесяца находимся в лесу, рации нет. А противник распространяет всякого рода провокационные слухи вроде того, что взят Ленинград, окружена Москва, в течение двух недель будет занят Севастополь, а затем очередь дойдет и до партизан».[660] Ситуацию спасал Севастополь, который выделял радиостанции по линии Черноморского флота и НКВД, которых в свою очередь в Севастополе не хватало для связи с частями и соединениями секторов обороны города. И, наконец, третьим вопросом в деле радиосвязи, вызывавшим серьезную обеспокоенность, являлась острая нехватка специалистов, которых изначально в партизанских отрядах было

[658] Борисова Н.А., Марченков В.К., Орлов В.В. Указ. соч. С.131.
[659] Мозохин О.Б., Гузо Л.Н., Бычков В.Н., Тертичко В.П. Спецхтехика на защите государства.- М.Граница, 2004. С.124.
[660] Поляков В.Е. Указ.соч. С.79.

ограниченное количество, а по мере становления партизанского движения и начала боевой деятельности партизанские радисты тоже несли потери и порой весьма серьезные. Как свидетельствовали партизанские руководители, потери связных в Крыму были огромными - «только с ноября 1941г. по июль 1942 г. 31 связист».[661] Особенности подготовки связистов в военное время выражались в краткосрочных, сжатых курсах основ радиосвязи и быстром убытии на фронт. Это приводило порой к тому, что молодой радист, будучи десантированным над территорией полуострова мог, находясь в пути и добравшись наконец до партизанского отряда, просто забыть принципы шифровки, так как его учили наспех.[662] А уже попав в отряд, молодой специалист сталкивался с проблемами организации связи,- разделение шифровальной службы и службы связи. Во многих отрядах, не имеющих радиоузлов, обе службы выполняли два, а то и один специалист, это обеспечивало оперативность и гибкость связи, потому что у каждого радиста, был собственный шифр и он имел возможность в любое время работать со своим узлом, не ожидая, когда шифровальщик подготовит радиограмму. В случаях, когда службы были разделены, между двумя специалистами возникали служебные трения, связанные с особенностями выполнения работы. У крымских партизан таких трений среди радистов не было, потому что многие радисты, будучи моряками Черноморского флота, работали по флотской системе. Кроме того, радиосвязь часто прерывалась из-за того, что партизанские отряды попадали в сложные погодные метеоусловия, в момент радиосвязи партизанское соединение участвовало в бою или подвергалось бомбардировке или авиаударам и последними фразами в сообщениях были,- «Здесь бой», «Здесь бомбят».[663]

Радистов перед заброской в крымский тыл противника информировали только частично, говоря об отсутствии связи, а не о нестабильной

---

[661] Поляков В.Е. Указ.соч. С.79.
[662] Артемьев И. Н. В эфире,- партизаны.- М.: Воениздат, 1971 // http://militera.lib.ru/memo/russian/artemiev_in/index.html [дата обращения 20.07.21 г.]
[663] Там же.

обстановке. Например, разведчик-радист Великанов вспоминал о такой инструкции перед заброской: «Почти весь полуостров находится в руках оккупантов. Линия Крымского фронта,- в районе Акмонайского перешейка. На подступах к Севастополю идут ожесточенные бои. В горах и лесах Крыма действуют несколько партизанских отрядов. Но связь с ними пока не очень налажена, контакт лишь с одним отрядом. Так вот, вас выбросят в район, занятый партизанами. Словом, в безопасное место».[664] В свою очередь немецкая сторона активно противодействовала не просто партизанским группам, но и проводила точечные акции по нейтрализации радистов, как ценных специалистов, на которых держалась организация, снабжение и координация партизанских объединений. Известно, что существовала специальная инструкция, которая «предписывала карательным подразделениям захватывать или уничтожать радистов в первую очередь. Для этой цели гитлеровцы засылали в наши соединения и отряды специально обученных диверсантов. Нескольких таких лазутчиков удалось, например, разоблачить и обезвредить у крымских партизан».[665] Но порой происходили ситуации и наоборот, когда засланным диверсантам удавалось уничтожить радистов, а порой еще и незаметно исчезнуть из партизанского отряда, до обнаружения преступления. Руководство Севастопольского оборонительного района, в свою очередь, осознавая значимость взаимодействия с крымскими партизанами в совместной борьбе с немецко-румынской группировкой, создало специальный отдел по организации связи, снабжения, полготовки партизанских кадров. Как вспоминали руководители этого отдела,- «было у нас отделение, ведавшее связью с партизанскими отрядами, возглавлявший его батальонный комиссар В.Я. Рыбалкин к концу ноября имел контакт с пятью отрядами, действовавшими в районах Судака, Карасубазара, Алушты, Ялты и Ай-Тодора, в которых тогда насчитывалось более пяти тысяч

[664] Великанов В. Д. Тихое оружие. Выскубов С. П. В эфире «Северок».- М.: Молодая гвардия, 1986 // http://militera.lib.ru/memo/russian/vyskubov_sp/index.html (Проверено 20.07.21)
[665] Артемьев И. Н. В эфире,- партизаны.- М.: Воениздат, 1971 // http://militera.lib.ru/memo/russian/artemiev_in/index.html [дата обращения 20.07.21г.].

человек. Удалось наладить регулярную связь и с главной базой крымских партизан. В отряды отправляли десятки тысяч листовок, рассказывавших населению Крыма об обороне Севастополя, о событиях на фронте».[666] Причем данная работа по взаимодействию с крымскими партизанами была проведена руководством Севастопольского оборонительного района гораздо быстрей и оперативней, чем Ставкой Верховного Главнокомандования. Отдел по работе с партизанами появился в Севастополе уже зимой 1942 г., в то время как Центральный штаб Партизанского движения, созданный в мае 1942 г. создал подобный отдел для работы с партизанами Крыма только летом 1942 г. Генерал Гречко свидетельствовал о создании штаба на Кавказе партизанского отряда, что «для руководства партизанской борьбой на Северном Кавказе и в Крыму, постановлением Государственного комитета обороны от 3 августа 1942 г. при Военном Совете Северокавказского фронта был создан Южный штаб Партизанского движения. Его возглавил полковник Х.Д. Мамсуров. В состав штаба вошли секретарь Краснодарского крайкома партии П.И. Селезнев, секретарь Крымского обкома партии В.С.Булатов, а также В.И. Капалкин, П.И. Александрюк и Н.М. Киселев. При штабе была организована школа по подготовке партизанских кадров».[667] Сложная оперативная обстановка на различных участках фронта до середины 1942 г. не позволяла массово задействовать на поддержку и развитие партизанского движения ресурсы и личный состав. В том числе данная ситуация наблюдалась и в Крыму, но всестороннюю помощь и поддержку партизанам оказывал сражающийся Севастополь, направляя свои скудные запасы и резервы. Ситуацию по Крыму, в вопросах снабжения связистами и радиостанциями удалось решить только в 1943 г., «когда резерв специалистов и техники мы создали лишь к концу 1943 года».[668]

---

[666] Сахаров В.П., Жидилов Е.И., Харитонов А.Д. У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя.- М.: Военное издательство министерства обороны, 1967. С.97
[667] Гречко А.А. Битва за Кавказ. - М.: Военное издательство, 1967 // http://militera.lib.ru/memo/russian/grechko_aa_1/index.html (Проверено 20.07.21)
[668] Артемьев И. Н. В эфире,- партизаны. - М.: Воениздат, 1971// http://militera.lib.ru/memo/russian/artemiev_in/index.html [дата обращения 20.07.21 г.].

Проанализировав проблематику становления, развития, боевой деятельности и хозяйственно-бытового обеспечения крымских и севастопольских партизан, необходимо изучить взаимодействие непосредственно Севастопольского оборонительного района и партизан Крыма. Насколько эти две советские силы взаимодействовали и дополняли друг друга в совместной борьбе с противником.

С момента занятия противником Крыма в конце 1941 г. единственной советской территорией оставалась Севастопольская городская агломерация. Весь период обороны Севастополя защитники города и партизаны Крыма находились в боевом тандеме по противодействию немецко-румынской группировке. Даже, несмотря на отсутствие связи и как следствие координации действий в конце 1941 г. - начале 1942 г., можно сказать, что партизанские акции на коммуникациях и в тылу противника оказывали серьезное влияние на штурм Севастополя войсками противника. Чем меньше войск и техники противника добиралось до частей и соединений, штурмующих Севастополь, тем легче было защитникам города, тем меньше были потери и затраченные на отражение атак ресурсы. В целом, взаимодействие Севастопольского оборонительного района и партизан Крыма необходимо разделить на два основных периода:

1) с ноября 1941 г. по конец июня - начало июля 1942 г. В этот период советские войска и Черноморский флот обороняли Севастополь вплоть до момента его захвата противником, поддерживали партизанское движение Крыма, которое в свою очередь активно помогало защитником города, противодействуя противнику в немецко-румынском тылу;
2) с июля 1942 г. по лето 1943 г. В этот период в связи с окончанием обороны Севастополя, снабжение партизанского движения со стороны защитников города прекратилось, что выразилось в резком сокращении численности партизан и как следствие,- сокращении проводимых

операций, в основном сосредоточившись на разведке и проведении агитационно-массовой работы среди населения Крыма.

С момента занятия противником Крыма в конце 1941 г. единственной советской территорией, на которой продолжалась борьба с противником, оставалась Севастопольская городская агломерация. Понимая это, руководители партизанского движения Крыма поставили перед своим отрядами задачу: «...ослабить удар фашистов на Севастополь, парализовать движение противника по основным дорожным магистралям и путем нападения на вражеские гарнизоны оттянуть на себя как можно больше немецко-фашистских войск».[669] Для помощи защитникам Севастополя на основных транспортных артериях, по которым подвозился личный состав, техника, боепитание и продовольствие и ведущих на Севастопольское направление шоссейных дорогах: Симферополь-Алушта; Симферополь-Бахчисарай; Алушта-Ялта и железной дороге Джанкой-Симферополь-Севастополь организовывается постоянное присутствие боевых групп партизан. Немецкая сторона в свою очередь была вынуждена усиливать охрану коммуникаций, и не всегда это делалось за счет румынских войск, многие из подразделений охраны были армейским частями, которых остро не хватало под Севастополем. Результаты проведенных операций были серьезными: партизанами проведено около 150 боевых операций, 55 боев против карателей и уничтожено около трех тысяч военнослужащих противника, сорваны и задержаны проезды эшелонов противника на севастопольский участок фронта.[670] Хотя современные исследователи, пересматривая объективность исторических данных и опираясь на первоисточники в лице архивных материалов, говорят о нанесении потерь немецко-румынской группировке в 1000 человек.[671] Эти показатели все равно являются значительной цифрой, не умаляет героизм партизан Крыма, но

[669] Басов О.В. Указ.соч. С.554.
[670] Там же. С.555.
[671] Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. С.321.

вносят историческую объективность в события битвы за Севастополь. Даже командующий 11-ой немецкой армией Манштейн признавал партизанскую угрозу для снабжения частей, штурмующих Севастополь, поэтому привлекал все больше частей для борьбы с партизанами, но старался использовать румынских сателлитов. Это привело к тому, что в горном Крыму пришлось отдать приказ на размещение штаба 4 румынского корпуса с подчиненной ему 4 горной бригадой, «так как здесь с самого начала развернулось сильное, хорошо подготовленное партизанское движение. Партизанские отряды получили большое пополнение за счет рассеянных в горах частей Приморской армии и постоянно угрожали нашим коммуникациям как на дороге на Феодосию, так и на Севастопольском фронте южнее горной гряды».[672] Между вторым и третьим штурмом Севастополя, зимой и весной 1942г. крымские партизаны решали и чисто свои внутренние вопросы- выстраивались структуры партизанских отрядов, хозяйственно-бытовая сфера, регулировались вопросы территориальных разделений между партизанскими отрядами. Но одной из самых тяжелых проблем был человеческий фактор, катастрофически уменьшались партизанские отряды. Это происходило по разным причинам, из-за малодушия отдельных граждан, пораженческих и пронемецких взглядов других немногочисленных граждан, а еще из-за попыток военнослужащих 51-ой и Приморской армий, оказавшихся в партизанах, прорваться в Севастополь. Как отмечают современные исследователи: «Шел отсев недостаточно стойких бойцов и командиров, часть из которых дезертировала из леса. Кроме того, Красноперекопский и Сакский отряды были оттеснены врагом в Севастополь и влились в части Красной армии. Несколько отрядов вообще не смогли выйти в лес. Наконец, имели место случаи открытого предательства, когда командиры распускали свои отряды, громили их материальные базы, а в худшем случае, наводили карателей на своих бывших товарищей, как

[672] Манштейн Э. Указ.соч. С.255.

например, Албатский отряд. Многие отряды сильно поредели».[673]В то же самое время крымские партизаны все активней разворачивали свою боевую деятельность уже не просто на коммуникациях противника, но и против оккупационных и коллаборационистских структур и организаций на полуострове. Но по прежнему основной задачей являлась помощь сражающемуся Севастополю: «нападая на немецкие гарнизоны, взрывая мосты, пуская под откос вражеские эшелоны с живой силой и техникой, партизаны нарушали нормальное снабжение немецко-фашистских войск, затрудняли переброску резервов противника под Севастополь, держали противника в постоянном страхе и напряжении».[674] Подтверждали эту нервную напряженность в своем крымском тылу и немецкие военнослужащие, захваченные в плен защитниками Севастополя. Так, пленный ефрейтор Петер Вальтер из состава 24 артиллерийского полка в ходе допросов показал, что «с населением в оккупированных территориях СССР солдаты никакой связи не поддерживают, на Украине и в Крыму немецких солдат население не встречает, настроено враждебно, постоянно беспокоят партизаны».[675]

Кроме того, крымские партизаны помогали и в проведении крымских десантов, в свою очередь после неудачного окончания которых в Керчи и Евпатории многие из советских военнослужащих пополнили ряды крымских партизан. Обеспокоенность этими процессами высказывало и немецкое руководство, причем сначала в связи с подавление Керченско-Феодосийского десанта, когда «вокруг портового города Керчь, лежащего у пролива, выросли крупные промышленные предприятия, в окружающих горах имелись разветвленные скальные пещеры, в которых скрывались партизаны, а позже остатки разбитого десанта».[676] А затем и по поводу участия партизан и подпольщиков в Евпаторийском десанте,- «посланным в

[673] Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. Указ.соч. С.321.
[674] Басов О.В. Указ.соч. С.560.
[675] ЦАМО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 50. 25 стрелковая дивизия. Материалы опроса военнопленных. Л.3.
[676] Манштейн Э. Указ.соч. С.255.

Евпаторию частям, находившимся сначала под командованием полковника фон Гейля, а затем полковника Мюллера, удалось в тяжелых уличных боях одержать верх над противником. Особенно упорное сопротивление оказывали повстанцы и партизаны, засевшие в большом здании. Не оставалось, наконец, ничего другого, как подорвать это здание с помощью штурмовых групп саперов».[677] Интересным моментом, отражающим повседневную действительность в Крыму на момент зимне-весеннего затишья на севастопольском участке фронта, являются свидетельства иностранных журналистов, которые приезжали делать репортажи о битве за Севастополь, «об успехах немецко-румынского союза в борьбе с мировым большевизмом в штурме величайшей из крепостей». Немецкий журналист, только прибыв в Крым, был вынужден свидетельствовать, что «они везде и нигде, они неуловимы: нападают, когда их не ждешь, а когда наши войска приходят в их лагерь,- никого не находят. Эта повседневная, изнуряющая погоня за призраками хуже, чем пребывание в окопах на передовой линии под Севастополем. Там по крайне мере, знаешь, где противник, а здесь он грозит со всех сторон».[678] А некоторые журналисты проявляли более стойкую гражданскую позицию и не ограничивались поездкой на передний край севастопольского участка фронта, соглашалась на участие в карательных операциях против крымских партизан для освещения этой темы в своих статьях. Корреспондент румынской газеты «Вяца» (Жизнь) из Бухареста информировал своих читателей: «в гористой местности Крыма, среди густых кустарников и лесов, немецким и румынским солдатам приходится вести повседневную ожесточенную борьбу против хитрых советских партизан. К лагерям партизан приблизиться не возможно. Еще менее возможно захватить партизан живыми. Из лесной чащи раздаются выстрелы. Пули стрелков, укрывающихся среди деревьев, очень часто настигают немецких и румынских солдат. Смерть, направляемая невидимой рукой, витает повсюду.

[677] Манштейн Э. Указ.соч. С.268.
[678] Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.18.

Здесь нам нет пощады. Горе тому солдату, который отделится от своей части в этом крае, его наверняка найдут мертвым».[679] Крымские партизаны весь период 1942 г. до момента начала третьего штурма Севастополя немецко-румынской группировкой уничтожали личный состав противника, его технику, систематически нарушали коммуникации на севастопольском направлении и проводили разведку для нужд защитников Севастополя.

После окончания организованной борьбы на территории Севастопольского городской агломерации в начале июля 1942 г. осталось большое количество защитников города, которые не были эвакуированы. Это привело к тому, что продолжалась очаговая оборона, советские военнослужащие, несмотря на ухудшающуюся с каждым днем обстановку, продолжали героическое сопротивление войскам противника. Основным очагом обороны, в котором скопились десятки тысяч советских войск, был Херсонесский полуостров, где вплоть до 12-15 июля немецко-румынским войскам оказывали вооруженное сопротивление, пока «12 июля противник не занял позицию по краю берега и с 8 утра в течение около трех часов забрасывал берег рунными гранатами, потом подошло несколько катеров, с которых спустили резиновые лодки, в которые сели по три автоматчика, началась последняя зачистка берега».[680] Но многие из оставшихся советских военнослужащих и на Херсонесском полуострове и в других местах все еще надеялись на эвакуацию. Многие военнослужащие предпочитали погибнуть в своем последнем бою, «подороже» продав свою жизнь, кто-то предпочитал покончить жизнь самоубийством, но еще одна значительная категория солдат, матрос и офицеров стремилась продолжить борьбу с противником путем прорыва в партизаны. Как отмечают современные исследователи, немецкие и румынские военнослужащие неоднократно призывали к сдаче в плен, но им отвечали огнем, а «в ночь с 6 на 7 июля были две попытки прорваться в горы, но они окончились для этих больших групп неудачно,

[679] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.23.
[680] Маношин И.С. Июль 1942 г. Падение Севастополя. С.212.

пытались прорваться берегом в сторону Балаклавы группы врачей».[681] О том, что попытки прорваться к партизанам не просто были, но они были многочисленны и организованы, была вынуждена признать и немецкая сторона: «противник предпринимал неоднократные попытки прорваться в ночное время на восток в надежде соединиться с партизанами в горах Яйлы. Плотной массой, ведя отдельных солдат под руки, чтобы никто не мог отстать, бросались они на наши линии».[682] Эти попытки предпринимались защитниками Севастополя все с возрастающим упорством, так как выжившие бойцы начали осознавать, что эвакуации не будет. Многие из военнослужащих попадали в плен в ходе попыток прорыва к крымским партизанам, но некоторым удавалось прорваться, их было значительно меньше, но они добирались до партизанских отрядов. Как вспоминал командующий 7-ой бригадой морской пехоты: «Далеко не всем морякам бригады довелось эвакуироваться, многие погибли. Некоторые вместе с остатками других подразделений прикрытия, полуживые от усталости, голода, жажды и ран, были схвачены в плен гитлеровцами. Много позже мы узнали об их судьбе. Пишет мне краснофлотец Сергей Стригунов, который контуженным попал в руки фашистов. Поправившись, он несколько раз пытался бежать из плена. Его ловили, избивали до полусмерти, но он не расставался с мечтой о свободе. Наконец, подговорив еще 48 пленных советских воинов, он организует новый побег из концентрационного лагеря. Половину Европы прошел простой севастопольский матрос, а после войны вернулся в родной Севастополь, где и сейчас работает шофером. Многие командиры и краснофлотцы 7-й бригады сражались в рядах крымских партизан. Молодой командир взвода 2-го батальона Леонид Абрамович Вихман еще осенью 1941 года оказался с горсткой бойцов отрезанным от своих. Разорвав вражеское кольцо, моряки пробились в горы. Там они влились в партизанский отряд, которым командовал Дмитрий Георгиевич

[681] Маношин И.С. Июль 1942 г. Падение Севастополя. С.211.
[682] Манштейн Э. Указ.соч. С.304.

Северский. Другая группа морских пехотинцев во главе со старшим краснофлотцем Алексеем Пантелеевичем Калашниковым вошла в отряд Николая Дмитриевича Лугового. И таких было немало. Мы считали их погибшими, а они жили и сражались. После оставления Севастополя десятки бойцов и командиров нашей бригады прорвались в крымские леса».[683] Учитывая факт отсутствия плановой эвакуации, отечественные военные исследователи, стараясь не отражать факт массового пленения советских военнослужащих, делали упор в отражении исторической действительности на ту немногочисленную правду, которую можно было осветить в обществе. Так, в фундаментальных трудах не указывалось фактов пленения, говорилось объективно, но расплывчато, делая упор на то, что многие севастопольские солдаты и офицеры прорвались в партизанские отряды: «На отдельных участках борьба продолжалась до 9 июля. Часть защитников города пробилась в горы, к крымским партизанам».[684] Необходимо сказать, что пополнение партизанских отрядов защитниками Севастополя для партизанских отрядов имело ряд последствий. Положительными моментами являлось то, что пополняли отряды стойкие в моральном отношении бойцы, которые к тому же имели серьезный боевой опыт. Но в, то же самое время, с прибытием в партизанские отряды новых бойцов возникали хозяйственно-бытовые сложности, ведь прибывали в отряды те люди, с помощью которых Севастополь направлял в отряды продовольствие, боеприпасы, амуницию, вооружение. А с прибытием новых бойцов, начали осложняться вопросы обеспечения. К тому же многие из прибывших в партизанские отряды военнослужащих были ранены и нуждались в медицинском лечении, а партизанские запасы медикаментов были небольшими и так же поступали с территории Севастополя.

---

[683] Жидилов Е.И. Указ.соч. С.243.

[684] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Том 2.- Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г.- ноябрь 1942 г.).- М.: Воениздат, 1961. С.410.

Говоря о вкладе партизанского движения Крыма в битву за Севастополь можно сказать, что оно внесло свой значительный вклад в дело обороны города. Ведь по сути дела партизанская деятельность являлась еще одним участком фронта борьбы в Крыму с немецко-румынскими войсками, которая находилась в тесном взаимодействии с защитниками Севастополя, при этом активно помогая друг другу. Оценивая вклад крымских партизан в битву за Севастополь, отмечалось, что они «оказывали славную помощь защитникам Севастополя и советским десантникам. Зимой 1941-1942 гг. они уничтожили 12 тысяч фашистских захватчиков, 1500 автомашин, много другой техники и снаряжения».[685]

В годы Великой Отечественной Войны существовали две категории партизанских территорий. Прежде всего, это были партизанские края, которые находились под полным контролем партизан и на которых действовали законы советской власти, функционировали советские государственные органы, работала промышленность, как для нужд партизан, так и для переброски непосредственно на территорию СССР. Второй категорией были партизанские зоны, частично освобожденные территории страны, на которых партизаны вели подвижную вооруженную борьбу с противником. В Крыму существовала партизанская зона, которая была наиболее крупной из подобных партизанских территорий на оккупированной территории СССР[686]. Отмечалось, что «наиболее значительными по площади и продолжительности существования в годы Великой Отечественной Войны были партизанские края и зоны в Белоруссии, Брянской, Смоленской, Ленинградской, Калининской областях, в украинском Полесье, в Крыму».[687] Крымская партизанская область развернула свою активную боевую деятельность зимой-весной 1942 г., во многом благодаря помощи Севастополя, который был заинтересован в расстройстве тыла и

[685] См. Приложение № 10. Результаты боевой деятельности партизан за 1941-1942 гг. на территории Крымской АССР.
[686] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 971.
[687] Боярский В.И. Указ.соч. С.231.

коммуникаций противника. И эта деятельность продолжалась и после падения Севастополя, когда партизанское движение Крыма отслеживало переброску 11-ой немецкой армии с территории полуострова и активно ее саботировало, - «после захвата в июле 1942 г. Крымского полуострова немецко-фашистское командование решило перебросить освободившуюся 11 немецкую армию из Крыма на ленинградское направление. Партизаны своевременно вскрыли эту немецкую перегруппировку. В середине августа белорусские партизаны уже докладывали Западному штабу партизанского движения, что противник усиленно перебрасывает войска с юга на север, используя как основную рокаду железную дорогу «Жлобин-Могилев-Орша». В последующие дни соединения 11-ой немецкой армии обнаружили ленинградские партизаны».[688] Но данная боевая деятельность продолжалась недолго, как только немецко-румынские войска закончили захват Севастополя, зачистку городской агломерации и захват последних защитников, они сразу же переключились на устранение партизанской угрозы на территории полуострова. С начала июля 1942г. высвобождавшиеся с Севастопольского фронта части противника перебрасывались в горно-лесистую местность полуострова с целью установления ее блокады, и в конце июля 1942 г., собрав значительную группу войск, начали массированную и крупную карательную операцию. В ней приняли участие более 22 тысяч солдат и офицеров из числа немецких и румынских войск.[689] Окончание обороны Севастополя в 1941-1942 гг. весьма серьезно повлияло на партизанское движение Крыма. Так, в современных российских исследованиях отмечается, что «в трудных условиях, особенно осложнившихся после падения Севастополя и Керченского полуострова, продолжали борьбу крымские партизаны. Прекратилась доставка боеприпасов, продовольствия, медикаментов. В тяжелых боях с карателями во второй половине 1942г. крымские партизаны понесли значительные

[688] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной Войны 1941-1945гг.). С.159.
[689] Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. С.323.

потери. Часть наиболее ослабевших от недоедания пришлось эвакуировать на самолетах и катерах Черноморского флота для лечения».[690] Итогом этих мероприятий противника стал не разгром партизанского движения Крыма, но резкое сокращение численности его личного состава и, как следствие, проводимых боевых операций. Уже в октябре 1942г. в партизанскую деятельность на территории Крыма было вынуждено активно вмешаться руководство Военного Совета Закавказского фронта, по указанию которого вместо более крупных партизанских районов создали более маленькие территориальные сектора в количестве двух единиц. При этом назначались на руководящие должности люди, имеющие весомый боевой опыт и обладающие авторитетом среди партизан: «командиром первого сектора стал И.П. Калугин, комиссар,- Ф.Д. Крамков. Командиром второго сектора назначили И.Г. Куракова, комиссаром,- Н.Д. Лугового».[691] Несмотря на это, количество партизан стремительно сокращалось, сказывалось отсутствие подпитки со стороны Севастопольского оборонительного района, которую не смог восполнить Северный Кавказ. В итоге к декабрю 1942 г. из 25 действующих летом партизанских отрядов с 2822 бойцов в Крыму осталось 6 партизанских отрядов численностью 760 человек.[692] И некогда крупный партизанский район Крыма без помощи Севастополя превратился в небольшое объединение, которое с трудом продолжало выживать и одновременно бороться с противником. Ситуацию облегчал тот факт, что из Крыма произошел массовый отток румынских и немецких частей на другие участки советско-германского фронта. В Крыму осталось только три крупных соединения - 50-ая немецкая пехотная дивизия, 1-ая румынская стрелковая и 4-ая румынская стрелковая дивизия, так как «фронт переместился далеко к Волге, достиг Главного Кавказского хребта, Крым становится глубоким тылом».[693] Но ухудшение ситуации продолжалось,

---

[690] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной Войны 1941-1945гг.). С.153.
[691] Там же. С.153
[692] См. Приложение № 9. Партизанские формирования и их численность за 1941-1942 гг. на территории Крымской АССР.
[693] Поляков В.Е. Указ.соч. С.157.

советскому командованию приходилось уже не снабжать партизан Крыма, а эвакуировать их. В противном случае, многие из партизан могли просто не выжить. Например, показательным является резкое сокращение женщин среди партизан,- «из сотен женщин, которые первоначально составляли чуть ли не четверть отдельных отрядов, осталось только две: Ильенко Татьяна Александровна и Леонова Галина Ивановна, которым с честью будет суждено пройти всю эпопею».[694] Целый год после падения Севастополя, как главного снабженца партизан происходило сокращение численность личного состава: в январе 1943г. крымских партизан насчитывалось всего 349 бойцов, а уже через месяц, 17 февраля- 266 человек, а на 1 августа - 214 человек.[695] Вплоть до второй половины 1943 г. проблемную обстановку с крымскими партизанами не удавалось решить. Партизаны перешли с боевой деятельности на разведывательную работу, а также на проведение агитационно-массовой работы с населением. Но в то же самое время старались проводить редкие, но боевые операции, поддерживая присутствие «советского флага» в Крыму. Например, «зимой 1942-1943 гг. партизаны убили немецкого карателя лейтенанта Зальке, известного своими злодейскими расправами с рабочими Парижа. Он был оттуда переведен на Восточный фронт и свирепствовал в Запорожье. В Крым его послали «для активизации борьбы против партизан».[696]

Партизанское движение Крыма отличалось еще и тем, что награждение его партизан произошло достаточно поздно. Связано это с тем, что сначала не имелось четко налаженной организации партизанского движения, связи с Большой Землей, а после падения Севастополя вообще встал вопрос выживания самого Крымского партизанского района. Первое награждение состоялось только 24.10.1942 г., когда командующий Черноморской группой войск генерал Петров «приказом № 018 наградил 288 крымских партизан: орденом Ленина - 6 бойцов; орденом Красного Знамени - 112 бойцов;

[694] Поляков В.Е. Указ.соч. С.172.
[695] Там же. С.172
[696] Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов. С.23.

орденом Красной Звезды- 109 человек; медалью ЗА отвагу- 29 человек; За Боевые заслуги- 25 человек».[697] Этим же приказом наградили и медалью «За оборону Севастополя» самую малую группу партизан.

Таким образом, с одной стороны, отдали должное вкладу крымских партизан в битву за Севастополь, а с другой, сделав это совершенно непонятно и нелогично, ведь награждались не по факту участия в обороне или помощи сражающемуся городу, а по факту территориальной близости к Севастополю. Получилось так, что многие из крымских партизан сначала обороняли Одессу, затем Севастополь, но не были отмечены наградами за оборону этих городов, удостоившись только медали «Партизан Отечественной войны». К 1944 г. орденами и медалями СССР было отмечено 558 человека, а уже к 1946 г. 1048 человек.[698] Только немногие из них, несмотря на свой вклад в битву за Севастополь, были отмечены специальной медалью.

Таким образом, говоря о взаимодействии партизанского движения Крыма и Севастопольского оборонительного района, можно сказать, что они действовали в боевом тандеме против немецко-румынской группировки на территории полуострова. Тем не менее, не умоляя вклада крымских партизан в защиту Севастополя, необходимо сказать, что они были в более зависимом положении, чем Севастополь от крымских партизан. Крымские партизаны обеспечивали разведку передвижений войск противника, занимались диверсионной работой на коммуникациях противника, нарушая поставки в Севастополь продовольствия, амуниции, боепитания, а самое главное,- личного состава противника и техники. В то самое время как снабжение проводилось за счет немецко-румынских трофеев, все-таки основной частью поставок партизанам был город Севастополь. Порой части и соединения оборонительного района отказывали себе в чем-то, сокращая свои боевые возможности, как например, - направление в партизанские отряды

[697] Поляков В.Е. Указ.соч. С.250.
[698] См. Приложение № 11. Количество партизан Крыма, награждённых правительственными наградами за годы Великую Отечественную войну.

специалистов- радистов с радиотехникой для обеспечения связи. Что в свою очередь, сокращало ресурсы Севастопольского гарнизона, но в ответ город получал ценную информацию о скоплении вооружения, техники, специальных военных объектах, которые уничтожались кораблями Черноморского флота и флотской авиацией. Сворачивание численности и деятельности крымских партизан произошло, в первую очередь, из-за падения Севастопольского оборонительного района, как главного снабженца личным составом и всем необходимым. После чего потребовалось более года на восстановление и численности и боевой мощи партизанского движения Крыма.

Выводы по второй главе

В данной главе были изучены аспекты участия в битве за Севастополь специальных частей и соединений, значение и вклад которых не были ранее детально проанализированы, особенно в контексте влияния на весь ход Великой Отечественной науки 1941-1945гг. В первую очередь это деятельность узкоспециализированных подразделений, которые внесли свой особый вклад в оборону города. Это войска НКВД, соединения: Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН), авиасоединение Московская авиационная группа особого назначения (МАГОН), особый Черноморский Авиаотряд, немецкие тяжелые артиллерийские орудия «Карл» и «Дора».

Накопленный опыт применения сил указанных подразделений в боевых условиях был применен в дальнейшем для ведения боевых действий на различных участках фронта на всем протяжении Великой Отечественной войны.

Кроме того, в главе проанализирована специфика партизанского движения Крыма и его взаимодействие с Севастопольским оборонительным районом. Несмотря на особенности партизанских действий и просчеты в обороне Крыма в 1941 партизанское движение в Крыму году серьезно

повлияло на оборону Севастополя. Весь период обороны Севастополя защитники города и партизаны Крыма находились в боевом тандеме по противодействию немецко-румынской группировке. Даже, несмотря на отсутствие связи и, как следствие, координации действий в конце 1941г. - начале 1942г., можно сказать, что партизанские акции на коммуникациях и в тылу противника оказывали серьезное влияние на штурм Севастополя войсками противника. Подобное взаимодействие обеспечивало более грамотное взаимодействие советских сил в противодействии оккупационным войскам, позволяло проводить совместные операции и обеспечивать друг друга боеприпасами, продовольствием, специалистами со стороны защитников Севастополя и информацией со стороны партизан. Кроме того, проанализирована деятельность партизанского движения на территории полуострова после окончания борьбы за Севастополь. В целом партизанская деятельность являлась еще одним участком фронта борьбы в Крыму с немецко-румынскими войсками, которая находилась в тесном взаимодействии с защитниками Севастополя.

Все это позволило в значительной степени дополнить историческую науку новыми аспектами героической битвы за Севастополь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование позволило рассмотреть различные военно-политические аспекты обороны Севастополя 1941-1942 гг., проанализировать их, ввести в научный оборот малоизвестные и неизвестные исторические архивные источники по теме, что позволило добиться прироста исторического знания по истории Великой Отечественной войны по исследуемой теме.

Севастопольская оборонительная операция 1941-1942 гг., несмотря на свою изученность исследователями, до сих пор продолжает содержать в себе большое количество малоизвестных событий и фактов, что связано с нерассекреченностью части архивных материалов, позволивших пролить свет на описываемые события.

Диссертационное исследование позволяет взглянуть на оборону главной базы Черноморского флота с новых позиций. На ход и исход сражения влияло большое количество факторов, которые затрагивались исследователями до этого в отдельных исследованиях, но не систематизировались и не обобщались, - это и организация обороны Севастополя областным и городским комитетами партии, международный аспект первого периода Великой Отечественной войны, связанные со сдерживанием сателлитов Германии по вступлению в войну, деятельность частей специального назначения (МАГОН, ЭПРОН), дезертирство военнослужащих Красной Армии, деятельность партизанских отрядов и соединений, диверсионная работа партизан, деятельность коллаборационистских организаций, действовавших на территории Крыма. Все перечисленные военные и общественно-политические факторы оказали определяющее влияние на оборону Севастополя в 1941-1942 гг.

Особое место в диссертационном исследовании занимают вопросы, связанные с проблематикой национальных отношений в рядах РККА, внимание к ходу и исходу обороны Севастополя со стороны Турции,

зависимость исхода севастопольской оборонительной операции от использования значительных материальных и людских ресурсов РККА для проведения операции на территории Ирана. На территории Крыма в рассматриваемый период действовали коллаборационистские организации, открывались национальные крымско-татарские печатные издания, оппозиционные к советской власти.

В диссертации нашла отражение достаточно «болезненная» тема - дезертирство советских военнослужащих. Представлена попытка разобраться в причинах данного явления.

Были изучены и проанализированы малоизвестный аспект участия в битве за Севастополь специальных частей и соединений, таких как Московская авиационная группа особого назначения (МАГОН), особый Черноморский авиаотряд, соединения Экспедиции подводных работ особого назначения (ЭПРОН), ставшего аварийно-спасательной службой флота.

В исследовании нашли отражение изучение особенности применения германских тяжелых артиллерийских орудий «Карл» и «Дора».

На страницах диссертации были исследованы проблемы государственно-партийного управления и деятельность горожан в период обороны Севастополя, влияние географического фактора на проведение оборонительных операций частями Красной Армии.

Был изучен и уточнён боевой путь войск НКВД в битве за Севастополь. Кроме того, проанализирована специфика партизанского движения Крыма и его взаимодействие с Севастопольским оборонительным районом. Подобное взаимодействие обеспечивало более грамотное взаимодействие советских сил в противодействии оккупационным войскам, позволяло проводить совместные операции и обеспечивать друг друга боеприпасами, продовольствием, специалистами со стороны защитников Севастополя и информацией со стороны партизан. Все это позволило в значительной степени дополнить и уточнить историю Великой Отечественной войны.

Севастопольская оборонительная операция была решающим сражением в черноморском регионе в начальный период Великой Отечественной войны, а так же оказала влияние на международные отношения в указанный период. Оборона Севастополя в 1941-1942 гг. позволила переломить ход начального периода войны, когда длительное удержание мощной немецко-румынской группировки на территории полуострова и нанесение ей серьезных людских и материальных ресурсов не позволили выполнить немцам намеченные планы. Именно высочайший патриотизм и героизм как советских военнослужащих, так и мирного населения создавали единый рубеж эффективной обороноспособности Севастополя. Константин Симонов, побывавший в Севастополе летом 1941 года, стал свидетелем того, что «город жил героизмом, защищался». При этом на ход героической обороны Севастополя повлиял и комплекс военно-политических аспектов, рассмотренных в данной работе.

Таким образом, комплексное историческое исследование, посвященное военно-политическим аспектам битвы за Севастополь в 1941-1942 гг., а также изложенные по его результатам выводы свидетельствуют о значительном приращении исторического знания в изучение битвы за Севастополь, а так же позволяют наметить дальнейшие направления изучения истории Крымского полуострова и главной базы Черноморского Флота России, города федерального значения,- Севастополя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

I. ИСТОЧНИКИ

1.1. Неопубликованные источники

Центральный архив Министерства Обороны (ЦАМО)

1. Ф. 288. Оп. 9900. Д. 8.
2. Ф. 1100. Оп.1. Д. 1. Журнал боевых действий 25 стрелковой дивизии.
3. Ф. 1100. Оп.1. Д.50. 25 стрелковая дивизия. Материалы опроса военнопленных.
4. Ф. 1265. Оп.1. Д. 1. Оперативные сводки и донесения 95 стрелковой дивизии.
5. Ф. 1265. Оп.1. Д. 9. 95 стрелковая дивизия. Боевые донесения, оперативные и разведывательные сводки штаба дивизии и 4 сектора обороны.
6. Ф. 1265. Оп.1. Д. 33. 95 стрелковая дивизия. Оперативные и разведывательные сводки штаба артиллерии Приморской армии, штаба артиллерии 4 сектора обороны.
7. Ф. 1265. Оп.1. Д. 42. 95 стрелковая дивизия. Штаб артиллерии 4 сектора Севастопольского оборонительного района.
8. Ф.1663. Оп.1. Д. 4. 345 стрелковая дивизия. Боевые приказы и распоряжения Приморской армии.
9. Ф. 1663. Оп.1. Д.7. Журнал боевых действий 345 стрелковой дивизии.
10. Ф. 1663. Оп.1. Д. 12. 4 отделение штаба 345 стрелковой дивизии.
11. Ф. 1663. Оп.1. Д. 14. 345стрелковая дивизия. Донесения дивизий и частей о боевом и численном составе, заявки на пополнение личного состава.
12. Ф. 1711. Оп.2. Д. 1. Приказы командования 388 стрелковой дивизии.
13. Ф. 1711. Оп.1. Д. 11. Донесения 388 стрелковой дивизии.
14. Ф. 1740. Оп.1. Д. 1. Журнал боевых действий 421 стрелковой дивизии.

15. Ф. 3532. Оп.1. Д. 5. Журнал боевых действий 2 кавалерийской дивизии.
16. Ф. 3570. Оп.1. Д. 6. 40 кавалерийская дивизия. Руководящие документы Приморской Армии.
17. Ф. 3570. Оп.1. Д. 11. Журнал боевых действий 40 кавалерийской дивизии.
18. Ф. 4371. Оп.74386. Д. 1. Приходно-расчетная документация, 1942 г. 125 отдельный танковый батальон.
19. Ф. 10568. Оп.1. Д. 3а. Боевые донесения 265 корпусного артиллерийского полка.
20. Ф. 10568. Оп.1. Д. 9а. 265 корпусной артиллерийский полк. Донесения о боевом и численном составе.
21. Ф. 10906. Оп.1. Д. 3. Журнал боевых действий 386 стрелковой дивизии.
22. Ф. 20134. Оп.1. Д. 1. 72 истребительная авиационная дивизия. Боевые приказы ВВС Кавказского фронта.
23. Ф. 20134. Оп.1. Д. 3. 72 истребительная авиадивизия. Разведывательная сводка, итоговая №226. Штаб Закавказского фронта.
24. Ф. 20134. Оп.1. Д. 4. Оперативные сводки штаба 72 истребительной авиадивизии.
25. Ф. 32632. Оп. 2814сс. Д. 5. Донесения и разная переписка по личному составу 138 отдельного инженерного батальона.
26. Ф. 32632. Оп. 2814сс. Д. 7. 138 отдельный инженерный батальон. Подлинник журнала боевых действий.
27. Ф. 32632. Оп. 2817сс. Д. 2. Приказы войскам и боевые распоряжения отдела Инженерным войскам Приморской армии.
28. Ф. 32632. Оп. 2817сс. Д. 5. Боевые распоряжения и инструкции инженерным войскам Приморской армии.

29. ЦАМО. Ф. 500, Оп. 12480, Д. 78. Л. 16-17. [Электронный ресурс]: https://wwii.germandocsinrussia.org/ru/nodes/1876-delo-78-protokol-doprosa-admirala-vernera-tillessena-zahvachennogo-v-plen-v-avguste-1944-v-buhareste-perevedennye-pokazaniya-po-organizatsionnoy-strukture-vmf#page/18/mode/inspect/zoom/6
30. ЦАМО. Ф. 2306, Оп. 0000001, Д. 0231, Л. 307-314 [Электронный ресурс]: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451351192&backurl=q%5C%D0%AD%D0%B2%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F::operation%5C%D0%9E%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%20%D1%81%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F::begin_date%5C1941::end_date%5C1942::use_main_string%5Ctrue::group%5Call::types%5Copersvodki:rasporyajeniya:otcheti:peregovori:jbd:direktivi:prikazi:posnatovleniya:dokladi:raporti:doneseniya:svedeniya:plani:plani_operaciy:karti:shemi:spravki:drugie::page%5C3&static_hash=31c2b73ffbab48f2593acfcdb13f0ccev1

Российский государственный военный архив (РГВА)

31. Ф. 38836. Оп. 1. Д. 1. Журнал боевых действий 456 сводного полка погранвойск НКВД.
32. Ф. 38836. Оп.1. Д. 2. Схемы участка обороны 2-го стрелкового батальона 456-го сводного полка НКВД.
33. Ф. 38836. Оп.1. Д. 3. Книга учета и потерь личного состава 456 сводного полка погранвойск НКВД.

Российский государственный архив социально-политической

истории (РГАСПИ)

34. Ф.17. Оп. 22. Организационно-инструкторский отдел 1940-1941гг. Часть 1. Крымский обком ВКП(б). Д. 1506. Протоколы заседаний пленумов Крымского обкома ВКП(б) 15 января-17 июля 1941 г.
35. Ф.17. Оп. 22. Д. 1522. Протоколы № 119-131 заседания бюро Крымского обкома ВКП(б) 10 июня 2 августа 1941 г.
36. Ф.17. Оп. 22. Д. .1523. Протоколы № 132-142 5 августа-23 октября 1941 г.
37. Ф.17. Оп. 22. Д. 1525. Протоколы № 109-119 заседаний бюро Севастопольского городского комитета ВКП(б) 27 октября 31 декабря 1941 г.
38. Ф. 69. Оп. 1. Д. 437. Оперативный отдел. Крымский ЦШПД с апреля 1943 по январь 1944 гг.
39. Ф. 69. Оп. 1. Д. 971. Распоряжения, докладные записки и переписки ЦШПД, Крымского ШПД и ГРУ ГШ о диверсионно-разведывательной работе Крымских партизан, о положении в Крыму, о роли и задачах заместителей командиров отрядов по разведке, о дислокации войск и строительстве оборонительных сооружений противника, перехваты румынского радио и противопартизанской борьбе.
40. Ф. 69. Оп. 1. Д. 660. Учетное дело партизанских отрядов под командованием Мокроусова, действовавших в Крыму.
41. Ф. 69. Оп. 1. Д. 661. Учетные дела партизанских отрядов под командованием Егорова, Зарецкого, Исаева, действовавших в 1-ом районе Крыма (группа Чуба).
42. Ф. 69. Оп. 1. Д. 662. Учетные дела партизанских отрядов под командованием Кобзева, Каменского, Куракова, Незамова, Смирнова, Юрьева, действовавших во 2-ом районе Крыма (группа Куракова).

43. Ф. 69. Оп. 1. Д. 663. Учетные дела партизанских отрядов под командованием Ермакова, Иванова, Калашникова, Макарова, Селезнева, Чусси, действовавших в 3-ем районе Крыма (группа Северского).
44. Ф. 69. Оп. 1. Д. 664. Учетные дела партизанских отрядов под командованием Аединова, Зинченко, Македонского, Харченко, действовавших в 4-ом районе Крыма (группа Вергасова).
45. Ф. 69. Оп. 1. Д. 665. Учетные дела партизанских отрядов №1-6 под командованием Вихмана, Муковнина, Соловья, Федоренко, Барановского, Мокроуса, действовавших в Крыму июль 1942-март 1943.
46. Ф. 69. Оп. 1. Д. 666. Учетные дела диверсионных групп под командованием Костина, Мамасуева, Старева, действовавших в Крыму. Январь 1943-март 1943 г.г.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

47. Ф. 9527. Оп.5. Д. 52. Особый Черноморский Авиаотряд Гражданского Воздушного флота. Отчеты о боевой работе Авиаотряда за 1942г.
48. Ф. 9527. Оп.5. Д.90. Справки Политуправления ГВФ в отдел печати ЦК ВКПБ «Отдельные эпизоды из боевой работы летчиков ГВФ по обслуживанию частей Красной Армии». 13 августа-25 сентября 1941г.
49. Ф. 9527. Оп.5. Д.92. Документы об организации на базе Азово-Черноморского управления ГВФ Северо-Кавказской особой авиагруппы (приказы, положения, инструкции, списки личного состава и др.), 04 июля-29 декабря 1941 г.
50. Ф. 9527. Оп.5. Д.111 Отчет МАГОН о боевой работе за 1941 г. 05 февраля-15 октября 1942г.

51. Ф. 9527. Оп.5. Д. 122. Оперативные донесения, докладные и объяснительные записки летно-подъемного состава МАГОН о выполнении боевых заданий за октябрь 1941-июль 1942 гг. 18 октября 1941- 06 июля 1942г.
52. Ф. 9527. Оп.5. Д.183. Отзывы командующих фронтов Штабов ВВС и ВДВ и Штабов Партизанского движения о работе 1 авиатранспортной дивизии и ее подразделений за 1942-1943 гг. 21 февраля 1942-10 ноября 1943г.
53. Ф. 9527. Оп.5. Д. 191. Инструкции и переписка командного состава МАГОН по боевой работе подразделения. 01 марта- 08 июня 1942 г.
54. Ф. 9527. Оп.5. Д. 212. Отчет МАГОН о работе за первый год ВОВ, июнь 1942г.
55. Ф. 9527. Оп.5. Д.215. Отчеты подразделений МАГОН о боевой работе за 1942г. 01 января-10 октября 1942г.
56. Ф. 9527. Оп.5. Д. 251. Отчет о деятельности Особого Черноморского авиаотряда за первый год ВОВ), 25 июня 1942г.
57. Ф. 9527. Оп.5. Д. 252. Отчеты Особого Черноморского авиаотряда о боевой работе за 1942г. 01 января-22 ноября 1942г.
58. Ф. 9527. Оп.5. Д. 266. Оперативные донесения МАГОН о выполнении боевых заданий за май-декабрь 1942 г. 19 мая-31 декабря 1942г.
59. Ф. 9527. Оп.5. Д. 268. Оперативные донесения МАГОН и переписка командного состава по Севастопольской операции. 21июня – 01 июля 1942г.
60. Ф. 9527. Оп.5. Д.1264. Перечень авиационных соединений, частей и подразделений ГВФ, входивших в состав Действующей армии в период ВОВ 1941-1945 гг. 20 июля 1957г.

1.2. Опубликованные источники

Архив ФСБ России по Саратовской области

61. Ф. 14. Оп. 4. Д. 550. Шифротелеграмма № 153 от 10 июня 1942 г.

II. ЛИТЕРАТУРА

2.1. Нормативно-правовые акты, документы, очерки и публицистика

62. Боевой устав пехоты РККА (ПУ-38).- М.: Военное издательство НКО СССР, 1939.
63. Боевые подвиги черноморцев. Выпуск №5. Моряки в боях за Севастополь.- Б.М.: Издательство Политуправления ЧФ, 1941. - 48с.
64. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг. Сборник документов и материалов.- Симферополь: Крымиздат, 1946. - 292с.
65. Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1939-1943гг.). М.:ОГИЗ, Госполитиздат, 1946.- 144с.
66. Кондранов И.П., Степанова А.А. Крым в период Великой Отечественной войны. Сборник документов. Симферополь: Таврия, 1973. - 487с.
67. Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов.- Б.м.: Политуправление Черноморского флота, 1943.- 24с.
68. Непокоренный Крым: материалы для пропагандистов и агитаторов.- Б.м.: Политуправление Черноморского флота, 1943.- 24с.
69. Оборона Севастополя. Оперативно-тактический очерк. - М., Издательство Народного Комиссариата Обороны, 1943. - 70с.
70. Полевой устав РККА (ПУ-39). - М.: Военное издательство НКО СССР, 1939.
71. Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Сборник документов. - М.: Наука, 1968. - 708с.

72. Пономаренко Н.К. Партизанское движение в Великой Отечественной войне.- М.: ОГИЗ, Госполитздат, 1943.- 52с.
73. Резолюция Европейского парламента № 2019/2819 (RSP) от 19.09.2019 ««О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» [электронное издание] (Проверено 05.08.2021) https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html
74. Слава флота. Материалы о героических защитниках Севастополя. - М.: ГПУ ВМФ, 1943.- 53с.
75. Советско-американские отношения во время Второй Мировой войны, 1941-1945: Документы и материалы. Т.1. 1941-1943.- М.: Политиздат, 1984.- 575с.
76. ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923-1931): архивные документы и материалы. М.: Граница, 2015. - 664с.

2.2. Справочная литература

77. Анохин В.А. Все истребительные авиаполки Сталина. Первая полная энциклопедия. - М.: Яуза-пресс, 2014. - 944с.
78. Боевой состав Советской Армии. Часть II. (Январь – декабрь 1942). М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1966.
79. Борисова Н.А., Марченков В.К., Орлов В.В. История радиосвязи в экспозиции Центрального музея связи имени А.С.Попова: Каталог (фотоальбом). - СПб.: Центральный музей связи имени А.С.Попова, 2008. - 131с.
80. Говорухин А.М. Справочник по военной топографии. - М., Воениздат, 1980. - 352с.
81. Котельников В. Самолеты-гиганты СССР. - М.: Яуза, Эксмо, 2009. - 288с.

82. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. - М.: «Олма-Пресс», 2001. - 608с.
83. Севастополь. 250 дней героической обороны. - М.Л.: Военмориздат, 1942. - 420с.
84. Шунков В.Н Оружие вермахта. - Минск: Харвест, 1999. - 480с.
85. Шунков В.Н. Оружие и военная техника, изменившие ход истории. История вооружений от глубокой древности до наших дней. - М.:АСТ, 2013. - 320с.
86. Шунков В.Н. Энциклопедия артиллерии особой мощности. - Минск: Харвест, 2004. - 450с.

2.3. Монографии, сборники статей

87. Агапов М.М. Любанская операция (ход боевых действий и мужество воинов). Часть 2: Оборонительная операция и операция по выводу войск 2-й ударной армии из окружения (30.04.1942 г.-10.07.1942 г.).- М.: Комтехпринт, 2010.- 311с.
88. Артемьев И.Н. В эфире,- партизаны. - М.: Воениздат, 1971. - 136с. // [электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/memo/russian/artemiev_in/index.htmll
89. Ачкасов В.И., Басов А.В., Сумин А.И. Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. - М.: Воениздат, 1988. - 607с. // [электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/h/vmf/index.html
90. Басов О.В. Крым в Великой Отечественной войне 1941-1945. - М.: Наука,1987. - 336с.
91. Береговые войска ВМФ. Береговая оборона - фундамент 250 дневной неприступности Севастополя. - М.: Кучково поле, 2014. - 304с.

92. Бешанов В.В. Год 1942 - «учебный». - Мн.: Харвест, 2003. - 624с. // [электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/research/beshanov_vv/index.html
93. Битва за Крым 1941–1944 гг.- М.: «Яуза», 2016. - 896с.
94. Битва за Крым в документах органов государственной безопасности.- Симферополь: Нижняя Оріанда, 2020. - 452с.
95. Бишоп К., Макнаб К. Вторая мировая война. День за днем. 1939-1945. - М.: Эксмо, 2005. - 248с.
96. Борисова Н.А. Организация связи в период обороны Севастополя в 1941-1942 гг. (по материалам документального фонда Центрального музея связи имени А.С. Попова) // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942 гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.-26.03.2016.- Севастополь: Телескоп, 2017. - С.51-65.
97. Боярский В.И. Партизанская война: История утерянных возможностей. - Мн.: Харвест: М.: АСТ, 2001. - 302с.
98. Быстров В.Е. Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. - М: Государственное издательство политической литературы, 1961. - 832с.
99. Ванеев Г.И. Севастополь, 1941-1942 гг.: Хроника героической обороны. - Киев: Украина, 1995. Т.1: - 30.10.1941-02.01.1942. - 253с.; Т.2: - 02.01.- 05.07.1942. - 285с.
100. Великанов В.Д. Тихое оружие. Выскубов С.П. В эфире «Северок». - М.: Молодая гвардия, 1986. - 223с. // [электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/memo/russian/vyskubov_sp/index.htmll
101. Великая Отечественная война Советского союза 1941-1945 гг. - М.: Второе Военное издательство МО СССР. М., 1970.- 600с.

102. Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии. - М.: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. - 756с.
103. Военная топография. - М.: Воениздат, 1947. - 190с.
104. Военная топография. - М.: Воениздат, 1977. - 280с.
105. Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. - М.: Госполитиздат, 1948. - 48 с.
106. Winkler Walter. Der Kampf um Sewastopol. Berg am See, 1984. - 398s.
107. Гасанлы Дж.П. СССР-Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939-1953). - М.: Центр Пропаганды, 2008. - 663с.
108. Героическая оборона Севастополя 1941-1942 гг. Сб. документов и материалов/ Ред. П.А. Чурсин. - Симферополь: Крымиздат, 1946. - 263с.
109. Гланц Д.М. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году. - М.: Яуза, Эксмо, 2008. - 544с.
110. Грицук В.М., Лисенко О.Є. Севастопольська оборона 1941—1942 // Енциклопедія історії України : у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України . - Киев : Наук. думка, 2012. - Т. 9. С. 500-501.
111. Дерейкю І. Місцеві формування німецької армії та поліції у Райхскомісаріаті «Україна» (1941–1944 роки). - Киев: Інститут історії України, 2012. - 174с.
112. Десанты Великой Отечественной войны. - М.: Яуза, 2008. - 509с.
113. Диксон Ч.О. и Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. - М.: Издательство иностранной литературы, 1957. - 291с. // [электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/research/dixon_heilbrunn/index.htmll
114. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранные формирования Третьего рейха. - М.:АСТ, Астрель, 2011. - 607с.

115. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, München. 1979.-2008.
116. Die festung Sewastopol: ein documentation ihrer befestigung senlagen und der kampfe von 1942.- Bern-keln.- M.: Egger, 1995.- 450с.
117. Гроссман Х. Ржев - краеугольный камень Восточного фронта.- Ржев: «Ржевская правда», 1996. - 156с.
118. Запольский А., Тюрин В. Легендарному ЭПРОНУ 85 лет // Морской сборник.- 2009.- №2. С.16-22.
119. Зраев Р.А. Как начинался ЭПРОН // Материалы международной научной конференции «XX юбилейные Царкосельские чтения». - Том 1. - Спб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2016.- С.58-63.
120. Илюхин В.Н., Захаров П.В. От ЭПРОНА до федеральной системы поиска и спасения на море Российской Федерации. К 90-летию создания ЭПРОНА. // Морской вестник.- 2013.- №4(48).- С.78-83.
121. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945гг. - Том 1. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. - М.: Воениздат, 1960. - 600с.
122. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. - Том 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941г.-ноябрь 1942г.). - М.: Воениздат, 1961. - 682с.
123. История второй мировой войны 1939–1945 гг. в 12 томах. М.: Воениздат, 1973-1982. Том 6. Коренной перелом в войне. - М.: Воениздат, 1976. - 520с.
124. «История Севастополя в трех томах». Том I «Юго-западный Крым с древнейших времен до 1774 года».- М.: Издательство «ИстЛит», 2021.- 688с.; Том II «Севастополь в эпоху российской империи. Конец XVIII века – 1917г.».- М. Издательство «ИстЛит», 2021.-

800с.; Том III «Севастополь в советский и постсоветский период. 1917-2014гг.».- М. Издательство «ИстЛит», 2021. - 864с.

125. Капусто Ю.Б. Последними дорогами генерала Ефремова.- М.: Политиздат, 1992.- 286с.
126. Клаузевиц К. О войне. - М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «наука», 1998.
127. Коллаборационизм крымских татар в годы ВОВ // https://atrizno.livejournal.com/8083142.html [дата обращения 21.03.2019 г.].
128. Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: Свиток, 2015. - 367с.
129. Коновалова М.А. Крым. Балаклава: Русские водолазы на службе отечеству // Память о Великой Победе. Межвузовский сборник статей.- М.: Ассоциация технических университетов, 2016. - С.218-222.
130. Краснознаменный Черноморский флот. - М.: Воениздат, 1987. - 334с. // [электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/h/chernomorskiy_flot/index.htmll
131. Кропотов В.С. Тактический десант. Евпаторийская десантная операция 4-5 января 1942 года. Симерополь: Нижняя Оріанда, 2020.– 216с.
132. Krim auf den Souren Manstein: eroberung und verluder halbinsel Krim und der fertung Sevastopol 1941-1944: documentation/referenten.- H.R. Herdener, H.R. Neumann.- 1977.- 46р.
133. Кузнецов А.Я. Большой десант. Керченско-эльтингенская операция. - М.: Вече, 2011. - 464с.
134. Кулиш В.М. О некоторых актуальных проблемах историографии Великой Отечественной войны. - М., 1991. - 309с.

135. Ладыгин И.З., Смирнов Н.И На Ржевском рубеже.- Ржев: Журналист, 1992. - 280с.
136. Маношин И.С. «Героическая трагедия: о последних днях обороны Севастополя 29 июня-12 июля 1942 гг.». - Симферополь: Таврида, 2001. - 208с.
137. Маношин И.С. Июль 1942. Падение Севастополя. - М.: Вече, 2009. - 302с.
138. Маслов М.А. «Вечный» Ли-2 - дальний бомбардировщик, военно-транспортный и десантный самолет. - М.: Яуза, 2015. - 144с.
139. Melvin Mungo. Sevastopol's wars. Crimea from Potemkin to Putin. - New York: Osprey Publising, 2017. - 752p.
140. Мозохин О.Б., Гузо Л.Н., Бычков В.Н., Тертичко В.П. Спецхтехика на защите государства. - М.Граница, 2004. - 324с.
141. Мусієнко І. В. Депортації населення з території Північної Буковини та Хотинщини в 1941-1951 рр. / І. В. Мусієнко // Український альманах 2010. – Варшава : Об'єднання українців в Польщі, 2010. – С. 187-200.
142. Неменко А.В. Первый штурм Севастополя. Ноябрь 1941-го. М.: Яуза, 2017. - 720с.
143. Нойман. Севастополь. Крым: Документы.-Источники.-Материалы: Рабочая книга в 3 частях. - Регенсбург, 1998. - 1684с.
144. Орудие-призрак: в существование этой пушки советская разведка не верила до конца войны // Популярная механика. №12. 2004.
145. Падалка Ю.В. Румынские войска под Севастополем в 1941-1942гг. // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.- 26.03.2016. - Севастополь: Телескоп, 2017. - С.43-51.
146. Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной Войны 1941-1945гг.). Жуковский-М.: Кучково поле, 2001. - 464с.

147. Перечнев Ю. Г. Советская береговая артиллерия история развития и боевого применения 1921-1945гг. - М.: Наука, 1976. - 336с.
148. Першина Т.С. Кримська оборонна операция 1941 // Енциклопедія історії України : у 10 т. / редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. ; Інститут історії України НАН України . - Киев: Наук. думка, 2009. - Т. 1. С. 361.
149. Пинчук М. Советские партизаны: Мифы и реальность. - Вильня: Наша Будучыня, 2014. - 392с.
150. Платонов А.В. Борьба за господство на Черном Море.- М.: Вече, 2010.- 446с.
151. Поляков В.Е. Страшная правда о Великой Отечественной. Партизаны без грифа «Секретно».- М.: Яуза, Эксмо, 2009.- 384с.
152. Протопов А.С., Козьменко В.М., Шпаковская В.М. История международных отношений и внешней политики России (1648-2010). Том 2: Межвоенный период и вторая мировая война. - М.: Аспект Пресс, 2012. - 384с.
153. Ради жизни на земле. Великая Отечественная Война 1941-1945 гг. в документах и свидетельствах / Составители, В.А. Мазур/.- Екатеринбург, 1995. - 248с.
154. Ржевская битва: Сражение за Полунино (30 июля 1942 г.-23 авг. 1942 г.)//Сборник статей.- Тверь: Русская провинция, 2001.- 223с.
155. Роль Военно-воздушных Сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 (По материалам IX военно-научной конференции ВВС). - М.: Министерство обороны СССР, Военно-воздушные силы, 1986 // Электронный ресурс http://militera.lib.ru/h/vvs_1/index.html (дата обращения 20.03.2019 г.)
156. Романько О. В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. - М.: Издатель Быстров, 2006. - 640с.

157. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941-1944. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. - 440с.
158. Романько О.В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941-1944). - М.:ВЕЧЕ, 2011. - 432с.
159. Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальны вопрос (1941-1944). - Симферополь: Антиква, 2009. - 272с.
160. Рузаев С.В. Производство минометного вооружения на предприятиях Севастополя в 1941-1942 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Всероссийская научная конференция. В 2-х тт. Т.2. Екатеринбург: УНЦ-УПИ, 2014. - С. 269.
161. Рузаев С.В. Эвакуация гражданского населения из Севастополя в 1941-1942 гг. // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942 гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.- 26.03.2016.- Севатополь: Телескоп, 2017. С.20-34.
162. Русский архив: Великая Отечественная: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. Т.20. - М.: Терра, 1999. - 671с.
163. Руге Ф. Военно-морской флот Третьего рейха. 1939-1945. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. - 443с.
164. Сахаров В.П., Жидилов Е.И., Харитонов А.Д. У черноморских твердынь. Отдельная Приморская армия в обороне Одессы и Севастополя. - М.: Военное издательство министерства обороны, 1967. - 414с.
165. Сборник материалов военно-научной конференции, посвященной XX-летию начала героической обороны Севастополя 1941-1942 гг.- Севастополь: Издательство ВНО адмиралов, генералов, офицеров запаса и в отставке при Севастопольском доме офицеров, 1961: Т.1.- 1961. - 380с.; Т.2. - 1961.- С.381 - 777; Т.3. - С.778-1120.

166. Свердлов Ф.Д. Воины-евреи на фронтах Великой Отечественной. - М.: Холокост, 1999. - 304с.
167. Свердлов Ф.Д. Советские генералы в плену. - М.: Издательство фонда «Холокост», 1999. - 246с.
168. Севастополь. 250 дней героической обороны. - М.Л.: Военмориздат, 1942 г. - 406с.
169. Седов М. Героическая оборона Севастополя (1941-1942) // Исторический журнал. №5-6 (117-118) . 1943.- С.7-18.
170. Sevastopol – Panzerbatterein «Maxim Gorki I+II»// Fortifikation.- 1992 – Ausgabe.- С.14-28.
171. Sweeting C. G. Blood and iron: the German conquest of Sevastopol. Washington, 2004. -201 s.
172. Слободянюк А.А., Федюнин В.В. 456-й стрелковый (сводный пограничный полк НКВД) 109-й стрелковой дивизии Приморской армии // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. № 3. 2015. История и политология. -С.32-41.
173. Собелов П.Н. Советский тыл в Великой Отечественной войне. Книга 1. Общие проблемы. - М.: Мысль, 1974. - 300с.
174. Тыл Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. - М.: Воениздат, 1977. - 559с.
175. Устинов В.И. Политические тайны Второй Мировой войны. - М.: Алгоритм, 2012. - 574с.
176. Филатов И., Драговоз П. Мирные крылья в годы войны. - М.: Воздушный транспорт, 1995. - 442с.
177. Forczyk R. Where the Iron Crosses Grow. The Crimea 1941-44. Oxford: Osprey Publishing, 2014.- 372s.
178. Franz Kurowski. Sevastopol. Angrepet på den sterkeste festningen i verden i 1942 . Podzun-Pallas, Wölfersheim-Berstadt. 2002.
179. Хазанов Д.Б. Битва за небо 1941. От Днепра до Финского залива. - М.: Яуза, Эксмо, 2007. - 416с.

180. Хазанов Д.Б. Авиация в боях над Крымом. Май – июль 1942 г.// Битва за Крым 1941-1944.- М.: Яуза, 2016.- 487с.
181. Христофоров В.С. Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945. - М.: ВЕЧЕ, 2015. - 432с.
182. Христофоров В.С., Черепков А.В. Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ. - М.: ВЕЧЕ, 2014. - 462с.
183. Чуев С. Татарский коллаборационизм во Второй мировой войне // http://www.pseudology.org/Crimea/KrimTatarWW2.html [дата обращения 18.03.2019 г.].
184. Швабедиссен В. Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941-1945 гг. - Мн.: Харвест, 2001. - 528с.
185. Широкорад А.Б. Битва за Крым. - М.: Транзиткнига, 2005. - 474 с.
186. Широкорад А.Б. Битва за Черное море. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. - 554с.
187. Широкорад А.Б. Время больших пушек: Битвы за Ленинград и Севастополь. - М.: АСТ, 2010. - 637с.
188. Широкорад А.Б. Трагедия севастопольской крепости. - М.: ЭКСМО. - 538с.
189. Широкорад А.Б. Трагедия Севастопольской крепости. - М.: ЯУЗА, Эксмо, 2005. - 576с.
190. Широкорад А.Б. Четыре трагедии Крыма. - М.: Вече, 2006. - 478 с.
191. ЭПРОН, рожденный в Балаклаве. - Харьков: СПДФЛ А.Я. Терещенко, 2013. - 100с.
192. Юновидов А.С. Десанты 1941 года. - М.: Яуза: Эксмо, 2009. - 416с.
193. Яблоновська Н.В. ОКУПАЦІЙНА ГАЗЕТА «АЗАТ КЪРиМ» (1942-1944): НАЦІОНАЛЬНА ПРЕСА В КОНТЕКСТІ ІНФОРМАЦІЙНИХ ВійН // https://web.archive.org/web/20070324184804/http://turkolog.narod.ru/info/I456.html [дата обращения 20.03.2019 г.]

III. МЕМУАРЫ

3.1. Произведения биографического и мемуарного характера

194. Александров Н.И. Севастопольский бронепоезд: Документальная повесть. - Симферополь: Таврия, 1979. - 320с.
195. Баграмян И.Х. Так начиналась война. - М.: Воениздат, 2015. - 576с.
196. Biderman Gottob Herbert …und litt an meiner Seite «Krim-kurland» mit der 132 infanterie division 1941-1945.- Reutlingen, 1995. 247p.
197. Бидерман Г.Х. В смертельном бою. Воспоминания командира противотанкового расчета. - М.: Центрполиграф, 2005. - 366 с. // [электронное издание] (Проверено 20.07.21). http://militera.lib.ru/memo/german/bidermann_gh/06.html
198. Борисов Б.А Подвиг Севастополя. - Симферополь: Крым, 1970. - 320с.
199. Борисов Б.А Подвиг Севастополя: Воспоминания. - М.: Воениздат, 1957. - 390с.
200. Борисов Б.А. Подвиг Севастополя: воспоминания секретаря горкома. - Симферополь: Издательство Таврия, 1977. - 400с.
201. Борисов Б.А. Школа жизни. - М.: Издательство политической литературы, 1971. - 406с.
202. Великая Отечественная война в воспоминаниях молодежи. Сборник статей. - СПб.: СПГУТД, 2008. - 98с.
203. Вершков С.Д. Оборона Севастополя в малоизвестных воспоминаниях ее участников // Севастополь. 75 лет начала обороны 1941-1942 гг.: материалы научно-практической конференции «Севастопольские чтения» 24.03.-26.03.2016.- Севастополь: Телескоп, 2017. С.132-142.
204. Воробьев Н. Батарея №365. - М.-Л.: Военмориздат, 1945. - 84 с.
205. Воронин К.И. На черноморских фарватерах. - М.: Воениздат, 1989. - 175с.

206. Garels Martin. Kampf und ende der FRANKISCH-SUDETEND evtschen 98 infantive division. Nurnberg, Podzun-Pallas, 1984.- 480с.
207. Гармаш П.Г. Огненные дни Севастополя.- Симферополь: Таврия, 1978. - 288 с. // [Электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/memo/russian/sb_ognennye_dni_sevastopolya/index.htmll
208. Главацкий Г.К. В боях за Севастополь. - Тбилиси: Заря Востока, 1943. - 120с.
209. Гречко А.А. Битва за Кавказ. - М.: Военное издательство, 1967. - 424 с. // [Электронное издание] (Проверено 20.07.21) http://militera.lib.ru/memo/russian/grechko_aa_1/index.html
210. Дворниченко О. Клеймо: судьбы военнопленных. - М.: Культурная революция, 2016. - 776с.
211. Долгушева З.И. Воспоминания севастопольской девочки. - Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ- Гидрофизика», 2011. - 31с.
212. Жидилов Е.И. Мы отстаивали Севастополь. - М.: Воениздат, 1963. - 256с.
213. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. - М.: Издательство агентства печати новости, 1969. - 735с.
214. Задорожников Г.К. Мемуары старого мальчика. - Севастополь: Издатель Кручинин Л.Ю., 2010. - 184с.
215. Зякун А. І. «Український» колабораціонізм: історіографія проблеми // Історико-краєзнавчі дослідження: матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Частина 1. - Суми: СумДПУ, ім. А.С. Макаренка, 2013. С. 183-186.
216. Кершоу Р. 1941 год глазами немцев: Березовые кресты вместо железных. - М.: Яуза, 2010. - 542с.
217. Ковтун А.И. Севастопольские записки. - Симферополь: Таврия, 1972. - 170с.

218. Корзунов И.Е. На боевом курсе. Записки офицера авиации. М.- Л.: 3-ья типография Военмориздата в Москве, 1945. - 96с.
219. Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. - М.: Голос, 2000. - 276с.
220. Lacoste Werner. Nach 50 jahren: auf den schlachtferdern Sewastopol.- s.a., s.i. s.255-399/
221. Лавренев Б.А. Людмила Павличенко. - М.: Военно-морское издательство, 1942г. - 39с.
222. Лезинский М. Хроника полка войск НКВД (Хроника полка Герасима Рубцова или Живи, Севастополь!). URL: https://www.proza.ru/2012/03/04/148
223. Литвиненко А.Г., Жбанов А.В., Федоров А.Ф. Оборона Севастополя в рассказах ее участников (главные, решающие и трагические этапы). - Севастополь, ЧП Кисель, 2014. - 260с.
224. Македонский П.А. Пламя над Крымом (воспоминания командира Южного соединения партизанских отрядов Крыма). Симферополь: Издательство «Крым», 1969. - 304с.
225. Манштейн Э. Утерянные победы. - Смоленск: Русич, 1999. - 680с.
226. Моргунов П.А. Героический Севастополь. - М.: Наука, 1979. - 520с.
227. Мусьяков П.И. На защите Севастополя. - М.: Госполитиздат, 1943. - 40с.
228. Мусьяков П.И. Они стояли насмерть. - М.: ДОСААФ, 1963. - 147с.
229. Мусьяков П.И. Подвиг Тридцатой батареи. - М.: Воениздат, 1959. - 144с.
230. Мусьяков П.И. Севастопольские дни. - Симферополь: Крымиздат, 1963. - 192с.
231. Петров Е.П. Фронтовой дневник. - М.: Советский Писатель, 1942 г. - 130с.
232. Пискунов Д.И. Заключительный этап обороны Севастополя. Лето 1942. - Севастополь, 2013. - 224с.
233. Раков В.И. Крылья над морем. - Л.: Лениздат, 1974. - 167с.

234. Сажин П.А. Щит Севастополя. - Симферополь: Красный Крым, 1945. - 89с.
235. Симонов К. М. Разные дни войны. Дневник писателя. - М.: Художественная литература, 1982. Т. I. - 479с.
236. Сорокин Г.Э. На черном море. Записки военного корреспондента. Л.: Лениздат, 1947. - 183с.
237. Сушко Е.В. Малахов курган.- Севастополь: Колорит, 2017. - 272с.
238. Сушко Е.В. Я помню ту войну не понаслышке…- Севастополь: ЧП Кручинин Л.Ю., 2007. - 136с.
239. Tieke Wilhelm. Kampf die Krim 1941-1944. Der devtsche Bericht uber die Eroberung der Krim durchdie 11 armee (von manstein) und die verteidigung durch die 17 armee (jaenecke) bis zvm bitteren Ende.- Gumersbach: Selbstrverlag, W. Tieke, 1975.- 311p.
240. Фесенко А.А. Неопубликованные воспоминания участников обороны Севастополя 1941-1942 гг. (из архивных материалов) // Научно-практическая конференция «Крым в Великой Отечественной войне. Неизвестные и забытые страницы. Сборник научных статей. - Симферополь, 2016. - 122с.
241. Халеев М.Я. Дневник севастопольского минера: Дневники. Очерки. - СПб.: АПИ, 2014. - 118с.
242. Хамадан А. Записки корреспондента. - М.: Советский писатель, 1968. - 288с.
243. Хамадан А. Севастопольцы. Записки военного корреспондента. - М.: Молодая Гвардия, 1942. - 126с.
244. Холендро Д. В Крыму: из записок военного корреспондента / Д. Холендро. - Симферополь: Красный Крым, 1945. - 99с.
245. Цвангер Л.Г. Записки врача медсанбата. - Б.М., 1964. - 25 с. // Неопубликованная рукопись, Морская библиотека имени М.П. Лазарева (г. Севастополь).
246. Чуев Ф. 140 бесед с Молотовым. - М.: Терра, 1991. - 624с.

247. Шестаков А.С. Запоздавшие письма из ада: документальная драма Севастополя. - Севастополь: издательство Вебер, 2010. - 420с.
248. Wir erobern die Krim: Soldaten der Krim: Armee berichten, 1941-1942. - Neustadt: Pfälzische Verl., 1943. - 303p.
249. Юнг Е.С. За тебя Севастополь! - М.: ГПУ СА и ВМФ, 1943. - 47с.

IV. Публикации в периодической печати

250. Алымов А. [Б.Н. Ширяев] Земля, кровью омытая // Часовой.- Париж, 1948.- № 276.
251. Орудие-призрак: в существование этой пушки советская разведка не верила до конца войны // Популярная механика. №12. 2004.
252. Стрельбицкий К. Деятельность МАГОН по снабжению осажденного Севастополя // Military Крым. №7. 2007.- С.37-42.
253. Корнев Г. Херсонесский маяк и 35 батарея. // Голос Крыма. Симферополь.- 1943, 2 июля.
254. Красный Крым. - 13 февраля 1942 г. № 44 (5373).
255. Красный Крым. - 14 февраля 1942 г. № 45 (5374).
256. Красный Крым. - 13 марта 1942 г. № 72 (5401)
257. Красный Крым. - 14 марта 1942 г. № 73 (5402).
258. Красный Крым. - 17 марта 1942 г. № 76 (5405).
259. Красный Крым. - 22 марта 1942 г. № 81 (5410).
260. Красный Крым. - 24 марта 1942 г.- № 83 (5412).
261. Красный Крым. - 25 марта 1942 г. № 84 (5413).
262. Новый путь. - 11 января 1942 г. - № 3 (24).

V. Диссертационные исследования

263. Абрамов Е.П. Морская пехота в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02

/ Евгений Петрович Абрамов; [Место защиты: Сев.-Зап. акад. гос. службы]. - СПб., 2007. - 47с.

264. Білоус О. П. Діальність радянських партизанів на території Північно-Східної України в 1941-1943 рр..- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. - Київ, 2014.- 200с.

265. Бондарук Лариса Василівна. Український рух опору в радянських концтаборах у 40-х - першій половині 50-х років ХХ ст. : Дис... канд. наук: 07.00.01 – 2011, Київ. нац. лінгв. ун-т. - Київ, 2010. - 229 арк.

266. Бриль Л. М. Технічна інтелігенція України в роки німецько-радянської війни в 1941 - 1945 рр. : Дис... канд. наук: 07.00.01 - Переяслав-Хмельницький, 2009.

267. Гончаренко І. В. Професійна освіта на теренах Райхскомісаріату "Україна" (1941 - 1944 рр.).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Переяслав-Хмельницький, 2012. - 200с.

268. Гончаренко О. М. Організаційно-правове забезпечення функціонування окупаційної адміністрації Райхскомісаріату “Україна” (1941 – 1944 рр.). : Дис... д-ра наук: 07.00.01 – 2011, ДВНЗ "Переяслав-Хмельниц. держ. пед. ун-т ім. Г. Сковороди". Переяслав-Хмельницький, 2011. 44с.

269. Грідіна І. М. "Духовне життя населення України в роки Другої світової війни (1939 - 1945 рр.)": Дис... д-ра наук: 07.00.01. - Донецьк, 2010.

270. Гула Р. В. Витоки та роль радянського патріотизму у роки Великої Вітчизняної війни 1941-1945 рр. (на матеріалах України).- Дисертація д-ра іст. наук: 07.00.01, Дніпропетр. нац. ун-т ім. Олеся Гончара. - Днепропетровск, 2013.- 310 с.

271. Данильчук В. Р. Українські остарбайтери: 1941-1947 рр. (на прикладі Рівненської області) : Дис... канд. наук: 07.00.01. - Луцьк, 2011.

272. Заблоцький А. В. Образ радянської бойової техніки періоду Великої Вітчизняної війни в суспільній свідомості її учасників (на матеріалах України).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. - Київ, 2013.- 200с.
273. Киселев И.В. Взаимодействие Красной Армии и Черноморского флота в ходе боевых операций в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг.: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Майкоп, 2009.
274. Ковальчук І. В. Політично-військові і соціально-економічні складові діяльності ОУН та УПА на території Житомирської і західних районів Київської областей (військова округа "Тютюнник") у 1941 - 1943 рр..- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Нац. пед. ун-т ім. М. П. Драгоманова. - Киев, 2012.- 200с.
275. Куницький М. П. Соціально-правовий статус місцевого населення райхскомісаріату "Україна" (1941-1944 рр.).- Дисертація д-ра іст. наук: 07.00.01. - Переяслав-Хмельницький, 2014.- 400с.
276. Кохан А.А. Структура и функционирование органов германской пропаганды в Крыму: 1941-1944 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - СПб, 2019.
277. Лахно В. І. Українські остарбайтери в Третьому Рейху та Радянському Союзі (1941-1953 рр.): історико-антропологічний аналіз на матеріалах Полтавщини.- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Миколаїв, 2013.- 180с.
278. Любин Д.М. Ввод Красной Армии в Иран летом-осенью 1941 г.: причины, осуществление и последствия: автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саратов, 2005.
279. Мартиненко В. Л. Етнічні німці на території Лівобережної України в роки радянсько-німецької війни (1941-1945 рр.).- Дисертація канд.

іст. наук: 07.00.01, Харк. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. - Харьков, 2012.- 190с.

280. Мизак Н. С. Боротьба УПА-"Захід" і збройного підпілля ОУН на західноукраїнських землях (1942-1960 рр.). : Дис... д-ра наук: 07.00.01. - Чернівці, 2011.

281. Михайлюк В. В. Адаптація інвалідів Великої Вітчизняної війни у контексті повсякденного життя у Донбасі (1943-1945 рр.).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Донец. нац. ун-т. - Донецьк, 2013.- 210с.

282. Михальчук Р. Ю. Голокост на території Рівненщини під час нацистської окупації (1941-1944 рр.).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Нац. ун-т "Остроз. акад.". - Острог, 2014.- 200с.

283. Напсо Н.Т. Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. - Майкоп, 2000.

284. Науменко В. М. Політика Економічного Штабу Ост в сфері промисловості в окупованій Україні (1941-1944 рр.). : Дис... канд. наук: 07.00.01. - Киев, 2009.

285. Огороднік В. Ю. Підготовка кадрів Служби безпеки Організації українських націоналістів (бандерівців) (1941-1951 рр.) : Дис... канд. наук: 07.00.01 - 2009.

286. Олійник Ю. В. Нацистський окупаційний режим в Україні у 1941-1944 рр. (на матеріалах генеральної округи "Волинь-Поділля"). : Дис... канд. наук. Кам'янець-Подільський, 2010.

287. Пагіря О. М. Відносини між ОУН(б) і УПА та збройними силами Угорщини в 1942 - 1945 рр..- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01, Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка. - Киев, 2013.- 160с.

288. Панченко В. Г. Формування економічної платформи Організації українських націоналістів : Дис... канд. наук: 07.00.01 - 2009. Запорізький національний університет, Запоріжжя, 2009.

289. Патриляк І. К. Діяльність українського націоналістичного підпілля та повстанської армії в роки Другої світової війни.- Дисертація д-ра іст. наук: 07.00.01. - Киев, 2012.- 360с.
290. Перехрест Олександр Григорович. Українське село в 1941 - 1945 рр.: економічне та соціальне становище.- Дисертація д-ра іст. наук: 07.00.01. - Киев, 2013.- 400с.
291. Петрова А. І. Особливості окупаційного режиму на Поділлі (1941-1944 рр.).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Киев, 2012.- 180 с.
292. Підлубний В. М. Діяльність ОУН та УПА на Буковині у 1940-1952 рр. : Дис... канд. наук: 07.00.01 - Чернівці, 2010.
293. Полянський Ф. І. Німецький окупаційний режим і рух Опору на Тернопіллі (1941-1944 рр.). : Дис... канд. наук. Львов, 2009.
294. Радченко Ю. Ю. Нацистський геноцид єврейського населення України на території прифронтової зони (1941-1943 рр.).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Харьков, 2012.- 210с.
295. Рузаев С.В. «Деятельность органов власти города Севастополя в 1941-1942гг.»: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 5.6.1. - СПб, 2021. - 484с.
296. Савенко А. В. Україна в політиці іноземних держав періоду Другої світової війни (1939-1945 рр.). : Дис... канд. наук: 07.00.01. - Донецьк, 2010.
297. Салата О. О. "Формування німецького інформаційного простору у Рейхскомісаріаті "Україна" : Дис... д-ра наук. 2010. Донецьк : Норд-Прес, 2010. 316с.
298. Сеітова Ельвіна Ізетівна. Трудова міграція до Криму (1944-1976).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Донецк, 2013.- 200с.
299. Семенів О. Є. Визволення Тернопільщини від німецької окупації у 1944 році (військово-історичний аспект).- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Чернівці, 2013.- 200с.

300. Тарнавський І. С. Окупаційна політика нацистської Німеччини та її союзників в Україні в 1941 - 1944 рр..- Дисертація д-ра іст. наук: 07.00.01. - Донецьк, 2013.- 370с.
301. Толмачев А.В. Боевой и численный состав и потери вооруженных сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны: 1941-1945 гг.: автореферат Автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Красноярск, 2006.
302. Трепкачова О. Окупаційний режим та єврейське населення Дніпропетровщини 1941-1943 рр. : Дис... канд. наук: 07.00.01 - 2010. Дніпропетр. нац. ун-т ім. О. Гончара. - Днепропетровск, 2010.
303. Чернявський В. В. Примусові робітники Півдня України у фашистській Німеччині та Румунії (1941 - 1945 рр.). - Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Миколаїв, 2013.- 200с.
304. Шайкан В. О. Ідеологічна боротьба в Україні періоду Другої світової війни 1939-1945 рр. : Дис... д-ра наук: 07.00.01. - Переяслав-Хмельницький, 2011.
305. Шахрайчук І. А. Рух опору на Дніпропетровщині в період Великой Вітчизняної війни 1941-1944 рр..- Дисертація канд. іст. наук: 07.00.01. - Донецк, 2013.- 200 с.
306. Шевченко Н. В. Діяльність національних культурно-освітніх закладів Півдня України в період німецько-румунської окупації 1941-1944 рр. : Дис... канд. наук: 07.00.01. - Миколаїв, 2010.
307. Щур Ю. І. Український визвольний рух на Наддніпрянщині (1920-1955 рр.) : Дис... канд. наук: 07.00.01. - Запоріжжя, 2009.
308. Яшан О. О. Морально-психологічний стан населення України в умовах окупації (1941-1944 рр.) (на матеріалах центральних областей України): Дис... канд. ист. наук: 07.00.01 - 2010. Черкас. нац. ун-т ім. Б. Хмельницького. Черкаси, 2010. 20с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Мелвин Мунго. Севастопольские войны. Крым от Потемкина до Путина. Нью-Йорк: Osprey Publishing, 2017, 752с.[699]

[699] Melvin Mungo. Sevastopol's wars. Crimea from Potemkin to Putin.- New York: Osprey Publising, 2017.- 752p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Статья А. Алымова,- Земля кровью омытая в журнале «Часовой».[700]

Часовой, 1948, № 276. Ширяев Б.Н.

Земля кровью омытая

К 6-й годовщинѣ битвы за Севастополь.

Мнѣ удалось попасть в Севастополь лишь спустя год послѣ агоніи этого города героя и дважды страдальца.

Шоссе, ведущее из Симферополя, уже было исправлено, и лишь частыя широкія воронки по обѣ стороны его разсказывают о потрясающей трагедіи этого города-крѣпости, вписавшаго своею кровью двѣ величественных главы в исторію русскаго народа. Участники боев, а их много было в Крыму в то время: нѣмцы не гнались за количеством плѣнных, уже пресытившись ими на Украинѣ, и не только не преслѣдовали одиночек и мелкія оставшіяся группы, но охотно отпускали на волю уже попавших в плѣн мѣстных жителей, в особенности крымских татар, участники боев разсказывают:

Послѣ чрезвычайно легкаго для нѣмцев молніеноснаго прорыва Перекопской линіи, красное командованіе буквально потеряло голову. Лавина обезумѣвших не столько вслѣдствіи потерь, сколь в силу хаоса, создавшагося при паническом бѣгствѣ командованія, людей неудержимо катилась к югу. Все смѣшалось. Командиры срывая с себя знаки отличія, стремительно бѣжали в степь. Около Джанкоя какая то случайно собравшаяся группа красных была окружена нѣмецкими мотоциклистами и дала бой. О нем повѣствует, теперь вѣроятно сравненное с землей, нѣмецкое кладбище с выравненными по ниткѣ рядами могил, покрытых желѣзными касками их обитателей, над братской могилой русских нѣт ни креста, ни холма. Через год плуг уже бороздил надгробную землю, а теперь... вряд ли кто нибудь сможет указать ее. Симферополь и Бахчисарай были оставлены без сопротивленія. Остатки раздробленных красных дивизій неслись на защиту „сильнѣйшей в мірѣ крѣпости", как говорил о ней Сталин, — Севастополя.

На этот раз он не лгал: с точки зрѣнія военной техники, Севастополь был неприступен. Сингапур — картонный домик, по сравненію с его укрѣпленіями.

С приближеніем к сѣверным фортам движеніе нѣмцев замедлилось, прилегающіе пути были густо минированы. Наступающіе продвигались, буквально ощупывая землю руками. Тысячи приманок и ловушек были разсыпанны с чисто азіатским коварством. Дойдя до первых линій укрѣпленій, нѣмцы стали. Прелюдія трагедіи была окончена.

⁂

Глинистые бугры Аккермана — свидѣтели небывалаго, невозможнаго в русской исторіи, но естественнаго в исторіи совѣтской — позора.

Здѣсь, до войны хранились запасы вина из бывших удѣльных и Голицынских имѣній. Огромные погреба безконечными анфиладами зал уходили в толщу земли. Послѣ первых воздушных бомбардировок города сюда были свезены раненые, семьи младшаго и средняго комсостава, часть жителей города. Под землей угнѣздился цѣлый поселек, болѣе 20.000 человѣк. Большую часть населенія составляли женщины и дѣти. Жилось не плохо: продуктов хватало, а вина — хоть купайся. Тревожили лишь смутные слухи о том, что погреба минированы, но под гроход канонады доносившейся с верху, к этому скоро привыкли. Нѣмцы медленно, но неуклонно продвигались к высотам. Однажды ночью холмы задрожали от ряда глухих взрывов. Тяжелые пласты глины и камня поползли вниз, наглухо замыкая всѣ выходы из подземелій. Красное командованіе отступая, не смогло или не пожелало эвакуировать укрытых в подземельях женщин, дѣтей и инвалидов — русских людей. Вѣрнѣе, как это покажут слѣдующіе акты трагедіи, не пожелало. Что значит для интернаціонала двадцать тысяч русских?...

Мины были заложены и взорваны красными. Из населенія пещер не спасся ни один человѣк. Саперы, работавшіе при минированіи, позже говорили, что засыпана была лишь внѣшняя, выходная часть погребов. В глубинѣ подвалов мин не было. Что творилось там в этих страшных гробницах среди уцѣлѣвших, еще живых, но обреченных на

— Да, но зачѣмъ вы принимаете къ себѣ бывшихъ нацистовъ? Вѣдь у васъ полно ихъ? — спросилъ Грачевъ.

— Развѣ это бѣда? Вчера нѣмецъ былъ хорошимъ нацистомъ, но сегодня онъ будетъ хорошимъ коммунистомъ. Не говорите только ему объ этомъ, не начиняйте его сразу діалектическимъ матеріализмомъ. Скажите, что Марксъ лучше Гитлера, онъ и такъ повѣритъ. Это вамъ, русскимъ, надо понимать...

— Знаете, — перебилъ его генералъ, — я часто удивляюсь нѣмцамъ. Вотъ разсказываютъ, что Герингъ въ своемъ послѣднемъ словѣ на судѣ сказалъ, что если бы ему было дано жить еще 5 лѣтъ, то онъ дѣлалъ бы то же самое, что дѣлалъ и раньше. Вотъ это преданность. У насъ такихъ нѣтъ.

— Это не преданность, — отвѣтилъ Пикъ. — Это дисциплинированность.

— Да, можетъ быть вы правы...

Въ городѣ шелъ знаменитый совѣтскій фильмъ „Клятва". Семья Грачевыхъ рѣшила поѣхать посмотрѣть. Захватили въ кинематографъ и меня.

Сталинъ произноситъ надъ гробомъ Ленина свою историческую клятву. Затѣмъ кадры пленки разсказываютъ о томъ, какъ Сталинъ претворилъ въ жизнь эту клятву. Въ совѣтской странѣ разцвѣла дивная жизнь. Дымятъ трубы могучихъ индустріальныхъ гигантовъ, поля покрылись жнивой, болота осушены, младенцы хлопаютъ въ ладоши, магазины полны товаровъ, поютъ птицы и цвѣтутъ цвѣты... И идетъ по счастливой странѣ Сталинъ. Всѣ радуются ему, всѣ славятъ его имя. Но, вотъ въ полѣ какой-то трактористъ-неудачникъ завозился со своимъ тракторомъ и никакъ не можетъ пустить въ ходъ моторъ. Сталинъ подходитъ къ нему, садится на тракторъ, нажимаетъ рычагъ... и тракторъ оглушаетъ зрителя мощнымъ ревомъ, трогается съ мѣста и вздымаетъ пласты черной лоснящейся земли.

— Вотъ какъ нужно овладѣвать техникой, — говоритъ кинематографическій Сталинъ.

Огромный свиносовхозъ. Увѣренная въ своихъ словахъ и движеніяхъ бригадирша свинной бригады показываетъ Сталину рекордный выводокъ поросятъ. Сталинъ беретъ бережно поросенка на руки и, обращаясь къ зрителю, произноситъ:

— Вотъ чѣмъ богата наша страна. (Потомъ въ части наши солдаты говорили: „Чѣмъ богата наша страна? — Свинствомъ").

Сеансъ окончился. Грачевъ шелъ мрачный. На вопросъ Олимпіады Владиміровны, какъ понравился ему совѣтскій боевикъ, отвѣтилъ коротко.

— Это не достиженіе совѣтскаго кино. Это... это просто нахальство.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Алексѣй АНДРЕЕНКО.

---

[700] Алымов А. [Б.Н. Ширяев] Земля, кровью омытая// Часовой.- Париж, 1948.- №276.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Записки врача медсанбата. - Б.М., 1964. - 25 с. // Неопубликованная рукопись, Морская библиотека имени М.П. Лазарева (г. Севастополь).[701]

Медсанбат
ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ
1941 – 1942гг.
Цвангер Л.Г.

Сто семьдесят вторая дивизия родилась - как говорится в её песне - "в пороховом дыму". Она вступила в строй действующей армии во время боёв в Крыму. Одна из первых прибыла эта дивизии в составе Приморской Армии для обороны Севастополя. Её замечательные полки и батальоны прошли через испытания в огне трёх штурмов и стояли насмерть на рубежах Второго Оборонительного района Севастополя. Они щедро полили кровью огромные пространства от Балаклавы до Мекензиевых гор. Из тех, кто участвовал в последних тяжёлых боях, немногие остались живы.. Двести пятьдесят дней город-герой был свидетелем воинской чести защитников Севастополя.

Главные силы медицинской службы сто семьдесят второй дивизии были сконцентрированы в 224 медсанбате. Его влияние сказывалось на постановке дела в санчастях полков и батальонов, врачи которых некоторое время работали в медсанбате ординаторами.

Медсанбат начал организовываться, когда дивизия уже вступила в бои после короткого периода формирования в Севастополе. Для его укомплектования были взяты врачи и средний медицинский персонал Крыма, а также несколько врачей из 51-ой Армии /143 медсанбат/, откуда три врача - в том числе и я - попали в передовую часть медсанбата. Тыловая часть его только начала формироваться, приняв небольшую группу врачей выпуска 1941 года и студентов старшего курса Севастопольского мединститута.

Передовая группа медсанбата в основном состояла из подобной же молодёжи. Она обслуживала части, отходящие из северо-западных районов Крыма. Ей приходилось не только заниматься обработкой ран, но и нести

[701] Цвангер Л.Г. Записки врача медсанбата.- Б.М., 1964, 25с. // Неопубликованная рукопись, Морская библиотека имени М.П. Лазарева (г.Севастополь).

караульную службу. В Дилишае, где первые дни работала эта группа медсанбата, не было других подразделений.

Через несколько дней, по приказу старшего по званию - полкового комиссара из ближайшей дивизии, пришлось передать раненых в полковую санчасть и отправиться для обслуживания наступления кавалерийской дивизии: в хутор Весёлое. Он был наполовину занят немцами, горел - от пожаров на окраине его было светло.

Восемнадцать медиков передовой группы расположились в инкубаторе птичника совхоза имени Калинина, вблизи хутора Весёлое, где начался бой. К концу боя пешие кавалеристы оттеснили врага на восемь километров. Это было боевым крещением медсанбата, через руки которого прошло тогда девяносто раненых.

Кавалеристы уже начали хлопотать об оставлении нашей группы при кавдивизии /42-ой /, не имевшей своего медсанбата, но за нами был прислан командир роты медсанбата, добившийся нашего возвращения в 172 дивизию.

Вскоре к нам прибыл военврач 2-го ранга /Качунас/, который стал на несколько дней, до прибытия в Севастополь, ведущим хирургом медсанбата. Под его руководством медсанбат обслужил в Старых Кудеярах большой поток раненых. Там выявилась сплочённость и выносливость молодых врачей, их способность учиться работая.

224 медсанбат обслуживал Второй Оборонительный район Севастополя, комендантом которого был назначен командир 172 дивизии полковник Ласкин Иван Андреевич. Район боевых действий нашей дивизии, а значит и работы медсанбата, изменился лишь с апреля 1942 года. До этого бои, в ходе которых раненые поступали в 224-ый медсанбат, происходили в Комарах, Верхнем и Нижнем Чоргуне, на Федюкиных высотах и Гасфортовой горе /Итальянском кладбище/. Находясь на Максимовой даче, медсанбат имел хорошие подъездные пути и был близок к местам боёв.

Раненые, получившие там помощь, забывали, что это был медсанбат. Они говорили о нём, как о госпитале, «бывшем санатории». Столовую его

вспоминали как «зал санатория», где происходили торжественные заседания и награждения. Многим запомнилась баня - гидропатический зал.

Редко кто мог запомнить скрытое за маской лицо хирурга, очень быстро снующий персонал медсанбата. Ведь за этим следовала эвакуация в другие учреждения, стремительный путь морем, связанный с опасностью и массой сильных впечатлений. Поэтому редко бывают показаны в литературе подлиннее рядовые медики медсанбатов. Героика в их работе недоступна постороннему глазу. Не замечалась она и товарищами, углублёнными в работу за соседним операционным столом. Лишь в памяти тех, кто смог увидеть работая моральную красоту своих помощников и начальников, кто заметил - чем жил и бредил раненый на его столе, не сгладятся люди, встреченные на их участке работы. Несмотря на тяжесть пережитого, каждый из медиков вспоминает о работе в медсанбате, как о счастливом, прекрасном отрезке жизни.

В первые дни работы, ещё в Балаклаве, мы начали получать для усиления и укрупнения медсанбата опытных хирургов. Командиром роты стал врач с большим стажем. Во главе операционно-перевязочного взвода бил поставлен хорошо подготовленный хирург, что позволило освободившемуся от командования взводом ортопеду возглавить обслуживание раненых с переломами костей. Хирургам специалистам была поручена обработка лёгочных, полостных и черепно-мозговых ранений. Первичная обработка ран конечностей производилась в отдельных операционных. Техника занятых там хирургов совершенствовалась, по мере накопления ими опыта и навыков, под квалифицированным руководством.

Для укрупнения к нашему медсанбату прикомандировали 474 медсанбат, где были два доцента - хирурга из Тбилиси. Пополнился состав врачей и из отдельной роты медицинского усиления, откуда прибыл ведущий хирург.

Таким образом, самый молодой из медсанбатов, действовавших в Обороне Севастополя с начала её, достиг того уровня работы, которым

славились два старых, пришедших сюда с опытом Обороны Одессы /47-ой и 103-ий/. С участием и тех медсанбатов, которые прибыли или были организованы позже, был достигнут такой охват раненых во время штурмов и между ними, что недостатка в медицинской помощи не ощущалось ни разу.

В апреле 1942 года наш медсанбат отдал часть своего состава новому, 475 медсанбату. Ушёл от нас и 474 медсанбат, выбыли и хирурги из роты усиления. Мы переместились в Инкерман, в одно из зданий на 2-м участке СЕВГРЭС. Там перенесли артобстрел, после чего — с 6-го июня по 19-ое находились в штольне Инкермана. Далее мы оказались в помещении курсов городка 35-ой батареи, где закончили работу 30 июня... Был приказ опуститься к морю для посадки на корабли... Она не состоялась.[702]

“В инкерманских штольнях” (отрывок)

…мне приказали отправиться в штольню продсклада /№2/, где собралось несколько сотен раненых, и сделать там, что можно. - Санитаров Вам дадут там, а врачей возьмете из 47 медсанбата. Это сфера их деятельности, но они выбились из сил и обратились к нам.

Из нашего медсанбата мне дали медсестру Вишнякову. Она уже проработала со мною сутки и очень устала. Был дан ещё врач из 514 полка, вскоре исчезнувший /Ранен? Убит?/.

В 47 медсанбате никого не могли выделить для работы в штольне №2. Продокдад прислал санитаром бойца. Он посмел сказать, что не приспособлен к этой работе. Я рассердилась и прогнала его. Вскоре он вернулся, извинился, и стал мне очень хорошо помогать во всем. Смышленный человек и хороший организатор боец этот с полслова понимал, что от него хотят. Все моменты незабываемо тяжкого дела, поглотившего меня на полтора суток, были трудны.

В штольне №2

[702] Пометки сотрудников библиотеки: Здесь идёт речь о делах в Обороне Севастополя, о раненых в боях и медиках, о мужестве и труде, об исполнении долга. Автор - бывший врач 224 медсанбата 172 дивизии.

Даже мое появление в сопровождении одной сестры обрадовало интендантов, приютивших у себя более семисот человек раненых. Медсанбаты уже не помещали их и штольня №2 была временным местом пребывания. Там совсем не было медперсонала. Наш медсанбат разошелся для выполнения задания, он был к тому же переполнен, другие же не могли принять всех раненых из этой штольни. Надо было провести за очень короткий срок компетентную сортировку и отправить раненых на эвакуацию.

В штольне не хватало воздуха.. Свечка но могла уже гореть... Надо было не допускать курения... Не было запаса воды. Раненых мучала жажда, надо достать воду! Раненые томились, изнемогали от ставших тугими из-за отёков повязок. Надо былоо их перевязывать. Но не было помещения, материала и рук... У меня был один большой бинт с стерильным материалом, санитарная сумка, два кипятильника с кипяченными инструментами, иглы и шприцы в спирте. Конечно камфора и морфия — в достаточном количестве.

С чего начать!? - Добыть бочку воды. С трудностями, не поддающимися описанию, вода доставлена стараниями интендантов. Но её налили в громадную бочку, стоявшую в штольне у входа. Там легче охранять воду от попыток пить не по скудной норме, легче контролировать часовых у бочки! Но вдруг она станет жертвой артснаряда?.... Входа в штольни были пристреляны, а дорога и все источники водоснабжения - под непрерывным артобстрелом.

Меня подбодрила радость, с которой я была встречена ранеными. Они понимали, что одному человеку не решить нужных задач в этих условиях,а все же - с ними врач. Между ранеными, лежащими на полу, негде ступить. Начинаю сортировать. «Санитар» - настоящий друг в беде - не отстает от ритма моих движений. Я щупаю пульс у раненых, кричу фамилии тех, кому следует ввести морфий или камфору. Сестра делает инъекции, а санитар ведет список очереди на эвакуацию и отправку в медсанбаты /полостные ранения - в 47-ой - остальных в медсанбаты/. Стану там, где можно стоять, опираясь хотя бы на одну ногу, и исследую пульс. У одних нащупываю его

на артерии, тыла стопы,у других на лучевой или височной, - что ближе к моим ногам и к моей руке. Наконец, обход окончен. Надо вынести тринадцать трупов.

Начальник склада, Бейзель, обещает дать хороших носильщиков для этого - инженеров и техников. Но они всё не идут и не идут... Подтаскиваю с санитаром тех, у кто умер на плащ-палатках к выходу из штольни..

Люди давно не ели. Получаем хлеб от интендантов и раздаём всем по кусочку. Даем двести граммов воды. Удалось заказать обед в 47 медсанбате. Через три часа предполагаем накормить раненых горячим. Санитар увёл раненых на эвакуации.

Велела освободить для перевязок помещение полевой почти. Оттуда выносят намокшие в воде пачки писем. Они доставлены транспортом с полузатонувшей «Сванетии».

Я уже совсем охрипла от необходимости кричать время от времени «Кто курит??». Мне бы замену для крика и сразу стало бы легче! Соседей слушаются не все курильщики. Бегаю до изнеможения из края в край- и показываю нарушителям грозный кулак. В одном из углов сидит группа раненых в ноги командиров. Им хочется мне помочь, но они не могут двинуться... Поравняешься с этим углом, а оттуда несётся какое-нибудь слово поддержки: - Всё в порядке! - Молодец наш доктор! - Наши медики везде дома! Что-нибудь в этом роде играет роль суровой ласки... А медик хрипит и объясняется жестами...

Вот пришёл командир 47 -го медсанбата - Любарский. Он доволен, что с ранеными есть врач. Мне хочется его подбодрить и я излагаю ему всякие планы... Пусть уж будет более спокоен этот измученный трудностями человек». А инженеры для выноса трупов не идут и не идут.. .Исчез и начальник продсклада, Бейзель.

Неожиданная радость. Прибежала медсестра. Она в мокрой одежде, в флотской форменке. Всплыла с "Сванетии". Прибыла с транспортом. Она предлагает свою помощь. Бывают же такие щустрые, боевые, милые,

инициативные и спокойные люди, как эта девочка!!! Я никогда её не забуду. Теперь наш состав - эта морячка, продскладский боец и я могли развить такие темпы деятельности, что повторная сортировка, подсчёт и «скорая противошоковая помощь» оказались выполненными в невероятно короткий срок.

В ожидании обеда опять даем всем по кусочку хлеба и немного воды. После обеда собираемся заняться отправкой раненых по медсанбатам.

Пришёл Бейзель. Набрасываюсь на него: - Где же обещанные носильщики-инженеры? А он обнял меня за плечи и говорит: - Милая девочка, - чем поможет такое волнение?! Я с этими инженерами вынес из 47-го медсанбата полтора десятка трупов раненых, задохнувшихся от угара.

Сгорела кухня... Сгорел наш обед.. Сгорели надежды.. Вышел из строя самый большой медсанбат.../Я ещё не знала,что там были и сгоревшие люди/.

Получила приказ вернуться в свой медсанбат. Прошли сутки, а замены нет... Вишнякову отправила назад, когда появилась морячка. Что толку от потерявшего силы человека. Прошу разрешения у старшего по званию, полкового комиссара Вербенко - ныне комиссара гарнизона штолен — не выполнить приказ до прибытия замены.

Наконец прислали «замену». Военврача 2-го ранга - он без сил после пожара. . Операционная сестра из этого же , 47-го, медсанбата - пришла и свалилась в обмороке. Политрук — человек, нервное равновесие,- он слишком резок для состава раненное в этой штольне.. Прошу их отпустить и прислать, кого можно, лишь бы менее потрясённых пожаром.

Начинаю делать перевязки, но вскоре должна отказаться от этой затеи.. Не горит свеча в безвоздушном пространстве нашей штольни.. Слишком много углекислоты выдохнула масса людей. Чувствую, что и мне делается дурно, а раненые лежат вялые. Ближе к выходу свечка не гаснет. Там, около бочки, больше свежего воздуха. Не перенести ли туда, в коридоры перевязочную?.. Иду к выходу. В коридоре стоит стул, опускаюсь на него и

чувствую, что засыпаю, не могу уже пошевелить рукой. Что это? - Сон или дурнота?

Вдруг сильная рука хватает меня за шиворот, тащит за перегородку и бросает на белоснежную постель. - Спите, - через полчаса разбужу Вас. С ранеными побуду сам. - Это был подполковник Носиков, начальник гарнизона в городке Инкерманских штолен. Он оглох от контузии, был болен, но оставался на своим посту.

Через полчаса он разбудил меня. Я почувствовала себя бодрой и снова занялась хлопотами. Раненых накормили консервами, хлебом и даже напоили чаем. А затем пришла замена и я с сожалением рассталась с бойцом склада и милой морячкой.

В штольне нашего медсанбата продолжались обычные дела. Вот меня вызвал встревоженный Верик: - В историк болезни Керимова Вы пишите и подчеркиваете, что не иссекали дна очень загрязненной раны. Как бы нам не влетело за это с этапов эвакуации?! - Разъясняю, что после ранений прошло более двенадцати часов, что глубоких карманов все равно нельзя очистить, что здесь надо надеяться на отторжение омертвевших тканей из широко раскрытых ран. Велю принести раненого на стол в «гипсовом углу». Открываем раны. Идёт хорошее заживление. Рана имеет сочный ВИД, хорошо заполняется. Она стала меньше на три четверти. Молодец, Абдул Керимов.. Успокаивается и Верик: - Победителей не судят!

В такой обстановке этот сухой человек до конца оставался верен четкости к педантичности в работе. Кто еще стал БЫ проверять в те дня качество заполнения историй болезни и правильность лечебных приёмов?!

В штольнях Инкермана я оставалась круглые сутки возле своего «гипсового участка». Необходимо было всегда находиться в пределах доступности. Изредка удавалось поспать на полу, в углу за палаткой. Поэтому всю музыку с неба я привыкла слушать и регистрировать, так сказать, с постоянных позиций. Кое-какие из потока авиабомб не разрывались, а тупо стучали над сводами штольни. Мы радовались, что есть

немцы не очень рачительные в изготовлении снарядов. Может быть это друзья на заводах?

Артогонь был более неумолим. Погибла наша корова - так рады были мы, имея молоко для самих тяжёлых раненых. Погиб самоотверженный боец, отдавший жизнь на боевом посту, лелеявший эту корову..

Убиты или тяжело ранены все наши шоферы. Их вырвал на рядов ОДИН ИЗ снарядов. Уничтожены и машины. Ранен в живот и умер от ран наш кроткий, милый завхоз. Ранен и начальник АХЧ. Под обстрелом уборные. Санитары, несущие вёдра после туалета раненых, идут по дорогам смерти. Это страшный путь и для личного состава медсанбатов и частей гарнизона штолен...

Но самое ужасное - это недостаток воды!!

Кухня медсанбата помещалась у входа в штольню. Арку входа заделали и снабдили дверями после того, как в штольню ворвались осколки и добавочно ранили, лежавших там раненых!!.Тогда же устроили тоненькую стеночку и вывели через нее наружу трубу дымохода кухни. К кухне примыкала и небольшая столовая.

Однажды ночью выдалась свободная минута. Решила выйти на воздух и, присев на стоявшую у входа машину, немножко подышать.. По пути к выходу меня остановил рабочий по кухне, страдавший ревматизмом. Пока я слушала его жалобы, артснаряд сжёг машину у входа. Часовой у выхода из штольни потерял нос, срезанный осколком снаряда. Меня и моего собеседника лишь обсыпало штукатуркой...

День и ночь в небе висели самолеты врага. Но ни о них, ни о горящем Севастополе мне не хочется писать. Этот скорбный стон, боль от неба, занятого врагом, и от дыма пожаров разбитого города звучит на страницах книг, страниц. Она не уходит из памяти людей. Что же ещё об этом говорить, когда душа волна проклятьем!?..

Двадцать первого июня мы оставили штольни Инкермака и прибыли в городок тридцать пятой батареи, поместились там в здании Курсов

усовершенствования командного состава. В этом чудном городке размещалась и летная часть. Всё население его давно уже находилось в расположенных около блиндажах. Размещение медсанбата здесь вызывалось, видимо, крайней необходимостью, условиями боевого района.

В городе тридцать пятой батареи.

Прибили и тотчас же стали за операционные столы. Одновременно с появлением здесь медсанбата стали прибывать большим потоком раненые. В просторной комнате, светлой и высокой, без труда разместили восемь операционных столов и оборудование операционной. Начали работать в две смены - по шестнадцать часов. Наша смена первая отправилась на отдых в палаты вблизи операционной. Как и где были устроены все раненые - не представляла себе. Большая часть поступающих долгое время находиласъ на дворе. Были какие-то трудности с сортировкой.

Женщину медсанбата получили большую комнату - человек на двадцать пять — с двухэтажными койками. Домрачева выбрала себе место на втором этаже коек, у окна. Верная своим привычкам, я предпочла лечь на жёстком месте. Выбрала большую вешалку, вымыла доску её основания, уложила шинель в скатке и легла на нее, положив вещевой мешок под голову. Но только успела расположиться как за мной пришли. Прибыл новый поток раненых, если я не очень устала - меня просят стать за операционный стол. - Конечно,не устала! - конечно, могу! Еще бы, после стольких дней работы в условиях плохого воздуха, без дневного света, часто при огарке свечи - почти ощупью, можно наслаждаться работою в просторном, полном света и воздуха помещении.

На этот раз я но пожелала стать за высокий, складной операционный стол. Радивоз, врач этой смены, заканчивал работу. Его стоя был мне по росту и я договорилась об обмене рабочего места. Радивоз ушёл в угол комнаты мыть руки, а я, с вымытыми уже руками, ждала у стола подачи раненого. За мной зиял проём в деревянной перегородке, дверь в котором не успели навесить.

Вдруг свист, звон бьющихся стекол, вихрь воздуха, невероятной силы. Перегородка падает, а я оказываюсь в прорези для двери — цела и даже не контужена. Только я и шесть раненых, привязанных к столам, совеем не пострадали. Убито много раненых. Из состава медсанбата погибло 52 человека. Среди них вся комендантская команда и все эвакуаторы. Старшая сестра, уснувшая на спине, так и не проснулась. Очень тяжело решена Домрачёва. Кроме осколков бомбы, поранивших ноги и руки, тяжелые раны лица были нафарширована мелкими стеклами. Она в шоковом состоянии. Верик выбыл из строя из-за травмы глаза. Лепеха контужен. Один из лучших санитаров лишился обоих глаз. Всех бед не перечислить.. Меньше всех пострадал Радивоз, случайно оказавшийся в углу комнаты. Но и он контужен и в полубезумье мечется по операционной, держа на руках одну из медсестер, потерявшую сознание и казавшуюся убитой.

Лучше всех сохраняла самообладание фельдшер сортировочного взвода Надя Остапченко /Мокеева/. Она одна могла хорошо описать обстановку. Потоком воздуха ее выбросило из комнаты в окно. Телеграфный столб возле окна упал. Надя запуталась в проводах и не могла освободиться из них. Раненые решили, что она выскочила к ним на помощь и со всех сторон ползли к ней. Не помню дальше ее рассказа.

Видя что творится кругом, я прежде всего позаботилась о сохранении стерильного материала, инструментов, белья операционной. Ведь нам теперь негде кипятить и стерилизовать. Впрочем, автоклав остался цел. Затем я перевязала тех из раненых, которые были приготовлены для операции. Освободила их от фиксации к столу. Стала ждать помощи для выноса раненых в подвал. Вскоре в операционную забежал незнакомый лейтенант, затем ПОЯВИЛСЯ санитар- рабцун, а за ним один из врачей /Радивоз/. Так составилось две пары носильщиков и мы быстро переправили раненнх в подвал- продуктовый погреб. Там было уже полно. Лежали на всех стелажах, под ними, на бочках и на полу..

Всюду впритык. В самом центре этого столпотворения была Домрачёва. Она была в плохом состоянии, так тревожно было, так легко было её потерять.

Дали знать Кофману. Вернее он сам явился, узнав о разгроме медсанбата. Профессор отвёл Домрачёву в госпиталь в штольне. Он приложил немало усилий для сохранения жизни молодого врача. Через четыре дня Лидия Михайловна была отправлена на Большую землю с последним самолётом, взявшим у нас раненых /26.06.1942/.

Сразу же после бомбёжки все способные передвигаться раненые были отправлены в скалы к морю /30 минут ходьбы!/. С ними ушёл почти весь персонал медсанбата. Там они должны были ожидать эвакуации. Я и ещё несколько врачей оставались для обслуживания тяжело раненых. Это было уже после эвакуации 26-го июня. Раньше я перевязывала и опекала тех, кто лежал в подвале. В этот период было чрезвычайное происшествие. В скалах с ранеными была сестра Кононова. Последние дня беременности не мешали ей без труда справляться со своим делом. Она была поворотлива и спокойна. Однажды утром - суматоха у входа в подвал. Доставили нашу сестричку, собиравшуюся рожать. Ребёнок родился на лестнице, когда она спускалась в подвал. Все были ему рады. Мать сияла, чувствовала себя хорошо. Уложили её и ребёнка, принятого по всем правилам искусства врачём 514 полка, с соблюдением некоторого комфорта. Была обеспечена даже стерильная санитарная посуда и купанье ребёнка. Мальчика, здорового и спокойного, крупного и тяжёлого, решили назвать после долгого обсуждения Севославом - во I славу Севастополя. Севослав и его мама благополучно отбили на Большую землю последним самолётом.

Как бы трудно не было перевязывать раненых в темноте и грязи, без этого нельзя было обойтись. Многих беспокоили черви в ранах, нестерпимый зуд при этом. Некоторые до слёз страдали от ставших тугими повязок. Особенно трудно приходилось раненым в кисть и стопу. Помню, как я

торопилась, на ходу снимала ботинок с одного очень страдавшего бойца. Кроме меня некому было это сделать.

В один из этих дней в подвал принесли капитана Носырева, начальника артиллерии 514 полка. Он был обессилен токсической дизентерией. Десять дней он боролся с болезнью оставаясь в строю. Изолятор для него устроили в каморке, где на мраморном столике когда-то хранились сыры. Он мог поместиться только под полкой. Всё мыслимое для облегчения его состояния было сделано, соблюдены были даже санитарные нормы при уходе и выносе санитарной посуды. Однако, вероятно, но настоянию терапевта, его вывез куда-то /«в инфекционный госпиталь»/ грузовик. Я сопротивлялась этому как могла и была очень удручена неуспехом усилий. Носырев за это время не произнес ни одного слова, если не считать благодарного взгляда, когда ему оказывалась услуга при минимальном кормлении /без чего нельзя было обойтись/ и обслуживании физиологических нужд.

Повествование подходит к концу. Важный штрих из жизни медсанбата не должен выпасть.- Это наша кухня - наш повар. Василий Алексеевич оказался в медсанбате с периода «второго Севгреса». Старик казался противным за то, что склонен бурчать, хныкать и жаловаться, ругая, часто справедливо, всех и вся по малейшему поводу. Но уже вскоре я заметила, что это только дефект характера, а сам человек хорош и необходим. Особенно видно это стало в последние дни. Его жалобы изменили содержание, а пришлось стать повереным при его сетованиях: - Запрещают мне кормить людей горячим три раза в день. - Много хлопот кухне, - говорят. Да и боятся, что дым демаскирует. Как же оставить раненых без горячего? Продукт есть. Охота готовить есть. А дым — пустяки, я умею готовить почти без дыма, лишь что-то белое из трубы.

И действительно, до последнего дня ранение имели горячую пищу. Даже картошку, доставлявшуюся на тех же кораблях, что и снаряды, но расходуемую все же меньше в Севастополе, чем её попутчик металл, - мы имели всегда. Мало того, - наш повар устроил пункт питания в скалах, куда

несколько раз в день отправляли котлы и где был даже организован небольшой очаг. Вот какой был Василий Алексеевич.

Хотя свежих поступлений раненых уже не было, но в просторном подвале было полно. В развалинах дома, в двух из более сохранившихся палат лежало 135 раненых.

27-28-29 июня... Эти дни казались вечностью. Среди 135 раненых у сорока была дизентерия. Со мною было две сестры. Одна оставалась в палатах, - ее назвала «терапевтической», другая была моею помощницей при перевязках. Ничем не отличавшаяся до сих пор, даже неприятная своей вялостью, черноглазая, черноволосая аптекарша 514 полка - лет двадцати трех - была здесь не заменима. Она преобразилась. Во время работы /вдвоем на четырех столах и двух носилках/ прибегает еще одна девушка, маленькая и очень невзрачная. Она бодро предлагает свои услуги, представившись медсестрой 427 медсанбата, отбившейся от своей части, которая должна нас здесь сменить. Это было чудо, а не помощь.

Из санитаров, их осталось три, я помню только севастопольского рабочего Рабцуна. Этот больной человек, которому нельзя было поднимать тяжести, был четок в работе, организован и сообразителен. Лучшего «диспетчера» в нашем трудном деле нельзя себе представить. Чуть не забыла о двух врачах: их оставили мне для помощи и смены. /Лучше бы о них забыть?!/ Они не могли справиться с ужасом их обуявшим. Бомбежка почти не прекращалась, как будто тут был важный объект, а не кучка раненых в разваленном здании. Но оба наши товарища спрятались под люки водопроводных колодцев, приоткрывая их, чтобы подышать свежим воздухом между атаками немцев бомбардировщиков. Так они и не приступали к работе. Может быть не стоит их винить?! Было, наверное, очень страшно. Этот ужас не чувствовала работающая тройка людей., захваченная желанием доставить раненым последнюю радость и облегчение.

Слово «радость» в данном случае законное. Однажды стала колебаться капитальная стена между разрушенным помещением, где я перевязывала, и

комнатой, условно целой, где лежали раненые. Перевязки шли в порядке очереди. Первыми перевязывали тех, кто дальше лежал. С мытыми руками захожу в палату и спрашиваю у лежащих на голом полу раненых: - продолжать перевязки или начать отодвигать раненых от готовой обрушиться стены? Отвечают хором: - Мы сами отползем и оттащим друг друга за ноги. Перевязывайте. Спасибо за то, что это идет быстро. - За полтора суток мы успели всех перевязать. По ночам около трех часов - становилось тише. Я успевала забежать в баню, быстро выкупаться в холодной воде, постирать часть одежды, одеть ее мокрой и вернуться. Эта процедура занимала пятнадцать минут. Она была единственной большой потребностью - снимала усталость бессонных ночей.

Двадцать восьмого прибыл к нам Ласкин. Он был контужен на завалившемся командном пункте. Ему было предписано взять историю болезни и вылететь на Большую землю. Он успел только сказать: - Если бы Вы видели, что там делалось.

Позже, около полуночи побывал у нас Кофман. Он попросил проводить его до машины, по-видимому, хотел что-то сказать, но так и не сказал... Спросил почему-то: - Доктор, Вы, наверно, очень здоровый человек?! - Подтвердила это.. и мы попрощались.

Ночью об оставлении Севастополя заговорили санитары. Я запретила им это настолько внушительно, что затихли всякие разговоры. Днем двадцать девятого меня спрашивает один раненый, у которого вдоль всей спины был выхвачен широкий лоскут мягких тканей, - Товарищ военврач, - идут разговоры о критическом моменте, об отъезде командования. Я ведь на ногах и могу еще держать винтовку в руках! Смотрю на рослого человека, богатыря по сложению, вижу его суровые, решительные глаза и отвечаю правду: - Я ничего не знаю. - Честное слово? - Честное слово!

Раненый одет только в камуфляжные шаровары... Долго смотрю ему вслед, почти ни о чем не думая.

В этот день как будто меньше бомбили. Но что-то возле нас нащупала артиллерия врага. Около двенадцати часов дня стало видно, как мечется грузовик с моряками и несколькими женщинами. Он проделывает зигзаги, крутые повороты, уходя от самолета, преследующего машину бреющим полетом. В последнем вираже шофер ведет ее, чтобы спрятать в тени наших стен. Кто-то... кричат: - Не сметь останавливаться возле медсанбата, вы погубите раненых! На руках у одной из женщин четырехлетний ребенок.

Люди встают с машин и входят в нашу бывшую операционную. Садятся на что попало у стен /на полу чемоданах, узлах/, сидят выпрямившись, бледные, без единого слова... ребенок заметил мой взгляд - в нем профессиональное любопытство, интерес к малышу - и завел со мной игру в прятки. Он смеется, развеселившись, глядя на него смеется и маленькая медсестра из 427 медсанбата. А его мать, сероглазая, чернобровая, высокая красивая женщина продолжает сидеть выпрямившись, неподвижно. Она оцепенела от отчаянья и не смотрит на сына, не слышит его смеха.. когда стало темнеть, наши гости молча вышли, сели на грузовик и уехали. Мальчик засмеялся уходя и помахал мне ручкой.

Взволнованная этой сценой, я прогуливалась по своим владениям и забрела в одну из угловых комнат. Там оказались связисты, два моряка. Они по очереди, почти непрерывно, кричали в телефонную трубку: - Акула, акула... булочек нет, булочек ах уж эти булочки! Где же пекари? Чего еще ждут! Телефонисты кричат в трубку. Опять грохот и свист. «Акула» слышит его, наверно, но не слышит, по-видимому сообщение о «булочках»....

В 3.00, 30.06.1942, я получила приказание передать раненых врачу 427 медсанбата и спуститься для погрузки на корабли вместе с ранеными, ожидающими в скалах у моря.

Узнав более точно место расположение раненых нашего медсанбата в скалах, печально бреду к морю, всегда любимому, искрящемуся под ярким небом. Иду навстречу тому, что будет....

На скалах Херсонеса

Тридцатое июня. Раннее утро. Полчаса ходьбы от городка 35-ой батареи прошли как в полусне «..Трудно освоиться с тем, что уже не нужно напряжённо думать только об одном: оказать раненым помощь как можно быстрее и лучше. Силы те - же. Руки- те же. Мысли в голове чёткие. Они связывают в целое те события, которые мне видны, в которых я участвовала и участвую, с теми, которые мне не известны. Я верю в их закономерность. Моё доверие к фактам и людям, от которых эти факты зависели, непоколебимо. В душе нет ни паники, ни горечи, ни желания узнать что-то необъявленное, но уже появившееся в многоязычной молве того муравейника на скалистых кручах над морем; в котором я растворилась.

Маленькую, узенькую площадочку, на которой я повисла сидя, с опорой на выступающий камень поочерёдно, то одной, то другой ногой, удалось найти только далеко от товарищей своего медсанбата. На вопрос о месте расположения «моей части» -последовал смех: - Какие там части!? Найдите, где сможете себе станцию..

Эту станцию я и нашла на левом фланге неповторимого лагеря защитников Севастополя, на последнем его рубеже. С узенькой, еле заметной тропки взобралась вверх по голым камням метра на два. Ниже и два метра левее меня расположился старший сержант, бывший сотрудник политотдела дивизии - руководитель хора медсанбата, а выше и на три-четыре метра вправо от меня полулежал на уступе скалы незнакомый боец. Он был бледен, худ. Глаза его ввалились. С утра стало знойно, но мой сосед не снимал своей шинели, длинной даже для его немалого роста. Пилотка у него не выцветшая /моя же выгорела почти до белого цвета/. Мой сосед слева, видимо, знал его давно. Как выяснилось потом, правый сосед был сотрудником дивизионной газеты «Сталинское знамя». Он лежал почти без движения. Лицо его ничего не выражало.

Плотный, небольшого роста, сосед мой справа был возбуждён. Его темно-серые глаза блестели. Он был всё время в каком-то непрерывном движении /в пределах своего сидячего плацдарма/. Он то снимал диск с

автомата, то снова его одевал. Крест накрест били одеты на нём ленты с запасом патронов. По временам он что-то протирал в своём автомате. Исчерпав возможность заполнить время вознёй с автоматом, он обратился ко мне с советами «на всякий случай» - что надо делать, если «диск автомата заест».

А впрочем, наш автомат лучше немецкого! - добавил он к своим инструкциям и любовно погладил автомат.

Я не нашла повода, чтобы поддержать эту «производственную» беседу. Помолчал к он.. Но через некоторое время сосед мой вынул из кармана гимнастёрки, справку о награждении; его медалью «За боевые заслуги», отметившую его действия в июньских боях. - Вот , - сказал он, протягивая мне её.

- Хорошо, очень хорошо! - ответила я, возвращая бумажку.

Как выглядела наша беседа со стороны - не могу себе представить. Может быть она вывела из оцепенения до этого безучастного правого соседа?...

- Вот что! - Спойте теперь Ваш любимый романс, - обратился он к политотдельцу - автоматчику.

- Лучше спою новый, только что полученный с Большой земли романс. Потом пусть доктор поёт, а после неё - опять я. Каждый должен спеть по два романса по своему выбору. Закончим концерт каким-нибудь дуэтом.

Сосед слева спел об алой и белой розе. Я посмотрела на безоблачное небо и тихую гладь моря и запела: - «Не пенится море, не плещет волна, деревья листами не дрогнут». Затем опять пел сосед, - неаполитанскую песню «Солнышко». После него - мой номер, - пою романс, снова Римского-Корсакова, - «Октавы»...

Маленький перерыв и левый сосед запел, выбрав дуэт из кинофильма «Путёвка жизнь» - Позабыт — позаброшен... спели его несколько раз, а сосед справа просит ещё и ещё …

Не помню ничего другого из первого дня на кручах Херсонеса кроме пенья и молчанья. Есть не хотелось, да и пищи не было. Пить... Но я ещё утром допила остатки воды из взятой с собою бутылки, кому-то отдала флягу..

Не было питья и у соседей. Солнце клонилось к западу.. как бы завял даже мой левый сосед, автоматчик. Горячие камни, жгучее солнце - весь день.. отекли ноги, не имеющие хорошей опоры.. Сосед справа все так же полулежит в шинели и лицо его опять ничего не выражает.. надо добыть надежду.. Добыть надежду для себя и для них. Начинаю говорить.. Говорю все громче и увереннее. Говорю горячо.. - Корабли за нами обязательно придут. Сейчас вся страна думает о нас. Все знают, что мы ждем здесь, у кромки моря. Оборона наверху в стойких руках!

И вдруг... действительно появилась наша эскадра! Как это произошло — не могла дать себе отчета. Но наш медсанбат собрался с началом сумерок на поле над кручами и направился к Казачьей бухте. Что творилось там, откуда стреляли, кто стрелял и как велся бой для обеспечения отхода наших частей — было трудно понять. После шума бомбежек и напряжения, пережитого в последние дни среди раненых, при оказании им помощи в городке 35 батареи, в здании курсов, все казалось тишиной.

Одинокий выстрел.. Застрелился фтизиатр - одессист Файнбраун. Он был на ходу ранен в колено и, предвидя свою судьбу, решил без долгого раздумья вопрос о жизни. У счастливца оказались патроны в пистолете!

За мной бежит, меня разыскивает молодой врач, Петя Назаров. Мы вместе прибыли для организации нового медсанбата дивизии, сформировавшейся после начала войны. У нас были общие воспоминания о друзьях из медсанбата, обстрелянного в боях с начала войны в Крыму. В «старом», 143-м, медсанбате он оставил товарищей. Я звала их. Он верил в мою выносливость: - С Вами не страшно, - было его последнее признание. На следующий день Петя погиб..

нашу группу ведет полковой комиссар Вербенко. Он больной человек. Голос его звучит глухо. С трудом идет сам. Чтобы подбодрить людей и ускорить шаги, по его просьбе по временам выкрикиваю какую-то команду, - вроде - «прибавить шаг!», «подтянуться!». Нас то затирает, то разбивает поток людей. Все же приходим к причалу компактной группой. На каком-то ящике уселся наш кассир. Вокруг него надо стоять в ожидании погрузки. Что происходит с катером, поданным для подвозки к стоящим на рейде кораблям, нельзя понять. Он переполнен, отчаливает переваливаясь.. Вот-вот потонет... Звучат револьверные выстрелы.. Еще не отчалил катер, когда какие-то матросы питались расчистить дорогу полковнику и погрузить чемоданы с документами. Он ушёл сбросив, а не убрав сходни, когда матросы были уже у цели.

Стало светать. Начался обстрел причалов. Нам было сказано, что корабли возьмут нас на следующий день. События этого напряжённого дня помню плохо. Мы снова ввезен на скалах. Пищи и воды не было. Ждали вечера, опять пришли на посадку к Казачьей бухте. Среди недавно прибывших азербайджанцев, в потоке людей, потерявших управление, началась паника. Они кричали, бросались в разные стороны. Кого-то затоптали. Повалили и меня - нельзя было устоять под напором толпы. Спас, выхватил из под ног людей, Устий Иванович Лукьянов, санитарный врач нашей дивизии. Он взял меня за руку и охранял.. На горизонте показались корабли.. Сигнальные огни их сказали, что они не могут взять нас на борт... Подробно и достоверно содержанию сигналов едва ли было доведено до оставшихся здесь, теперь уже потерявших надежду выбраться. Вскоре был разбит снарядом причал. Мы куда-то карабкались по развалинам на мысу /разрушенный маяк?/. Потом нас усадили в стороне от разбредающегося потока людей. Ко мне подошёл полковник, прокурор 172 дивизии, и сказал, что ему поручено было вывезти остатки дивизии на Большую землю, но это не получилось.. Приказано взять на самолёт Людмилу Малыгину и меня... Нал велено ждать, сидя в кружке остального персонала медсанбата. За нами

придут. А как же другие товарищи? - Что будет с ними!.. Самолёты не взлетели.. Полковник не появился больше. Аэродром с его содержимым уничтожался, - взрывы, пожары... Было объявлено, что каждый предоставляется себе.

Все расходятся — кто куда, но в основном на прежние места, в скалы. Иду к морю, выбираю подходящее для своего плана место. Бросаю в волны вещевой мешок и хочу следовать за ним. Но между мною и морем вырастает преграда. Люди стоят сомкнувшись и силою оттесняют меня всё дальше и дальше... Почему они мешают мне?... Можно и иначе найти конец! Идти напролом, - на верную гибель. Идти с отрядом - самым небольшим. Лес мне знаком. Доберусь до Орлиного залёта, Юсуповской фермы. Там перебудим день, ориентируемся и дальше. Не может быть, чтобы нас не ждали в лесу!

Иду вверх по бетонированному спуску от моря. Двадцать лет назад приставала к этому месту на шлюпке яхт-клуба... Наверху, на перекрёстке дорог стоит моряк, - богатырского сложения голубоглазый блондин в брезентовой спецовке. Он держит автомат в руке и то поднимает, то опускает его. Увидев меня - говорит:

- С таким прекрасным оружием, такая масса людей...а вместо боя, - топчемся. Командиров нет. - Если бы повели нас, с земли смели бы немцев!

Голос его срывается от волнения, на глазах слёзы...А я. стою перед ним и оправдываюсь: - Построить сумею хоть десять тысяч. Но ведь это не гражданская война, а современная армия. Надо уметь и надо знать, как справиться с этой обстановкой...

- Я понимаю... - с тоской говорит матрос.

В это время с нами поравнялся чистенький, вылощенный, гладко побритый майор. Видно, - он хорошо выспался, поел и питьё имел. - Не так выглядели люди после этих двух ночей и ряда дней перед ними. Его увлекала куда — то такая же чистенькая медсестра: - Переплывем, товарищ майор, на тот камень и пересидим там, пока все кончится.

Глупо, - но мы останавливает этого майора и просим его организовать людей для отпора врагу. Он стоит некоторое время перед нами и смотрит мимо, а потом ничего не сказав идет за сестрой...

Моряк потрясает автоматом, подняв его высоко над головой, и громко рыдая бежит по полю. Меня мучает чувство вини. Надо было начать что - то делать совместно с матросом.. Направляюсь к своему месту в скалах.

На дороге, возле сложенным столбов вижу группу людей. Это сотрудники санотдела Приморской Армии. - Где профессор, - спрашиваю. - Там, спит за столбами, - отвечают мне. Разбудила его: - Профессор, я знаю лес. Попробуем пройти к Скельской пещере, а затем - к хутору на Яйле. Оттуда выберемся дальше.

- Я мог бы уже быть на Большой земле. Дня- меня было место в самолёте. Но я не мог бросить товарищей.

Люди, бывшие с профессором стали просить взять и их. Они были растеряны, вялые и неспособные к действию. Разговор сам собой прекратился.». Я пошла дальше.

Моими соседями в скалах теперь оказались семь сапёров и боец Чапаевской дивизии. В небольшой пещерке напротив уступа, на котором я висела сидя, закрылись двое: несимпатичного вида сестра и красноармеец. У них было хорошее настроение, они ели и имели питьё. Видимо, тоже решили «пересидеть».

Иначе выглядели сапёры - шесть рядовых и старший сержант, их командир отделения - Павел Волков из 143 отдельной сапёрной бригады. Бойцы вели организованные наблюдения. Они добирались время от времени к своему командиру, сообщая вполголоса о действиях немцев, о положении дел в скалах и вблизи. Сапёры были надо мной и левее, а правее и ниже метра на три и в сторону расположился боец - чапаевец - Тимофеев. На нем были лишь камуфляжные штаны. Сидя на скалке, он чистил свой полуавтомат, пересчитывал запас патронов, подвешенный к поясу в защитного цвета мешочке, и тихо напевал. Мне понравилось его поведение.

Внушал доверие и распорядительный, собранный Волков, - человек громадного роста, плотный, казавшийся очень сильным и выдержанным.

Вскоре я обратилась к своим соседям с такой речью: - Вам все равно не миновать гибели! Так лучше же окончить жизнь в бою, как полагается солдатам, а не сидеть на этих камнях, как старые, бабы на печке. Организуем маленький отряд ив десяти человек. Большому отряду труднее пробраться в лес.. Надо и другим советовать развиться, на такие же отряды. Командиром нашего отряда будет Волков, бойцы - шесть сапёров и Тимофеев, а я буду проводником, медиком и чем-то вроде члена Реввоенсовета времён гражданской войны и начальника политотдела, - пошутила а . Тут же, указав на перебегавшую по камням у моря Марию Байда, посоветовала Волкову спуститься к ней и предложить присоединиться к нашей десятке.

С утра начался такой шквал огня по висящим на скалах людям, что его трудно опирать. В один миг вместо наших шестерых сапёров. Скалы вокруг нас опустели. Немцы заранее расставили: на всех уступах автоматчиков и снайперов. Мы были для них близкой мишенью. Снизившись над скалами сновал взад я вперёд самолёт вражеского корректировщика. Затем один из самолётов очерчивал белым следом круг над морем и через его центр чертил такие же линии направления по радиусам. По ним пролетали самолёты и поливали кручи пулемётными очередями. Затем на. нас обрушились химснаряды. Они падали и шипели в море, которое казалось кипящим. О подготовке к штурму скал и расстановке снайперов и автоматчиков докладывали раньше саперы своему командиру.

Гляжу вдаль - по направлению к Георгиевскому монастырю и вижу правильный квадрат посадки кустов, - их сорок - пятьдесят. И вдруг эта кусты начали двигаться. На нас пошли в атаку танки. Они вели огонь с уступов площадок над кругами... Когда кругом свистело и рушились обломки скал, когда погибли сапёры, мне удалось повернуться, вниз головой и там сползти по скалам до узенькой тропки /Как благодарна я была Московскому

институту физкультуры, учившему меня управляться с передвижениям вниз головой. С неё я прыгнула в довольно объёмистую, но плоскую нишу. Так были обмануты автоматчики немцев, решившие, что я убита. Они преследовали каждого появлявшегося на тропке. Из ниши мне кричали и протягивали руки, укрывшиеся в ней - человек двадцать - среди которых был начальник политотдела нашей дивизии Шафранский, начальник АХЧ штаба Соснин и Мария Байда.

Через некоторое время, когда огонь ещё не совсем затих, начальник политотдела сказал: - Надо торопиться. Промедление смерти подобно.

Все стали подниматься наверх, а я спустилась на тропку и под пулями автоматчиков и снайперов успела добежать до заливчика и грота, куда не залетали пули и осколки - единственного хорошего укрытия.

Это место трудно забыть... В заливчике вытянутой формы, не более 36-40 квадратных метра площадью, вода была кровавая. Он был заполнен трупами..

В глубине его - в скале - высокий, большой грот. По средине его стояла двуспальная кровать. В узком месте заливчика была перекинута на другую, обрывистую его сторону широкая, толстая доска.. Грот был заполнен людьми. На доске тоже стояли в два ряда люди. Она провисала... Перебираться- на другую сторону пришлось акробатическим приёмом. Мне подавали руки с доски. По её ребру, вися над водой, я достигла другой стороны. На минуту передо мной мелькнуло лицо Волкова — значит, он пока жив! Потом я увидела Тимофеева. Он бежал по тропке какими-то невероятными прыжками. Снайпера и автоматчики сосредоточили огонь по его ногам. Пули цокали по камням и пели возле ушей... Тимофеев сорвался, а я продолжала бежать, повторяя его прыжки... Круг обстрела делался всё меньше, а смерть всё неизбежнее.

На склоне оказалась вырытая клинком кора. В ней лежал уже человек. Ноги его не помещались в норе и в сгущающихся сумерках были ещё мишенью для немцев. Мне удалось втиснуться в эту нору. Лежу - дышать

нечем.... А на ум приходит шутка: - Может быть выгоднее спрятать, ноги от пуль? Если голова будет снаружи - станет легче дышать, смогу заметить, что умерла.

Сумерки сгустились и наступила темнота, достаточная, чтобы выйти из укрытия /21,30?.../. Перед глазами ещё стоят картины: - Яркое солнце, палючий зной. Люди стоят и ждут, или сидят и ждут: - когда их ранит настолько, чтобы они истекли кровью и наступил конец... Грустные, но полные решимости принять неизбежное глаза.... Никто никого не перевязывает. Нечем, да и не к чему - всё равно надо умереть... Мимо моей норы проходят люди. Приглушённый топот. Присоединяюсь к ним. Это отряд. Тревожный вопрос: - Кто?! - Отвечаю: - Военврач Цвангер. Чьё-то радостное восклицание: Мы уже взобрались до верхней грани кручи. Сверху к нам бежит человек: - Пройти нельзя. Все погибли, кто шёл с нашим отрядом, - говорит он срывающимся голосом.

Заколебался и этот отряд, - не находили люди в себе силы выскочить в поле навстречу смерти. Командира не видно... Тогда я взобралась туда и несколько раз, как всегда делала, подбадривая детей в игре, весело крикнула сверху: - Вперёд! Вперёд!.... Через некоторое время овладел собой и командир отряда. Люди успели пройти за мною лишь несколько десятков шагов, когда он скомандовал: - По-пластунски! Мы залегли и поползли. Я была впереди всех на левом фланге. В засаде - в окопах - оказались одетые в нашу форму немцы. Их автоматная очередь уложила меня в пятистах-шестистах шагах от круч....

Словно раскалённый прут вонзился в мою грудь, а потом стянул меня как верёвкой. Потом почувствовала страшную боль в животе и провалилась в небытие....

Солнце было уже высоко, когда я открыла глаза. Тишина. Во рту кровь. Правая рука мне не повинуется. С трудом подняла левую руку. Пощупала раздувшуюся шею. От распухшего лица к правому плечу — сплошная опухоль. То же над ключицей. Надавливаю - хрустящий скрип.

Пневмоторакс. Подкожная эмфизема /Это значит, что прострелено правое лёгкое и воздух в него проникает под кожу/. Ранен живот.

Потом обрадовал запах чабреца и полыни. Они возле моего лица, - на них лежит моя голова... Закашлялась, захлебнулась кровью и опять потеряла сознание..

Лежа в поле под огнём артобстрела получила ещё ранение осколками. Ранены ноги, голова и лицо... Очнулась в безразличии шока. Удалось повернуть голову, чтобы кровь сама вытекала изо рта. Выплёвывать её не могу - ранен рот и нижняя челюсть. Пытаюсь сделать глоток - начинается кашель, а с ним и страшная боль в животе. Снова теряю сознание. Когда пришла в себя, не могла понять - как оказалась закрытой плащ - палаткой? Она была одета в скатке через левое плечо. Кажется мимо меня проходила моя последняя помощница - аптекарша 514 полка... Но может быть то был бред?!

Мимо меня быстро пробегает пригнувшись среднего роста немец. Он мечется по полю и что-то кричит в невидные мне окопы. Потом поднимается общий крик: - Здесь немецкие солдаты /по немецки - разумеется./

По-видимому, немцы приняли своих, маскировавшихся в наши каски и плащ-палатки, за части Красной Армии и подвергли это поле артиллерийскому обстрелу. Я была контужена и не обратила внимания на гул артиллерии , хотя слух сохранился /оторван был кусочек уха/.

Долго лежала я в поле, то приходя в себя, то теряя сознание. Шевелиться не могла. Мешали огнестрельные переломы многих рёбер. Голова работала чётко. Тяжёлых мыслей не было. Если, наша задача, была - задержать немцев у Севастополя, чтобы облегчить положение дел на других фронтах, то жертвы оправданы. Потеря остатков флота при попытке спасти нас, действующих лиц Севастопольской трагедии, - слишком большой риск... Терять корабли без возможности спасти раненых и немногих не задетых огнём сражений - не решились.... Мысль была занята, сознанием выполненного долга... Состояние полного изнеможения от потери крови и

ясная близость смерти избавляли меня от необходимости что-нибудь придумывать. Таков был мой переход из строя к негодности для выполнения боевой задачи.

Так было до закатного часа 3-го июля 1942 года, когда меня нашли в поле врачи и сестры нашего медсанбата, собиравшие раненых, погрузили на машину и привезли за колючую проволоку. Начался плен....

1959 – 1962 Евпатория, сан. «Чайка», Цвангер Л.Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Воспоминания австрийского хирурга Петера Бамма о медицинском обеспечении советских военнопленных после окончания битвы за Севастополь в 1942г.[703]

Мы выехали за пределы города. На виноградных холмах южных окраин Севастополя, там, где некогда Ифигения глядела через Понт Евксинский на Геллу, русские оставили своих раненных. Многие тысячи их лежали на земле между кустами виноградника. Несколько дней они уже не ели, сорок восемь часов не пили. Хирургической помощи большинству оказано не было. Солнце часами жгло их. Страдания этих опрокинутых войной на землю людей не поднималось воплем к небесам, а стояли над холмом тяжелым стоном. Дальше в низине, виднелась изгородь, за которой было собрано около тридцати тысяч военнопленных. Оттуда иногда доносились выстрелы. Ромбах и я посмотрели друг на друга. Что станет с раненными? Можно сделать десять, сто операций, но не две или три тысячи. Это потребует многих дней, тем временем сотни из них погибнут. Кроме того, все уже умирают от жажды.

Ромбах поехал в Симферополь - достать на армейском складе все, что можно: палатки и хирургические инструменты, перевязочный материал и медикаменты. Я пошел к коменданту лагеря. Вежливый австриец из Вены. Его палатка находилась около загородки. Я представился и сообщил, что

[703]Оксана Дворниченко. Клеймо: судьбы военнопленных.- М.: Культурная революция, 2016, с.277-278

имею приказ позаботиться о раненных военнопленных и нуждаюсь в его помощи. Доброжелательно улыбаясь, он спросил: Вам нужен пулемет?

Через переводчиков в лагере военнопленных было передано приказание врачам и фельдшерам выйти вперед. Но никто не вышел. Русские были полны недоверия. В конце концов, мы нашли одного хирурга, отец которого был профессором Петербургского университета. Ему я объяснил, в чем дело. Он разыскал врачей. Сдача крепости, сопротивлявшейся с большой храбростью и ожесточением почти три четверти года, подавила побежденных. Побежденный всегда деморализован, русские были в полной апатии. Они почти не реагировали на то, что им говоришь.

Мы составили вместе две палатки и связали вход с крышей из обыкновенной палатки. Внизу они были открыты, чтобы дать доступ свежему ветерку. Под этими крышами поставили операционные столы, так что они были на свежем воздухе, и при этом операция проводилась в тени. Вечером русские врачи приступили к операциям на двенадцати столах. В этот день было сделано свыше ста операций. Сложным маневром удалось освободить из плена всех врачей и фельдшеров.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. Список уничтоженных и выведенных из строя минно-торпедной группой оборонительного района М.Я. Халеева объектов Севастополя.[704]

1. Недостроенные и ремонтируемые корабли;
2. Оборудование всех штолен в Инкермане;
3. Станочное и другое оборудование Спецкомбината №1, расположенного в штольнях торпедного склада №5 в Троицкой балке;
4. Станочное и другое оборудование завода №201;
5. Флагманский командный пункт с телефонной станцией;
6. Плавсредства;
7. Наш боезапас и имущество с оборудованием в Сухарной балке;
8. Северная ГРЭС №2;
9. Северный док;
10. Почта (уничтожена не была).

[704] Халеев М.Я. Дневник севастопольского минера: Дневники. Очерки.- СПб.: АПИ, 2014, с.86

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Завещающийся этап обороны Севастополя. Июнь-июль 1942г.[705]

История второй мировой войны 1939–1945 г г.

[705] История второй мировой войны 1939-1945гг. в 12 томах. М.: Воениздат, 1973-1982.Том 6. Коренной перелом в войне.- М.: Воениздат, 1976. 520с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7. Обстановка на советско-германском фронте в конце июня 1942г.[706]

[706] История второй мировой войны 1939-1945гг. в 12 томах. М.: Воениздат, 1973-1982.Том 6. Коренной перелом в войне.- М.: Воениздат, 1976. 520с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8. Сектор стрельбы и район расположения целей относительно орудия «Дора».[707]

Сектор стрельбы и район расположения целей относительно позиции орудия «Дора»

[707] Широкорад А.Б. Время больших пушек: Битвы за Ленинград и Севастополь.- М.: АСТ, 2010, с.514.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9. Приложение 2. Партизанские формирования и их численность за 1941-1942гг. на территории Крымской АССР.[708]

Сентябрь-октябрь 1941г.		Январь 1942г.		Июнь 1942г.		Декабрь 1942г.	
Отряды и группы	Общая численность	Отряды и группы	Общая численность	Отряды и группы	Общая численность	Отряды и группы	Общая численность
27	3734	25	3000	25	2822	6	760

Приложение 10. Результаты боевых действий партизан за 1941-1942гг. на территории Крымской АССР.[709]

Уничтожено	Крымская АССР
Солдат и офицеров противника	12000
Воинских эшелонов	3
Паровозов	-
Вагонов	-
Мостов	90
Самолетов	-
Танков и бронемашин	5
Автомашин	1500
Складов и баз	1
Артиллерийских орудий	2
Минометов и пулеметов	-
Штабов и гарнизонов	-
Проводов телефонной и телеграфной связи (в км.)	20
Гужевых повозок	50

[708] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной Войны 1941-1945гг.). Жуковский-М.: Кучково поле, 2001, С.139
[709] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной Войны 1941-1945гг.). Жуковский-М.: Кучково поле, 2001, С.161

Приложение 11. Количество партизан Крыма, награждённых правительственными наградами за годы Великую Отечественную войну[710]

Год	Награждено 5 раз	Награждено 4 раза	Награждено 3 раза	Награждено 2 раза	Награждено 1 раз	Всего
1944	-	-	11	224	343	558
1946	1	38	111	216	682	1048

[710] Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной Войны 1941-1945гг.). Жуковский-М.: Кучково поле, 2001, С.260